

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Т.В. Носенко

**АРАБО-ИЗРАИЛЬСКИЙ КОНФЛИКТ
В РАКУРСЕ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКИ:
ДОСТИЖЕНИЯ И ПОТЕРИ
(1950-е – 1967 гг.)**

Москва

2023

УДК 327.5
ББК 66.4
Н84

*Рекомендовано к печати
Ученым советом Института востоковедения РАН*

Ответственный редактор
к.и.н. Т.А. Карасова

Научные рецензенты:

И.Д. Звягельская, чл.-корр. РАН, д.и.н., ИМЭМО РАН
В.А. Исаев, д.э.н., Институт стран Азии и Африки
МГУ им.М.В. Ломоносова

Носенко Т.В.

Н84 Арабо-израильский конфликт в ракурсе советской политики: достижения и потери (1950-е – 1967 гг.) / Отв. ред. Т.А. Карасова. – М.: ИВ РАН. – 2023. – 344 с.

ISBN 978-5-907671-54-6

Монография посвящена политике СССР в арабо-израильском конфликте с начала 1950-х гг. до Шестидневной войны в июне 1967 г. Работа построена на методологии многоуровневого исследования советской политики в региональном конфликте. В ней рассматриваются развитие отношений со странами зоны конфликта, советская региональная политика в ракурсе противостояния с США на почве арабо-израильского конфликта, а также анализируется влияние некоторых факторов советской внутренней политики на формирование ближневосточного курса в зоне конфликта. Работа предназначена для специалистов-политологов, историков, студентов, занимающихся Ближним Востоком, а также может представлять интерес для широкого круга читателей.

**УДК 327.5
ББК 66.4**

ISBN 978-5-907671-54-6

© Носенко Т.В., 2023
© ФГБУН ИВ РАН, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Вступление СССР на ближневосточную арену	
1.1. СССР и арабские страны зоны конфликта: начало пути	21
1.2. Советско-израильские отношения в 1950–1953 гг.	23
1.3. Некоторые аспекты ближневосточной политики США и Англии	28
1.4. Советская позиция по арабо-израильскому конфликту 1953–1954 гг.	32
1.5. Советско-египетское соглашение по оружию	36
1.6. СССР – Египет: поиски взаимопонимания	48
1.7. Советско-израильские отношения 1954–1955 гг.: конфронтация нарастает	51
1.8. Первые шаги СССР в урегулировании конфликта	58
1.9. Советская политика в Суэцком кризисе: в преддверии войны	64
1.10. Советская политика в период военных действий на Ближнем Востоке в 1956 г.	70
1.11. «Ракетные ноты» Хрущева: реальная угроза или блеф?.....	81
Глава 2. Советская политика в ближневосточном конфликте в 1957–1964 гг.	
2.1. Роль Советского Союза в урегулировании после Суэцкого кризиса	107
2.2. Ближний Восток – арена холодной войны: формирование параметров противостояния	115
2.3. Особенности советского продвижения на Ближнем Востоке во второй половине 1950-х гг.	121
2.4. Отношения СССР с Египтом	128
2.5. Отношения СССР с Израилем	133
2.6. Советская позиция по арабо-израильскому конфликту в условиях разрывания холодной войны	139

Глава 3. Советская политика накануне и в период арабо-израильской войны в 1967 г.

3.1. Египет в центре внимания нового советского руководства	160
3.2. Советско-сирийские отношения	168
3.3. Отношения СССР с Израилем	175
3.4. Особенности советского подхода к арабо-израильскому конфликту	183
3.5. «Хотели ли русские войны»: советская политика в условиях роста напряженности в зоне конфликта	192
3.6. Советская политика в майском кризисе 1967 г.	204
3.7. Советская политика в период военных действий на Ближнем Востоке	225
3.8. СССР в новом статусе	237
3.9. Несправедливые упреки	240
3.10. Разногласия в советском руководстве не препятствуют единству	242

Глава 4. Советская политика в период после шестидневной войны (июнь – ноябрь 1967 г.)

4.1. Задачи СССР в послевоенный период	262
4.2. СССР и Египет после войны: исправление ошибок	269
4.3. Израилю отводится роль главного врага	277
4.4. Поиски формулы политического урегулирования в ООН	283
4.5. У Насера своя игра	296
4.6. Завершающий этап разработки резолюции ООН	301
Заключение	323
Источники и литература	331
Алфавитный указатель	339

*Мы слишком часто бываем
в размолвке с нашим прошлым,
чтобы о нем хорошо подумать.*

И. Эренбург «Люди, годы, жизнь»

ВВЕДЕНИЕ

Отечественная и зарубежная историография по советской политике на Ближнем Востоке после Второй мировой войны обширна и многообразна. В XXI в. интерес к этой теме не ослабевает как у российских, так и у зарубежных исследователей. Это и понятно, так как рассекреченные архивные материалы в России и за рубежом, публикация многочисленных мемуаров участников событий с советской стороны открывают возможности для более глубокого понимания политики СССР в этом стратегически важном регионе мира. В ряде вопросов это позволило перейти из области догадок к более определенным суждениям, особенно в том, что касается процесса принятия внешнеполитических решений в высших эшелонах советской власти.

В этой работе предпринимается еще одна попытка систематизации знаний, накопленных к настоящему времени в ходе исследований советской ближневосточной политики, прежде всего, связанной с арабо-израильским конфликтом. Это тем более важно, что в последние десятилетия появляются работы, в которых роль СССР в ближневосточных событиях серьезно искажается. Поэтому одной из задач этой работы было опровержение тенденциозных версий, авторы которых, манипулируя фактами и документами, создают ложную картину исторических событий.

Для целей исследования был использован метод системного анализа, то есть рассматривалось несколько уровней советской внешнеполитической активности в связи с ближневосточным конфликтом. Во-первых, место ближневосточного направления как в двусторонних отношениях СССР со странами Запада, в первую очередь с США, так и в многосторонней дипломатии в ООН. Во-вторых, региональная политика Советского Союза, характер его отношений с Египтом и Сирией, странами зоны конфликта, и его возможности оказывать влияние на их политику в отношении Израиля; особенности отношений с Израилем и причины их отрицательной динамики на протяжении 1950–1960-х гг. Третий уровень анализа касается некоторых внутривнутриполитических факторов, которые могли оказывать влияние на формирование ближневосточной политики: разногласия в высшем руководстве относительно внешнеполитического курса на международной арене в целом, роль личных взглядов и особенностей характера высших партийно-государственных руководителей, роль военных.

Кроме того, исследование любого аспекта внешней политики СССР представляется неполным без анализа ее доктринальных основ, построенных на положениях марксистско-ленинской теории, незыблемость которых не подвергалась сомнению в партийно-правительственных кругах. В свое время академик А.М. Васильев назвал мессианскими устремлениями нацеленность советской политики на продвижение идей социализма в третьем мире через поддержку борьбы народов за освобождение от колониальной и полуколониальной зависимости¹. Этому мессианству, то есть настойчивому продвижению по всему миру марксистско-ленинской идеологии как единственно верной, отводится немного места в современных отечественных и зарубежных работах, касающихся формирования советской ближневосточной политики. До сих пор в научной среде ведутся дискуссии о том, что превалировало в советских устремлениях на международной арене – чисто прагматические цели установления политического и военного влияния или задача распространения социалистической модели общественного и экономического устройства советского образца в различных регионах мира. Метод контент-анализа разного рода документов – публичных заявлений и выступлений советских государственных

деятелей, с одной стороны, и закрытой дипломатической переписки и конфиденциальных переговоров – с другой – позволяет приблизиться к пониманию того, как идеологическая фразеология становилась формой, в которую сверхдержава облекала свои претензии на лидирующую роль в ближневосточном регионе. Это также дает представление о том, как пропагандистские задачи во внутренней политике и на международной арене влияли на принятие соответствующих решений по Ближнему Востоку.

К этой теме непосредственно примыкает вопрос о роли советской академической науки в формулировании задач внешней политики. Советские ученые работали в основном в русле методологических установок, задаваемых партийными идеологами из ЦК КПСС. Представляется интересным проследить, являлись ли академические исследования по Ближнему Востоку всего лишь инструментом обслуживания политических и идеологических задач государства или они вносили свой вклад в переработку марксистско-ленинских догм и их приспособление к современным реалиям.

В советской литературе было принято употреблять термины «арабо-израильский конфликт» и «ближневосточный конфликт» как взаимозаменяемые, и автор следует этой традиции. Во избежание путаницы необходимо напомнить, что, в отличие от современного политического языка, на первых этапах конфликта в 1950–1960-х гг. в документах ООН весь комплекс арабо-израильских противоречий называли палестинским вопросом или палестинской проблемой. Сегодня этот термин обозначает только проблему реализации прав палестинского народа, которая приобрела значение на более поздних этапах конфликта.

Автор не ставила своей задачей рассмотрение всего комплекса тем, связанных с ближневосточной политикой Советского Союза, таких, например, как советское проникновение на Аравийский полуостров или двусторонние отношения с Ираком и Алжиром. Даже сюжеты, касающиеся советско-ливанских или советско-иорданских отношений, практически остались вне поля зрения этого исследования, хотя и Ливан, и Иордания являются непосредственными участниками конфликта с Израилем. И это не случайно, так как в ближневосточном конфликте СССР делал ставку, прежде

всего, на сохранение в своей орбите Египта – лидера арабского мира в тот исторический момент – и Сирии, занимающей важную стратегическую позицию на Ближнем Востоке. Именно в этих странах на волне антиколониальной борьбы установились режимы, наиболее близкие Советскому Союзу по антиимпериалистической, антизападной направленности их политики. Их потребности в обеспечении собственных оборонных нужд и в реализации планов экономического развития нашли отклик в Москве, что позволило Советскому Союзу постепенно укреплять свои политические и военные позиции в этих странах, в том числе и за счет их поддержки в арабо-израильском конфликте.

Следует отметить, что в этой монографии более подробно освещены все детали и перипетии отношений СССР с Египтом, чем с Сирией. Причем в зависимости от ситуации употребляется название Объединенная Арабская Республика (ОАР), которое фигурирует во всех советских документах применительно к Египту в 1960-х гг.* Акцент на отношениях с Египтом связан с тем, что по теме советско-египетских отношений имеется гораздо больше документальных материалов и мемуаров, чем в случае с Сирией. И все же ситуации, в которых Сирия выступала ключевым участником конфликта, нашли отражение в монографии.

Советско-израильские отношения рассматриваются в монографии исключительно в контексте арабо-израильского конфликта. Автор сознательно не затрагивала темы израильского ядерного проекта и отношения к нему в СССР, прежде всего, из-за отсутствия достаточных документов и свидетельств по этому вопросу с советской стороны. Проведенное исследование, по крайней мере, не выявило каких-либо связей между израильским ядерным потенциалом и формированием советской политики в отношении конфликта.

Что касается третьих стран, то, естественно, основное внимание уделено советско-американским отношениям на почве арабо-израильского конфликта, хотя этот вопрос стоял на повестке дня в отношениях СССР и со странами Западной и Восточной

* Египет сохранил за собой название Объединенная Арабская Республика после распада политического союза с Сирией в 1961 г.

Европы, и со странами афро-азиатского мира. Но в условиях холодной войны арабо-израильский конфликт был вписан в системное противостояние двух сверхдержав, перенесенное на почву Ближнего Востока. В работе важно было подтвердить, что это противостояние усугубляло конфликтную ситуацию. А с другой стороны – высветить некоторые малоизвестные факты, как стороны конфликта успешно манипулировали в своих интересах страхами своих покровителей перед продвижением позиций противника в регионе. Это еще больше осложняло выход из конфликтной ситуации и способствовало усилению советско-американского антагонизма.

Структура работы построена по хронологическому принципу. Отправной точкой исследования является первая половина 1950-х гг., когда началось активное проникновение СССР в ближневосточный регион и стали прорисовываться некоторые позиции по арабо-израильскому конфликту. Завершающее событие в этом исследовании – третья арабо-израильская война в июне 1967 г., в результате которой Советский Союз значительно активизировал свою роль в поисках урегулирования конфликта. На этом историческом отрезке – чуть более десяти лет – Советский Союз добился таких успехов в проникновении на Ближний Восток, которых Россия никогда не знала в прошлом на различных исторических этапах. Были установлены тесные отношения с арабскими странами зоны конфликта и преодолено блокирование западными державами в послевоенные годы участия СССР в решении проблем арабо-израильского конфликта. Благодаря связям с Египтом и Сирией Советский Союз занял важные военно-стратегические позиции в районе Средиземноморья.

Этот период можно условно разделить на два этапа, первый из которых, начавшись еще в сталинскую эпоху, продлился до 1964 г. – до момента отставки Н.С. Хрущева с поста главы партии и государства. Первые две главы как раз посвящены этому историческому периоду. 1950-е годы характеризовались повышением интереса Советского Союза к ближневосточному региону в связи с тем, что западными странами был взят курс на выстраивание там военно-политической архитектуры, которая могла бы использоваться для сдерживания СССР. Советское проникновение на

Ближний Восток в значительной степени стало ответом на эту политику, считавшуюся вызовом безопасности СССР.

В первой главе рассматриваются причины выбора именно Г.А. Насера в качестве партнера для продвижения советских интересов, а также цели и задачи египетского руководства, ставившиеся при развороте в сторону Советского Союза. При этом изучается вопрос, почему советское руководство проявляло особую осторожность, начав завоевание арабского мира с поставок больших объемов вооружения Египту в рамках так называемой Чехословацкой сделки.

Большая часть первой главы посвящена советской политике во время Суэцкого кризиса 1956 г., который был важным этапом в арабо-израильском конфликте. Здесь необходимо было подчеркнуть, что СССР впервые выступил реальным игроком на ближневосточной арене как на стадии политических усилий по предотвращению кризиса, так и в период военных действий.

Во второй главе затрагивается период с 1957 по 1964 г., когда складывалась характерная для периода холодной войны система «клиентских отношений» между сверхдержавами и странами Ближнего Востока. В зоне конфликта формировалась ориентация Египта и Сирии на Советский Союз, а Израиля – на Соединенные Штаты. Большой раздел посвящен подробному анализу советской позиции в постсуэцком урегулировании. Эта тема в отечественных работах раскрыта довольно поверхностно и схематично. Также ставилась задача выяснить, насколько советская политика в кризисных ситуациях на Ближнем Востоке во второй половине 1950-х гг. была продиктована исключительно оборонительными целями обеспечения безопасности в южном «подбрюшьи» СССР в связи с принятием доктрины Эйзенхауэра, а в какой мере она диктовалась наступательными устремлениями включить регион в советскую орбиту и оторвать арабские страны (речь идет, конечно, прежде всего, о Египте и Сирии) от западного лагеря. В этой главе автор также стремился показать, как советская позиция в арабо-израильском конфликте, выражавшая практически безоговорочную солидарность с арабской стороной, становилась инструментом в сглаживании противоречий и сложностей в отношениях с насеровским Египтом. В то же время военная и политическая под-

держка врагов Израиля не только неуклонно ухудшала советско-израильские отношения, но и создавала дополнительный стимул для наращивания его военного потенциала.

Основной темой третьей главы является советская политика накануне и в период июньской (Шестидневной) войны 1967 г. Помимо рассмотрения самой исторической канвы событий, автору было интересно проанализировать развитие советского взгляда на арабо-израильский конфликт на основании документального материала и монографических работ советских востоковедов, которые являются своеобразными свидетельствами эпохи. Кроме того, ставилась задача выяснить, действительно ли Советский Союз сыграл решающую роль в подталкивании арабов к войне, как это принято интерпретировать во многих зарубежных исследованиях, или сама логика арабо-израильского противостояния неминуемо вела к военной вспышке. Подробный анализ советско-американского взаимодействия в ходе третьей арабо-израильской войны дает возможность оценить, насколько повысилась роль СССР в событиях на Ближнем Востоке.

Глобальные и региональные риски, возникшие в ходе войны, заставили советское руководство активизировать свое участие в поисках путей политического урегулирования конфликта. Четвертая глава работы как раз посвящена анализу действий СССР в политическом процессе разработки формулы для установления мира на Ближнем Востоке, который развернулся в рамках ООН по завершении военных действий.

Работа построена на изучении *объемной базы документов* как российских, так и зарубежных ведомств, участвовавших в принятии решений по внешнеполитическим вопросам. Обширный свод документов по ближневосточному конфликту из архива Министерства иностранных дел РФ за период до 1967 г., опубликованный в двух томах, позволяет составить представление о принципиальных советских позициях по ряду региональных вопросов и о подходах к ближневосточному урегулированию². Специфика советско-израильских отношений, к сожалению, только самого раннего периода – до 1953 г. – отражена в сборнике документов, изданном в двух томах в 2000 г.³ В СССР было опубликовано два сборника с подборкой официальных документов и материалов, ко-

которые дают возможность оценить советскую политику на Ближнем Востоке в ее открытом, публичном проявлении и очень наглядно демонстрируют идеологический окрас советского внешнеполитического дискурса⁴.

Очень полезные сведения о характере советско-египетских и советско-сирийских отношений во время Шестидневной войны были почерпнуты из документов, представленных В.В. Беляковым в сборнике «Брежнев и Насер 1965–1970»⁵.

В работе также использовались документы из Российского государственного архива новейшей истории, в частности материалы из фонда 5, содержащие документы отдела пропаганды секретариата ЦК КПСС и позволяющие составить представление о внутриполитическом аспекте советской политики в ближневосточном конфликте. Материалы Архива внешней политики Российской Федерации были интересны в силу представленных в них обзоров арабской прессы, в которых отражены не только официальные позиции, но и настроения общественности по вопросам конфликта.

Закрытость архивных материалов советских военных ведомств и спецслужб, принимавших непосредственное участие в выработке внешнеполитических решений, до сих пор серьезно сужает возможности проведения исторических исследований в этой области.

В монографии использовались также документы, представленные в электронных архивных сборниках Государственного департамента США⁶ и ЦРУ⁷. Американские дипломаты и спецслужбы очень внимательно отслеживали состояние советско-арабских отношений, в частности характер и уровень советского военного присутствия в регионе и объем военной помощи, оказывавшейся Египту и Сирии. Надо отметить, что и в рассекреченных американских документах сохраняется немало купюр в тех разделах, которые касаются оценок советской ближневосточной политики или рекомендаций в отношении действий США по противостоянию СССР.

В исследовании использовался обширный *мемуарный материал*. Мемуары Н.С. Хрущева представляют собой ценный источник для понимания взглядов советского лидера, руководившего страной с 1953 по 1964 г.⁸ Воспоминания В.М. Молотова⁹, министра иностранных дел СССР до 1956 г., и А.А. Громыко¹⁰, бессменного министра иностранных дел на протяжении почти 30 лет, отража-

ют образ мышления, присущий высокопоставленным советским руководителям. Важным дополнением к советским документальным источникам являются мемуары таких известных советских дипломатов, как посол в Вашингтоне А.Ф. Добрынин¹¹, посол в Каире В.М. Виноградов¹², посол В.И. Колотуша¹³, высокопоставленный советский дипломат В.Л. Исраэлян¹⁴. Интересную информацию об исторической эпохе 1950-х – начала 1970-х гг. можно почерпнуть из мемуаров В.А. Кирпиченко, многие годы работавшего в советских резидентурах внешней разведки в ряде арабских стран¹⁵.

Ряд важных оценок концептуальных основ советской ближневосточной политики представлены в мемуарах К.Н. Брутенца, являвшегося на протяжении нескольких десятилетий ответственным сотрудником Международного отдела ЦК КПСС¹⁶. О некоторых военных аспектах советского участия в конфликте на Ближнем Востоке в 1967–1973 гг. можно судить по воспоминаниям советских военных специалистов, находившихся в то время в Египте и Сирии¹⁷. Все эти свидетельства, хоть и не лишённые субъективности, вносят свой вклад в воссоздание реальности прошлого.

Среди зарубежной мемуарной литературы, относящейся к теме исследования, необходимо выделить работы М. Хейкала, сподвижника Г.А. Насера, известного египетского журналиста и публициста¹⁸. В этом исследовании его работы отнесены именно к мемуарному жанру, поскольку он лично был свидетелем встреч египетских лидеров с советским руководством, имел доступ к закрытым материалам, касающимся советско-египетских отношений. С израильской стороны интерес представляли мемуары израильских государственных деятелей Г. Меир¹⁹, М. Даяна²⁰, А. Эбана²¹, на основании которых можно составить представление об отношении к советской политике в ближневосточном конфликте в высших эшелонах израильской власти.

В *советской/российской историографии* ближневосточному конфликту посвящено огромное количество *монографических исследований*, статей, публицистических работ. В них в той или иной степени затрагиваются различные аспекты советской политики на Ближнем Востоке, в том числе в арабо-израильском конфликте. В этой монографии большое внимание было уделено ра-

ботам наиболее известных советских ближневосточников и арабистов, поскольку в них, как представляется, довольно отчетливо отображалось развитие советского взгляда на ближневосточную ситуацию в целом и на арабо-израильский конфликт в частности. В работах патриарха отечественных ближневосточных исследований академика Е.М. Примакова²² основной темой была критика американской ближневосточной политики, и это определенно говорит о том, что преобладающей задачей советского государства являлось противостояние американскому продвижению на Ближнем Востоке. В 2006 г. появилась книга Е.М. Примакова «Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века)», сочетающая в себе жанры научного исследования, публицистики и мемуаров²³. В ней Е.М. Примаков уже более свободно рассуждает о советской ближневосточной политике, приводит советские документы, часть из которых впервые оказались в открытом доступе для широкого читателя.

В начале 1990-х гг. появилась одна из наиболее значительных работ по советской политике на Ближнем Востоке «Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму»²⁴. Ее автор, академик А.М. Васильев, не только описал развитие отношений со странами этого региона мира с момента создания советского государства, но и одним из первых показал функционирование советских политических и бюрократических структур в связи с общественно-политической обстановкой, которая складывалась в странах Ближнего и Среднего Востока. Особая ценность этой работы в том, что в ней посредством многочисленных интервью с представителями различных советских ведомств раскрывается значение личностного фактора, т.е. поведения и взглядов людей, непосредственно участвовавших в формировании и осуществлении политики. Работа А.М. Васильева и сегодня представляет собой ценный материал для изучения советской ближневосточной политики.

Работы известных советских специалистов по Ближнему Востоку А.З. Егорина²⁵ и Е.Д. Пырлина²⁶ интересны тем, что их авторы, будучи сотрудниками советских внешнеполитических ведомств, являлись непосредственными участниками описываемых в монографии событий.

Монографии²⁷ И.Д. Звягельской, ведущего российского специалиста по Ближнему Востоку, по истории Израиля, написанные уже в 2000-е годы, содержат обширный материал по истории ближневосточного конфликта. Автор подробно рассматривает основные этапы и планы его урегулирования, в том числе развитие советской позиции по этому вопросу. Для понимания американского курса на Ближнем Востоке важна работа известного российского израилеведа, специалиста по международным отношениям на Ближнем Востоке Т.А. Карасовой «Израиль и США. Основные этапы становления стратегического партнерства, 1948–2014»²⁸. Большое и прекрасно документированное исследование В.П. Румянцева по политике западных держав и СССР в период Суэцкого кризиса²⁹ является хорошей основой для дальнейшего развития этой темы.

Одной из самых интересных работ по советской политике в ближневосточном конфликте представляется монография Р.Д. Даурова «Долгая шестидневная война: победы и поражения СССР на Ближнем Востоке»³⁰. Работа дает весьма широкое представление о путях формирования советской ближневосточной политики, при этом автор старался избегать ее критических оценок.

Коллективная монография по ближневосточной политике великих держав и арабо-израильскому конфликту, написанная авторами Нижегородского государственного университета³¹, содержит много документального материала. Но слишком большой хронологический охват, видимо, не позволил авторам углубленно проанализировать советскую политику в конфликте. Монографии А.М. Хазанова и А.Ю. Олимпиева о войнах на Ближнем Востоке и дипломатии великих держав на Ближнем Востоке в годы холодной войны³² хоть и вносят вклад в воссоздание исторической картины тех лет, но в них недостает источниковой базы и ссылок на современные монографические исследования.

Важный материал по военной политике СССР в арабо-израильском конфликте в 1950-е – 1960-е гг. содержится в соответствующем разделе коллективной монографии «Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века», изданной Институтом военной истории Министерства обороны РФ.

Работы известного российского арабиста В.А. Исаева позволили составить представление об исследовании экономических проблем арабских стран в советское время³³.

Среди *работ зарубежных авторов* следует выделить ставшую уже классической монографию американского специалиста по Ближнему Востоку У. Квандта «Десятилетие решений. Американская политика в отношении арабо-израильского конфликта, 1967–1976»³⁴, в которой уделяется внимание советскому участию в ближневосточных делах в этот период. В изучении периода 1950-х гг. были использованы работы британских авторов К. Кайла «Суэц. Конец Британской империи на Ближнем Востоке» и А. фон Тунзельман «Кровь и песок. Суэц, Венгрия и кампания Эйзенхауэра за мир»³⁵, в которых содержится большой фактический и документальный материал и рассматривается роль Советского Союза в Суэцком кризисе.

В *зарубежной историографии* лидерство в изучении советской политики на Ближнем Востоке принадлежит израильским исследователям. Одной из ранних работ, непосредственно посвященных советско-израильским отношениям, является монография израильского дипломата А. Дагана «Москва и Иерусалим. Двадцать лет отношений между Израилем и Советским Союзом»³⁶. Хотя она была издана в 1970 г., но не утратила своей ценности и пятьдесят лет спустя из-за большого объема документального материала, который удалось собрать автору. Еще в 1974 г. сотрудник Иерусалимского университета Я. Рои подготовил работу под названием «От наступления до вмешательства. Документированное исследование советской политики на Ближнем Востоке»³⁷, которая может быть одновременно отнесена и к разделу источников, и к разделу монографических исследований. В ней документальный материал, отражающий в том числе советскую позицию по ближневосточному конфликту, сопровождается комментариями и анализом автора. В 2008 г. под редакцией Я. Рои и Б. Морозова вышел сборник статей «Советский Союз и Шестидневная война в июне 1967 г.»³⁸. В нем содержатся, как представляется, наиболее полные с точки зрения научной методологии и уровня документированности исследования различных аспектов советской политики в этот поворотный для всего Ближнего Востока момент.

В 1990 г. ведущий израильский советолог Г. Голан опубликовала большую монографию о политике СССР на Ближнем Востоке³⁹. Это исследование отличает очень высокий уровень аналитики, но его существенным недостатком является отсутствие советской документальной базы.

Монография израильского автора М. Орена «Шесть дней войны. Июнь 1967 и формирование современного Ближнего Востока»⁴⁰, одна из лучших работ по этой теме за последние два десятилетия, содержит подробный анализ советской политики, основанный как на архивных документах, так и на беседах автора с участниками событий. Другой современный израильский историк Г. Ларон в своей работе «Шестидневная война. Слом Ближнего Востока»⁴¹ приводит целый ряд новых соображений о причинах и характере третьей арабо-израильской войны. В монографии также приводится ряд новых документов и сведений, в том числе о роли СССР в этих событиях.

Работу израильского автора Бар-Симан Тоба «Израиль, сверхдержавы и война на Ближнем Востоке»⁴², безусловно, можно назвать одной из лучших в раскрытии темы влияния США и СССР на развитие событий в периоды военной фазы арабо-израильского конфликта.

* * *

Я благодарна всем моим коллегам из отдела изучения Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН, принявшим участие в обсуждении этой монографии. Особенно хочется поблагодарить Дмитрия Александровича Марьясиса (заведующего отделом в момент обсуждения монографии), Татьяну Анисимовну Карасову, всегда помогавшую в выполнении моих замыслов, моих рецензентов Ирину Доновну Звягельскую и Владимира Александровича Исаева за ценные замечания по этой работе. Особая благодарность моему мужу Владимиру Ивановичу Носенко, первому читателю и критику всех моих работ.

Хочу выразить признательность Л.Ю. Теняковой за тщательную и конструктивную редакторскую работу над этой монографией.

Большое спасибо сотрудникам Архива внешней политики РФ за предоставленные фотографии.

¹ *Васильев А.М.* Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. М.: Наука, 1993.

² Ближневосточный конфликт 1947–1967. Из документов Архива внешней политики РФ: в 2 т. Т. 2. 1957–1967 / Отв. ред. В.В. Наумкин. М.: МФД, 2003.

³ Советско-израильские отношения. Сборник документов. 1941–1953. Т. 1–2. М.: Международные отношения, 2000.

⁴ СССР и арабские страны. 1917–1960 гг. Документы и материалы. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961; СССР и ближневосточное урегулирование, 1967–1988: Документы и материалы / Отв. ред. Ю.М. Воронцов. М.: Политиздат, 1989.

⁵ *Беляков В.В.* Брежнев и Насер 1965–1970. Из истории советско-египетских отношений. Документы и материалы. Алетея, 2021.

⁶ *Dwight D. Eisenhower Administration* (1953–1960); *John Kennedy Administration* (1961–1963); *Lyndon B. Johnson Administration* (1963–1968); *Richard M. Nixon Administration* (1969–1964). *The Foreign Relations of the United States*. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments>

⁷ CIA library electronic reading room. URL: <https://www.cia.gov/library/reading-room/home>

⁸ *Khrushchev Remembers*. Vol. 1, 2. NY.: Bantam Books, 1971.

⁹ *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым. М.: Родина, 2019.

¹⁰ *Громыко А.А.* Памятное. Т. 1–2. М.: Политиздат, 1990.

¹¹ *Добрынин А.Ф.* Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М.: Автор, 1996.

¹² *Виноградов В.М.* Египет: от Насера к Октябрьской войне. Из архива посла. М.: Институт востоковедения РАН, 2012; *Виноградов В.М.* Египет: смутная пора. Записки посла СССР // Знамя. 1988. № 12. С. 86–93.

¹³ *Колотуша В.И.* Без грифа секретности или байки старого толмача. М.: Изд-во «Весь мир», 2020.

¹⁴ *Israelyan V.* Inside the Kremlin during the Yom Kippur War. University Park, PA: The Pennsylvania State University Press, 1995.

¹⁵ *Курпиченко В.А.* Из архива разведчика. М.: Международные отношения, 1993.

¹⁶ *Брутенц К.Н.* Тридцать лет на Старой площади. М.: Международные отношения, 1998.

¹⁷ Командировка на войну. Советские военные в Египте. М.: Институт востоковедения РАН, ИСАА МГУ, 2009; Сирийский плацдарм. Воспоминания советских военных советников в Сирии / Авт.-сост. А.Н. Почтарев. М.: Кучково поле, 2016.

¹⁸ *Heikal M. Nasser*. The Cairo Documents. New English Library. 1973; *Heikal M.* The Sphinx and the Commissar. NY: Harper & Row Publishers, 1978; *Heikal M.* The Road to Ramadan. NY: Ballantine Books, 1975; *Heikal M.* Secret Channels. The inside story of Arab-Israeli Peace Negotiations. L.: Harper Collins Publishers, 1996.

¹⁹ *Meir G.* My Life. L.: Future Publications Ltd., 1979.

²⁰ *Dayan M.* Story of my Life. An Autobiography. NY: Warner Books, 1976.

-
- ²¹ Eban A. *Personal Witness: Israel Through My Eyes*. New York: Putnam, 1992.
- ²² *Примаков Е.М.* Анатомия ближневосточного конфликта. М.: Изд-во «Мысль», 1978; *Примаков Е.М.* История одного сговора. М.: Изд-во политической литературы, 1985.
- ²³ *Примаков Е.М.* Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). М.: Российская газета, 2006. 2-е доп. изд. 2012.
- ²⁴ *Васильев А.М.* Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. Ор. cit.
- ²⁵ *Егорин А.З.* Египет нашего времени. М.: ИВ РАН, 1998.
- ²⁶ *Пырлин Е.Д.* Трудный и долгий путь к миру. Взгляд из Москвы на проблему ближневосточного урегулирования. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002.
- ²⁷ *Звягельская И.* История Государства Израиль. М.: Аспект Пресс, 2012; *Звягельская И.* Ближневосточный клинч. Россия в конфликтах на Ближнем Востоке. М.: Аспект Пресс, 2014.
- ²⁸ *Карасова Т.А.* Израиль и США. Основные этапы становления стратегического партнерства, 1948–2014. М.: Аспект Пресс, 2015.
- ²⁹ *Румянцев В.П.* США, Великобритания, СССР и Суэцкий кризис 1956 г. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2018.
- ³⁰ *Дауров Р.Д.* Долгая шестидневная война: победы и поражения СССР на Ближнем Востоке. М.: Институт востоковедения РАН, 2009.
- ³¹ Ближневосточная политика великих держав и арабо-израильский конфликт. Коллектив авторов. Н. Новгород: Институт стратегических исследований Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2008.
- ³² *Хазанов А.М., Олимпиев А.Ю.* Войны на Большом Ближнем Востоке. 1960-е – 2016. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2016; *Хазанов А.М., Олимпиев А.Ю.* Дипломатия великих держав на Ближнем Востоке в годы холодной войны. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2018.
- ³³ *Исаев В.А.* Внешнеэкономические связи между арабскими странами (1951–1975 гг.). М.: Наука, 1978.
- ³⁴ *Quandt W.B.* Decade of decisions. American policy toward the Arab-Israeli conflict, 1967–1976. Berkley: University of California Press, 1977.
- ³⁵ *Kyle K.* Suez: Britain's End of Empire in the Middle East. L.: I.B. Tauris & Co Ltd. 2011; *Von Tunzelman A.* Blood and Sand. Suez, Hungary and Eisenhower's Campaign for Peace. Sydney: NSW, 2000.
- ³⁶ *Dagan A.* Moscow and Jerusalem. Twenty Years of Relations Between Israel and the Soviet Union. London, New York. Toronto: Abelard-Schuman, 1970.
- ³⁷ *Ro'i Y.* From Encroachment to Involvement. A Documentary Study of Soviet Policy in the Middle East 1945–1973. NY, Toronto: John Wiley & Sons; Jerusalem: Israel University Press, 1974.
- ³⁸ *The Soviet Union and the June 1967 Six Day War.* Ed. by Yaacov Ro'i and Boris Morozov. Stanford University Press, 2008.

³⁹ *Golan G.* Soviet policies in the Middle East. From World War II to Gorbachev. Cambridge, NY: Cambridge University Press, 1990.

⁴⁰ *Oren M.* Six Days of War. June 1967 and the Making of the Modern Middle East. L.: Penguin Books, 2003.

⁴¹ *Laron G.* The Six-Day War. The Breaking of the Middle East. New Haven and London: Yale University press, 2017.

⁴² *Bar-Siman-Tov Y.* Israel, the Superpowers and the War in the Middle East. NY: Praeger Publishers, 1987.

Глава 1

ВСТУПЛЕНИЕ СССР НА БЛИЖНЕВОСТОЧНУЮ АРЕНУ

1.1. СССР и арабские страны зоны конфликта: начало пути

К середине 1950-х гг. ближневосточный регион фактически не был освоен Советским Союзом как сфера своих геополитических интересов. Израиль, на который сталинское руководство возлагало надежды как на опору в регионе, поддержав в 1947 г. в ООН создание еврейского государства, постепенно менял свою ориентацию в сторону Запада. Арабские страны, даже включаясь в антиколониальную борьбу, оставались привязанными к бывшим метрополиям – Англии и Франции, но, главное, испытывали нарастающее давление со стороны США. Западные державы, намеревавшиеся поставить заслон советскому проникновению в важный стратегический и нефтедобывающий регион, стремились оттеснить СССР от участия в политическом урегулировании арабо-израильского конфликта. В мае 1950 г. США, Англия и Франция выступили с Трехсторонней декларацией, в которой они обусловили поставки оружия в регион обязательствами государств-получателей не использовать его в агрессивных целях друг против друга и выразили готовность предупреждать любые попытки изменения границ или линий перемирия военным путем¹. Декларация была расценена в СССР как намерение умиротворить арабов и израильтян в целях создания антисоветского ближневосточного блока. Советские дипломаты отмечали стремление «западных держав, и в первую очередь США, устранить Советский Союз от дальнейшего участия в разрешении спорных вопросов на Ближнем и Среднем Востоке... путем решения их вне органов Совета Безопасности»².

Проведение политики по сближению с арабами усложнялось отсутствием у советского государства тех широких традиционных связей в арабских обществах, которые нарабатывались в предыдущие десятилетия западными державами. Различался и уровень профессиональной подготовки западных и советских дипломатов,

работавших в арабских странах. В 1940-е – 1950-е гг. на высших дипломатических постах в советских представительствах на Ближнем Востоке работали люди, пришедшие в Наркомат иностранных дел в конце 1930-х – 1940-е гг., когда СССР еще испытывал дефицит в специалистах по Арабскому Востоку*. Редко кто из сотрудников советских дипмиссий владел арабским языком, разбирался в традициях и психологии местного населения. Дружественные СССР арабские лидеры и дипломаты высказывали мнение, что советская позиция по ближневосточным проблемам плохо популяризируется и мало комментируется в арабских странах самим Советским Союзом³.

С арабской стороны настороженности в отношении СССР добавляла предубежденность против «безбожных» коммунистических идей, которая нагнеталась мусульманскими клерикальными кругами и подпитывалась западной пропагандой. Новые арабские лидеры, проникнутые националистическими идеями, не вызывали симпатий у советских представителей. Посланник СССР в Египте Д.С. Солод отмечал, что «вся правящая военная верхушка Египта копирует во всем немецкий и итальянский фашизм. На днях министр социальных дел майор Камаль эд-Дин Хусейн прямо заявил, что величайшим деятелем века он считает Гитлера»⁴. Действительно, пришедшие к власти в Египте после свержения короля Фарука в 1952 г. военные из движения «Свободные офицеры» симпатизировали во время Второй мировой войны нацистской Германии, но это было, скорее, одним из проявлений антибританских настроений. Советских представителей не могли не возмущать подобные оценки. Взаимное недоверие и неприязнь тормозили развитие советско-арабских связей.

В то же время антиимпериалистический настрой, демонстрировавшийся арабскими странами, освобождавшимися от колониальной зависимости, заставлял Москву по-новому смотреть на их

* Московский Государственный институт международных отношений был создан в 1944 г.; Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова (Институт восточных языков до 1972 г.) создан в 1956 г. С 1942 г. восточные языки преподавались в Военном институте иностранных языков Красной Армии (ВИИЯКА). Они стали основными поставщиками кадров квалифицированных арабистов в СССР.

роль в противостоянии с Западом. Курс на «выдавливание» Запада из его традиционных сфер влияния приобретал форму борьбы за влияние на арабские режимы, за дружественные связи с ними. Особое внимание уделялось Египту, стратегическое и политическое значение которого хорошо понимали в Советском Союзе. В декабре 1953 г. египетская торговая делегация во главе с заместителем министра обороны Хасаном Раджабом была направлена в социалистические страны и в течение двух месяцев находилась в СССР. В марте 1954 г. было подписано первое торговое соглашение между СССР и Египтом. В конце 1954 г. СССР подписал первые соглашения о поставках оружия Сирии.

1.2. Советско-израильские отношения в 1950–1953 гг.

К началу 1950-х гг. стала окончательно ясна иллюзорность послевоенных надежд советского руководства относительно возможности обращения молодого еврейского государства в оплот советского проникновения на Ближний Восток. Израильское руководство провозгласило политику неидентификации, означавшую нейтралитет Израиля в противостоянии советского блока и Запада и рассчитанную главным образом на то, чтобы создать благоприятную обстановку для выезда евреев из стран Восточной Европы и СССР. При этом Израиль последовательно двигался в сторону Запада. Его руководство не замедлило расставить точки над *i* в вопросе своей внешнеполитической ориентации. Во внешнеполитической доктрине, которую в марте 1953 г. премьер-министр Д. Бен-Гурион изложил на заседании Политсовета МАПАЙ*, он впервые назвал Израиль оплотом Запада на Ближнем Востоке⁵. Это был принципиальный выбор, в основе которого лежали и идеологические соображения. Основатели еврейского государства негативно оценивали возможности коммунистического проникновения на Ближний Восток, – по словам М. Шаретта, это «вонзят смертельный коммунистический кинжал в сердце нашего государства»⁶. Враждебности к СССР добавляло широкое

* МАПАЙ – акроним от «Партия рабочих Земли Израильской», лейбористская партия Израиля, созданная в 1930 г. (*прим. ред.*).

использование советскими органами государственной безопасности в 1950-е гг. массовой эмиграции из Восточной Европы для внедрения в регион советской разведывательной агентуры. Один из осведомленных израильских авторов даже утверждал, что в этот период израильские службы безопасности были больше озабочены разведывательной деятельностью, развернутой Советским Союзом и его сателлитами, чем проблемами арабского меньшинства⁷.

Со своей стороны, советская система не могла удовлетворить главные запросы Израиля – предоставление экономической помощи в существенном объеме и обеспечение свободы еврейской эмиграции. Кроме того, идеологическая чуждость сионизма ценностным установкам, господствовавшим в советском обществе, с одной стороны, а с другой – антикоммунистические настроения израильского руководства, быстро развели два государства по разные стороны «железного занавеса». Израиль уже на самых ранних этапах был зачислен в разряд враждебных СССР стран.

Непосредственное влияние на советско-израильские отношения оказывало и усиление с конца 1940-х гг. политики государственного антисемитизма в СССР. Проводившиеся И.В. Сталиным в послевоенный период чистки в партийно-государственном аппарате, в средствах информации, в сфере науки и культуры опрделенно имели антиеврейскую направленность. Усиление политики государственного антисемитизма было связано, прежде всего, с послевоенной внутривполитической ситуацией, когда власти потребовалось восстановить тотальный идеологический контроль над обществом, несколько расшатавшийся в военные годы.

Одной из форм проявления этой политики стала борьба с «буржуазным национализмом». Подозрение в неустойчивости перед этой «буржуазной заразой» пало, прежде всего, на евреев, демонстрировавших слишком большие симпатии к Государству Израиль, уже зачисленному сталинским режимом во вражеский лагерь. Как пишет известный российский специалист по этому вопросу Г.В. Костырченко, свою роль играло и усиление шовинистического тона национальной политики, проявившееся еще в военное время, и психологическая деградация стареющего вождя⁸. Раздраже-

ние у советского руководства вызывала и слишком напористая сионистская пропаганда, нацеленная на увеличение эмиграционного потока евреев на Землю Обетованную.

Апогеем антиеврейских, антиссионистских гонений стали аресты известных советских врачей-евреев и последовавший фактический запрет на профессию для евреев во всех связанных с медициной сферах. «Дело врачей», начавшееся в 1951 г. с обвинений известных и заслуженных медиков страны, главным образом русских по национальности, в заговоре с целью ликвидации высших советских руководителей, к 1953 г. превратилось усилиями следователей МГБ (и по указанию свыше) в широкомасштабный шпионский заговор, якобы управляемый извне американскими разведслужбами и сионистскими организациями.

Параллельно сталинское руководство инспирировало антисемитские чистки партийно-правительственного аппарата в восточноевропейских странах на том основании, что еврейский буржуазный национализм и сионизм являлись якобы главным оружием империалистических заговорщиков против социалистического лагеря. В процессе Р. Сланского в Чехословакии в 1952 г., названном по имени главного обвиняемого, бывшего Генерального секретаря КПЧ, большинство подсудимых, занимавших высокие государственные должности, были евреями.

Преследования евреев в СССР и странах Восточной Европы вызывали резко негативную реакцию в Израиле. В депешах советских дипломатов в этот период отмечалось усиление антисоветской, антикоммунистической кампании в израильской печати, активизация выступлений общественности против СССР и Чехословакии. Премьер-министр Д. Бен-Гурион в письме членам правительства в январе 1953 г. высказал свое резкое неприятие большевистского режима: «Это никакое не социалистическое государство, а загон для рабов. Это строй, основанный на убийствах, лжи и подавлении человеческого духа, отрицании свободы рабочих и крестьян»⁹.

В то же время Израиль не был заинтересован в открытом конфликте с Советским Союзом. Генеральный директор израильского МИДа У. Эйтан предупреждал дипломатических представителей: «...для нас жизненно необходимо сохранить в неприкосно-

венности, насколько это возможно, наши позиции в Москве и в столицах стран-сателлитов»¹⁰. Этого требовало, во-первых, особое внимание к судьбе евреев в СССР и восточноевропейских странах. Во-вторых, опыт предыдущих лет все еще позволял надеяться на советскую поддержку Израиля в его противостоянии с арабами.

Понятно поэтому, что когда 9 февраля 1953 г. экстремистские силы, воспользовавшись нагнетанием враждебной атмосферы в отношении СССР, устроили взрыв бомбы на территории советской дипломатической миссии в Тель-Авиве, последовало довольно жесткое осуждение этой акции израильским правительством. В заявлении правительства во избежание политических оценок инцидент квалифицировался как «отвратительное преступление», «преступное покушение» и давались заверения, что преступники будут найдены^{*.11}. Советской стороной эта акция была расценена как террористический акт. 11 февраля 1953 г. советское правительство заявило о разрыве дипломатических отношений с Израилем, обвинив израильское правительство в систематическом разжигании ненависти и вражды к Советскому Союзу и подстрекательстве к враждебным действиям против СССР¹².

После смерти Сталина в марте 1953 г. его наиболее одиозные решения как по внутренней, так и по внешней политике были довольно быстро пересмотрены. Уже 4 апреля 1953 г. в советской печати было опубликовано официальное заявление о том, что обвинения по «делу врачей» были сфабрикованы. В русле смягчения политики в международных делах 15 июля 1953 г. министр иностранных дел В.М. Молотов сообщил израильскому правительству о готовности СССР восстановить дипломатические отношения с Израилем¹³. В качестве условия восстановления дипломатических отношений советское правительство потребовало, чтобы Израиль взял на себя обязательство не участвовать в каких-либо союзах или соглашениях, преследующих враждебные Советскому Союзу цели. Эта тема становилась особенно актуальной в связи с прилагавшимися американцами и англичанами усилиями по созданию «ближневосточной оборонительной

* Израильской полиции не удалось найти ответственных за эту акцию.

организации» антисоветской направленности. В Израиле, однако, хорошо осознавали, что заинтересованность в нормальных отношениях с Советским Союзом не должна переходить определенные границы, а именно не наносить вреда отношениям с Соединенными Штатами.

В связи с восстановлением дипломатических отношений встал вопрос о месте размещения советской миссии, который был непосредственно связан с арабо-израильским конфликтом. Только что, 12 июля 1953 г. израильское министерство иностранных дел было перенесено в Иерусалим, поэтому израильтяне настойчиво предлагали разместить там же и советскую миссию. Однако тут же последовали протесты со стороны арабов, заявлявших, что перевод советской миссии в Иерусалим будет рассматриваться как недружественный жест в отношении арабских стран. Советские дипломаты отмечали, что это может явиться также поводом для обвинения Советского Союза в поддержке израильских притязаний на Иерусалим. Было решено оставить советскую миссию в Тель-Авиве, где в то время располагались представительства практически всех стран, имевших дипломатические отношения с Израилем. Однако советская сторона не исключала возможности переезда в Иерусалим с учетом позиции других великих держав¹⁴. Это следует расценивать как проявление довольно мягкой советской позиции по Иерусалиму, который через пару десятилетий станет одной из самых взрывоопасных проблем арабо-израильского конфликта.

Для менявшегося в 1953 г. внешнеполитического тона было характерно более спокойное отношение к Израилю и попытки сбалансировать ближневосточную политику. Ставший после смерти И.В. Сталина премьер-министром Г.М. Маленков в программном выступлении перед Верховным Советом СССР 8 августа 1953 г. подчеркивал, что восстановление дипломатических отношений с Израилем ни в коей мере не будет означать охлаждения отношений с арабскими государствами¹⁵. Израильские представители в Москве отмечали значительное снижение уровня враждебности в отношении Израиля в советской прессе. Рассматривавшиеся в Совете Безопасности вопросы арабо-израильского конфликта – удар Израиля по арабской деревне Кибия, сирийско-израильский спор

об использовании воды р. Иордан* – практически не находили отражения в советской прессе. В этот период арабо-израильский конфликт не занимал центрального места в советской ближневосточной политике. На этом направлении основные усилия были сосредоточены на противодействии американским шагам по организации антисоветского военно-политического союза с участием стран, расположенных в регионах, граничащих с СССР.

1.3. Некоторые аспекты ближневосточной политики США и Великобритании

Старые колониальные державы, прежде всего Англия, теряя свои позиции в стратегически важном регионе в результате становления новых независимых государств и опасаясь распространения в них коммунистического влияния, искали новые формы контроля над арабскими странами. Это было тем более необходимо из-за большой зависимости британцев от поставок энергоресурсов с Ближнего Востока.

Пришедшая к власти в США в 1953 г. республиканская администрация во главе с Д. Эйзенхауэром развернула наступление на ближневосточном направлении в рамках стратегии «массированного возмездия». В соответствии с этой доктриной сдерживание «коммунистической экспансии» должно было основываться на способности США нанести удар по СССР всей мощью американского ядерного потенциала. При этом дополнительное давление на СССР силами обычных вооружений предполагалось обеспечивать за счет создания так называемого «северного яруса» обороны – вовлечения стран Азии и Ближнего Востока на приграничных с Советским Союзом территориях в военно-политические союзы под эгидой США. Общие задачи стран НАТО по укреплению стратегических позиций в противостоянии с СССР, необхо-

* В ответ на рейды арабских инфильтрантов израильские вооруженные силы 14 октября 1953 г. нанесли удар по арабской деревне Кибия на Западном берегу реки Иордан, который в то время был частью Иордании. Около семидесяти мирных жителей стали жертвами израильской атаки, которая повлекла также большие разрушения гражданских объектов. В сентябре того же года Израиль провел работы по отводу вод реки Иордан в северной демилитаризованной зоне.

димось сохранения контроля над природными ресурсами региона и противодействия тенденциям объединения арабского мира на базе радикализма и антизападничества создавали прочную основу для англо-американского сотрудничества на Ближнем Востоке.

В СССР внимательно следили за англо-американскими действиями в регионе. Складывалось общее представление, что блоковая политика Британии и США наталкивается на серьезные препятствия. Действительно, арабские общества, проникнутые идеями антиколониальной борьбы, национального освобождения, негативно воспринимали перспективы объединения в военно-политические союзы с западными странами. Дж.Ф. Даллес, посетивший Египет в мае 1953 г., через несколько месяцев после вступления в должность главы внешнеполитического ведомства США, столкнулся с этими настроениями при встрече с Г.А. Насером, занимавшим тогда должность заместителя премьер-министра. В ответ на предложение Даллеса объединяться в борьбе против Советского Союза Насер выразил удивление, почему Египет, находящийся в 5000 миль от СССР и никогда не подвергавшийся нападению с его стороны, должен опасаться советской угрозы, в то время как британцы в течение семидесяти лет оккупируют египетскую территорию*. Насер дал свою интерпретацию коммунистической опасности, которая, как он считал, угрожает Египту не извне, а изнутри. «Колониализм выбыл из игры, и теперь матч ведут две команды – коммунизм и национализм. И если вы по-прежнему настаиваете на участии в игре, то вы навредите другим»¹⁶, – заявил египетский лидер своему американскому собеседнику.

Вместе с тем в 1954 г. Г. Насер обдумывал возможность создания широкого военно-политического альянса арабских стран, который должен был бы иметь договорные отношения с США. В переговорах с американскими представителями он указывал, что «оборонительные союзы на Ближнем Востоке должны опираться на местные силы». Для него была неприемлемой оборонительная организация с навязанной извне структурой командования¹⁷. Однако разногласия с американцами и противоречия и соперничест-

* В зоне Суэцкого канала в это время базировалось до 80 тыс. британских солдат.

во между арабскими лидерами не позволили воплотить в жизнь эту идею.

Негативная позиция Насера в отношении Багдадского пакта, официально созданного в феврале 1955 г. с участием Турции, Ирака, Ирана, Пакистана и Великобритании, не означала отказа от сотрудничества с Западом. Поддержка Вашингтона сыграла существенную роль в заключении в октябре 1954 г. англо-египетского соглашения о статусе английской военной базы в зоне Суэцкого канала. Оно предусматривало вывод восьмидесятитысячного английского военного контингента из Египта*. В Каире рассчитывали и на американскую экономическую и военную помощь. Но Багдадский пакт рассматривался Насером как попытка разобщить арабский мир, поставить его в зависимость от интересов Запада. Это противоречило собственным представлениям египетского лидера о будущем Арабского Востока, которое он видел в объединении региона по эгидой Египта и превращении его в мощного, но не враждебного Западу игрока на международной арене. К тому же в отказе Насера от присоединения к Багдадскому пакту сыграло роль и египетско-иракское соперничество, возникшее на почве претензий каждой из этих стран на лидирующую роль в арабском мире.

Англо-американским намерениям организовать ближневосточный регион в соответствии со своими замыслами мешали не только межарабские противоречия, но и арабо-израильский конфликт. Присоединение Израиля к военно-политическому пакту было заведомо исключено из-за позиции арабов. Израиль в свою очередь опасался, что ориентация американцев на военно-политическое сотрудничество с арабами не только усилит его врагов, но и охладит его собственные отношения с США, которые будут добиваться благосклонности арабов. Используя свои связи в американских правящих кругах, израильтяне пытались добиться формального закрепления гарантий безопасности еврейского государства по-

* В соответствии с соглашением, Великобритания сохраняла за собой право использовать военную базу для отражения агрессии или угрозы нападения на Египет или другую арабскую страну. Эти обязательства не касались агрессивных действий со стороны Турции, Ирана и Израиля.

средством двустороннего договора с США. Но это поставило бы под удар связи американцев с арабами.

Урегулирование арабо-израильского конфликта превращалось в первостепенную задачу в западной повестке дня по Ближнему Востоку. В 1952–1955 гг. американская и английская дипломатия совместно разрабатывали секретный план «Альфа» по всеобъемлющему решению арабо-израильского конфликта. В объемном проекте документа, подготовленном к 1955 г., помимо прочего, Израилю предлагалось уступить Египту и Иордании южную часть пустыни Негев, чтобы обеспечить территориальную непрерывность между Египтом и остальными арабскими странами. Были подробно разработаны вопросы возвращения нескольких десятков тысяч арабских беженцев на территорию Израиля и выплаты компенсаций за оставленную в Израиле арабскую собственность. Предлагалась интернационализация и демилитаризация Иерусалима. Разработчики плана «Альфа» хорошо понимали, что антиизраильский настрой арабского общественного мнения не позволит заключить полноценные мирные договоры с Израилем. Их максимальная цель состояла в том, чтобы добиться постоянных договоренностей, которые обеспечивали бы мир если не по форме, то по существу и переводили бы отношения между Израилем и арабскими странами в статус прекращения войны¹⁸.

В плане «Альфа» содержались не только вполне разумные предложения по решению спорных вопросов, но и был разработан целый ряд стимулирующих мер и гарантий, прежде всего, для Египта и Израиля, чтобы побудить их к согласию. Сюда включалась военная и экономическая помощь, учитывались даже психологические факторы. Так, например, с учетом большого значения для Насера вопроса о лидирующей роли Египта в арабском мире предлагалось особо подчеркнуть престижность того, что он первый из арабских руководителей, с кем проводятся консультации по проекту.

Обращает на себя внимание, что Соединенные Штаты и Соединенное Королевство собирались вести переговоры о достижении «разумного урегулирования» с заинтересованными сторонами по отдельности, не рассчитывая на возможность прямых переговоров между ними. При этом особо подчеркивалось, что ООН не следу-

ет информировать о проекте, пока не будет достигнут существенный прогресс на переговорах. Американцы и британцы не в первый раз в послевоенной истории стремились вывести ближневосточную ситуацию из поля зрения международного сообщества и полностью взять процесс урегулирования арабо-израильского конфликта в свои руки. Урегулирование по американо-английскому плану обеспечило бы двум партнерам беспрецедентное влияние в регионе и выбило бы почву из-под ног у всех остальных конкурентов. Но план «Альфа» был отвергнут как Египтом, так и Израилем.

В Москве хорошо понимали, что конфликт является препятствием для реализации Западом блоковой политики. Советская дипломатия приходила к заключению, что существующие противоречия между Израилем и арабскими странами, а также между Израилем, арабскими странами и империалистическими державами нужно использовать для противодействия сколачиванию агрессивных блоков на Ближнем и Среднем Востоке и для ослабления позиций США и Англии в этом регионе¹⁹. Поддержка арабской стороны в вопросах, связанных с конфликтом, обеспечивала не только возможность противостоять западным схемам урегулирования, но и открывала дорогу к более тесному политическому взаимодействию, в частности с Египтом.

1.4. Советская позиция по арабо-израильскому конфликту 1953–1954 гг.

В СССР понимали, что, предлагая арабским странам альтернативную Западу ориентацию, необходимо выдвинуть и собственные новые подходы к арабо-израильскому конфликту. Когда осенью 1953 г. арабские страны обратились в ООН с требованием рассмотреть действия Израиля*, советский МИД рекомендовал «не возражать против включения палестинского вопроса в повестку дня Совета Безопасности при условии, если формули-

* Арабские страны обратились в Совет Безопасности в связи с ударом израильских вооруженных сил по арабской деревне Кибия на Западном берегу реки Иордан 14 октября 1953 г. (см. выше).

ровка его не будет носить антиарабского характера... возражение против рассмотрения этого вопроса... могло бы вызвать недовольство в арабских странах», – указывалось в записке заведующего Отделом стран Ближнего и Среднего Востока советскому представителю в ООН²⁰. Однако в ноябре 1953 г. СССР воздержался при голосовании по резолюции, подготовленной после рассмотрения жалобы Иордании на израильские репрессалии в иорданской деревне Кибия и выражавшей самое решительное порицание Израиля за такие действия. По-видимому, все еще сказывался послевоенный взгляд на еврейское государство как на борца с «английским колониализмом и его региональными ставленниками»*.

В этот период арабо-израильский конфликт усугублялся спором о разделе воды реки Иордан. Спор затрагивал интересы четырех стран – Сирии и Ливана, на территории которых находятся истоки реки, а также Израиля и Иордании, для которых она является важным источником водных ресурсов. Специальный представитель американской администрации Э.Джонстон разработал план по совместной эксплуатации реки прибрежными странами и разделу водных ресурсов. Однако весь проект был заблокирован Сирией, стремившейся воспрепятствовать получению Израилем преимуществ от него, хотя не меньшие преимущества получала Иордания и несколько более скромные – сами сирийцы. Израиль принял собственные меры, начав поэтапное выполнение проекта по отводу вод реки Иордан, что и стало поводом для возмущения с арабской стороны.

Советские дипломаты считали, что США использовали конфликт Израиля и Сирии по вопросу водозабора из реки Иордан для навязывания своего ирригационного плана, чтобы оказывать постоянное давление на арабские страны²¹. К тому же советской стороне не нравилось, что для реализации этого плана США и Англия привлекают аппарат ООН по наблюдению за перемирием, с момента создания которого западные державы не допускали участия в нем представителей СССР.

* В начале 1950-х гг. Иордания являлась одним из ближайших союзников Великобритании на Ближнем Востоке.

В декабре 1953 г. после длительных обсуждений этого вопроса в Совете Безопасности США, Великобритания и Франция представили проект резолюции с претензиями в адрес Сирии, препятствовавшей выполнению региональных проектов в целях развития, и осуждением Израиля за неподчинение главе штаба Организации ООН по наблюдению за соблюдением перемирия в Палестине. 22 января 1954 г., когда вопрос был поставлен на голосование, советская делегация впервые применила право вето по резолюции, касающейся ближневосточного конфликта. Глава советской делегации А.Я. Вышинский*, хорошо владевший приемами демагогической казуистики, посвятил большую часть своего странного выступления по обоснованию итогов голосования обличению авторов проекта резолюции, которые с недостаточным уважением, с его точки зрения, относились к суверенным правам сторон конфликта решать спорные вопросы без вмешательства извне. Высказанная им советская позиция заключалась в том, что спорные вопросы должны решаться, прежде всего, совместными усилиями заинтересованных сторон путем всеобъемлющего урегулирования конфликта. То есть советский представитель выдвигал заведомо невыполнимые требования, поскольку ни одна из арабских стран не соглашалась ни вступать в прямые переговоры с Израилем, ни тем более устанавливать с ним мир.

Британский представитель в СБ сэр Г. Джебб образно охарактеризовал позицию Вышинского как желание «замутить воду, но не предотвратить утечку». Не жалея эпитетов, он определил использование права вето советским представителем как «дурное предзнаменование для будущего международного сотрудничества, как зловещий знак для дела мира на Ближнем Востоке»²². Однако для СССР было важно другое: Вышинский подчеркивал, что, впервые поддержав арабов в вопросе, затрагивающем их интересы, Советский Союз демонстрировал готовность защищать их на основе принципа абсолютной справедливости в отличие от западных авторов проекта резолюции.

Следствием арабо-израильского конфликта стал вопрос о свободе судоходства по Суэцкому каналу. Еще в мае 1948 г. Египет

* А.Я. Вышинский был назначен представителем СССР в ООН в конце 1953 г.

заблокировал проход через Суэцкий канал для судов, зарегистрированных в Израиле, и для всех судов, перевозящих грузы в израильские порты и из них. Блокада Суэцкого канала была одной из наиболее эффективных мер арабского бойкота Израиля, которая наносила ему серьезный экономический ущерб, но являлась очевидным нарушением международных норм свободы судоходства. Советский Союз столкнулся с последствиями этих ограничений в 1949 г., когда в египетском Порт-Саиде отказались обслуживать советское торговое судно, заходившее до этого в израильский порт Хайфа.

В июне 1951 г. Израиль подал жалобу в ООН на установленные Египтом ограничения свободы судоходства по Суэцкому каналу, и этот вопрос впервые рассматривался в Совете Безопасности. 1 сентября 1951 г. Советский Союз воздержался при голосовании по проекту резолюции, представленному Великобританией, США и Францией, в котором Египту предлагалось «отменить ограничения международного коммерческого судоходства и следования товаров любого назначения через Суэцкий канал и прекратить чинить какие бы то ни было препятствия такому судоходству»²³. Тогда советская пропаганда обвиняла западные державы в пренебрежении суверенными правами Египта распоряжаться водными путями на своей территории.

В конце января 1954 г. Израиль вновь обратился в Совет Безопасности по поводу блокирования Египтом Суэцкого канала для торговых судов, направлявшихся в Израиль. В конце марта 1954 г. советский представитель вновь воспользовался правом вето в отношении представленного Новой Зеландией проекта резолюции, базировавшегося на резолюции 1951 г. Мотивировки Вышинского мало отличались от высказанных в январе в связи с проектом резолюции по водным ресурсам. Понимая зыбкость своей позиции в защите действий Египта, противоречивших международному праву, Вышинский говорил: «Вы хотели бы предположить, что своими действиями Советский Союз подталкивает Египет к принятию незаконных мер? Любой, кто так говорит или думает, слишком много на себя берет. Мы подталкиваем конкретный орган, и только его, к конкретным шагам: мы подталкиваем Совет Безопасности к серьезному рассмотрению вопроса и поискам решения этой

проблемы посредством прямых переговоров между Египтом и Израилем»²⁴. Непреодолимое упорство советского представителя, отказывавшегося признавать реалии египетско-израильского противостояния, вызывало большое раздражение западных дипломатов, считавших его позицию разрушительной для деятельности Совета Безопасности.

Но советская сторона достигала своих целей. Поддержка арабов в конфликте с Израилем помогала настраивать египетское руководство на сотрудничество с СССР. С лета 1954 г. Египет начал рассматривать возможность реализации крупных экономических проектов с СССР и закупок советского вооружения как альтернативу сотрудничеству с Западом. Американские аналитики из Совета национальной безопасности были вынуждены признать в июле 1954 г., что «возросшая активность СССР в регионе и особенно советская поддержка арабской позиции в противостоянии с Израилем» является одной из основных проблем, которая требует жестких и более решительных мер для сохранения контроля над ситуацией²⁵.

1.5. Советско-египетское соглашение по оружию

Однако ситуация в регионе все более выходила из-под контроля великих держав вследствие динамики самого конфликта. Израиль, ввиду перспективы ликвидации британского военного присутствия в Египте и весьма осторожной позицией администрации Эйзенхауэра относительно снабжения его оружием, предпринимал рискованные провокационные шаги с целью скомпрометировать египтян и создать напряженность в отношениях между Египтом и западными державами. В июне 1954 г. израильские агенты в облики арабских террористов должны были устроить на территории Египта ряд взрывов в американских и английских учреждениях, ответственность за которые предполагалось возложить на египтян. Есть предположения, что посредством этой операции под кодовым название «Сусанна» израильские «ястребы» стремились также воспрепятствовать переговорам с египтянами о нормализации отношений, начатым по закрытым каналам М. Шареттом, сменившим Д. Бен-Гуриона на посту премьер-министра в 1953 г.²⁶ Операция обернулась

самым большим провалом в истории израильских спецслужб: два ее участника были казнены, двое покончили с собой, двое были освобождены за недостатком улик, шестеро – приговорены к длительным срокам тюремного заключения в Египте.

Новое обострение египетско-израильских отношений произошло в сентябре 1954 г., когда израильское правительство решило в преддверии поэтапного вывода английских войск из Египта проверить реакцию египтян и направило в Суэцкий канал торговое судно «Бат Галим». Корабль был арестован египетскими властями на том основании, что юридически Египет считал себя находящимся в состоянии войны с Израилем. Для Израиля это стало еще одним доказательством незаинтересованности правительства Насера в урегулировании отношений. Эти истории окончательно подрывали всякие надежды на установление какого-либо доверия в отношениях двух стран. Насер, возмущенный провокационной деятельностью израильтян, усилил поддержку арабских диверсантов, проникавших в Израиль с территории Газы для совершения терактов^{*27}. Убийство арабскими террористами израильского гражданина в Реховоте послужило поводом для израильского рейда возмездия в Газе 28 февраля 1955 г. Правда, позже израильский посол в Вашингтоне А. Эбан утверждал, что главной причиной израильского рейда в Газе была месть за смертные приговоры, вынесенные израильским агентам, участвовавшим в операции «Сусанна»²⁸.

Атака на Газу была совершена всего через неделю после возвращения Д. Бен-Гуриона в правительство в качестве министра обороны^{**} и, как считали египтяне, стала началом его политики массированных ударов возмездия²⁹. В беседах с американцами Насер указывал, что в Израиле усиливаются правые силы, цель которых, по его убеждению, состояла в установлении «господства Израиля от Нила до Евфрата»³⁰.

В то же время рейд в Газе, в результате которого египетские потери составили 38 погибших и 33 раненых, стал важной отправ-

* Некоторые авторы, основываясь на данных ООН, наоборот, считают, что к началу 1955 г. число арабских рейдов с территории Газы сократилось и что, во всяком случае, это не были скоординированные египетским правительством акции.

** В конце 1953 г. Д. Бен-Гурион ушел в отставку с поста премьер-министра.

ной точкой для переоценки Египтом боеспособности своей армии. Один из египетских руководителей того времени очень красноречиво характеризовал ее состояние: «К моменту нападения на Газу мы были страшно слабы и нуждались буквально во всем. У нас было только 6 боеспособных самолетов, остальные 30 не могли летать из-за отсутствия запасных частей. Англия прекратила их поставку. По нашим подсчетам у нас танковых боеприпасов было на один час боя. Около 65% танков нуждались в капитальном ремонте. Положение в артиллерии было аналогичным. У нас не хватало даже стрелкового оружия»³¹.

Насер оказался в сложном положении: он испытывал большое давление со стороны Запада и при этом не без оснований подозревал западные державы в сговоре с Израилем в целях изоляции, а затем и ликвидации его режима. Дисбаланс с Израилем в военной сфере требовал принятия срочных мер.

Израильские авторы, стараясь снять ответственность с Израиля за провоцирование египетских шагов, столь нежелательных для его западных союзников, делают акцент на том, что рейд на Газу не был решающей причиной, заставившей Насера форсировать поиски поставщиков для вооружения своей армии, что переговоры с советским блоком о закупках оружия он начал задолго до февраля 1955 г. С израильских позиций, такая интерпретация добавляет еще один штрих к характеристике изначальной агрессивности Египта и его намерений военным путем добиваться своих целей в конфликте с Израилем.

Действительно, Насер, в первое время ориентировавшийся на Соединенные Штаты, на протяжении нескольких лет убеждал американцев в необходимости перевооружения египетской армии. Вначале он получал отказ из-за давления британцев, опасавшихся, что оружие будет использоваться против их солдат. Условиями для приобретения оружия выдвигались присоединение Египта к Багдадскому пакту, а также согласие на урегулирование конфликта с Израилем по предлагавшейся Западом схеме. Помимо этого, администрация Эйзенхауэра была связана Трехсторонней декларацией 1950 г. и крайне осторожно относилась к поставкам оружия на Ближний Восток, не желая нарушать баланс сил в регионе. Обозначившаяся перспектива закупок ору-

жия у СССР заставила американцев в августе 1955 г. предложить Насеру свое вооружение. Но оплата контракта в американской валюте согласно требованию Вашингтона была не по карману Египту. Сумма в 27 млн долл. составляла практически весь валютный резерв Египта в то время³².

Углублявшийся конфликт в отношениях египетского лидера с Западом открывал для Советского Союза самые благоприятные возможности. Как пишет в своих мемуарах В.А. Кирпиченко, работавший тогда в советской резидентуре в Каире, советское руководство искало пути сближения с Насером, чтобы в условиях противоборства с США и Англией «сделать ход конем в тылы НАТО и Багдадского пакта»³³. С предложениями активизировать политическую деятельность в Египте для противодействия враждебной Советскому Союзу американской и английской пропаганде выступало посольство СССР в Каире³⁴.

«Чехословацкая сделка» – приобретение советского оружия Египтом через Чехословакию – стала первым шагом в направлении завоевания новых позиций в арабском мире. В отечественной историографии этому эпизоду в советско-египетских отношениях уделено не очень много внимания. Между тем это была важная веха на пути проникновения СССР на Ближний Восток. Выход СССР на ближневосточную арену в качестве поставщика вооружения Египту рассматривался Израилем как недопустимое нарушение баланса сил на региональном уровне, неизбежно влекущее за собой дальнейшее обострение арабо-израильского противостояния.

Документы свидетельствуют, что военный аспект в советско-египетских отношениях возник на ранних этапах. В начале 1953 г. генерал М. Нагиб, первый глава египетского послереволюционного государства, зондировал почву о возможности закупок в СССР тяжелой военной техники – танков и самолетов³⁵. Тогда советское правительство не проявило заинтересованности в этом вопросе совсем не по причине опасения британских санкций, как полагает израильский исследователь³⁶, а из-за еще не определенной политики в отношении арабского мира, а также из-за осторожного отношения к захватившим в Египте власть военным. Но уже летом 1954 г., после довольно длительного визита в Москву египетской

торговой делегации в январе этого года и обращения Насера с просьбой о возможности закупок оружия, советское правительство дало положительный ответ о готовности рассмотреть конкретные предложения³⁷. При этом Насер мотивировал свою просьбу тем, что слабая египетская армия не может ничего сделать против английской оккупации страны, а это беспроблемно воздействовало на советскую сторону.

Важную роль в сдвиге советской позиции в пользу развития отношений с египетским режимом сыграл сделанный Насером выбор нейтрализма как внешнеполитической ориентации на глобальном уровне. В СССР высоко оценили ключевую роль Египта в организации и проведении в апреле 1955 г. конференции афро-азиатских государств в Бандунге (Индонезия). На ней египетский лидер выступал с резким осуждением колониализма, за свободное развитие молодых государств, независимое ни от каких политических и военных союзов. Эта встреча положила начало движению афро-азиатской солидарности или движению неприсоединения.

Неслучайно прямо в канун Бандунгской конференции советское правительство выступило с первым заявлением, непосредственно касавшимся Ближнего Востока³⁸. В нем подчеркивалось, что попытки Запада превратить в военную базу регион, с которым Советский Союз непосредственно граничит, в отличие от других великих держав, имеют прямые последствия для его безопасности. Поэтому СССР приветствовал отказ ближневосточных стран от участия в агрессивных военных блоках и подчеркивал свою заинтересованность в сотрудничестве с ними на основе уважения их национальной независимости, суверенитета, территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела. Это было важным сигналом, в том числе для Египта, подтверждающим совпадение интересов с теми, кто противостоит американо-английским планам, и напоминающим о готовности оказывать поддержку антиимпериалистическим силам. Надо отметить, что составители заявления, перечисляя страны региона, которым советское правительство в разные исторические периоды оказывало ту или иную помощь, не сочли нужным упомянуть Израиль, в создание которого СССР внес свой вклад. В этот список была включена более враждебная СССР Турция, ставшая членом НАТО в 1952 г., но не Из-

раиль, который оказывался слишком большим раздражителем не только для арабов, но и для всего исламского мира.

Насер действовал в переговорах с СССР очень осторожно, опасаясь мер возмездия со стороны Запада*. Кроме того, он все еще продолжал считать, что в вопросах вооружения предпочтительнее было бы иметь дело с американцами. Он предвидел, что в использовании советского оружия возникнет целый ряд проблем – как чисто технических, так и политических: египтяне не были знакомы с советским оружием и не умели с ним обращаться; трудности были неизбежны из-за языкового барьера; соглашение с СССР могло вызвать негативную реакцию арабских консервативных режимов³⁹. Уже обратившись к Советскому Союзу, он не переставал надеяться на положительный ответ от Вашингтона. Но события начала 1955 г. – образование Багдадского пакта, израильский рейд в Газе – заставили его действовать более решительно.

Зарубежные авторы, основываясь на архивных документах, относят начало переговоров Египта с советским блоком к марту–апрелю 1955 г.^{**,40}, когда в Каире побывала чехословацкая торговая делегация во главе с заместителем министра торговли. Затем именно чехословацкая делегация вела летом переговоры с египтянами в Каире, получая, как полагают, советские инструкции. Е.М. Примаков называет военного атташе в советском посольстве в Каире Л.Д. Немченко «основной фигурой в переговорах по закупке советского оружия через Чехословакию»⁴¹. Имя полковника Немченко как главного переговорщика при обсуждении потребностей Египта в вооружении упоминает и Хейкал⁴². К 19 июля основной список египетских запросов был сформирован, но его должна была одобрить Москва.

В конце июля 1955 г. в египетскую столицу был направлен Д.Т. Шепилов, секретарь ЦК КПСС, главный редактор «Правды», являвшийся в то время доверенным лицом Н.С. Хрущева. В данных ему инструкциях по линии министерства иностранных дел

* До июня 1956 г. в зоне Суэцкого канала сохранялось английское военное присутствие.

** М. Хейкал в своей ранней работе (Nasser. The Cairo Documents. P. 55) относит начало переговоров к маю месяцу.

ставилась задача «выяснить, в какой степени египетское правительство намерено продолжать свою политику неучастия в военных союзах с США и Англией и как оно намерено строить свои дальнейшие отношения с Советским Союзом»⁴³. Впервые высокопоставленный гость из Москвы был приглашен на египетские торжества, посвященные третьей годовщине египетской революции 1952 г. Как рассказывает Е.М. Примаков, Шепилов был очарован ораторским красноречием Насера и поставил вопрос об организации своей встречи с египетским президентом, которая прошла в сердечной обстановке⁴⁴. Правда, по воспоминаниям другого мемуариста, посольству с трудом удалось добиться аудиенции у Насера для посланника из Москвы⁴⁵. Насер был очень осторожен в контактах с советскими представителями, опасаясь приостановки американской экономической помощи, окончательной потери тех незначительных поставок оружия, которые все еще поступали из Англии, действий английских войск, еще дислоцировавшихся в зоне Суэцкого канала. Как бы там ни было, но именно после этого визита, как подтверждает и Е.М. Примаков⁴⁶, Москва дала окончательное согласие на заключение соглашения по оружию. Он подчеркивал в своей работе уже постсоветского времени, что именно Насер выступал инициатором и главным двигателем в этом процессе, когда провалились его надежды на американцев⁴⁷. Но и советская сторона, как свидетельствуют документы, приложила немало усилий для достижения этих договоренностей, несмотря на пока еще сохранявшееся настороженное отношение к египетскому режиму и лично к Насеру.

Решение о поставках советского оружия Египту стало своеобразной вехой, отмечавшей кардинальный разворот в советской ближневосточной политике в сторону арабского мира. Оно говорило о намерении Москвы занять преимущественные позиции в стратегически важной и наиболее влиятельной стране региона.

Первые советские шаги на ближневосточной арене были вынужденно осторожными. Советско-египетские договоренности вошли в историческую литературу под именем «чехословацкой сделки». В Каире, как уже было сказано, переговоры велись при участии чехословацкой делегации, а с августа 1955 г. они проходили в Праге. Соглашение было представлено мировому сообще-

ству как сугубо коммерческий проект Чехословакии и Египта^{*,48}. Такая осторожность не в последнюю очередь была продиктована тем, что в июле 1955 г. в Женеве состоялось первое после Потсдама^{**} совещание глав правительств СССР, США, Англии и Франции, на котором вопросы сокращения и контроля над вооружением занимали большое место. В Москве не хотели представлять в роли разжигателей ближневосточного пожара в нарушение «духа Женевы». Даже первые советские военные специалисты приезжали в Каир с чехословацкими паспортами⁴⁹. Первые советские транспорты с военным имуществом для Египта разгружались в Александрии в строгой секретности, хотя о соглашении было уже известно во всем мире⁵⁰.

Приобретение Египтом советского оружия имело большой международный резонанс. Соглашение в Праге было подписано 12 сентября, но еще до того, как Насер 27 сентября официального объявил о нем, американская разведка сообщала госсекретарю во всех подробностях о его содержании. В соответствии с этой информацией, по условиям договора советская сторона брала на себя обязательства в течение пяти лет поставить Египту 200 самолетов-бомбардировщиков, 100 танков, две подводные лодки и ряд других вооружений на общую сумму 86 млн долл.^{***,51,52,53} Оплату предполагалось произвести за счет египетского экспорта, в основном хлопка, что, по американским подсчетам, должно было составить до трети этого египетского сырья, идущего на экспорт. Американские спецслужбы предупреждали, что Египет получит численное превосходство над Израилем в реактивных самолетах и тяжелых танках. Похоже, однако, что американская информация не вполне соответствовала действительности: советская сторона упорствовала в предоставлении Египту тяжелых танков, эскадрен-

* Зарубежный автор ссылается на утверждения работавших в Египте агентов ЦРУ, что именно они посоветовали Насеру заявить, что оружие закуплено в Чехословакии.

** Потсдамская (Берлинская) конференция союзных государств, участвовавших во Второй мировой войне, проходила в июле–августе 1945 г. в Потсдаме.

*** Академик А.М. Васильев приводит цифру 225–250 млн долл. со ссылкой на западные источники. В работе западных исследователей приводится цифра 320 млн долл.

ных миноносцев и подводных лодок. Насер вынужден был для удовлетворения своих требований прибегать буквально к шантажу, угрожая, что поражение Египта в очень вероятной войне с Израилем подготовит почву для свержения его правительства и «замены его правительством какого-либо угодного американцам египетского паши»⁵⁴. Точных данных о советских поставках найти не удастся. В зарубежной литературе упоминается, что первая советская подводная лодка была направлена в Египет 29 октября 1956 г., в день начала израильской операции на Синае⁵⁵. Отечественный автор утверждает, что три первые советские подлодки Египет получил только в июле 1957 г.⁵⁶

В разъяснение советской позиции по переговорам между Чехословакией и Египтом 1 октября 1955 г. было опубликовано заявление ТАСС, в котором указывалось, что Запад, пользуясь потребностью ближневосточных стран в обеспечении своей безопасности, оказывает на них давление, предлагая оружие на определенных условиях и ущемляя, таким образом, их национальную независимость и суверенитет. В противовес этому советское правительство подчеркивало, что каждое государство имеет право на приобретение оружия для обеспечения своей безопасности на обычных коммерческих условиях и никакое иностранное государство не должно этому мешать⁵⁷. Советская сторона отрицала какую-либо политическую подоплеку в этом соглашении и заявляла, что оно не может привести к осложнению ситуации в регионе.

Для Запада неожиданный советский успех в его традиционной сфере влияния был большим ударом. Анализируя сложившуюся обстановку, американское посольство в Лондоне писало: «Учитывая возросший в последнее время интерес Советского Союза к Ближнему Востоку, мы должны рассматривать египетскую сделку по оружию как очень серьезный шаг, направленный на подрыв западных позиций в арабском мире, и нам следует рассмотреть все возможные меры, чтобы помешать Египту реализовать эту сделку. Прибытие советских военных специалистов в Каир приведет к тому, что безопасность Суэцкого канала окажется под большой угрозой. Если Советы получат такой опорный пункт в Египте, то будет трудно предотвратить такое же проникновение в другие арабские страны»⁵⁸.

Дипломатам вторила разведка. «Советская военная помощь Египту осложнит, если не полностью воспрепятствует достижению двух важнейших целей США на Ближнем Востоке: урегулированию арабо-израильского конфликта и созданию эффективной региональной системы обороны против коммунизма»⁵⁹, – указывалось в специальном докладе разведслужб.

Советско-египетская сделка создавала реальную угрозу планам американцев и англичан по урегулированию отношений между арабами и Израилем. План «Альфа» по-прежнему оставался их руководством к действию. Именно содержащиеся в нем предложения были положены в основу выступления госсекретаря Даллеса по ближневосточным делам 26 августа 1955 г. На состоявшейся в Нью-Йорке в сентябре 1955 г. встрече с советским министром иностранных дел В.М. Молотовым Даллес высказывал ему упреки из-за действий СССР, которые станут «нежелательной помехой в момент, когда США пытаются сохранить баланс между израильтянами и арабами»⁶⁰.

США и Британия сообща старались приглушить значимость поступления советского вооружения на Ближний Восток. Даллес полагал, что, «возможно, необходимо принять желание ближневосточных стран иметь дело одновременно и с Востоком, и с Западом, иначе жесткая западная позиция может заставить их иметь дело только с советским блоком»⁶¹. По настоянию американского госсекретаря письмо главы британского правительства Э. Идена советскому правительству от 5 октября 1955 г. было выдержано в нейтральном тоне, хотя первоначальная реакция англичан на советские действия в Египте была бурной. В письме британского премьера выражалась обеспокоенность тем, что египетско-чехословацкий контракт на поставку оружия может создать угрозу миру в регионе из-за напряженных отношений между Египтом и Израилем. Иден просил рассмотреть его послание до принятия окончательного решения по этому вопросу⁶². Письмо Н.А. Булганину*, составленное Даллесом от имени Д. Эйзенхауэра, также было очень лаконичным и подчеркивало лишь, что действия СССР не будут способствовать снижению напряженности в отношениях с

* Булганин Н.А. – председатель Совета министров СССР в 1955–1958 гг.

США и поискам конструктивных решений арабо-израильской проблемы⁶³.

Советская сторона основывала свои ответы лидерам западных держав на тезисах, изложенных в заявлении ТАСС от 1 октября, при этом не упуская возможности напомнить, что США и Великобритания много лет снабжали страны Ближнего и Среднего Востока большим количеством оружия на условиях присоединения к военным группировкам, направленным против других стран⁶⁴.

Для англичан и американцев становился важным вопрос о том, как избежать обсуждения ближневосточных проблем на предстоявшем Женевском совещании министров иностранных дел великих держав (октябрь–ноябрь 1955 г.). Включение этого пункта в повестку дня означало бы признание за Советским Союзом равноправия с другими державами в решении ближневосточных проблем. А это совсем не входило в планы западных союзников по реализации своей политики на Ближнем Востоке. «Если русские решат развернуть широкую экономическую и военную помощь, то это может серьезно повредить нашим отношениям с Советским Союзом. В этом случае мы должны будем заставить Советский Союз отступить», – таково было общее мнение руководителей внешнеполитических ведомств США и Великобритании в отношении советского продвижения в арабском мире⁶⁵.

«Чехословацкая сделка» подрывала монопольные позиции Запада в торговле оружием на Ближнем Востоке, что объясняет чрезмерно острую реакцию на нее и сохраняющуюся до сих пор в зарубежной литературе ее оценку как события, стимулировавшего гонку вооружений в регионе. Отечественные авторы всегда старались найти аргументы для оправдания продажи оружия Египту, утверждая, что эта сделка не могла привести к немедленному изменению соотношения сил между Израилем и Египтом, имела первоначально коммерческий характер, а баланс сил можно было быстро восстановить на новом уровне. С точки зрения российского историка, обвинения СССР в том, что он открыл новый фронт холодной войны, являются преувеличением и «проявлением логики двойного стандарта»⁶⁶. К этому можно добавить, что, по свидетельству британского мемуариста, сразу после «чехословацкой сделки» Лондон стал наращивать поставки оружия Египту в

стремлении предотвратить дальнейшие договоренности с СССР. Только за первое полугодие 1956 г., по этим данным, Египту было продано в разы больше английского оружия, чем Израилю⁶⁷.

Действительно, бурная реакция участников Трехсторонней декларации на советско-египетские договоренности вполне объяснима. До этого они имели возможность самостоятельно и на собственных условиях регулировать поступление вооружений сторонам конфликта. Израиль за 1950–1955 гг. сумел приобрести значительное количество довольно новых видов вооружений, включая 200 танков и 200 самолетов, из них – 50 реактивных⁶⁸. Таким образом создавалось его военное превосходство над арабскими соседями, прежде всего, над Египтом. Эта ситуация была унижительна для Египта, и, с позиций режима Насера, в ней были заложены большие риски для его существования. Американцы отказывали египетскому лидеру в приобретении оружия, а «чехословацкая сделка» обеспечила ему возможность говорить с позиции силы и с Израилем, и с арабским миром, и с собственной внутренней оппозицией.

Для израильского руководства массированное перевооружение Египта советским оружием означало существенное изменение военного баланса в ущерб Израилю. Оно рассматривалось как стратегическая угроза высокого уровня по сравнению с тактическими рисками низкого уровня, которые представляли собой действия арабских диверсантов в предыдущие годы. Израиль был готов принять превентивные меры для предотвращения арабской агрессии. Аналитики ЦРУ полагали, что в этой ситуации значительно повышался риск нового военного столкновения между Египтом и Израилем, или, как они выражались, опасность «второго раунда». По американским прогнозам, Израиль мог начать превентивную войну против Египта в форме приграничных рейдов, в то время как в Египте по мере освоения нового оружия могли возобладать настроения в пользу «второго раунда», открытия военных действий против Израиля⁶⁹. Этим сценариям в таком формате не суждено было реализоваться, но тем не менее сам прогноз о перерастании напряженности в египетско-израильских отношениях в военную фазу через год воплотился в Суэцком кризисе.

Было ли в Москве понимание того, что крупномасштабная продажа Египту современного оружия может быть чревата обострени-

ем арабо-израильского конфликта и повлечет за собой новую военную вспышку? Как представляется, у творцов советской ближневосточной политики была своя система координат для оценки арабо-израильского конфликта, в которой главную роль играли не столько внутренние противоречия, приводившие к его обострению, сколько манипулирование им внешними силами. Эта устойчивая точка зрения повторялась и в работах некоторых отечественных арабистов, которые, обращаясь к событиям 1955–1956 гг., подчеркивали согласованность действий между Тель-Авивом и Вашингтоном в оказании давления на Египет⁷⁰. В Москве считали, что военное усиление Египта делало его менее подверженным внешнему воздействию Запада и в то же время повышало собственные шансы СССР на обретение регионального союзника.

Израильскому премьеру М. Шаретту в ноябре 1955 г. с трудом удалось добиться встречи с Молотовым в Женеве*. В ответ на его разъяснения об опасности, возникающей для Израиля в связи с продажей большого количества оружия Египту, советский министр иностранных дел заявил в духе принятых установок Кремля: «Угроза миру в этом районе исходит не от Египта, который борется за свою независимость и приобретает оружие для оборонительных целей. Подлинную опасность в этом районе представляет создание такого военного блока, как Багдадский пакт, который не может не заставить насторожиться Советский Союз»⁷¹.

1.6. СССР – Египет: поиски взаимопонимания

Прорыв на Ближний Восток, совершенный благодаря оружейной сделке, обеспечил Советскому Союзу качественно новые позиции непосредственно в Египте. Помимо уже работавших посольства и торгпредства, в Каире был создан культурный центр, открылись консульства в Александрии и Порт-Саиде. Как вспоминает мемуарист, «...два года спустя после визита Шепилова у нас уже были корпункты чуть ли не всех центральных газет. Как шу-

* В ноябре 1955 г. в Женеве проходило совещание министров иностранных дел великих держав.

тили сами журналисты, в Каире сейчас представлена вся советская пресса, кроме “Пионерской правды” и “Мурзилки”»⁷².

Важно и то, что Насер стал своего рода мостом для продвижения интересов СССР и его восточноевропейских союзников в арабском мире. При его посредничестве велись переговоры о закупке чехословацкого оружия сирийцами, которых он убеждал, что приобретение оружия у советского блока не повлечет усиления коммунистического влияния⁷³. По просьбе советского правительства он попытался выступить посредником в установлении дипломатических отношений между СССР и Иорданией, что, однако, не имело успеха из-за давления англичан на иорданское правительство.

Однако с самых первых шагов разворачивавшегося сотрудничества с СССР Насер четко ограничивал его содержание и объем, опасаясь, что советская помощь окажется инструментом нажима на Египет в целях выстраивания его политики по советским идеологическим и политическим стандартам. Он сразу же заявил, что избранный Советским Союзом путь построения социализма является слишком жестким и поэтому неприемлем для Египта⁷⁴, и таким образом предостерег от навязывания его стране советских моделей развития. Число военных специалистов, которые должны были прибыть в Египет, он сократил до 20 человек вместо 130, предлагавшихся советской стороной⁷⁵. В египетских СМИ более широкое освещение получили процессы над египетскими коммунистами, чтобы отвести от Насера обвинения со стороны его консервативных политических противников в заключении союза с атеистическим коммунистическим режимом. Насер доказывал, что он импортирует оружие, а не идеологию⁷⁶.

Египетский лидер намеревался минимизировать политические последствия оружейной сделки, разъясняя своим американским собеседникам, что на этот шаг его вынудили требования, предъявлявшиеся армией⁷⁷. Он подчеркивал, что не собирался жертвовать своими связями с США ради сотрудничества с СССР.

В то же время Насер стремился максимально использовать заинтересованность Москвы в расширении связей с Египтом. Так, например, в сентябре 1955 г. египтяне просили предоставить «по сходным ценам» оборудование для создания атомной лаборато-

рии⁷⁸. В июле 1956 г. между СССР и Египтом было заключено соглашение о сотрудничестве в использовании атомной энергии в мирных целях⁷⁹. В марте 1956 г. Насер требовал, чтобы советское руководство разрешило арабским странам обращаться к мусульманам среднеазиатских республик СССР с просьбой помочь в использовании военной техники «в случае возникновения чрезвычайного положения». Он ссылаясь на то, что якобы «западные державы уже разрешили Израилю вербовать летчиков для своей авиации из лиц еврейского населения»⁸⁰. Насеровское руководство пыталось манипулировать своими отношениями с Москвой в интересах укрепления своих переговорных позиций в Вашингтоне, для повышения роли Египта в межарабских отношениях за счет усиления армии.

Насер постоянно требовал от Москвы доказательств верности избранному ближневосточному курсу. В преддверии Женевской конференции министров иностранных дел в западной прессе появились материалы о якобы возможном присоединении СССР к Трехсторонней декларации 1950 г. в обмен на уступки Запада в германском вопросе*. С учетом того, что Декларация рассматривалась арабскими странами как рецидив колониализма, возможно, это была намеренная кампания в целях дискредитации Советского Союза в глазах арабов как ненадежного партнера. Тем более что параллельно появились сообщения о намерениях СССР продать оружие Израилю. Насер потребовал опровергнуть все эти слухи, и, по крайней мере, по поводу продажи оружия Израилю 24 октября 1955 г. было опубликовано специальное опровержение ТАСС.

Советское руководство, вступив на ближневосточную арену в качестве самостоятельного игрока, тщательно избегало резких действий на этом направлении. На постоянно возраставшие запросы египтян о предоставлении им новейших образцов танков и самолетов советские руководители вынуждены были отвечать уклончиво, ссылаясь на то, что техника еще не прошла всех необходимых испытаний⁸¹.

* Вопрос о статусе Германии являлся в послевоенные годы одним из главных пунктов разногласий между СССР и западными державами.

Руководство МИД СССР, располагая информацией об очередной демонстрации военной силы США и Великобритании в Восточном Средиземноморье у арабо-израильского побережья, не считало необходимым требовать от министерства обороны принятия специальных мер в этой ситуации⁸². В Москве опасались возможности военных столкновений с США и Великобританией на почве ближневосточного конфликта, и это становилось долгосрочным политическим императивом в действиях СССР в этом регионе.

1.7. Советско-израильские отношения 1954–1955 гг.: конфронтация нарастает

В то время как сопротивление арабов англо-американским усилиям по втягиванию их в антисоветский блок способствовало расширению советско-арабского сотрудничества, прямо противоположная тенденция складывалась в советско-израильских отношениях. В одном из документов советского МИДа очень конкретно обозначен момент начала ухудшения израильско-советских отношений – середина 1954 г. «Главным показателем этой тенденции к ухудшению отношений с СССР является стремление к заключению военного союза между Израилем и западными державами», – указывалось в документе⁸³. Действительно, в этот период Израиль усиленно добивался от США заключения соглашения, которое гарантировало бы безопасность его границ. Стимулом к этому послужили два события, которые, с точки зрения израильского правительства, серьезно нарушали баланс сил между арабами и Израилем.

В апреле 1954 г. США в поощрение готовности Ирака поддерживать американские планы по созданию «северного яруса» обороны заключили с ним соглашение о прямой военной помощи. Через несколько месяцев после этого была достигнута договоренность между Египтом и Великобританией о ликвидации английской военной базы в зоне Суэцкого канала. В руках египтян оставались английские аэродромы, военное оборудование, в частности радарная установка, позволявшая контролировать до 50% воздушного пространства Израиля. Помимо этого, как полагали в Израиле, соглашение

открывало путь для присоединения Египта к региональной военной организации и дальнейшего включения его в американскую программу военной помощи по иракскому образцу. С учетом крайней враждебности арабского окружения проблема эффективных гарантий сохранения границ государства, целостности его территории и его защиты от агрессии приобретала неотложный характер для израильтян. Премьер-министр М. Шаретт заявил об этом в программной речи в Кнессете 2 апреля 1955 г., подчеркнув, что при всей заинтересованности в сохранении хороших отношений с Советским Союзом, эти требования гарантий Израиль обращает к западному миру, частью которого он себя видит⁸⁴.

В Москве израильская политика, направленная на поиски союзнических отношений с США, рассматривалась исключительно как фактор, способствующий усилению международной напряженности. Статья в «Известиях», специально опубликованная по этому поводу, в грубой форме ставила под сомнение заявления М. Шаретта относительно того, что договор с США выведет Израиль из международной изоляции и обеспечит стабильность. Авторы уже по сложившейся традиции предрекали Израилю превращение в военную базу США и дальнейшее обострение его отношений с арабскими странами⁸⁵.

Заметно менялся тон советской дипломатии в отношении Израиля, которому постоянно напоминали об обязательствах не вступать в антисоветские военно-политические союзы, данных им при восстановлении отношений с СССР в 1953 г. Теперь даже вполне справедливое замечание в справке советского посольства в Тель-Авиве, что Израилю не отводится место в агрессивных группировках, сколачиваемых западными странами на Ближнем Востоке, вызывало большое раздражение у мидовского руководства, и следовало требование не забывать, что израильское правительство проявляет большую активность с целью заключения американо-израильского военного союза⁸⁶. Израильские представители пытались доказывать, что в их стремлении добиться военного соглашения с США нет антисоветских замыслов. Но у советского министра иностранных дел был собственный взгляд на ситуацию: «В любом союзе Америки и Израиля решающими будут американские, а не израильские намерения, потому что Америка сильная, а Израиль слабый».

В.М. Молотов видел в таком альянсе еще один кирпич в строении, возводимом американцами против СССР.

Чем более активной становилась политика СССР на арабском направлении, тем больше ослабевала готовность к сотрудничеству с Израилем. Смена приоритетов в отношениях с ближневосточными странами отчетливо звучит уже в марте 1955 г. в рекомендациях МИД СССР, указывающих, что «отношения между СССР и Израилем должны складываться с учетом интересов СССР и в арабских странах»⁸⁷. На фоне усилившихся антисоветских выступлений в Израиле после «чехословацкой сделки» лейтмотивом политики в отношении Израиля стало преднамеренное торможение развития двусторонних связей, особенно ввиду возможного недовольства ими в арабских странах. На этом основании в сентябре 1955 г. М. Шаретту, еще остававшемуся премьер-министром, было отказано в просьбе о посещении Москвы⁸⁸. По этой же причине в январе 1956 г. было решено воздержаться от приглашения израильской парламентской делегации в СССР⁸⁹. В ответ на предложения советского посла в Тель-Авиве направить в Израиль и соседние с ним арабские страны делегацию для ведения переговоров по вопросу укрепления мира и безопасности в регионе и для изучения возможностей расширения экономических связей Отдел стран Ближнего и Среднего Востока МИДа указывал на планы расширения контактов с арабскими странами, но не с Израилем⁹⁰.

С этого времени начала меняться оценка роли Израиля в ближневосточном конфликте и уже выковывалась та разгромная риторика, которая будет раздаваться в его адрес на протяжении нескольких последующих десятилетий. В выступлении 29 декабря 1955 г. в Верховном Совете СССР Н.С. Хрущев специально осудил действия Израиля, который, по его словам, с первых дней своего существования угрожал своим соседям и проводил в отношении них недружественную политику. Он также заявил, что Израиль используется империалистическими силами как инструмент борьбы против арабских народов в целях эксплуатации природных богатств региона⁹¹. Израиль на советской шкале враждебности теперь занимал одно из первых мест. Упоминаний о нем старательно избегали в директивных партийных документах⁹².

Свою роль в формировании предвзятого, нереалистичного подхода к Израилю играло довольно активное внедрение арабскими представителями на всех уровнях контактов с советскими собеседниками собственных негативных представлений о еврейском государстве и его политике, зачастую искажавших реальное положение дел или содержавших ложные сведения. Так, после выступления Даллеса в августе 1955 г. с планом урегулирования арабо-израильских противоречий арабы усиленно убеждали советских представителей, что Израиль готов согласиться с выгодными ему американскими предложениями⁹³. В действительности это был один из самых драматичных моментов в истории израильско-американских отношений, когда американцы поставили условием сотрудничества с Израилем в сфере безопасности принятие плана урегулирования, предполагавшего отказ от части территории Негева*. Для Израиля это было совершенно неприемлемо. То же самое касалось поставок американского оружия, которое, по утверждению Насера, Израиль якобы получал от США в любых количествах⁹⁴. На самом деле Госдепартамент на все просьбы израильского правительства давал тогда один ответ: любые односторонние шаги в пользу Израиля могут содействовать советской экспансии в арабских странах⁹⁵.

По-видимому, главной причиной устойчивого нежелания советского руководства признавать право Израиля на защиту своей территории и своих граждан была поддерживаемая арабской пропагандой абсолютная убежденность, что Израиль является марионеткой в руках империалистических держав, которые манипулируют им для предотвращения развития нежелательных для себя процессов. Советская печать обходила молчанием непрерывное раздувание враждебности и непримиримости к еврейскому государству в арабских средствах массовой информации, в выступлениях официальных лиц и общественных деятелей. В дипломатических депешах тех лет содержится информация, что арабы – от министров в правительствах до представителей компартий – открыто заявляли о необходимости ликвидации Из-

* Район пустыни Негев являлся частью территории Израиля в соответствии с резолюцией ООН о разделе Палестины от 29 ноября 1947 г.

раиля, сколько бы лет для этого ни понадобилось. Но Москва рассматривала подобные заявления как проявления безответственного экстремизма, не отражающие мнения арабского большинства. Слабые попытки, например, со стороны руководства МИДа, убедить арабских представителей в необходимости трезвого подхода к существующему положению, т.е., исходя из практических соображений, принять существование Израиля, встречались упрямыми возражениями, что само существование Израиля является угрозой для арабов⁹⁶.

Попытки израильских представителей разъяснить серьезность возрастания угрозы Израилю в связи с приобретением Египтом современного советского оружия наталкивались на неизменный ответ советского министра иностранных дел: арабы делают это для укрепления обороноспособности. Рассуждения В.М. Молотова о том, что арабы слабы, поскольку до недавнего времени они были в колониальной зависимости, что они боятся Израиля, а вот Израиль готовится к войне, строит убежища и оборонительные линии⁹⁷, отражают образ мышления, превалировавший в верхних эшелонах власти. Они хорошо укладывались в упрощенную схему ближневосточного конфликта, в которой региональные игроки делились на «своих» и «чужих». Не вызывали отклика и попытки израильских представителей пробудить интерес советского руководства к выполнению посреднической роли, чтобы добиться согласия арабов на прямые переговоры с Израилем⁹⁸.

В результате при принятии важных политических решений антиизраильские, а порой и просто антисемитские аспекты арабского националистического дискурса фактически не подвергались критической оценке. Достаточно было того, что своим острием он направлен против сохранения господства колониальных и империалистических держав в регионе. В Израиле же творцы советской ближневосточной политики выделяли прямо противоположные тенденции: разгул антисоветизма в проправительственной прессе, нескрываемая ориентация на Запад на международной арене. Возмущенную реакцию у Молотова вызывали заявления израильтян, что продажа оружия Египту является поддержкой агрессора. Но прямые выпады арабских представителей против самого существования Израиля, который они называли

«занозой в теле арабских стран», не находили возражений у советского министра иностранных дел⁹⁹.

Результатом такого подхода становились и оценки столкновений в приграничных районах, которые советская сторона рассматривала как провокации Израиля, устраиваемые при поддержке США, а то и прямо организуемые американскими спецслужбами¹⁰⁰. Так, в Москве возложили всю ответственность за инцидент в Газе в феврале 1955 г. на израильскую сторону, сделав вывод, что он «спровоцирован Израилем с полного одобрения правительства США и является средством давления на арабские страны с целью заключения мира между Израилем и арабскими странами и вовлечения арабских стран в турецко-иракский военный блок»^{*,101,102}. Действительно, израильский рейд в Газе не был обусловлен только действиями арабских диверсантов, как уже говорилось выше. Но причастность к нему американцев опровергается, например, недоуменной реакцией Дж. Даллеса, который не мог найти объяснений этого шага израильтян в момент, когда активно разрабатывался план по арабо-израильскому урегулированию¹⁰³.

Проникновение на израильскую территорию небольших групп арабов из Сирии, Иордании или из Газы было вызовом для безопасности Израиля с первых лет его существования. Конечно, были случаи, когда арабы пересекали линии перемирия исключительно по личным мотивам (например, пытавшиеся вернуться в свои дома беженцы) или из криминальных побуждений (воры, грабители). Но правда и в том, что так называемые арабские «инфильтранты» убивали мирных жителей, минировали мосты и дороги, обстреливали автомашины. Власти арабских стран не только не пытались останавливать эту диверсионную деятельность, но скрыто поддерживали ее^{**}.

* В работах отечественных авторов даже постсоветского периода сохраняется подобная оценка инцидента в Газе: Пелипась М.Я. Суэцкий кризис 1956 г. С. 543–584.

** С середины 1953 г. египетская военная разведка в сотрудничестве с Иорданией готовила боевые группы для проникновения на территорию Израиля. *Бергман Р.* Восстань и убей первым. М.: Колибри. 2020. С. 57. Подробная история борьбы Израиля с арабскими инфильтрантами и терроризмом феодалов в 1949–

Однако в советской позиции по ближневосточному конфликту расхожим местом стало утверждение, что арабская угроза – вымысел Израиля, распространяемый для осуществления собственных агрессивных планов. В работах даже самых осведомленных советских авторов не упоминалось потерях, которые нес Израиль в результате арабских диверсий на его территории¹⁰⁴. Советский посол в Израиле считал, что сообщения в израильской печати о фактах арабской диверсионной деятельности – не более чем предлог к продолжению «политики возмездия», т.е. агрессии в отношении арабских стран¹⁰⁵.

В новейших исследованиях по этому вопросу, в том числе израильских авторов, признается, что часть операций против арабов, проводившихся израильскими военными, действительно носила провокационный характер¹⁰⁶. Но в донесениях советских дипломатов подчеркивалось, что *все* инциденты на линиях перемирия Израиля с соседними арабскими странами происходят исключительно вследствие израильских провокаций. Возможно, причиной подобной «дипломатической близорукости» являлись директивы Москвы изыскивать где только возможно подтверждения агрессивности и проимпериалистического настроения Израиля. Ведь В.М. Молотов в своих воспоминаниях говорил, что «наша дипломатия 30, 40, 50-х годов была очень централизованной, послы были только исполнителями определенных указаний»¹⁰⁷. Картина конфликта, таким образом, представляла в искаженном виде, а советская позиция становилась все менее объективной, приобретала только ту тональность, которая удовлетворяла арабскую сторону.

1950-х гг. изложена в: *Morris B. The Righteous victims. A History of the Zionist-Arab conflict 1881–2001*. NY: Vintage Books. 2001.

По сведениям, содержащимся в этой работе, в 1949–1955 гг. жертвами арабов на приграничных с сектором Газа и Иорданией территориях стали 333 израильтянина (Р. 298). По другим израильским источникам, с 1951 по 1956 г. в результате арабских атак погибло 400 израильтян и 900 было ранено. URL: <https://www.jewishagency.org/> (дата обращения: 20.08.2020). Б. Моррис указывает также, что в результате оборонительных мер Израиля или акций возмездия в первые 5–6 лет существования государства погибло от 2500 до 5000 арабов (Р. 274).

1.8. Первые шаги СССР в урегулировании конфликта

В ранние годы развития ближневосточного конфликта Советский Союз видел главную угрозу своим интересам на Ближнем Востоке в создании антисоветских военно-политических союзов и не стремился инициировать какие-либо планы урегулирования арабо-израильского конфликта. СССР поддерживал резолюцию Совета Безопасности по Палестине от ноября 1947 г. за исключением интернационализации Иерусалима. Позиция советских представителей в основном сводилась к рекомендациям арабским странам и Израилю решать все спорные вопросы путем переговоров без участия посредников. Объективно у советской стороны и не было рычагов воздействия на региональных игроков, которыми обладали западные державы.

Открывавшиеся перспективы расширения взаимодействия с арабскими странами, особенно после «чехословацкой сделки», заставляли Москву активизировать свое участие в урегулировании ближневосточного конфликта. К тому же с 1955 г. в зоне конфликта происходило неуклонное нарастание напряженности. Увеличивалось число арабских диверсионных рейдов против Израиля. Помимо блокады Суэцкого канала для транзита направлявшихся в Израиль судов, египетские власти после рейда в Газе ужесточили блокаду Акабского залива. Это перекрывало для Израиля удобный выход на азиатские и африканские рынки и лишало доступа к иранской нефти, заставляя приобретать 1–2 млн т этого необходимого сырья по более высокой цене на более отдаленных рынках¹⁰⁸. Успех Египта в создании военных союзов с Сирией, Саудовской Аравией, Иорданией в противовес Багдадскому пакту рассматривался Израилем как прямая угроза его безопасности. В израильском руководстве усиливались позиции сторонников силового ответа на арабские вызовы.

Ситуация в арабо-израильском конфликте становилась одним из наиболее острых вопросов международных отношений, требовавших принятия мер для предотвращения военной вспышки. Советскому Союзу необходимо было дать ответ на западные планы по решению палестинской проблемы, обнародование которых не в последнюю очередь было вызвано советским продви-

жением на Ближнем Востоке после «чехословацкой сделки». Первые попытки встроиться в процесс урегулирования палестинского вопроса* были, прежде всего, нацелены на то, чтобы подорвать доминирование США и Англии в урегулировании конфликта. Все американские и английские предложения по урегулированию рассматривались исключительно под углом продвижения посредством миротворческой деятельности империалистических целей, направленных на расширение военных баз, размещение вооруженных сил и установление контроля над арабскими странами.

Из этого следовали установки на противодействие любым западным планам по урегулированию арабо-израильских противоречий, будь то американская программа оказания помощи беженцам или разработанный американскими специалистами план по распределению водных ресурсов. В то же время арабским представителям настойчиво внушалась мысль, что в вопросах урегулирования им следует ориентироваться не на американское посредничество, а на помощь ООН¹⁰⁹. Тогда же возникла идея проведения совещания великих держав – СССР, США, Англии и Франции – совместно с представителями арабских стран и Израиля для предварительного обмена мнениями о путях урегулирования арабо-израильского конфликта¹¹⁰.

Новый министр иностранных дел Д.Т. Шепилов, сменивший В.М. Молотова на этом посту в июне 1956 г., давал более реалистичные оценки ситуации в арабо-израильском конфликте, которые отличались от жесткого конфронтационного тона его предшественника. В беседе с Генеральным Секретарем ООН Д. Хаммаршельдом он, например, выделял роль ООН в создании благоприятного психологического климата для контактов двух сторон, без чего, как он считал, нельзя переходить к решению конкретных проблем¹¹¹. Однако никаких определенных предложений по урегу-

* Дж. Даллес в одном из своих выступлений 26 августа 1955 г. изложил американское видение урегулирования конфликта; в январе 1956 г. был опубликован план урегулирования британского премьер-министра Э. Идена.

Комплекс вопросов, связанных с арабо-израильским конфликтом, в конце 1940-х – начале 1950-х гг. в дипломатическом обиходе называли палестинской проблемой.

лированию основных спорных вопросов между Израилем и арабами советская сторона не выдвигала, поскольку любые компромиссные варианты могли «скомпрометировать» СССР в глазах арабских союзников.

В этапном заявлении МИДа по Ближнему Востоку от 17 апреля 1956 г. главный акцент как всегда делался на том, что причиной международных трений и конфликтов в регионе является сколачивание военных группировок, «служащих целям колониализма и направленных как против независимости народов этого региона, так и против безопасности миролюбивых стран»¹¹². В то же время в этом документе, в отличие от предыдущих советских заявлений, признавалась опасность обострения арабо-израильского конфликта для положения на Ближнем Востоке. В нем прослеживалась попытка сбалансировать подход к враждующим сторонам, выражалась поддержка как арабских стран, так и Израиля в их усилиях по укреплению государственной независимости. Заявление было приурочено к первому визиту советских руководителей Н.С. Хрущева и Н.А. Булганина в Великобританию, поэтому в нем в осторожной форме по существу впервые даже воздавалось должное действиям Англии и Франции, способствовавшим разрешению ближневосточных проблем на базе признания независимости и суверенитета государств региона*.

Заявление вызвало недовольство арабских представителей, усмотревших в нем слишком уравнительный подход к сторонам конфликта. Так, сирийский посол в Москве доказывал советскому дипломату, что пока существует Израиль, ни какие бы то ни было меры ООН, ни стабилизация положения в демилитаризованных зонах не могут избавить арабов от угрозы войны¹¹³. Однако в условиях, когда постсталинское руководство развивало курс на сотрудничество с Западом по важнейшим проблемам международных отношений, уравновешенная позиция по ближневосточному конфликту считалась вполне оправданной.

Могла ли активизация советской политики в отношении ближневосточного конфликта в 1956 г., более реалистичный взгляд на

* Визит Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева и Председателя Совета министров СССР Н.А. Булганина в Лондон состоялся 18–27 апреля 1956 г.

сам конфликт привести к взаимодействию СССР с западными державами в целях предотвращения новой войны в регионе? Лондонский визит советского руководства, в ходе которого активно обсуждались ближневосточные проблемы, в частности, вопрос об ограничении поставок оружия, показал достаточно серьезное расхождение позиций. Дело было не только в разноплановости интересов и противоположности целей. Поиски взаимопонимания затруднялись и по причинам полярности мировоззрений. Для англичан с их остаточным колониалистским мышлением была, например, непонятна бурная реакция Хрущева на заявление английского премьера Э. Идена о том, что в случае угрозы своим нефтяным интересам на Ближнем Востоке британцы будут воевать¹¹⁴. Такие заявления не могли рассматриваться иначе как посягательства на суверенные права независимых государств, намерения империалистов военным путем осуществлять контроль над ближневосточными ресурсами. Совместное заявление по Ближнему Востоку, выдержанное в нейтрально-отвлеченных тонах, наглядно отражало отсутствие точек пересечения по конкретным вопросам, хотя обе стороны признавали важность усилий Совета Безопасности по поддержанию мира в регионе¹¹⁵.

Действительно, американцы и англичане уже не могли не считаться с советскими претензиями на роль серьезного игрока на ближневосточной арене. В Госдепартаменте складывалось мнение, что Запад не в состоянии мирными средствами ликвидировать советское влияние на Ближнем Востоке¹¹⁶. Задача теперь заключалась в том, чтобы сдерживать и минимизировать советские возможности, в частности, это касалось самого формата обсуждения ближневосточных проблем. Вариант широкого форума с участием четырех держав и региональных государств, на котором требования Советского Союза относительно ликвидации Багдадского пакта и гарантий против военного вмешательства Запада могли получить поддержку большинства, отвергался как неприемлемый для интересов США и их союзников. Американские аналитики полагали, что присоединение Советского Союза к «трехстороннему форуму» (Англия, Франция, США) или согласие на советское участие в широкой ближневосточной конференции «заинтересованных государств» будет означать психоло-

гическое и пропагандистское поражение Запада¹¹⁷. В качестве оптимального поля для взаимодействия с СССР предлагалось использовать Совет Безопасности ООН. «Как бы мы ни относились к легитимности советских претензий, было бы странно и непрактично игнорировать советские предложения о поддержке ООН и “соответствующих” решений Совета Безопасности, их призыв воздерживаться от усугубления ситуации и их заявления о необходимости добиваться прочного мирного урегулирования», – комментировало американское посольство в Москве советское заявление от 17 апреля 1956 г.¹¹⁸ Американцы были заинтересованы в стабилизации арабо-израильского конфликта, что, как они полагали, должно было способствовать укреплению западных позиций на Ближнем Востоке. Некоторое ограничение свободы действий Запада рассматривалось как допустимая цена за сотрудничество с СССР, если бы это привело к ограничению советской активности. В то же время Вашингтон не собирался идти ни на какие компромиссы в отношении Багдадского пакта, что, естественно, препятствовало расширению взаимодействия с Москвой.

Советское руководство стояло перед стратегическим выбором: развивать взаимодействие с Западом, что неизбежно подрывало бы кредит доверия арабов, либо выстраивать собственную политическую линию на волне суверенизации арабских народов и роста антизападных настроений. Было очевидно, что у СССР остается гораздо более узкое поле для маневров в арабо-израильском конфликте, чем у западных соперников. Хотя на уровне политических заявлений была сделана попытка уравновесить советскую позицию в отношении сторон конфликта, но на практике преобладал проарабский крен. Новый министр иностранных дел Д.Т. Шепилов посетил в своем ближневосточном турне в июне 1956 г. Египет, Сирию и Ливан, но не Израиль. Правда, во время визита в Дамаск Шепилов воздержался от принятия совместных резких антиизраильских заявлений, несмотря на настойчивые уговоры сирийского руководства¹¹⁹.

Но все же уровень доверия в отношениях с арабскими странами оставался низким. Неслучайно Насер, получив подробную информацию из Москвы о лондонских переговорах, в ходе кото-

рых поднимался вопрос о возможности достижения договоренностей в рамках ООН об ограничении поставок оружия на Ближний Восток, поспешил установить дипломатические отношения с Китайской Народной Республикой, не являвшейся тогда членом ООН*. По утверждению М. Хейкала, таким образом египетский президент стремился зарезервировать альтернативный источник поставок вооружений на случай реализации предложений Хрущева¹²⁰.

Свое сотрудничество с советским блоком Насер был склонен рассматривать на этой стадии, скорее, как средство шантажа в отношениях с Западом, а не реальную и долговременную стратегическую альтернативу. Так, например, Насер довольно упорно отклонял советские предложения помощи в сооружении Асуанской плотины, до последнего рассчитывая получить кредиты от Запада**. Но вот после июньского визита Шепилова в Египет у американцев появилась информация о советских предложениях по Асуанскому проекту на совершенно фантастических условиях. Якобы советская сторона предлагала египтянам беспроцентный заем в 400 млн*** сроком на 60 лет и аннулирование долга Египта за оружие, закупленное ранее у стран Варшавского договора****. Кроме того, Советский Союз якобы был готов закупать весь урожай египетского хлопка и построить в Египте сталелитейный завод на очень выгодных условиях займа¹²¹. В заключенном уже в 1958 г. советско-египетском соглашении о строительстве первой очереди Асуанской плотины действительно указана сумма кредита в

* До 1971 г. место Китая в ООН занимал представитель Тайваня.

** В литературе есть упоминания, что еще в декабре 1955 г. Египет получал советские предложения об участии в финансировании строительства Асуанской плотины (См., например: *Ro'i Y. From Encroachment to Involvement*. P. 175). В начале 1956 г. Египет добился договоренностей о получении кредитов для финансирования Асуанского проекта от Всемирного банка, США и Англии. Но к лету этого года у египетского руководства уже было достаточно оснований полагать, что эти договоренности не будут выполнены (См.: *Heikal M. Nasser. The Cairo Documents*. Pp. 63–71).

*** В американском документе наименование валюты не указано.

**** Варшавский договор, подписанный 14 мая 1955 г., оформил создание военного союза восточноевропейских социалистических государств при ведущей роли СССР.

400 млн *рублей* с погашением в течение 12 лет из расчета 2,5% годовых¹²².

Вряд ли можно согласиться с утверждениями о том, что в решении Насера национализировать Суэцкий канал сыграло роль согласие советского правительства на участие в финансировании строительства Асуанской плотины¹²³. Летом 1956 г. у советской стороны не было выработано окончательного и однозначного решения по этому вопросу¹²⁴. Всего через месяц после ближневосточного визита Шепилова советское посольство в Египте давало свои рекомендации в связи с предполагавшимся приездом в Москву Г. Насера, в том числе: «В случае если египтяне затронут вопрос о строительстве Асуанской плотины... можно было бы высказать мысль о несвоевременности строительства этого объекта, ввиду дороговизны...»¹²⁵. В документах содержится и ряд других свидетельств уклонения Шепилова от обсуждения этого вопроса с арабскими представителями. В Москве, видимо, пока не были готовы взять на себя обязательства по этому дорогостоящему проекту. Попавшая к американцам малоправдоподобная информация, видимо, была запущена самими египтянами, когда они уже были осведомлены, что в Вашингтоне склоняются к отмене обещаний по Асуану. В этот критический момент необходимо было пригрозить возможностью разворота в сторону СССР. Однако эта информация возымела противоположный эффект. Она стала еще одним фактором, сыгравшим роль в отказе Египту в западных кредитах. Как считал Даллес, население Египта будет возлагать ответственность за экономические тяготы, неизбежные при реализации столь масштабного проекта, на правительство Насера и СССР, что в долгосрочной перспективе принесет выигрыш США.

1.9. Советская политика в Суэцком кризисе: в преддверии войны

Объявленная Насером в декрете от 26 июля 1956 г. национализация Суэцкого канала вызвала серьезный кризис в отношениях Египта с Англией и Францией – главными бенефициарами Всеобщей компании морского Суэцкого канала. Премьер-министр Великобритании Э. Иден, считая Насера советской марионеткой, по-

лагал, что, захватив контроль над Суэцким каналом, он будет стремиться разрушить политические и торговые связи Лондона с арабскими странами и воспрепятствовать снабжению Европы дешевой нефтью. Французское правительство рассматривало национализацию Суэцкого канала как еще один сигнал арабам и, прежде всего, алжирским повстанцам о поддержке их борьбы за ликвидацию колониальной зависимости. Британские и французские политики сравнивали поведение Насера с действиями нацистской Германии в предвоенный период. Это сравнение Насера с Гитлером стало расхожим в британском и французском политическом языке летом 1956 г.¹²⁶ Устранение Насера, разрушавшего колониальные порядки на Ближнем Востоке, становилось одной из приоритетных целей британского и французского правительств.

Суэцкий кризис стал важной вехой в формировании советской ближневосточной политики. Первая советская реакция на заявление Насера о переходе Суэцкого канала в собственность египетского государства последовала лишь через несколько дней. Это в какой-то степени косвенное доказательство того, что Москва не только не подстрекала Насера к принятию таких радикальных мер, но и не была информирована о намерениях египетской стороны. Конечно, для советского руководства правомерность распространения суверенных прав Египта на объект, расположенный на его территории, не вызывала сомнений. Хрущев, выступая перед собранием строителей Москвы 31 июля 1956 г., не преминул указать, что национализация Суэцкого канала затрагивает интересы бывшей компании Суэцкого канала, лишая ее возможностей обогащаться за счет Египта, но никак не влияет на функционирование важного международного пути с учетом обязательств Египта уважать свободу судоходства. В относительно спокойных тонах было выдержано обращение СССР к народам и правительствам Англии и Франции с призывом не разжигать вражды между государствами в связи с Суэцким каналом и стремиться к мирному урегулированию спорных вопросов¹²⁷.

Дальнейшее развитие событий давало вполне определенный ответ на вопрос о возможности взаимодействия с Западом по проблемам регионального порядка. Точки зрения сторон оказались диаметрально противоположными. В месяцы, предшествовавшие

англо-франко-израильской интервенции в Египте, советская сторона безусловно оправдывала национализацию канала с правовой точки зрения, тогда как именно нарушение Константинопольской конвенции от 1888 г.^{*} вменялось западными странами в вину египетскому правительству. Советское правительство указывало, что «национализация собственности предприятий, находящихся на территории того или иного государства, согласно общепризнанным принципам международного права, является внутренним делом данного государства» и представляет собой реализацию зафиксированного в резолюции ООН от декабря 1952 г. права народов свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами¹²⁸. Для англичан и французов, помимо материальной стороны, остро стоял вопрос о сохранении свободы пользования каналом. Все более проецируя на Насера образ непредсказуемого диктатора наподобие Гитлера, они желали получить гарантии, что канал не будет использоваться в политических целях. Но так называемый «план Даллеса» по созданию Ассоциации пользователей Суэцким каналом был провален в значительной степени благодаря усилиям советской дипломатии. С точки зрения советской стороны, его реализация сохранила бы контроль над каналом в руках империалистических держав и изолировала бы Египет от поддерживающих его государств.

Из-за накалявшейся ситуации вокруг Суэцкого вопроса важной политической задачей для Москвы стало сохранение в неприкосновенности режима Насера. По некоторым сведениям, в 1956 г. в Каир были направлены два высококвалифицированных агента КГБ для помощи в обеспечении охраны Насера и предотвращения покушений на его жизнь^{**}. Шепилов предостерегал Насера от поездки в Лондон на конференцию по вопросу будущего статуса Суэцкого канала, т.к. были опасения, что его отсут-

^{*} Конвенция об обеспечении свободного пользования Суэцким каналом была подписана 29 октября 1888 г. в Константинополе Австро-Венгрией, Великобританией, Германией, Испанией, Италией, Люксембургом, Голландией, Россией, Турцией и Францией.

^{**} О планах британской и американской разведок по физическому устранению Г. Насера см.: *Von Tunzelman A. Blood and Sand. Suez, Hungary and Eisenhower's Campaign for Peace*. Pp. 169–173.

ствием в Каире могут воспользоваться оппозиционные силы. Советский министр иностранных дел, видимо, не без оснований предполагал, что «империалистической агентурой» могут быть предприняты попытки прямых террористических действий против египетского президента ¹²⁹. Для западных держав, напротив, ликвидация режима Насера как главной силы, подрывавшей позиции прозападных правительств на Арабском Востоке, становилась не менее важной задачей, чем восстановление прав на Суэцкий канал.

Расхождения между великими державами в отношении политики в Суэцком кризисе были значительными и в общем непреодолимыми, но тем не менее Советский Союз задействовал обширный дипломатический инструментарий, выступив впервые в послевоенной истории реальным игроком в вопросах, непосредственно связанных с ближневосточным конфликтом. Н.С. Хрущев отмечал в своих мемуарах, что «использование нашего международного влияния для предотвращения агрессии Англии, Франции и Израиля против Египта в 1956 г. было историческим поворотным пунктом» ¹³⁰.

В предыдущие годы СССР мог использовать для выражения своей позиции по Ближнему Востоку только трибуну ООН, т.к. западные державы блокировали любое другое его участие в деятельности, связанной с конфликтом. В августе 1956 г. советское правительство получило приглашение на Лондонскую конференцию по Суэцкому вопросу. Судя по документам, решение об участии в ней далось непросто. 4 августа Шепилов сообщил Насеру, что Советский Союз собирается отклонить английское предложение, а 5 августа тактика уже была изменена и приглашение принято ¹³¹. Старые стереотипы не позволяли участвовать в мероприятии, которое считали неправомерным как по составу, так и по его целям, направленным на ущемление суверенных прав освобождающегося от колониальной зависимости Египта. Однако перевесило соображение, что участие в конференции будет способствовать взлому монопольного западного влияния во всех вопросах, касающихся Ближнего Востока. Скоординированная с Египтом и другими странами позиция СССР на Лондонской конференции не позволила западным державам добиться принятия

решения о формировании международного органа по управлению Суэцким каналом, и это стало очевидным успехом советской дипломатии.

В Совете Безопасности ООН 13 октября 1956 г. Советский Союз применил право вето по второй части англо-французского проекта резолюции, который предусматривал «интернационализацию канала» по образцу, предложенному на Лондонской конференции*. Это также отвечало поставленной советским правительством задаче не допустить ущемления суверенных прав Египта. При этом советский представитель поддержал шесть принципов функционирования Суэцкого канала, содержащихся в первой части проекта резолюции, в том числе свободный и открытый проход через канал без какой-либо дискриминации, уважение суверенитета Египта, решение спорных вопросов через арбитражный суд. В дальнейшем в 1957 г. они были положены в основу урегулирования вопроса о статусе Суэцкого канала.

Важной задачей советской деятельности в период Суэцкого кризиса являлось его урегулирование мирными средствами. Перерастание конфликта в военную фазу не соответствовало интересам СССР. В Москве опасались, что поражение Египта повлечет за собой его оккупацию англо-французскими войсками, падение режима Насера и укрепление консервативных сил в регионе. Это, в свою очередь, могло спровоцировать эскалацию противостояния с Западом на глобальном уровне. В целях предотвращения военного столкновения на Ближнем Востоке советское правительство, помимо заявления о своей позиции на таких международных форумах, как Лондонская конференция и Совет Безопасности ООН, широко применяло инструментарий двусторонних контактов. Только за сентябрь–октябрь 1956 г. британскому премьер-министру трижды направлялись послания от имени Председателя Совета министров СССР, в которых выражалась обеспокоенность опасным развитием событий и предлагалось совместными усилиями добиваться справедливого мирного урегулирования Суэцкого вопроса¹³². Аналогичные послания на-

* Речь шла в основном о распределении доходов от пользования Суэцким каналом.

правлялись главе французского правительства¹³³, а также руководству Израиля¹³⁴.

Подъем воинственных настроений в Израиле на фоне Суэцкого кризиса и вероятность использования его западными державами как военной силы против Египта не оставались незамеченными Москвой¹³⁵. В обстановке нарастания напряженности в связи с Суэцким кризисом там считали, что рост числа инцидентов на демаркационных линиях Израиля с арабскими странами – это еще один способ нажима на арабов. Действительно, летом–осенью 1956 г. израильская армия интенсифицировала массированные удары по египетским и иорданским целям в качестве репрессалий за действия арабских диверсантов.

В июле 1956 г. израильская военная разведка ликвидировала с помощью отправленных по почте бомб-ловушек двух египетских офицеров, которые, по израильским сведениям, непосредственно занимались подготовкой отрядов фидайнов¹³⁶. Насер в одной из бесед с советским послом в Египте с глубоким прискорбием сообщал о гибели своих друзей «от подлых и гнусных приемов израильской разведки»¹³⁷, но не раскрывал характера их деятельности, ставшей причиной такого конца. Советский посол в Израиле информировал Москву, что нападения арабов на израильских солдат и мирных жителей совершаются в ответ на израильские провокации. Основная мысль советских дипломатов состояла в том, что Израиль ведет малую войну против арабских стран, которая является «составной частью политики “с позиции силы”, проводимой западными державами»¹³⁸. В дипломатических депешах любые приводившиеся израильтянами доказательства арабской агрессивности, факты потерь Израиля из-за нападений арабов характеризовались как обман, хотя советские спецслужбы не могли не знать о масштабах деятельности арабских диверсантов. Поступавшие от израильских представителей предложения советскому правительству обратиться к арабским странам с предостережением от продолжения агрессивных актов полностью игнорировались.

Не вызывали никакой реакции с советской стороны попытки израильтян побудить Советский Союз использовать свое влияние в арабских странах, чтобы подтолкнуть их к началу мирных

переговоров. Характерен в этом отношении эпизод, о котором Насер сообщил советскому послу в Египте. Еще до объявления о национализации Суэцкого канала Насер встречался в июле 1956 г. с президентом Югославии И. Тито и премьер-министром Индии Дж. Неру на о. Бриони (Югославия), где югославская сторона передала ему письмо Бен-Гуриона. Израильский лидер намеревался приехать на Бриони и изложить Насеру свои условия урегулирования отношений Израиля с арабскими странами. В обмен Бен-Гурион предлагал свои посреднические услуги в получении любой американской помощи. Насер от встречи с Бен-Гурионом отказался¹³⁹.

В беседе с Насером советский посол даже не попытался как-то определить свою позицию в пользу переговоров. Это, видимо, не в последнюю очередь было связано с «американским следом» в предложениях Бен-Гуриона. Советская позиция заключалась в том, что поиски путей мирного урегулирования должны вестись только через ООН, однако арабские страны фактически блокировали эту возможность. Оправдание советской стороной любых антиизраильских действий арабов, пренебрежение интересами безопасности Израиля подкрепляли убежденность израильтян, что для решения проблем с арабскими соседями действовать нужно собственными силовыми средствами.

1.10. Советская политика в период военных действий на Ближнем Востоке в 1956 г.

Эффективность развернутой Советским Союзом политико-дипломатической деятельности по предотвращению войны на Ближнем Востоке оказалась невысокой. Логика развития конфликта и расстановка сил в кризисной ситуации не оставляли места для СССР как влиятельного участника урегулирования. Даже, казалось бы, выигранная у Запада партия в борьбе против «интернационализации канала» в конечном итоге сыграла на руку западным союзникам. Под предлогом того, что советское вето по резолюции в СБ завело ситуацию в переговорах в тупик, ими было принято окончательное решение в пользу военного варианта.

Франция и Израиль еще летом 1956 г. вступили на путь секретного сотрудничества против общего арабского врага*. В то время как в конце сентября – октябре 1956 г. в ООН шло обсуждение Суэцкого вопроса, а израильские представители убеждали советских дипломатов, что Израилю безразлично, кому будет принадлежать Суэцкий канал¹⁴⁰, Франция и Израиль разрабатывали планы совместных военных действий против Египта.

Израильское руководство взяло курс на войну, к которой подталкивали постоянные вылазки арабских инфильтрантов. Многие в Израиле были убеждены в неизбежности «второго раунда» – нового нападения арабов, и это усиливало воинственные настроения в офицерском корпусе и в израильском обществе в целом. В переговорах с французскими представителями летом – осенью 1956 г., проводившихся в строгой секретности, было выработано соглашение о совместной военной операции против Египта, целью которой было свержение Насера и разгром египетской армии.

После длительных колебаний, вызванных главным образом опасениями окончательно испортить отношения с арабами, к этому плану присоединилось и британское правительство во главе с Э. Иденом. Насер не только подрывал колониальные устои на Ближнем Востоке, но и, как полагали на Западе, особенно после «чехословацкой сделки», постепенно переориентировался на коммунистический блок. Не последнюю роль играли и психологические факторы. К египетскому лидеру европейские политики испытывали большую неприязнь¹⁴¹. Напротив, с некоторыми израильтянами французских социалистов связывал опыт совместной борьбы в рядах французского сопротивления в годы Второй мировой войны. Участников секретных переговоров объединяла общая цель – нанести удар по насеровскому режиму, которому они приписывали возрождение нацистской политики уничтожения евреев¹⁴². 24 октября представители Израиля, Франции и Великобритании подписали в Севре (близ Парижа) совершенно секретный про-

* Франция была заинтересована в использовании египетско-израильского противостояния в целях ликвидации режима Насера, который был важной военно-политической опорой алжирских повстанцев.

токол, фактически являвшийся тайным сговором трех правительств о крупномасштабном военном нападении на Египет с целью захвата зоны Суэцкого канала. Его содержание могло настолько скомпрометировать участников в глазах мировой общественности, что британский премьер-министр Иден потребовал уничтожить все письменные копии этого документа. Только Бен-Гурион успел увезти свой экземпляр в Израиль.

Абсолютная секретность всех договоренностей о готовящейся войне сопровождалась дезинформационными маневрами Израиля с целью сосредоточить внимание мировой общественности на иордано-израильской границе, где действительно складывалась напряженная ситуация. Некоторая предвзятость информации, поступавшей от советских дипломатов и разведслужб, была обусловлена сильным влиянием арабских источников. В Египте были уверены, что Израиль готовит атаку на Иорданию. Начальник канцелярии египетского президента А. Сабри в беседе с советским послом уже 29 октября, за несколько часов до израильского вторжения утверждал, что мобилизация в Израиле связана с положением в Иордании и что Израиль не готов к серьезной войне¹⁴³.

Когда 29 октября израильская армия начала наступление на территории Египта, Главное разведывательное управление Генерального штаба СССР со ссылкой на каирские газеты докладывало, что «Англия якобы готова оказать помощь Египту в изгнании израильских войск и находится в готовности нанести удар в течение 24 часов по Израилю или другому агрессору на Среднем Востоке»¹⁴⁴. Однако смысл происходящего на Ближнем Востоке стал очевиден после того, как 30 октября Англия и Франция в ультимативной форме потребовали от Египта и Израиля прекратить военные действия. В случае невыполнения этого требования Египет должен был согласиться на ввод британских и французских войск в Порт-Саид, Исмаилию и Суэц, города в зоне Суэцкого канала. Один из соратников Идена весьма цинично разъяснял смысл ультиматума: «Евреи примут его. Египтяне откажутся, и тогда у нас будет предлог, чтобы атаковать Египет, свергнуть Насера и уплыть, оставив дружественные правительства в Каире и Тель-Авиве»¹⁴⁵.

В этот же день советский представитель в Совете Безопасности ООН охарактеризовал действия правительств Англии и Франции как «попытку использовать создавшееся в результате агрессии Израиля положение в Египте для вооруженного захвата Суэцкого канала»¹⁴⁶. Из заявления советского правительства от 31 октября 1956 г. следовало, что экстремистские круги Израиля встали на преступный путь, опасный для его собственного будущего, а вооруженная интервенция Англии и Франции против Египта является грубым нарушением его законных суверенных прав и противоречит обязательствам, принятым на себя государствами – членами ООН. Советское правительство предупреждало агрессоров, что на них ложится ответственность за опасные последствия нарушения ими мира и безопасности¹⁴⁷.

В Москве имелось, правда несколько искаженное, представление о роли США в разворачивавшихся на Ближнем Востоке военных событиях. Видимо под влиянием египетской информации, посольство сообщало, что американцы, считая войну неизбежной, дают Израилю зеленый свет¹⁴⁸. Министр иностранных дел Шепилов был убежден, что «англичане и французы не решились бы на такой шаг, не заручившись в той или иной форме согласием Америки»¹⁴⁹. В то же время советские дипломаты вполне трезво полагали, что стратегическая задача США заключается в вытеснении с Ближнего Востока «других, чтобы занять место самим».

Оценивая позицию высшего американского руководства, современные зарубежные исследователи приходят к заключению, что, скорее всего, к 27 октября президент Эйзенхауэр и госсекретарь Даллес были информированы спецслужбами об очень высокой вероятности англо-французского сговора с Израилем в целях вторжения в Египет¹⁵⁰. Однако Даллес всегда отрицал это, исходя, видимо, из того, что в большей мере в интересах США было создать впечатление о полной неожиданности для американского руководства нападения на Египет. Братья Даллесы* не считали предосудительными намерения Великобритании, Франции и Израиля покончить с режимом Насера. Разногласия касались только методов и способов подрывной деятельности в целях устрани-

* Ален Даллес возглавлял ЦРУ в 1953–1961 гг.

ния египетского лидера. В то же время, как говорил сам Дж.Ф. Даллес, Великобритания и Франция «совершали самоубийство», начиная войну на Ближнем Востоке. С точки зрения американцев, это открывало дорогу для усиления позиций США. Архивные материалы не дают окончательного ответа о степени осведомленности Вашингтона в этом вопросе, поскольку А. Даллес, например, уничтожил большую часть своих документов¹⁵¹, но очевидно, что ослабление и окончательное устранение старых колониальных держав с ближневосточной арены отвечало интересам США.

Категорическим противником войны выступил президент Эйзенхауэр. Он неоднократно подчеркивал, что пока он является президентом США, страна не будет участвовать ни в какой агрессии¹⁵². В своей речи по радио 31 октября он прямо назвал действия Англии и Франции нападением на Египет и заявил, что американское правительство отвергает использование силы как способ решения международных споров¹⁵³. Именно Эйзенхауэр играл решающую роль в выработке американской позиции в отношении войны. В момент, когда 6 ноября в США должны были состояться президентские выборы, Эйзенхауэру важно было сохранить имидж миротворца, выступающего против любых военных действий. Необходимо было также подтвердить антивоенную позицию как козырь в конкурентной борьбе с СССР за мировое общественное мнение.

Формальное совпадение позиций США и Советского Союза в осуждении агрессии против Египта не означало, однако, возникновения предпосылок для американо-советского сотрудничества в решении ближневосточного кризиса. Одновременно с англо-французским колониальным пароксизмом на Ближнем Востоке происходило жесткое подавление Советским Союзом антикоммунистических волнений в восточноевропейских странах. События в Польше*, имевшие относительно мирный исход, и особенно кро-

* Летом–осенью 1956 г. в Польше происходили волнения, в ходе которых выдвигались требования экономических и политических реформ в стране, выведения из правительства маршала К. Рокоссовского, который, будучи советским гражданином, занимал должность министра обороны, и возвращения во власть В. Гомулки.

вавый разгром советскими войсками восстания в Венгрии* вызвали категорический протест со стороны американской администрации. В письме советскому премьеру Булганину 4 ноября, в день начала операции «Вихрь» по подавлению венгерского мятежа, президент Эйзенхауэр требовал во имя гуманности и мира немедленного вывода советских вооруженных сил с территории Венгрии и обеспечения для венгерского народа возможности осуществления своих прав и фундаментальных свобод в соответствии с Уставом ООН¹⁵⁴. Венгерские события стали для западных союзников удобным предлогом, чтобы отвлечь внимание общественности от собственной авантюры в Египте и сплотить свои ряды перед лицом советской угрозы. Министр иностранных дел Франции К. Пино призывал ООН и «некоторые правительства» (конечно, в первую очередь американцев. – *Т.Н.*) не тратить драгоценное время на спасение египетского диктатора, а сосредоточить внимание на Венгрии¹⁵⁵.

Хрущев в своих мемуарах утверждал, что в это время западные дипломаты в частных беседах с советскими представителями предлагали заключить негласное соглашение о том, что СССР будет решать свои проблемы в Восточной Европе любыми средствами, которые сочтет нужными, а взамен не будет вмешиваться в происходящее в Египте¹⁵⁶. Это утверждение не лишено правдоподобия. Западные союзники, выступив с моралистическими заявлениями в поддержку храбрости и жертвенности венгерского народа, борющегося за свою свободу и независимость, на деле придерживались политики невмешательства в венгерские события**. Британцы и французы были заняты в другом регионе, а для американцев помощь венграм означала бы по логике вещей необходимость оказания помощи Египту. А это абсолютно противоречило концепции атлантической солидарности.

На протяжении многих лет авторы историографических работ по Суэцкому кризису задаются вопросом, был ли жесткий совет-

* 23 октября 1956 г. в Венгрии началось вооруженное восстание против просоветского режима, полностью подавленное советскими войсками к середине ноября.

** Имеются отдельные свидетельства о дозированной финансовой поддержке венгерских повстанцев со стороны США.

ский ответ на венгерскую революцию спровоцирован англо-франко-израильским нападением на Египет и, наоборот, были ли увязаны сроки израильского вторжения на египетскую территорию со временем участия СССР в событиях в Венгрии. Хрущев утверждал в мемуарах, что «империалисты попытались воспользоваться теми трудностями, которые у нас возникли в Польше и Венгрии для того, чтобы направить свои войска в Египет для восстановления там колониального господства»¹⁵⁷. Вероятно, не последнюю роль в таком видении событий сыграла информация, поступавшая от египетской разведслужбы, согласно которой американцы и англичане считали, что «после венгерских событий наступил удобный момент для активного, в том числе и вооруженного, вмешательства западных держав на Ближнем Востоке»¹⁵⁸.

Однако не следует забывать, что англо-французский план «Мушкетер» – операция вторжения в Египет – готовился не один месяц и его сроки переносились на протяжении сентября–октября 1956 г. не один раз. С. Ллойд, бывший тогда британским министром иностранных дел, писал в своих мемуарах, что к середине октября стало ясно, что откладывать военную операцию больше нельзя: в сосредоточенных в Средиземном море военных частях возникали технические проблемы с оборудованием и снаряжением, падал моральный дух армии. К тому же на Ближнем Востоке усиливались позиции Египта, создавшего с Сирией единое военное командование, к которому присоединилась Иордания¹⁵⁹. Во время англо-франко-израильских секретных переговоров в Севре 22–24 октября, то есть фактически одновременно с первым этапом советского военного вмешательства в Будапеште (в ночь с 23 на 24 октября), их участники никак не увязывали дату военной операции в Египте с советскими действиями в Восточной Европе. Дата вторжения в Египет – 29 октября – появилась после заседания английского кабинета 25 октября, в ходе которого министров больше волновал вопрос о реакции Соединенных Штатов, чем занятость советских войск в Восточной Европе. Что касается Израиля, то соглашение в Севре с установленной датой 29 октября дало зеленый свет для начала мобилизации и военных действий¹⁶⁰.

В то же время 29–30 октября напряженность в венгерской столице несколько снизилась, происходил частичный отвод советских войск из Будапешта. В советском руководстве были разногласия по поводу способов решения венгерской проблемы, и только 31 октября по настоянию Хрущева Президиум ЦК КПСС* принял решение об операции «Вихрь» – вводе советского контингента войск на территорию Венгрии и вооруженном подавлении восстания. События на Ближнем Востоке сыграли определенную роль в этом решении, поскольку Н.С. Хрущев считал нападение на Египет первой фазой западной агрессии, за которой последует вторая – Венгрия¹⁶¹. Конечно, главная цель состояла в том, чтобы не допустить победы «контрреволюции и внедрения НАТО» в самый центр «социалистического лагеря», что, как указывал Хрущев, представляло бы угрозу не только для Чехословакии, Румынии, Югославии, но и для Советского Союза¹⁶². В течение нескольких дней Хрущев встречался с руководителями КНР, Польши, Чехословакии, Болгарии, Румынии, Югославии, чтобы убедиться в их солидарности с принятым решением. По воспоминаниям югославского дипломата, Хрущев принимал во внимание, что война в Египте лишает Запад моральных оснований осуждать советские действия в Венгрии¹⁶³, но это соображение не было решающим для начала операции «Вихрь».

Прямой связи между этими двумя событиями все же не просматривается. Если соображения насчет стойкости перед лицом империалистического наступления (нельзя допустить, чтобы империалисты прибавили Венгрию к Египту, – говорил Хрущев¹⁶⁴) и присутствовали в советской мотивации, то они занимали далеко не первое место. Подавление восстания в Венгрии и Суэцкая кампания разворачивались по автономным сценариям, хотя и оказывали психологическое воздействие на стороны в процессе принятия решений.

Другое дело, что использование советской армии для решения внешнеполитических задач в Восточной Европе вызывало на Западе опасения, что на Ближнем Востоке Москва также может осу-

* До 1966 г. руководящий орган партии, затем переименованный в Политбюро ЦК КПСС.

ществить тот или иной вариант военного вмешательства. Тем более что участие советских военных специалистов, в частности советской авиагруппы, в войне в Корее в 1950–1953 гг. было еще очень живо в памяти*. Хрущев в свойственной ему бесцеремонной манере не раз предупреждал в беседах с западными руководителями и дипломатами, что в Египет могут быть направлены добровольцы из СССР и стран Восточной Европы, которые умеют пользоваться поставляемым арабам оружием¹⁶⁵. Британскому послу в Москве он говорил: «Война Египта против Британии будет священной войной, и если мой сын придет ко мне и спросит меня, должен ли он пойти добровольцем воевать против Британии, я скажу ему “да”»¹⁶⁶.

В Каире «египетская улица» вообще требовала, чтобы «русские солдаты прибыли спасти Египет», что было характерно для арабов и в последующих войнах с Израилем¹⁶⁷. Эти ожидания советского военного вмешательства вылились в распространение слухов о переправке из Советского Союза 40 тыс. мусульман-добровольцев и бомбардировках советской авиацией английской базы на Кипре¹⁶⁸. ЦРУ предупреждало администрацию в Вашингтоне, что арабы в ответ на рекрутирование Израилем бойцов в Европе и Латинской Америке завуалировано угрожают, что будут набирать добровольцев за пределами арабского мира¹⁶⁹. По-видимому, возможность прямого советского участия в военных действиях использовалась арабским руководством для оказания давления на американцев, чтобы вынудить их к более решительным шагам по прекращению интервенции на египетской территории.

Все эти факты способствовали формированию угрожающего имиджа Кремля. Один из известных советских арабистов в своих воспоминаниях много лет спустя высказывал предположения, что это были совсем не пустые угрозы. Он писал, что в связи с послевоенным сокращением вооруженных сил в Советском Союзе не знали, что делать с «демобилизованными героями Великой Отече-

* В конфликте на Корейском полуострове (июнь 1950 – июль 1953 г.) на стороне Северной Кореи негласно выступили СССР и Китай, а в Южную Корею были введены миротворческие силы ООН, основную часть которых составляли американские войска.

ственной войны», и «никто не сомневался, что в добровольцах по-
воевать “еще раз” недостатка не будет»¹⁷⁰. Однако технические
возможности для проведения таких операций в те годы отсутство-
вали. Советская армия не располагала военно-транспортными са-
молетами достаточной вместимости для срочной переброски
больших контингентов войск¹⁷¹, а советское военно-морское при-
сутствие в Средиземном море стало постоянным лишь во второй
половине 1960-х гг.

Тем не менее представления о непредсказуемости действий
СССР порождали самые невероятные предположения. Эйзенхау-
эр, например, интересовался, «не могли ли русские “подсунуть”
египтянам несколько атомных бомб»¹⁷². В Вашингтоне обсужда-
лась возможность высадки советских войск в Сирии, хотя амери-
канцам было известно, что сирийские аэродромы для этого не
подготовлены¹⁷³. Нагнетали атмосферу слухи о больших партиях
советского вооружения, в частности самолетов МИГ, поступаю-
щих в Сирию^{*,174}. Самое большое беспокойство вероятность со-
ветского вторжения вызывала у политического руководства Из-
раиля, не исключавшего, что советское правительство может
принять решение о бомбардировке израильских городов и аэро-
дромов¹⁷⁵.

Однако советское руководство вело себя сдержанно в вопросе
возможности прямого участия в военных действиях. Известный
эпизод с обращением сирийского президента Шукри Куватли* к
Хрущеву и Жукову* с требованием об оказании Египту немедлен-
ной помощи, описанный М. Хейкалом и неоднократно цитировав-
шийся в работах по Суэцкому кризису, является ярким свидетель-
ством настроения советского политического и военного руководства.
Развернув перед сирийским президентом карту Ближнего Восто-
ка, Жуков задал ему вопрос, каким образом советская армия мо-
жет помочь Египту: послав войска через Турцию, Иран в Сирию и

* Когда начался Суэцкий кризис, у сирийских ВВС было 25 истребителей
МиГ-15бис и 6 учебных МиГ-15УТИ, полученных из СССР.

** Президент Сирии Шукри Куватли в начале ноября 1956 г. находился в
Москве с официальным визитом.

*** Г.К. Жуков – министр обороны СССР в 1955–1957 гг.

Ирак и далее в Израиль, чтобы в конце концов атаковать британские и французские силы?¹⁷⁶ Сама абсурдность этого вопроса говорит о том, что у советского командования вряд ли имелись планы вторжения на Ближний Восток^{*,177}.

Советские военные не считали нужным направлять к побережью Египта военные корабли, ссылаясь на то, что это лишь усилит агрессивные действия Англии и Франции. В ответ на настоятельные просьбы египтян об отправке добровольцев советский министр иностранных дел сообщал о переговорах по этому вопросу с правительствами советских азиатских республик¹⁷⁸, что, конечно, было отговоркой, чтобы не отвечать прямым отказом. Уже после окончания военных действий Д.Т. Шепилов разъяснил, что весь вопрос о добровольцах был поднят только для оказания морально-политической поддержки Египту. Видимо, в Москве хотели снять его с повестки дня и, противореча собственным заявлениям, стали доказывать египтянам, что речь шла о добровольцах из таких стран, как Индия, Индонезия, Пакистан, а не из Советского Союза¹⁷⁹.

Советскую сдержанность в оказании военной помощи арабам часто связывают с тем, что внимание руководства было сосредоточено на венгерских событиях, и это спасло мир от широкомаштабной войны¹⁸⁰. Разработка и проведение военной операции в Венгрии, безусловно, сыграли определенную роль, поскольку все силы советского политического и военного руководства в последние дни октября и первые дни ноября 1956 г. были брошены на предотвращение потери этого государства. Однако, судя по реакции на просьбы арабов о помощи и всевозможным мерам по недопущению втягивания советских вооруженных сил в боевые действия, у Москвы не было намерений сражаться на Ближнем Востоке. Во-первых, любое военное вмешательство в этом регионе неизбежно повлекло бы ответные меры со стороны США, а развязывание третьей мировой войны из-за Суэцкого канала не рассматривалось как рациональное решение. Во-вторых, в результате на-

* Российские военные историки в постсоветский период утверждали, что советские летчики-инструкторы участвовали в воздушных боях в Египте во время Суэцкой кампании.

падения на Египет не только не последовало свержения режима Насера, как на это рассчитывали замышлявшие войну, но египетский народ продемонстрировал сплоченность, отражая иностранную интервенцию. Агрессия против Египта вызвала довольно мощную реакцию стран Азии и Африки в поддержку его борьбы. Для СССР на первый план выступала задача политико-дипломатической поддержки арабов, тем более что это приносило большие пропагандистские дивиденды в плане разоблачения попыток Великобритании и Франции восстановить колониальные порядки на Ближнем Востоке.

1.11. «Ракетные ноты» Хрущева: реальная угроза или блеф?

В соответствии с советской позицией, отдававшей приоритет ООН в решении международных конфликтов, в первую очередь было задействовано это направление. Правда, Соединенные Штаты, намеренно поспешившие выдвинуть уже 30 октября в Совете Безопасности проект резолюции с требованием немедленного прекращения огня на Ближнем Востоке, опередили советских представителей. Но деятельность СБ оказалась парализованной, так как Великобритания и Франция применили право вето в отношении резолюций по Ближнему Востоку. В сложившейся ситуации, в соответствии с Уставом ООН, было принято решение о переносе рассмотрения этого вопроса на чрезвычайную специальную сессию Генеральной Ассамблеи, открывшуюся 1 ноября. Полученные из Москвы директивы предписывали добиваться совместно с арабскими и азиатскими странами принятия резолюции с требованием немедленного прекращения военных действий и вывода вооруженных сил Англии, Франции и Израиля с территории Египта.

Советские предложения о создании комиссии ООН по наблюдению за выполнением этих рекомендаций и включению в нее представителей СССР и стран народной демократии, арабских и азиатских стран, а также США¹⁸¹, очевидно, были нацелены на закрепление за Советским Союзом более весомых позиций в решении ближневосточных дел и ограничение роли западных держав. Однако инициатива на специальной сессии ГА оставалась за Со-

единенными Штатами, и 2 ноября СССР проголосовал за выдвинутый американцами проект резолюции о немедленном прекращении огня и отводе войск Израиля и Египта за линию перемирия. Но канадское предложение о создании международных сил ООН для поддержания мира на Ближнем Востоке вызвало у СССР негативную реакцию, видимо, из-за опасений, что может повториться «корейский вариант», когда американские войска под флагом ООН вмешались в войну на Корейском полуострове.

МИД СССР категорически возражал против направления каких-либо международных вооруженных сил в Египет, особенно против включения в их состав воинских подразделений великих держав¹⁸². Воздержавшись при принятии резолюции по этому вопросу на сессии ГА 4 ноября, СССР рекомендовал Египту, который уже дал согласие на ввод международных войск ООН, настаивать на их размещении только в зоне демаркационной линии между Египтом и Израилем, установленной соглашением о перемирии, причем как на территории Египта, так и на территории Израиля. Кроме того, советские дипломаты предупреждали Египет, что нужно добиваться включения в их состав сил только тех стран, которые не будут заинтересованы в длительном пребывании на его территории¹⁸³.

Однако многосторонние дипломатические усилия и политические заявления не останавливали военной эскалации в Египте. В ночь на 5 ноября, когда, в соответствии с резолюцией ООН, должно было наступить прекращение огня, британская и французская авиация нанесла бомбовые удары по Порт-Саиду и Порт-Фуаду, началась высадка франко-британского десанта на египетское побережье. Над режимом Насера нависла вполне реальная угроза его уничтожения. Не прекратил боевых действий и Израиль, который к тому же, как сообщала советская разведка, перегруппировывал войска на границе с Иорданией, имея целью захват ее палестинской части¹⁸⁴. Советское руководство было поставлено перед необходимостью принятия срочных мер для прекращения военных действий, чтобы, во-первых, сохранить свой престиж в арабском мире и, во-вторых, продемонстрировать свою наступательную инициативность в решении международных конфликтов, не слишком заметную с начала Суэцкого кризиса. В Со-

вете Безопасности 5 ноября СССР попытался поставить на голосование резолюцию с радикальным предложением, чтобы все государства – члены ООН, в первую очередь США и СССР, оказали вооруженную помощь Египту «путем посылки военно-морских и военно-воздушных сил, воинских частей, добровольцев, инструкторов, военной техники», если Англия, Франция и Израиль не выполнят решения СБ о прекращении военных действий¹⁸⁵. Но она была отклонена членами СБ.

Глава советской делегации, министр иностранных дел СССР Д.Т. Шепилов просматривает документы перед началом заседания Совета Безопасности ООН по Суэцкому каналу. Члены советской делегации на втором плане (слева направо): 1-й ряд – постоянный представитель СССР при ООН А.А. Соболев, посол СССР в США Г.Н. Зарубин, 2-й ряд – советник Постоянного представительства СССР при ООН Л.М. Замятин, помощник министра О.А. Трояновский. Нью-Йорк, 5 октября 1956 г.

В противовес созданию сил ООН советский премьер-министр в послании, направленном президенту США 5 ноября, предлагал объединить усилия Советского Союза и Соединенных Штатов

Америки как двух великих держав, на которых лежит особая ответственность за сохранение мира и которые обладают необходимыми военными средствами для пресечения агрессии против египетского народа. В послании также указывалось, что, действуя в соответствии с мандатом ООН, СССР и США способствовали бы повышению авторитета международной организации, восстановлению и укреплению мира^{*,186}.

При подготовке этого послания советские лидеры прекрасно осознавали, что американцы не пойдут на совместные с СССР действия против своих союзников по НАТО. Хрущев даже консультировался по этому вопросу с отставным министром иностранных дел В.М. Молотовым, который категорически отверг возможность такого сотрудничества. Вспоминая об этом разговоре, Хрущев приводил свои рассуждения: «Конечно, он (Эйзенхауэр. – Т.Н.) не согласится, но поставив его в положение, когда он вынужден будет отказаться, мы разоблачим всю лицемерность его публичных заявлений, осуждающих нападение на Египет»¹⁸⁷. Советское руководство полагало, что таким образом миру будет предъявлено доказательство причастности США к агрессии против Египта.

Ответ Эйзенхауэра был довольно резким и враждебным. Поскольку советское послание было опубликовано в советской печати, он также выступил публично, заявив, что письмо Булганина является «очевидной попыткой отвлечь внимание мира от венгерской трагедии» и, только подчинившись резолюции по Венгрии^{**}, русские могли бы предлагать шаги по укреплению мира. Он отверг идею объединения усилий с СССР для прекращения военных действий как «немыслимое предложение» и как нарушение Устава ООН, поскольку уже принято решение, что в ближневосточном регионе не должно быть никаких вооруженных сил, кроме между-

* Одновременно министр иностранных дел направил телеграмму в адрес председателя Совета Безопасности с аналогичным предложением – утвердить решение об оказании СССР и США вооруженной помощи Египту как жертве агрессии.

** 4 ноября 1956 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 1004, в которой призывала правительство СССР прекратить все вооруженные нападения на народ Венгрии и всякую форму вмешательства, особенно вооруженного, во внутренние дела Венгрии.

народных сил ООН¹⁸⁸. В Америке на следующий день, 6 ноября, должны были состояться выборы президента, поэтому другого ответа на предложение об объединении сил с СССР трудно было ожидать.

Наконец Шепилов, пригласивший послов Англии, Франции и Израиля в ночь на 6 ноября для большего психологического воздействия, вручил им известные ноты, в которых фактически в ультимативной форме правительствам этих стран предлагалось прекратить военные действия против Египта. В посланиях Великобритании и Франции советское правительство недвусмысленно предупреждало о своих возможностях использовать «современное истребительное оружие», например ракетную технику, чтобы силовым путем сокрушить агрессора и восстановить мир на Востоке¹⁸⁹. Эти заявления были восприняты на Западе как угроза применения новейшего ядерного оружия. В послании Израилю подчеркивалось, что его безответственная политика может поставить под вопрос само существование Израиля как государства¹⁹⁰. Израиль уведомлялся об отзыве советского посла из Тель-Авива.

До сих пор у историков нет полной ясности, были ли эти ноты намеренным чистым блефом или за ними стояли реальные военные приготовления. Шепилов, по крайней мере, утверждал, что был категорическим противником военных осложнений и что руководство приняло твердое решение не доводить дело до военного конфликта¹⁹¹. Однако стратегические соперники СССР серьезно оценивали возникшую угрозу. Аналитики американских спецслужб полагали, что хотя СССР стремится избежать большой войны, но есть несколько причин, по которым он может решиться на самостоятельные действия в Суэцком кризисе: стремление укрепить свои позиции как защитника Египта и всего антиколониального движения, попытка отвлечь внимание от венгерских событий, намерение подорвать престиж Англии и Франции и ослабить западный союз и, в конце концов, стремление продемонстрировать всему миру, что советская военная мощь является решающим фактором в международной политике¹⁹².

Американские спецслужбы располагали сведениями, что у Советского Союза есть баллистические ракеты с ядерными боего-

ловками малой мощности, которые при размещении в Восточной Европе могли бы поражать территории Англии и Франции¹⁹³. Отечественные и западные военные аналитики подтверждали эти оценки в более поздние годы. Только в 1956 г. такие ракетные установки за пределами СССР не базировались¹⁹⁴. Среди политического руководства, а также в разведсообществах западных стран в ноябре 1956 г. складывалось мнение, что Советский Союз вряд ли пойдет на нанесение ударов по Англии и Франции и широкомасштабные действия в Восточном Средиземноморье из-за отсутствия военных возможностей. Руководители западных держав полагали, что содержащиеся в советских нотах угрозы, скорее всего, – преднамеренный блеф, рассчитанный на устрашающее впечатление.

Однако в западных оценках советских угроз учитывалась и непредсказуемость советского лидера, спонтанность его решений. Американцы не были уверены в рациональности советских действий. Британский премьер считал, что новые люди в Кремле менее склонны к трезвым расчетам, чем их предшественники, и это может привести к действительно серьезной ситуации¹⁹⁵. Резкие советские заявления определенно повысили градус напряженности в отношениях с Западом, причем американский президент был настроен дать сокрушительный отпор, если Советский Союз предпримет какие-либо действия против европейских союзников. По дипломатическим каналам советских представителей предупреждали, что любые военные действия против Великобритании и Франции столкнутся с вооруженным ответом США¹⁹⁶.

В Израиле советское послание было воспринято как прямая угроза его существованию. По словам М. Даяна, Бен-Гурион был взбешен его презрительно-пренебрежительным тоном¹⁹⁷. Неизжитая психологическая травма, связанная с ужасами нацистского истребления евреев в Европе, порождала соответствующие исторические параллели.

Для советского руководства важно было продемонстрировать арабам свою готовность защищать их. В этом отношении очень показателен эпизод с аль-Куни, египетским послом в Москве, который в день публикации советских посланий с угрозами был приглашен для беседы с Хрущевым, триумфально заявившим ему:

«Это заставит их остановиться». В оправдание своих слов о том, что Советский Союз не может оказать военную помощь Египту, сказанных несколькими днями ранее, советский лидер говорил, что это была намеренная уловка, чтобы дезинформировать американцев и англичан¹⁹⁸. Это было, конечно, довольно слабое объяснение запоздалой советской реакции, в то время как на фоне интенсивных боев на египетской территории руководство страны продолжало настойчиво требовать прислать советских добровольцев и направить к берегам Египта советские подводные лодки для прекращения англо-французской интервенции¹⁹⁹. Тем не менее Насер высоко оценил советское выступление, заявив, что оно сыграло решающую роль в том, чтобы вынудить Англию, Францию и Израиль прекратить огонь в ночь на 7 ноября²⁰⁰.

Действительно ли «окрик Москвы», по выражению российского арабиста²⁰¹, остановил Синайско-Суэцкую войну или, в советской терминологии, «тройственную агрессию»? Американские разведслужбы, оценивая ситуацию в зоне Суэцкого канала 6 ноября, указывали именно на советские угрозы применения силы как на один из первостепенных факторов, который мог умерить военный раж Англии и Франции²⁰². Однако, судя по документам и мемуарным источникам, советская угроза произвела в Великобритании небольшое впечатление. С. Ллойд, министр иностранных дел в правительстве Э. Идена, завершил свои воспоминания об этом драматическом периоде в британской истории словами: «Ничто из того, что говорили русские, не повлияло на решения, принятые кабинетом 4 и 5 ноября»²⁰³. Конечно, понятно, что в условиях холодной войны британский министр был настроен категорически отрицать какое-либо влияние Советского Союза на политику Великобритании. Но нельзя забывать, что к тому времени Великобритания уже сама была ядерной державой, и кроме того, несмотря на всю сложность отношений с США, англичане не сомневались, что Вашингтон не останется безучастным в случае каких-либо резких движений со стороны СССР. Поэтому советские угрозы воспринимались в Лондоне с большой долей скепсиса.

От силовых методов решения Суэцкого вопроса Великобританию заставило отказаться плачевное состояние ее финансовой системы, к ослаблению которой приложили руку Соединенные

Штаты, используя экономический фактор как политический рычаг. Военные действия на Ближнем Востоке ставили под угрозу снабжение Европы нефтью, возникала перспектива необходимости закупок более дорогой американской нефти, но у британцев не оставалось для этого долларовых резервов, а возможности получения займов блокировались США. Помимо финансово-экономических проблем давление на правительство оказывали широкие массовые протесты против войны не только внутри страны, но и по всему миру, крайне негативные оценки англо-франко-израильской интервенции в ООН.

Паническую реакцию советские угрозы вызвали во Франции. Французы не хотели прекращать огонь в момент, когда, как они полагали, силы вторжения имели существенные преимущества. Завершение боевых действий означало сдачу позиций Насеру, его триумф и, как следствие, усиление алжирского сопротивления. Но у Франции не было возможностей действовать независимо от Великобритании, что и вынудило французское правительство следовать британской политике.

По-видимому, самую важную роль советские угрозы сыграли в принуждении Израиля к выполнению резолюций ООН. Недавно много десятилетий спустя израильский автор особо подчеркивает, что «если бы не послания Булганина, война могла бы закончиться по-другому, и Ближний Восток мог бы иметь совершенно иной облик»²⁰⁴. В результате наступательных действий в руках израильтян оказался сектор Газа и почти весь Синайский полуостров. К утру 5 ноября Израиль захватил Шарм эль-Шейх, ключевую точку на Синайском полуострове, откуда контролируется выход из Акабского залива, и израильское правительство заявило о готовности прекратить огонь еще до того, как было получено советское послание. Но даже завуалированный намек на уничтожение еврейского государства, впервые прозвучавший от великой державы, вызвал смятение в правительстве, тем более что венгерские события заставляли рассматривать самые мрачные сценарии. Хотя и израильский посол в Москве, и ряд израильских военачальников придерживались мнения, что советские угрозы не более чем блеф, но Бен-Гурион тем не менее говорил: «За этой войной нервов, которую ведут русские, стоит много ди-

визий»²⁰⁵. В Париж были командированы Г. Меир и Ш. Перес для консультаций с французским правительством относительно реальности и осуществимости советских действий против Израиля. В то же время это не помешало Бен-Гуриону выступить 7 ноября в Кнессете с так называемой победной речью, в которой он заявил, что Израиль более не считает действительными ни соглашения о перемирии с Египтом от 1949 г., ни установленные тогда линии перемирия. Израильский премьер фактически отверг сформулированные в резолюциях ООН требования о выводе всех сил с захваченных территорий и высказался против размещения там иностранных войск, настаивая на прямых переговорах с Египтом для достижения мира.

Выступление Бен-Гуриона с таких жестких позиций в момент, когда Англия и Франция уже заявили о готовности подчиниться требованиям ООН, влекло за собой изоляцию Израиля на международной арене. Со стороны США последовали угрозы самых суровых санкций вплоть до прекращения всей американской помощи и исключения из ООН. Но самое главное, американцы давали понять, что не будут сдерживать Советский Союз в действиях против Израиля. Американцы говорили израильскому представителю в Вашингтоне, что в случае разрушительных действий Советского Союза на Ближнем Востоке Израиль будет одной из первых жертв²⁰⁶. В конечном итоге это манипулирование советской угрозой американцами сыграло важную роль в отказе Израиля от радикальной позиции и объявлении уже 9 ноября о готовности уйти с Синая.

Советское руководство и сам Н.С. Хрущев были уверены, что прекращение войны в Египте было достигнуто именно благодаря советским действиям и рассматривали это как свою большую победу, которая укрепляла престиж СССР не только на Арабском Востоке, но и в глазах всех народов, боровшихся против колониальной зависимости. Действительно, престиж СССР в арабском мире значительно возрос. Советский Союз становился реальным участником разворачивавшихся на Ближнем Востоке событий, подкрепляя свой успех пропагандистскими заявлениями о бескорыстии своей политики, в отличие от колониалистских устремлений западных держав. Используя свой статус защитника интере-

сов арабов, советское правительство предлагало Египту выступить с требованием привлечения виновников агрессии к судебной ответственности и не допускать размещения международных сил ООН на каких-либо территориях Египта, кроме пограничных с Израилем областей. На дальнейшее укрепление проарабского имиджа должны были работать и разрыв соглашения с Израилем о поставках советской нефти (хотя аналогичный договор с Францией оставался в силе), и настойчивые предложения арабам координировать в наиболее выгодном для них направлении действия по всему комплексу вопросов, связанных с конфликтом.

В то же время в Москве не были заинтересованы в нагнетании напряженности на Ближнем Востоке. Советское руководство отчетливо видело те «красные линии», за которые не следовало переходить. На вопрос Насера, смогут ли советские вооруженные силы прикрыть Египет в случае возобновления военных действий, из советского МИДа следовал ответ, что у СССР нет авиабаз вблизи Египта для такого прикрытия. Непосредственно после прекращения военных действий Москва убеждала Насера в необходимости приостановить на некоторое время поставки советских вооружений, прежде всего самолетов, чтобы не давать повода для задержки вывода англо-франко-израильских войск с территории Египта²⁰⁷. Вместе с тем советское правительство ориентировало Насера на то, что он и впредь будет получать из СССР и военную, и экономическую помощь.

Между СССР и США развернулась борьба за Египет, за Насера. Американцы предостерегали египетского президента от тесного сотрудничества с СССР, которое приведет к усилению коммунистов, запугивали повторением в Египте венгерского сценария. С советской стороны раздавались предупреждения, что Соединенные Штаты хотят занять на Ближнем Востоке место бывших колониальных империй и диктовать арабам соответствующие американским интересам решения, в том числе по палестинскому вопросу. Но Насер вел свою игру, и, демонстрируя в беседах с советскими дипломатами дружественное отношение к СССР, был не менее благосклонен и к сотрудничеству с США, подчеркивая в разговорах с американским послом, что теперь на Западе Египет и арабские страны могут достичь взаимопонимания только с Соединенными Штатами.

тами²⁰⁸. Вопреки всем высоким оценкам советской роли в прекращении «тройственной агрессии», египтяне были скупы на практическую благодарность: в советской просьбе об оплате транзита по Суэцкому каналу в египетской валюте было отказано и предложено оплачивать сборы за проход в иностранной валюте, как это делали остальные страны²⁰⁹. Насер не был настроен на решительное противостояние оказывавшемуся на него американскому давлению, как того хотелось бы его советским покровителям. Как отмечал Е.М. Примаков: «...он явно не хотел “перегружать лодку” своих отношений с Соединенными Штатами»²¹⁰.

Противоречивость египетской позиции в отношении роли СССР в Суэцком кризисе особенно отчетливо проявилась в конце 1950-х гг., в период обострения советско-египетских отношений из-за борьбы Насера с просоветскими коммунистическими силами, его репрессий против коммунистов²¹¹. В своем известном письме Г.А. Насеру от 12 апреля 1959 г. Н.С. Хрущев доказывал, что советская помощь Египту, оказываемая с 1955 г., и готовность пойти «на очень далекие шаги для пресечения акций агрессора, направленных против независимости арабских народов», – это факты, вошедшие в историю²¹². Тем не менее Египетский президент неоднократно заявлял, что в период англо-франко-израильской агрессии египтяне «опирались только на Аллаха и на самих себя» и вплоть до окончания боев 6 ноября не видели ни малейшего намека на помощь со стороны Советского Союза. Египетский лидер оставался при своем мнении, что главный вклад в прекращение войны в 1956 г. внесли американцы. Когда уже в середине 1960-х гг. американский журналист задал ему вопрос о том, что спасло его во время Суэцкого кризиса: советские ноты, выступления против войны в Великобритании, ООН, Индия или арабы, Насер ответил: «Эйзенхауэр»²¹³.

* * *

В 1950-е гг. Советский Союз предпринял решительные шаги, чтобы завоевать реальные позиции в ближневосточном регионе. Взятый западными державами курс на объединение ближневосточных стран в военно-политические союзы антисоветской направленности в целях сдерживания коммунизма, использование

их территорий для размещения военных баз обоснованно рассматривался в СССР как непосредственная угроза безопасности страны. Развернувшаяся борьба арабских народов за независимое, суверенное существование, за выход из-под контроля колониальных держав и реализацию своих национальных прав создавала объективную основу для противодействия англо-американским планам. Советский Союз, выступив для таких арабских стран, как Египет и Сирия, в качестве альтернативной Западу опоры на международной арене и в решении их проблем безопасности и экономического развития, обеспечивал более благоприятную для своих интересов среду в регионе, непосредственно прилежавшем к его южным границам. Расчеты строились и на том, что переориентация важнейшей страны региона – Египта – на СССР позволит расширять советское влияние на обширном пространстве Ближнего Востока и Северной Африки.

Особый упор в советской пропаганде делался на то, что у СССР не было колониальной предыстории в этом регионе мира. Внедрению СССР на Ближний Восток способствовал и ряд просчетов в западной политике: чрезмерное давление на арабов, прежде всего на Египет, переоценка США и Англией своих возможностей для выстраивания региональной архитектуры в соответствии со своими экономическими и политическими задачами, а также недооценка ими потенциала идей панарабизма.

Для завоевания позиций в регионе Советский Союз удачно использовал заинтересованность египетского режима в укреплении своей обороноспособности. «Чехословацкая сделка», ставшая важной вехой на пути продвижения СССР на Ближнем Востоке, в определенной степени противоречила декларируемой советской политике борьбы за мир и предотвращение гонки вооружений. Однако ее драматизированные оценки на Западе и в Израиле как фактора, кардинально нарушающего баланс сил в регионе конфликта, представляются преувеличенными. Ее паническое восприятие было связано не столько с реальными военными аспектами, сколько с тем, что в появлении СССР на ближневосточной арене видели серьезную угрозу распространения коммунистических идей в арабских странах. Кроме того, нарушалась монополия Запада регулировать на своих условиях конфликтную ситуацию в

регионе путем поставок оружия. Для Израиля вооружение Египта стало важным оправданием своего участия в разработке англо-французских планов силового решения Суэцкого кризиса.

Арабские лидеры любого идеологического окраса с большим недоверием относились к развитию отношений с советскими партнерами – носителями чуждой арабскому самосознанию коммунистической идеологии. Для утверждения своих позиций в регионе Москва должна была опираться не только на двусторонние отношения, но и активизировать свое участие в решении острых региональных противоречий, к которым в первую очередь относился арабо-израильский конфликт.

В послевоенный период конфликт некоторое время не представлял интереса для СССР, до тех пор пока не возникли опасения, что решение палестинской проблемы будет найдено Западом, и это позволит консолидировать ближневосточный регион на антисоветской основе. Развитие отношений с арабскими странами позволило более активно включиться в политический процесс, связанный с поисками урегулирования их конфликта с Израилем. Но советское позиционирование себя как абсолютно справедливого арбитра не соответствовало действительности. У советской стороны было довольно одностороннее и в значительной степени ошибочное понимание сущности конфликта, который рассматривали, прежде всего, через призму его использования внешними силами в антисоветских целях. Это приводило к игнорированию внутренних арабо-израильских противоречий, неадекватному представлению о целях и мотивах действий сторон. Помимо этого, в 1950-е гг. вырабатывалось резко негативное отношение к политике Израиля, которая рассматривалась исключительно как производное от американского внешнеполитического курса. В результате крен в сторону поддержки арабских требований заставлял отвергать любые исходившие от американцев и их союзников предложения по урегулированию, даже если в них имелось рациональное зерно (например, план Джонстона). В то же время и Запад всячески препятствовал вхождению Советского Союза в клуб держав – вершителей судеб Ближнего Востока.

Собственно, советские предложения сводились в этот период к уже формировавшейся позиции о предпочтительности решения

конфликта под эгидой ООН, что должно было обеспечить СССР и его союзникам безусловное право голоса в этом вопросе. Кроме того, в советской позиции постоянно звучало требование прямых переговоров между сторонами конфликта. Но, уже имея возможности оказывать влияние на арабов, категорически отвергавших прямые контакты с Израилем, СССР никак не стимулировал их к пересмотру своей позиции. Советские представители избегали обсуждения с арабами вопросов, касающихся безопасности Израиля. Это был один из факторов, подталкивавших Израиль к силовым решениям.

Суэцкий кризис стал кульминационной точкой в борьбе арабов за изменение отношений с Западом. Для СССР он стал серьезным поводом для демонстрации солидарности с Египтом в его борьбе за слом «старого порядка» на Ближнем Востоке. СССР впервые выступал реальным игроком на ближневосточной арене как на стадии политических усилий по урегулированию кризиса, так и в период военных действий. Но проявляемая СССР осторожность в отношении прямого участия в боевых действиях, запаздывание с политическими инициативами вызывали раздражение у египетского руководства. Египет оказался жестким и требовательным партнером в складывавшейся советско-арабской связке.

Заявления с угрозой применения ракетного оружия были резким шагом, сделанным на последнем этапе войны в первую очередь для того, чтобы убедить арабов в готовности СССР защищать их интересы. Советские угрозы не были решающим фактором в прекращении военных действий, но как психологический фактор давления на правительства стран-интервентов они сыграли свою роль. Однако египетская сторона, требовавшая реальной военной помощи и рассчитывавшая на прямое советское участие в военных действиях, занижала значение советского демарша. Г.А. Насер, и в период Суэцкого кризиса поддерживавший отношения с США, признавал впоследствии, что решающую роль в прекращении военных действий сыграли американцы, хотя он не отрицал важность советской помощи.

В Суэцком кризисе совпали позиции США и СССР, выступавших против использования военной силы. Но это отнюдь не означало, что, требуя прекращения военных действий, США и СССР

выступали единым фронтом. Американская позиция определялась в значительной степени именно необходимостью предотвратить разворот арабов в сторону СССР вследствие рецидива колониальной войны против Египта. Советское обращение к американцам с предложением об объединении военных сил в целях прекращения войны было заведомо обречено на неудачу не только по причине обязательств США перед партнерами по НАТО, но и из-за категорического нежелания Вашингтона допускать в какой-либо форме советское военное присутствие на Ближнем Востоке. Кроме того, подавление советскими войсками антикоммунистического восстания в Венгрии, совпавшее по времени с Суэцким кризисом, также исключало возможность сотрудничества с США, жестко осудившими действия Советского Союза как нарушение права венгерского народа на свободный выбор своего пути развития.

Итогом усилий СССР по проникновению на Ближний Восток в 1950-х гг. стало не только установление тесных связей с арабскими странами, прежде всего с Египтом и Сирией, но и обретение собственного голоса в отношении ближневосточного конфликта. Однако у Москвы не было достаточных экономических и политических рычагов воздействия на арабов, у советского руководства отсутствовала политическая воля для действительно справедливой, объективной оценки конфликтной ситуации. При этом неуклонно ухудшались отношения с Израилем не только из-за его внешнеполитической ориентации, но и по причине его постоянного давления в вопросе о выезде советских евреев. Это подрывало эффективность советского участия в решении проблем ближневосточного конфликта.

¹ Tripartite Declaration Regarding the Armistice Borders: Statement by the Governments of the United States, The United Kingdom, and France, May 25, 1950 . URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/mid001.asp (дата обращения: 22.02.2021).

² Письмо посланника СССР А.Н. Абрамова заместителю министра иностранных дел СССР В.А. Зорину 31 мая 1954 г. // Ближневосточный конфликт 1947–1956. Из документов Архива внешней политики РФ. Т. 1. Отв. ред. В.В. Наумкин. М.: МФД. Док. 130, с. 210.

³ Запись беседы посла СССР в Египте Д.С. Солода с поверенным в делах Ливана в Египте Н. Димешки и послом Индии в Египте А. Джангом 23 февраля 1955 г. // Ближневосточный конфликт 1947–1956. Док. 157. С. 255.

⁴ Запись беседы посланника СССР в Египте Д.С. Солода с посланником Египта в СССР А. Аль-Масри 1 февраля 1954 г. // Ближневосточный конфликт 1947–1956. Док. 157. С. 200.

⁵ *Бар-Зохар М.* Бен-Гурион. Биография. Кн. II. Библиотека Алия. 1989. С. 43.

⁶ *Bialer U.* Between East and West: Israel's foreign policy orientation, 1948–1956. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 278.

⁷ *Ibidem.* P. 230.

⁸ *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М.: Международные отношения, 2003.

⁹ Письмо премьер-министра Израиля Д. Бен-Гуриона членам правительства 20 января 1953 г. // Советско-израильские отношения. Сборник документов. М.: Международные отношения. Т. 1. Кн. 2. Док. 442. С. 402.

¹⁰ Циркулярная телеграмма Генерального директора МИД Израиля У. Эйтана дипломатическим представителям Израиля в западных странах и Югославии 14 января 1953 г. // Советско-израильские отношения. Сборник документов. Т. 1. Кн. 2. Док. 440. С. 399.

¹¹ Нота МИД Израиля миссии СССР в Израиле 10 февраля 1953 г. // Советско-израильские отношения. Сборник документов. Т. 1. Кн. 2. Док. 451. С. 423.

¹² Нота правительства СССР правительству Израиля 11 февраля 1953 г. // Советско-израильские отношения. Сборник документов. Т. 1. Кн. 2. Док. 455. С. 430.

¹³ Письмо министра иностранных дел СССР В.М. Молотова министру иностранных дел Израиля М. Шаретту 15 июля 1953 г. // Советско-израильские отношения. Сборник документов. Т. 1. Кн. 2. Док. 476. С. 471.

¹⁴ Записка отдела стран Ближнего и Среднего Востока МИД СССР заместителю министра иностранных дел СССР В.А. Зорину 28 июля 1953 г. // Советско-израильские отношения. Сборник документов. Т. 1. Кн. 2. Док. 477. С. 472–474.

¹⁵ *Ro'i Y.* From Encroachment to Involvement. Op. cit. P. 110.

¹⁶ *Heikal M. Nasser.* The Cairo Documents. Op. cit. P. 49.

¹⁷ Foreign Relations of the United States 1952–1954, The Near and Middle East, Vol. IX, Part 1, d. 1374. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v09p1/d.1374> (дата обращения: 26.05.2020).

¹⁸ Points of Agreement in London Discussions of Arab-Israel Settlement. London, March 10, 1955 // Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Arab-Israeli Dispute, 1955. Vol. XIV, Doc. 48. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v14/d48> (дата обращения: 23.05.2020).

¹⁹ Из записки заведующего отделом стран Ближнего и Среднего Востока МИД СССР Г.Т. Зайцева «О советско-израильских отношениях (к заседанию коллегии МИД СССР) 10 марта 1955 г. // Ближневосточный конфликт 1947–1956. Док. 159. С. 259.

²⁰ Записка заведующего отделом стран Ближнего и Среднего востока МИД СССР Г.Т. Зайцева заместителю министра иностранных дел СССР В.А. Зорину 20 октября 1953 г. // Ближневосточный конфликт 1947–1956. Док. 117. С. 192–193.

²¹ Письмо посланника СССР А.Н. Абрамова заместителю министра иностранных дел СССР В.А. Зорину, 31 мая 1954 г. // Ближневосточный конфликт 1947–1956. Док. 128. С. 210.

²² *Ro'i Y.* From Encroachment to Involvement. Op. cit. Pp. 116–124.

²³ Резолюция СБ ООН S/RES/95 (1951)

²⁴ *Ro'i Y.* From Encroachment to Involvement. Op. cit. P. 130.

²⁵ Progress Report on NSC 155/1 United States Objectives and Policies With Respect to the Near East. Washington, July 29, 1954 // Foreign Relations of the United States, 1952–1954. The Near And Middle East. Vol. IX, Part 1, doc. 221. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v09p1/d221> (дата обращения: 26.05.2020).

²⁶ *Chanes J.* The Lessons of the “Lavon Affair” // Forward, May 16, 2014. URL: <https://forward.com/opinion/198375/the-lessons-of-the-lavon-affair/> (дата обращения: 02.06.2020).

²⁷ *Tessler M.* A History of the Israeli-Palestinian Conflict. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1994. P. 344.

²⁸ Memorandum of a Conversation. Department of State, Washington, October 11, 1955 // Foreign Relations of the United States 1955–1957. Arab-Israeli Dispute, 1955, Vol. XIV, Doc. 333. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v14/d333> (дата обращения: 20.05.2020).

²⁹ *Heikal M.* Nasser. The Cairo Documents. Op. cit. P. 53.

³⁰ Telegram from the Embassy in Egypt to the Department of State. Cairo, October 1, 1955 // Foreign Relations of the United States 1955–1957. Arab-Israeli Dispute, 1955, Vol. XIV, Doc. 321. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v14/d321> (дата обращения: 20.05.2020).

³¹ *Хрусталеv М.* Некоторые проблемы военной политики ОАР // Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР № 2 (118). М.: Наука, 1971. С. 139–140.

³² Telegram from the Embassy in Egypt to the Department of State. Cairo, October 1, 1955 // Foreign Relations of the United States 1955–1957. Arab-Israeli Dispute, 1955, Vol. XIV, Doc. 321. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v14/d321> (дата обращения: 20.05.2020).

³³ *Кирпиченко В.А.* Из архива разведчика. Op. cit. С. 24.

³⁴ Из письма посольства СССР в Египте заместителю министра иностранных дел СССР В.А. Зорину, 22 января 1955 г. // Ближневосточный конфликт 1947–1956. Док. 153. С. 247.

³⁵ Телеграмма посланника СССР в Египте С.П. Козырева в МИД СССР 10 февраля 1953 г. // Ближневосточный конфликт 1947–1956. Док. 111. С. 182.

³⁶ *Laron G.* Cutting the Gordian Knot: The Post-WWII Egyptian Quest for Arms and the 1955 Czechoslovak Arms Deal. Cold War International History Project. Working Paper #55. The Wilson Center for Scholars. Washington 2007. P. 5 URL: https://wilsoncenter.org/sites/default/files/media/documents/publication/WP55_Web-Final.pdf (дата обращения: 12.06.2020).

³⁷ Запись беседы посла СССР в Египте Д.С. Солода с премьер-министром Египта Г. Насером 8 июля 1954 г. // Ближневосточный конфликт 1947–1956. Док. 133. С. 214.

³⁸ СССР и арабские страны. 1917–1960 гг. Документы и материалы. Опр. cit. С. 116.

³⁹ *Heikal M. Nasser. The Cairo Documents. Опр. cit. P. 56.*

⁴⁰ *Laron G. Cutting the Gordian Knot. Опр. cit. Pp. 25, 28.*

⁴¹ *Примаков Е.М. Ближний Восток на сцене и за кулисами. Опр. cit. С. 44.*

⁴² *Heikal M. Nasser. The Cairo Documents. Опр. cit. P. 55.*

⁴³ Справка отдела стран Ближнего и Среднего Востока МИД СССР «К поездке тов. Шепилова Д.Т. в Египет» 18 июля 1955 г. // Ближневосточный конфликт 1947–1956. Док. 184. С. 306.

⁴⁴ *Примаков Е.М. Ближний Восток на сцене и за кулисами. Опр. cit. С. 74–75.*

⁴⁵ *Кирпиченко В.А. Из архива разведчика. Опр. cit. С. 24–25.*

⁴⁶ *Примаков Е.М. Ближний Восток на сцене и за кулисами. Опр. cit. С. 44.*

⁴⁷ *Ibidem. С. 43–44.*

⁴⁸ См.: *Von Tunzelman A. Blood and Sand. Suez, Hungary and Eisenhower's Campaign for Peace. Опр. cit. P. 90.*

⁴⁹ *Кирпиченко В.А. Из архива разведчика. Опр. cit. С. 39.*

⁵⁰ Запись беседы посла СССР в Египте Д.С. Солода с премьер-министром Египта Г. Насером 18 октября 1955 г. // Ближневосточный конфликт 1947–1956. Т. 1 Док. 210. С. 349.

⁵¹ Memorandum from the Secretary of State's special assistant for intelligence (Armstrong) to the Secretary of State. September 23, 1955 // Foreign Relations of the United States 1955–1957 Arab-Israeli Dispute, 1955, Vol. XIV, doc. 301. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v14/d301> (дата обращения: 20.05.2020).

⁵² *Васильев А.М. Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. Опр. cit. С. 44.*

⁵³ *Rasler K., Thompson W., Ganguli S. How Rivalries End. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2013. Pp. 38–39.*

⁵⁴ Запись беседы посла СССР в Египте Д.С. Солода с премьер-министром Египта Г. Насером 15 сентября 1955 г. // Ближневосточный конфликт 1947–1956. Т. 1. Док. 201. С. 334.

⁵⁵ *Von Tunzelman A. Blood and Sand. Suez, Hungary and Eisenhower's Campaign for Peace. P. 194.*

⁵⁶ *Розин А. Сотрудничество Сирии и СССР в военно-морской области. Часть 1. Сирийский кризис 1957 г. URL: <http://alerozin.narod.ru/Syria57.htm> (дата обращения: 27.05.2021).*

⁵⁷ СССР и арабские страны. 1917–1960 гг. Документы и материалы. Опр. cit. С. 123.

⁵⁸ Telegram from the Embassy in the United Kingdom to the Department of State. September 22, 1955 // Foreign Relations of the United States 1955–1957. Arab-Israeli

Dispute, 1955, Vol. XIV, doc. 299. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v14/d299> (дата обращения: 20.05.2020).

⁵⁹ Probable Consequences of the Egyptian Arms Deal with the Soviet Bloc. Special National Intelligence Estimate Number 30-3-55. 12 October 1955. URL: https://cia.gov/library/readingroom/docs/DOC_0000011348.pdf (дата обращения: 17.05.2020).

⁶⁰ Editorial note // Relations of the United States 1955–1957. Arab-Israeli Dispute, 1955, Vol. XIV, doc. 286. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v14/d286> (дата обращения: 20.05.2020).

⁶¹ Memorandum of a Conversation, Department of State, Washington, October 3, 1955 // Foreign Relations of the United States 1955–1957 Arab-Israeli Dispute, 1955, Vol. XIV, doc. 323. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v14/d323> (дата обращения: 20.06.2020).

⁶² Запись беседы посла СССР в Египте Д.С. Солода с премьер-министром Египта Г. Насером 18 октября 1955 г. // Ближневосточный конфликт 1947–1956. Т. 1. Док. 210. С. 349.

⁶³ Editorial note // Foreign Relations of the United States 1955–1957. Arab-Israeli Dispute, 1955, Vol. XIV, doc. 334. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v14/d334> (дата обращения: 20.06.2020).

⁶⁴ Запись беседы посла СССР в Египте Д.С. Солода с премьер-министром Египта Г. Насером 18 октября 1955 г. *Op. cit.* С. 349–350.

⁶⁵ Memorandum of a Conversation, Department of State, Washington, October 3, 1955. // Foreign Relations of the United States 1955–1957. Arab-Israeli Dispute, 1955, Vol. XIV, doc. 323. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v14/d323>, (дата обращения: 20.06.2020).

⁶⁶ *Пелицась М.Я.* Суэцкий кризис 1956 г. // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. М.: Олма-Пресс, 2003. С. 548.

⁶⁷ *Von Tunzelman A.* Blood and Sand. Suez, Hungary and Eisenhower's Campaign for Peace. P. 362.

⁶⁸ *Safran N.* From War to War: The Arab-Israeli Confrontation, 1948–1967. NY: Pegasus, 1969. P. 223.

⁶⁹ Probable Consequences of the Egyptian Arms Deal with the Soviet Bloc. Special National Intelligence Estimate Number 30-3-55. 12 October 1955. URL: https://cia.gov/library/readingroom/docs/DOC_0000011348.pdf (дата обращения: 17.05.2020).

⁷⁰ *Егорин А.З.* Египет нашего времени. *Op. cit.* С. 84.

⁷¹ Телеграмма первого заместителя председателя Совета министров СССР, министра иностранных дел В.М. Молотова в МИД СССР о беседе с израильским премьер-министром М. Шареттом 1 ноября 1955 г. // Ближневосточный конфликт 1947–1956. Т. 1. Док. 220. С. 367.

⁷² *Кирпиченко В.А.* Из архива разведчика. *Op. cit.* С. 26.

⁷³ Запись беседы временного поверенного в делах СССР в Египте П.И. Герасимова с премьер-министром Египта Г. Насером 23 января 1956 г. // Ближневосточный конфликт 1947–1956. Т. 1. Док. 232. С. 381.

⁷⁴ Ближневосточный конфликт 1947–1956. Т. 1. Док. 201. *Op. cit.* С. 334.

⁷⁵ Запись беседы посла СССР в Египте Д.С. Солода с премьер-министром Египта Г. Насером 29 сентября 1955 г. // Ближневосточный конфликт 1947–1956. Т. 1. Док. 206. С. 343.

⁷⁶ *Heikal M.* The Sphinx and the Commissar. Op. cit. P. 63.

⁷⁷ Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Arab-Israeli Dispute, 1955, Vol. XIV. D. 293. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v14/d293> (дата обращения: 25.06.2020).

⁷⁸ Ближневосточный конфликт 1947–1956. Т. 1. Док. 202. С. 335.

⁷⁹ СССР и арабские страны. Док. 50. Op. cit. С. 140.

⁸⁰ Ближневосточный конфликт 1947–1956. Т. 1. Док. 239. С. 398.

⁸¹ Ibidem. Док. 254, 255. С. 436–437.

⁸² Записка заведующего отделом стран Ближнего и Среднего Востока МИД СССР Г.Т. Зайцева первому заместителю министра иностранных дел СССР А.А. Громыко 13 марта 1956 г. // Ближневосточный конфликт 1947–1956. Т. 1. Док. 235. С. 388.

⁸³ Из записки заведующего отделом стран Ближнего и Среднего Востока МИД СССР Г.Т. Зайцева «О советско-израильских отношениях (к заседанию Коллегии МИД СССР)» 10 марта 1955 г. // Ближневосточный конфликт 1947–1956. Т. 1. Док. 159. С. 258.

⁸⁴ *Bialer U.* Between East and West: Israel's foreign policy orientation, 1948–1956. P. 267.

⁸⁵ Попытка втянуть Израиль в военный блок // Известия. 11 июня 1955 г.

⁸⁶ Письмо заведующего отделом стран Ближнего и Среднего Востока МИД СССР Г.Т. Зайцева послу СССР в Израиле А.Н. Абрамову 4 ноября 1955 г. // Ближневосточный конфликт 1947–1956. Т. 1. Док. 223. С. 370.

⁸⁷ Из записки заведующего отделом стран Ближнего и Среднего Востока МИД СССР Г.Т. Зайцева «О советско-израильских отношениях (к заседанию коллегии МИД СССР)» 10 марта 1955 г. // Ближневосточный конфликт 1947–1956. Т. 1. Док. 159. С. 258.

⁸⁸ Записка заведующего отделом стран Ближнего и Среднего Востока МИД СССР Г.Т. Зайцева заместителю министра иностранных дел СССР В.С. Семенову 9 сентября 1955 г. // Ближневосточный конфликт 1947–1956. Т. 1. Док. 199. С. 327.

⁸⁹ Записка заведующего отделом стран Ближнего и Среднего Востока МИД СССР Г.Т. Зайцева заместителю министра иностранных дел СССР В.С. Семенову 13 января 1956 г. // Ближневосточный конфликт 1947–1956. Т. 1. Док. 231. С. 379.

⁹⁰ Записка заведующего отделом стран Ближнего и Среднего Востока МИД СССР Г.Т. Зайцева заместителю министра иностранных дел СССР В.А. Зорину 19 июля 1955 г. // Ближневосточный конфликт 1947–1956. Т. 1. Док. 186. С. 307.

⁹¹ *Хрущев Н.С.* Речь на Четвертой сессии Верховного Совета СССР четвертого созыва 29 декабря 1955 г. М.: Госполитиздат, 1956.

⁹² XX съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. С. 33.

⁹³ Запись беседы посланника СССР в Ливане В.А. Беляева с председателем Ассоциации ливанских промышленников Тамером 3 сентября 1955 г. // Ближневосточный конфликт 1947–1956. Т. 1. Док. 195. С. 320.

⁹⁴ Запись беседы посла СССР в Египте Д.С. Солода с премьер-министром Египта Г. Насером 15 сентября 1955 г. // Ближневосточный конфликт 1947–1956. Т. 1. Док. 201. С. 333.

⁹⁵ Bialer U. Between East and West: Israel's foreign policy orientation, 1948–1956. P. 273.

⁹⁶ Ближневосточный конфликт. Т. 1. Док. 244. С. 408–409.

⁹⁷ Ibidem. Док. 220, с. 366; док. 242, с. 403.

⁹⁸ Ibid. Док. 242. С. 402.

⁹⁹ Телеграмма первого заместителя председателя Совета министров СССР, министра иностранных дел В.М. Молотова в МИД СССР о беседе с премьер-министром и министром иностранных дел Израиля М. Шареттом 1 ноября 1955 г.; Запись беседы В.М. Молотова с посланником Сирии в СССР Ф. Аль-Хани 23 марта 1955 г. // Ближневосточный конфликт 1947–1956. Т. 1. Док. 220, с. 367; док. 161, с. 260.

¹⁰⁰ Письмо посла СССР в Египте Д.С. Солода в МИД СССР «К вопросу арабо-израильских отношений» 4 декабря 1955 г. // Ближневосточный конфликт 1947–1956. Т. 1. Док. 226. С. 372.

¹⁰¹ Справка посольства СССР в Египте «Израильско-египетский инцидент в районе Газа» 8 апреля 1955 г. // Ближневосточный конфликт 1947–1956. Т. 1. Док. 167. С. 273.

¹⁰² Пелипась М.Я. Суэцкий кризис 1956 г. // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. – М.: Олма-пресс, 2003. С. 543–584.

¹⁰³ Foreign Relations of the United States, 1955-1957, Arab-Israeli Dispute, 1955, Vol. XIV. D. 38. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v14/d38> (дата обращения: 12.07.2020).

¹⁰⁴ См., например: *Примаков Е.М.* Анатомия ближневосточного конфликта. Ор. cit.

¹⁰⁵ Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 32. С. 74.

¹⁰⁶ Бергман Р. Восстань и убей первым. Ор. cit. С. 61.

¹⁰⁷ Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф.Чуева. М.: Терра – Terra, 1991.

¹⁰⁸ Safran N. From War to War. Ор. cit. P. 44.

¹⁰⁹ Ближневосточный конфликт. Т. 1. Док. 204. С. 339.

¹¹⁰ Ibidem. Док. 237. С. 394.

¹¹¹ Из записи беседы министра иностранных дел СССР Д.Т. Шепилова с Генеральным Секретарем ООН Д. Хаммаршельдом 5 июля 1956 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 1. Док. 258. С. 442.

¹¹² СССР и арабские страны. Ор. cit. С. 133.

¹¹³ Запись беседы заместителя министра иностранных дел СССР В.С. Семёнова с послом Сирии в СССР Ж. Фаррой 19 апреля 1956 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 1. Док. 244. С. 408.

-
- ¹¹⁴ *Lloyd S. Suez* 1956. A Personal Account. L.: Corronet Books, 1980. P. 62.
- ¹¹⁵ Telegram 4803 from London, April 21; Department of State, Central Files, 033.6141/4-2156 // Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Arab-Israeli Dispute, Vol. XV. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v15/d300> (дата обращения: 12.09.2020).
- ¹¹⁶ Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Vol. XV. D. 291. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v15/d291> (дата обращения: 12.09.2020).
- ¹¹⁷ *Ibidem*.
- ¹¹⁸ Telegram from the Embassy in the Soviet Union to the Department of State. April 19, 1956 // Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Vol. XV. D. 293. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v15/d293> (дата обращения: 12.09.2020).
- ¹¹⁹ Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Arab-Israeli Dispute, January 1 – July 26, 1956, Vol. XV. D. 412. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v15/d412> (дата обращения: 02.10.2020).
- ¹²⁰ *Heikal M. Nasser*. The Cairo Documents. Op. cit. P. 62.
- ¹²¹ Memorandum of Discussions at the 289th meeting of the National Security Council, Washington, June 28, 1956 // Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Arab-Israeli Dispute, January 1 – July 26, 1956, Vol. XV. D. 412. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v15/d412> (дата обращения: 02.10.2020).
- ¹²² СССР и арабские страны. Op. cit. С. 683–688.
- ¹²³ *Румянцев В.* США, Великобритания, СССР и Суэцкий кризис 1956 г. Op. cit. С. 35.
- ¹²⁴ The Suez Crisis: A Brief Comint History. Special series crisis collection. Vol. 2. March 2018. P. 16. URL: <https://www.archives.gov/files/declassification/iscap/pdf/2013-117-doc01.pdf> (дата обращения: 02.11.2020).
- ¹²⁵ Телеграмма посла СССР в Египте Е.Д. Киселева в МИД СССР 15 июля 1956 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 1. Док. 262. С. 452.
- ¹²⁶ *Von Tunzelman A.* Blood and Sand. Suez, Hungary and Eisenhower's Campaign for Peace. P. 66.
- ¹²⁷ СССР и арабские страны. Op. cit. С. 143.
- ¹²⁸ Заявление советского правительства по вопросу о Суэцком канале 9 августа 1956 г. // СССР и арабские страны. С. 145–146.
- ¹²⁹ Телеграмма министра иностранных дел СССР Д.Т. Шепилова послу СССР в Египте Е.Д. Киселеву 10 августа 1956 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 1. Док. 274. С. 475.
- ¹³⁰ *Khrushchev Remembers*. P. 475. Op. cit.
- ¹³¹ Ближневосточный конфликт. Т. 1. Док. 268 и 269. С. 463–465.
- ¹³² СССР и арабские страны. Op. cit. С. 190–194, 208–210, 235.
- ¹³³ *Ibidem*. С. 194–197.
- ¹³⁴ Текст устного заявления правительства СССР правительству Израиля 24 сентября 1956 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 1. Док. 291. С. 501.

¹³⁵ Записка первого заместителя министра иностранных дел СССР А.А. Громыко в ЦК КПСС 20 сентября 1956 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 1. Док. 289. С. 497.

¹³⁶ Бергман Р. Восстань и убей первым. Op. cit. С. 66–68.

¹³⁷ Телеграмма посла СССР в Египте Е.Д. Киселева в МИД СССР 21 июля 1956 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 1. Док. 263. С. 456.

¹³⁸ Письмо посла СССР в Израиле А.Н. Абрамова министру иностранных дел СССР Д.Т. Шепилову 22 октября 1956 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 1. Док. 305. С. 530.

¹³⁹ Телеграмма посла СССР в Египте Е.Д. Киселева в МИД СССР 21 июля 1956 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 1. Док. 263. С. 454.

¹⁴⁰ Запись беседы посла СССР в Израиле А.Н. Абрамова с министром иностранных дел Израиля Г. Меир 26 сентября 1956 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 1. Док. 292. С. 503.

¹⁴¹ См.: *Von Tunzelman A. Blood and Sand. Suez, Hungary and Eisenhower's Campaign for Peace.* P. 124.

¹⁴² *Zelikow Ph. Suez Deconstructed. An Interactive Study in Crisis, War and Peacemaking.* Washington: Brookings Institution Press, 2018. P. 230.

¹⁴³ Телеграмма посла СССР в Египте Е.Д. Киселева в МИД СССР 29 октября 1956 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 1. Док. 310. С. 536.

¹⁴⁴ Докладная записка начальника Главного разведывательного управления С.М. Штыменко министру обороны СССР Г.К. Жукову 30 октября 1956 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 1. Док. 311. С. 537.

¹⁴⁵ *Von Tunzelman A. Blood and Sand. Suez, Hungary and Eisenhower's Campaign for Peace.* P. 240.

¹⁴⁶ Выступление представителя СССР А.А. Соболева в Совете Безопасности ООН по вопросу об агрессии Израиля против Египта 30 октября 1956 г. // СССР и арабские страны. С. 236.

¹⁴⁷ Заявление Советского правительства о вооруженной агрессии против Египта 31 октября 1956 г. // СССР и арабские страны. С. 241.

¹⁴⁸ Телеграмма посла СССР в Египте Е.Д. Киселева в МИД СССР 30 октября 1956 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 1. Док. 313. С. 539.

¹⁴⁹ Ближневосточный конфликт. Т. 1. Док. 313. С. 546.

¹⁵⁰ *Von Tunzelman A. Blood and Sand. Suez, Hungary and Eisenhower's Campaign for Peace.* P. 176.

¹⁵¹ Ibidem. P. 155.

¹⁵² *Kyle K. Suez: Britain's End of Empire in the Middle East.* Op. cit.

¹⁵³ *Von Tunzelman A. Blood and Sand. Suez, Hungary and Eisenhower's Campaign for Peace.* Op. cit. P. 246.

¹⁵⁴ Ibidem. P. 313.

¹⁵⁵ Ibid. P. 313.

¹⁵⁶ *Khrushchev Remembers.* Op. cit. P. 474.

¹⁵⁷ Ibidem. P. 475.

-
- ¹⁵⁸ Телеграмма посла СССР в Египте Е.Д. Киселева в МИД СССР 30 октября 1956 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 1. Док. 313. С. 539.
- ¹⁵⁹ *Lloyd S. Suez 1956. A Personal Account.* Op. cit. P. 170.
- ¹⁶⁰ *Dayan M. Story of my life. An Autobiography.* Op. cit. Pp. 286–294.
- ¹⁶¹ *Rucker L. The Soviet Union and the Suez crisis // The 1956 War, Collusion and Rivalry in the Middle East.* Frank Cass. 2001. Pp. 83–85.
- ¹⁶² *Khrushchev Remembers.* Op. cit. P. 459.
- ¹⁶³ *Von Tunzelman A. Blood and Sand. Suez, Hungary and Eisenhower's Campaign for Peace.* Op. cit. P. 283.
- ¹⁶⁴ *Ibidem.* P. 235
- ¹⁶⁵ *Kyle K. Suez: Britain's End of Empire in the Middle East.* Op. cit. P. 105.
- ¹⁶⁶ *Heikal M. The Sphinx and the Commissar.* Op. cit. P. 69.
- ¹⁶⁷ *Кирпиченко В.А. Из архива разведчика.* Op. cit. С. 41.
- ¹⁶⁸ Телеграмма посла СССР в Египте Е.Д. Киселева в МИД СССР 1 ноября 1956 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 1. Док. 315. С. 542.
- ¹⁶⁹ *Von Tunzelman A. Blood and Sand. Suez, Hungary and Eisenhower's Campaign for Peace.* Op. cit. P. 170.
- ¹⁷⁰ *Егорин А.З. Египет нашего времени.* Op. cit. С. 87.
- ¹⁷¹ *Шайкин В.И. История создания и пути развития Воздушно-десантных войск. Рязань: Типография РВВДКУ, 2013. С. 118.*
- ¹⁷² *Even Y. A Paper Bear: Similarities and Contrasts in Soviet Involvement in the 1956 and 1967 Wars // The Soviet Union and the June 1967 Six Day War.* Ed. Ro'i Y., Morozov B. Washington: Woodrow Wilson International Center, 2008. P. 74.
- ¹⁷³ Memorandum of a Conference With the President, White House, Washington, November 5, 1956 // Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Suez Crisis, July 26 – December 31, 1956, Vol. XVI. D. 500. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v16/d500> (дата обращения: 12.11.2020).
- ¹⁷⁴ *Розин А. Сотрудничество Сирии и СССР в военно-морской области. Часть 1. Сирийский кризис 1957 г.* URL: <http://alerozin.narod.ru/Syria57.htm> (дата обращения: 27.05.2021).
- ¹⁷⁵ *Even Y. A Paper Bear: Similarities and Contrasts in Soviet Involvement in the 1956 and 1967 Wars.* Op. cit. Pp. 72–73.
- ¹⁷⁶ *Heikal M. The Sphinx and the Commissar.* Op. cit. P. 71.
- ¹⁷⁷ Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века. Под ред. Золотарева В.А. М.: Кучково поле, 2000. С. 174.
- ¹⁷⁸ Телеграмма министра иностранных дел СССР Д.Т. Шепилова послу СССР в Египте Е.Д. Киселеву 3 ноября 1956 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 1. Док. 319. С. 551.
- ¹⁷⁹ Телеграмма министра иностранных дел СССР Д.Т. Шепилова послу СССР в Египте Е.Д. Киселеву 4 декабря 1956 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 1. Док. 330. С. 568.
- ¹⁸⁰ См., например: *Von Tunzelman A. Blood and Sand. Suez, Hungary and Eisenhower's Campaign for Peace.* Op. cit. P. 370.

¹⁸¹ Телеграмма первого заместителя министра иностранных дел СССР А.А. Громыко постоянному представителю СССР при ООН А.А. Соболеву в Нью-Йорк 1 ноября 1956 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 1. Док. 314. С. 540–541.

¹⁸² Телеграмма министра иностранных дел СССР Д.Т. Шепилова постоянному представителю СССР при ООН А.А. Соболеву 5 ноября 1956 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 1. Док. 320. С. 552.

¹⁸³ Телеграмма первого заместителя министра иностранных дел СССР А.А. Громыко послу СССР в Египте Е.Д. Киселеву 8 ноября 1956 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 1. Док. 325. С. 560–561.

¹⁸⁴ Докладная записка начальника Главного разведывательного управления С.М. Штеменко министру обороны СССР Г.К. Жукову 6 ноября 1956 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 1. Док. 321. С. 553.

¹⁸⁵ СССР и арабские страны. *Op. cit.* С. 254.

¹⁸⁶ *Ibidem.* С. 253–254.

¹⁸⁷ Khrushchev Remembers. V. 1. *Op. cit.* P. 479.

¹⁸⁸ Kyle K. Suez: Britain's End of Empire in the Middle East. *Op. cit.* P. 458.

¹⁸⁹ СССР и арабские страны. *Op. cit.* С. 257–260.

¹⁹⁰ *Ibidem.* С. 261.

¹⁹¹ Васильев А.М. Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. *Op. cit.* С. 50.

¹⁹² Special National Intelligence Estimate. Washington 6 November 1956 // Foreign relations of the United States, 1955–1957, Suez Crisis, July 26 – December 31, 1956, Vol. XVI. D. 521. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v16/d521> (дата обращения: 01.02.2021).

¹⁹³ Kyle K. Suez: Britain's End of Empire in the Middle East. *Op. cit.* P. 639, fn. 35.

¹⁹⁴ См., например: Golan G. Soviet Policies in the Middle East. From World War II to Gorbachev. P. 51; Розин А. СССР и Суэцкий кризис – морской компонент. URL: <http://alerozin.narod.ru/Suez56/Suez56USSR-9.htm> (дата обращения: 11.02.2021).

¹⁹⁵ Цит. по: Even Y. A Paper Bear: Similarities and Contrasts in Soviet Involvement in the 1956 and 1967 Wars. *Op. cit.* P. 75.

¹⁹⁶ Telegram from the Embassy in the Soviet Union to the Department of State. November 6, 1956 // Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Suez Crisis, July 26 – December 31, 1956, Vol. XVI. D. 520. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v16/d520> (дата обращения: 01.02.2021).

¹⁹⁷ Dayan M. Story of my life. An Autobiography. *Op. cit.* P. 317.

¹⁹⁸ Heikal M. The Sphinx and the Commissar. *Op. cit.* P. 72.

¹⁹⁹ Из телеграммы посла СССР в Египте Е.Д. Киселева в МИД СССР 6 ноября 1956 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 1. Док. 322. С. 554.

²⁰⁰ Телеграмма посла СССР в Египте Е.Д. Киселева в МИД СССР 6 ноября 1956 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 1. Док. 323. С. 556.

²⁰¹ Егорин А.З. Египет нашего времени. *Op. cit.* С. 87.

²⁰² Special National Intelligence Estimate. Washington, November 6, 1956 // Foreign relations of the United States, 1955–1957, Suez Crisis, July 26 – December 31, 1956, Vol. XVI. D. 522. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v16/d522> (дата обращения: 01.02.2021).

²⁰³ *Lloyd S.* Suez 1956. A Personal Account. Op. cit. P. 261.

²⁰⁴ *Even Y.* A Paper Bear: Similarities and Contrasts in Soviet Involvement in the 1956 and 1967 Wars. Op. cit. P. 67.

²⁰⁵ Ibidem. P. 78.

²⁰⁶ Memorandum of a Conversation, Department of State, Washington, November 7, 1956 // Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Suez Crisis, July 26 – December 31, 1956, Vol. XVI. D. 551. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v16/d551> (дата обращения: 01.02.2021).

²⁰⁷ Телеграмма министра иностранных дел СССР Д.Т. Шепилова послу СССР в Египте Е.Д. Киселеву 4 декабря 1956 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 1. Док. 330. С. 567.

²⁰⁸ Telegram From the Embassy in Egypt to the Department of State, November 8, 1956 // Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Suez Crisis, July 26 – December 31, 1956, Vol. XVI. D. 561. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v16/d561> (дата обращения: 11.02.2021).

²⁰⁹ *Heikal M.* The Sphinx and the Commissar. Op. cit. С. 74.

²¹⁰ *Примаков Е.М.* Ближний Восток на сцене и за кулисами. Op. cit. С. 50.

²¹¹ Письмо Первого секретаря ЦК КПСС Н.С.Хрущева Президенту ОАР Г.А. Насеру 12 апреля 1959 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. С. 274.

²¹² Ibidem. С. 268, 275.

²¹³ *Von Tunzelman A.* Blood and Sand. Suez, Hungary and Eisenhower's Campaign for Peace. Op. cit. P. 374.

Глава 2

СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА В БЛИЖНЕВОСТОЧНОМ КОНФЛИКТЕ 1957–1964 гг.

2.1. Роль Советского Союза в урегулировании после Суэцкого кризиса

Советское присутствие становилось все более значимым фактором в региональных отношениях благодаря военной, политической, моральной поддержке, которую СССР оказывал режиму Насера. Очевидно, что во внешнеполитической повестке высшего руководства страны ближневосточное направление стало пользоваться большим вниманием. Об этом свидетельствует, например, такой штрих: разрабатывавшиеся в МИДе рекомендации советским послам в Египте и Сирии утверждались в качестве постановлений ЦК КПСС, что не было характерно для процесса принятия решений по Ближнему Востоку в предыдущие годы. По-видимому, причина повышенного внимания к региону заключалась в том, что наступал этап, когда соперничество с США переходило на региональный уровень и каждая из сверхдержав стремилась выстроить особые отношения с теми государствами, с которыми у нее во многом совпадали внешнеполитические интересы.

В практическом плане возможности СССР для продвижения предложений, более всего соответствовавших его задачам, оставались ограниченными. Так, например, размещение вооруженных сил ООН на территории Египта с самого начала вызывало у советской стороны подозрения, что они будут превращены в интервенционистский корпус Запада на Ближнем Востоке¹. Тем не менее Насер дал согласие на это вопреки советским предупреждениям о таящихся в этом решении угрозах. В связи с этим советская сторона особо подчеркивала приоритетность роли Совета Безопасности в решении вопроса о формировании и использовании международных сил, а также поддерживала позицию Египта о недопустимости их размещения в зоне Суэцкого канала и о суверенном праве египетских властей в любое время отозвать свое согласие на

присутствие иностранных войск на своей территории. В советской позиции четко прослеживалась задача не допустить превращения сил ООН в инструмент давления на египетское правительство и ограничить их полномочия лишь разделением египетских и израильских войск в зоне демаркационной линии между Египтом и Израилем. В Москве надолго сохранялось настороженное отношение к ооновским миротворцам, и советская делегация, а также делегации стран «народной демократии»* на Генеральной Ассамблее в ноябре 1957 г. голосовали против их финансирования из бюджета ООН.

В начале декабря 1956 г. английское и французское правительства заявили о начале вывода своих войск из Египта. Жесткие меры давления на союзников, принятые США**, а также создание за короткий период военного контингента ООН, что являлось большой заслугой Генерального секретаря Д. Хаммаршельда, были главными факторами в принуждении Великобритании и Франции к принятию этого решения. Свою роль в ускорении этого процесса сыграли, видимо, и советские угрозы о снятии препятствий для выезда добровольцев в Египет в случае, если Англия, Франция и Израиль, вопреки решениям ООН, не выведут свои войска с его территории². Практическое осуществление такой меры, как показано выше, было весьма проблематичным, но на Западе советские заявления воспринимались не только как пропагандистская уловка. Госдеп выяснял у египетских дипломатов, запрашивал ли Египет добровольцев из СССР и получил ли согласие, и предупреждал, что в случае, если советские добровольцы появятся в Египте, то это значительно ослабит его поддержку во всем мире³. Европейские союзники попытались сыграть на советской угрозе для восстановления атлантической солидарности. Они рассчитывали на смягчение американских санкций, установленных для того, чтобы добиться вывода англо-французских войск из Египта⁴. Однако у Вашингтона в этом вопросе была своя и не лишняя осно-

* В советском дискурсе – восточноевропейские страны просоветской ориентации.

** Подробно о взаимоотношениях союзников по НАТО в период Суэцкого кризиса и после него см.: *Румянцев В.П.* США, Великобритания, СССР и Суэцкий кризис 1956 г.

ваний логика: чем дольше иностранные войска оставались на территории Египта, тем выше становилась вероятность обращения арабских стран за помощью к Москве.

В Лондоне и Париже советскую угрозу отправки добровольцев на Ближний Восток попытались использовать для оправдания собственных действий в Суэцком кризисе. Французский премьер утверждал, что «если бы израильтяне не провели свою операцию, то не позднее декабря или января Египет, Сирия и Иордания атаковали бы Израиль под руководством советских офицеров»⁵. В западной прессе была развернута интенсивная кампания с обвинениями СССР в намерениях развязать войну на Ближнем Востоке. Это болезненно воспринималось советским руководством, стремившимся создать миролюбивый образ СССР в регионе. От идеи направления добровольцев быстро отказались, разъяснив Насеру, что она используется враждебной пропагандой для дискредитации советской политики, что делает нецелесообразным принятие подобных мер⁶. Как только контингенты ООН начали замещать англо-французские войска в зоне Суэцкого канала, советское правительство заявило 9 декабря 1956 г., что оно снимает вопрос о выезде в Египет советских добровольцев⁷.

Насеру не рекомендовалось манипулировать сроками расчистки Суэцкого канала в целях давления на международное сообщество для ускорения вывода войск. В связи с попытками британцев использовать вопрос об участии британских специалистов в расчистке Суэцкого канала, чтобы таким образом подкрепить претензии Великобритании на свою особую роль в его дальнейшей эксплуатации, советские представители подчеркивали исключительные права Египта на восстановительные работы. К тому же для дополнительного давления на Англию, Францию и Израиль в вопросе вывода войск с египетской территории Москва рекомендовала Насеру потребовать от их правительств возмещения ущерба, причиненного Египту их военными действиями⁸. Эта идея настойчиво проводилась и в выступлениях советских представителей в ООН, и в посланиях советского правительства правительствам Англии, Франции и Израиля⁹.

В первые месяцы 1957 г. главным вопросом в постсуэцком урегулировании становился вывод израильских войск с Синайского

полуострова и из сектора Газа. В резолюциях ООН транслировалась общая позиция международного сообщества о недопустимости применения силы как способа решения международных споров, что означало для Израиля отказ от всех его территориальных приобретений, полученных в ходе военных действий. Однако в Израиле была надежда извлечь хоть какие-то политические дивиденды из своих военных успехов, получив гарантии свободы судоходства в Акабском заливе и спокойную границу в районе Газы. Израильское правительство также пыталось обусловить вывод своих войск требованием размещения сил ООН в зоне Суэцкого канала. Усилия израильской дипломатии в ООН, а также лоббирование в американском Конгрессе и работа с общественным мнением США были направлены на то, чтобы добиться поддержки израильских условий вывода войск.

Попытки Израиля обусловить свой уход с Синая вводом международных сил в зону Суэцкого канала категорически осуждались в советских заявлениях как посягательство на суверенную часть египетской территории¹⁰. Советская сторона особо подчеркивала, что вывод израильских войск с египетской территории должен происходить без всяких предварительных условий. Москва настаивала на применении в отношении Израиля экономических санкций для решения вопроса об освобождении египетской территории.

Египет выступал категорически против сохранения за Израилем каких-либо контрольных позиций в Газе и наделения введенных туда ооновских сил полицейскими и административными функциями. Ведя двойную игру, египетский президент, с одной стороны, заверял американцев, что как только будет решен вопрос о выводе израильской армии из Газы, он «займется коммунистами»¹¹. С другой стороны, египтяне требовали от СССР поддержки их позиции, утверждая, что «интернационализация» Акабского залива, то есть обеспечение свободы судоходства в нем, будет способствовать продвижению «доктрины Эйзенхауэра» и разьединению арабского мира¹².

Однако Москва призывала Насера к сдержанности в вопросе о судоходстве по Акабскому заливу и предлагала координировать действия с Иорданией и Саудовской Аравией. Советские специа-

листы по международному праву утверждали, что режим судоходства в таких заливах устанавливается по соглашению прибрежных государств. Советская сторона предостерегала Насера от военных мер, которые могут вызвать нежелательные осложнения, и предлагала ограничиться заявлением, что Тиранский пролив является территориальными водами Египта и что проход иностранных судов через него подлежит регулированию¹³. По-видимому, это сыграло свою роль в том, что Египет не стал заострять проблемы судоходства в Акабском заливе. В итоге египтяне вынуждены были согласиться на размещение подразделений сил ООН в Шарм-эль-Шейхе, вблизи Тиранского пролива, что дало возможность Израилю свободно пользоваться этим морским путем на протяжении следующих десяти лет.

Обращает на себя внимание, что ни в беседах советских дипломатов с руководством Египта, ни в указаниях, поступавших в посольства из МИДа ни слова не упоминалось о справедливости требований Израиля по обеспечению свободы судоходства, об интересах Израиля, связанных с этим морским путем. Более того, советский посол в Израиле указывал, что «все притязания Израиля к Египту – о судоходстве в Акабском заливе, транзите по Суэцкому каналу, требование демилитаризации района Газы и Синайского полуострова находят полную поддержку со стороны правящих кругов США»¹⁴. По-видимому, подразумевалось, что вследствие этого они не могут рассматриваться как выражение законных интересов Израиля. Обвинение американцев в том, что они поощряют Израиль к затягиванию вывода войск, к неподчинению резолюциям ООН стало одним из главных пунктов советской позиции. Очень красноречиво оно было выражено в одном из выступлений советского представителя на заседании Генеральной Ассамблеи: «...на глазах у всего мира разыгрывается тщательно продуманная операция. В этой операции Израиле-агрессору поручается быть неуступчивым и предъявлять все растущие требования к Египту и ООН, а Соединенным Штатам отведена роль миротворца, который должен будто бы помочь ООН преодолеть эту неуступчивость Израиля, а на деле обосноваться в районе Ближнего Востока непосредственно или для начала под видом войск ООН»¹⁵.

Из всего сказанного в этом пассаже справедливо лишь то, что именно Соединенным Штатам принадлежала главная роль в преодолении неуступчивости Израиля и именно американское давление и прямые угрозы серьезных санкций в отношении Израиля заставили израильское руководство в конце концов принять условия урегулирования, выдвинутые международным сообществом. В контактах администрации с Генеральным секретарем ООН, на двусторонних американо-израильских встречах велись поиски путей реализации решений, принятых международным сообществом. На фоне сильного давления на американскую администрацию со стороны произраильского лобби Д. Эйзенхауэр выступил с обращением к нации 20 февраля 1957 г. Пафос его речи состоял в том, что США не могут обеспечить поддержку государству, которое, вторгнувшись на территорию другой страны, выдвигает свои условия освобождения захваченных территорий¹⁶. У израильтян морализаторская сторона американской позиции вызывала неприятие, в то время как на кону стояли экзистенциальные для Израиля вопросы. Д. Бен-Гурион недоумевал по поводу настойчивости Вашингтона в требовании полного вывода израильских войск: «Вот президент Эйзенхауэр, который... проводит свое время, играя в бридж и гольф. Утром он читает записку о том, что происходит в мире, и выбирает именно этот вопрос, чтобы полностью погрузиться в него», — сделал он ироничную запись в своем дневнике¹⁷. Сдача всех завоеванных позиций была равносильна поражению, но в Израиле понимали, что другого выхода нет. Как утверждают израильские историки, израильтянам были даны заверения со стороны США и других западных стран в том, что попытки Египта возобновить блокаду Тиранского пролива будут рассматриваться ими как акт войны. Израиль в таком случае будет иметь право использовать все средства самообороны в соответствии со статьей 51 Устава ООН¹⁸. Стабилизация обстановки в регионе отвечала западным интересам.

Вывод израильских войск с территории Синай и из сектора Газа закончился 7–8 марта 1957 г. В Газе разместились силы ООН со своей штаб-квартирой, гражданское административное управление территорией вновь переходило к Египту. Вслед за этим египтяне восстановили нормальное движение судов по Суэцкому кана-

лу и дали команду на дальнейшие работы по расчистке канала. Но Насер категорически отказывался снимать запрет на проход через канал судов, направляющихся в Израиль, пока не решена проблема Палестины. В результате этот вопрос на уровне международного сообщества был отложен.

В вопросе о статусе Суэцкого канала, несмотря на довольно активную деятельность американской администрации и европейских держав, добивавшихся сохранения контроля над важной водной артерией¹⁹, окончательная точка была поставлена Меморандумом египетского правительства от 18 марта 1957 г. Египет обязался соблюдать Константинопольскую конвенцию 1888 г. о свободе судоходства по Суэцкому каналу, обеспечивать необходимое финансирование его эксплуатации и урегулирование споров с пользователями канала через арбитражный суд. Египетская администрация Суэцкого канала становилась единственным получателем сборов за проход судов²⁰. Советское руководство отреагировало в целом положительно на египетское заявление, полагая, что гибкая политика Египта в этом вопросе затруднит достижение колониалистских целей западных держав, в том числе империалистической «доктрины Эйзенхауэра». В то же время Г. Насеру предлагалось действовать осторожно, чтобы избежать новых провокаций против Египта и других арабских стран²¹.

Советская сторона представляла роль США в постсуэцком урегулировании в искаженном виде. Объяснение этому, видимо, следует искать в динамике советско-американского противостояния, важнейшей ареной которого становился Ближний Восток. Учитывая неприятие арабами Израиля – будь то радикальные националисты насеровского типа или арабские монархические режимы, советская пропаганда приписывала американской политике исключительно произраильскую направленность, насаждая таким образом недоверие к США среди арабов. В то же время, подыгрывая арабским радикалам, советская пропагандистская машина навязывала всему миру представление об Израиле как о марионеточном государстве, смысл существования которого состоит в исполнении антиарабских замыслов «американских империалистов».

Помимо задач чисто пропагандистского свойства, которые прослеживаются в советской позиции, складывается впечатление, что

на высших уровнях советского политического руководства господствовала абсолютная убежденность, что все военные приготовления Израиля действительно «финансировались в прямой или косвенной форме из США, что израильская агрессия была принята не без ведома США», что американцы ведут двойную игру, делая вид, что оказывают нажим на Израиль²². Нельзя сказать, что в Москву не поступала информация о широких военных и экономических связях, которые были налажены в этот период между Израилем и Францией. Но утривание антиарабского характера именно американо-израильского тандема, видимо, более соответствовало идеологизированному видению мира Кремля, в котором главным противником «всего прогрессивного человечества» становился «американский империализм».

Советская картина американо-израильских отношений лишь отчасти отражала реальность. В 1950-х гг. Израиль еще не был приоритетным клиентом США на Ближнем Востоке. В американской администрации в конце 1950-х гг. довольно активно обсуждался вопрос о способах выстраивания отношений с Израилем. Рассматривался вариант оказания давления на Израиль при гарантии его целостности, чтобы принудить израильские верхи к уступкам по таким вопросам, как ограничение еврейской иммиграции, территориальные корректировки, компенсации палестинским беженцам, что могло бы в конце концов привести к достижению какого-то *modus vivendi* с арабскими странами. Однако в дискуссиях о выстраивании американской политики в отношении Израиля важнейшим аргументом становилось то, что он являлся единственным сильным государством на Ближнем Востоке, на которое Запад мог безусловно рассчитывать в борьбе против радикального арабского национализма и в обеспечении доступа к нефтяным запасам региона²³.

Для израильтян уроки Суэцкого кризиса не прошли даром. В период военных действий и в постсуэцком урегулировании впервые выявилась важная особенность арабо-израильского конфликта: он не был изолирован от более широкого контекста отношений сверхдержав. Поэтому в Израиле приходили к пониманию, что поддержка сверхдержавы в военном конфликте необходима для сдерживания вмешательства другой сверхдержавы, а в после-

военный период она должна обеспечить конвертацию военных побед в политические дивиденды. В израильской доктрине безопасности и во внешней политике в следующие десятилетия важнейшим элементом становится достижение взаимопонимания и поддержки со стороны Соединенных Штатов²⁴.

2.2. Ближний Восток – арена холодной войны: формирование параметров противостояния

Суэцкий кризис ослабил позиции бывших колониальных держав в регионе и усилил популярность СССР в арабском мире. Обеспокоенная этими деструктивными для интересов Запада тенденциями американская администрация сочла необходимым выдвинуть свой проект по сохранению Ближнего Востока в орбите западного влияния. В послании Конгрессу 5 января 1957 г. американский президент заявил, что проникновение СССР на Ближний Восток не имеет никаких иных целей, кроме коммунизации этого региона. Поэтому Соединенные Штаты будут оказывать экономическую и военную помощь ближневосточным странам в случае, если им будет угрожать вооруженная агрессия со стороны любой страны, контролируемой международным коммунизмом²⁵.

Заявление американского президента, вошедшее в историю как «доктрина Эйзенхауэра», не обошлось без двойных стандартов в оценке событий прошедшей осени. В нем мягко упоминалось о «недавних военных действиях на Ближнем Востоке с участием стран Западной Европы» и об «относительно серьезном нападении Израиля» на соседнюю арабскую страну. Но Советский Союз подвергался резкому осуждению и за насильственное сохранение контроля над странами-сателлитами в Восточной Европе, и за применение «прямой вооруженной силы» для подчинения Венгрии. Из этого делался вывод, что и на Ближнем Востоке ничто не остановит СССР перед использованием любых средств для достижения своих целей. Даже в американском истеблишменте явная демонизация противника вызвала отторжение. Один из американских сенаторов назвал выступление президента «предварительным объявлением войны».

Другой критик Д. Эйзенхауэра считал, что он сильно преувеличивает советскую военную угрозу и ошибочно недооценивает советские законные интересы в этом регионе, хотя бы с точки зрения безопасности²⁶. Тем не менее на долгие годы декларация американского президента стала основой для разработки американской ближневосточной политики. Американское руководство исходило из данной ЦРУ оценки, что активная политика «блока» (СССР и его союзников. – *Т.Н.*) «будет направлена на подрыв стратегических позиций Запада в регионе, включая базовую структуру, и на то, чтобы перекрыть Западу доступ к нефтяным ресурсам региона»²⁷. Разработанная Советом национальной безопасности в начале 1958 г. директива по долгосрочной политике США на Ближнем Востоке давала установки на ликвидацию или сокращение влияния советского блока в регионе, перекрытие доступа к ресурсам, рынкам и линиям коммуникаций Советскому Союзу и его союзникам, а также на формирование проамериканских правительств во всех странах региона²⁸.

Трудно сказать, были ли у руководства Советского Союза те цели на Ближнем Востоке, которые приписывались ему американцами. Многие звенья процесса принятия внешнеполитических решений в советское время до сих пор остаются под замком секретности. Лишь по некоторым эпизодам можно предположить, что в высших советских политических кругах имелись разные взгляды на то, каким образом следует выстраивать региональную политику. Так, например, высокопоставленный советский дипломат в неофициальной беседе с членом египетской делегации, гостившей в Москве, мог выражать весьма презрительное отношение к политике неприсоединения и убеждать гостя присоединиться к советскому лагерю. «Вы либо с нами, либо с американцами. Присоединяйтесь к нам, и мы вам дадим все, что вам нужно»²⁹.

В этой коминтерновской логике мыслили, видимо, многие советские руководители высшего и среднего звена, но в окружении Н.С. Хрущева намечалась тенденция к преодолению такой прямолинейности в международных отношениях. Взятый на XX съезде КПСС курс на мирное сосуществование с Западом предполагал, что в задачи советской внешней политики не входит ниспровержение капитализма в других странах путем «экспорта» револю-

ции. Не случайно в очередном раунде борьбы Н.С. Хрущева за укрепление своей власти в июне 1957 г. участникам так называемой антипартийной группы – Молотову, Кагановичу, Маленкову вменялось в вину то, что они «пытались противодействовать ленинскому курсу на мирное сосуществование между государствами с различными социальными системами, ослаблению международной напряженности и установлению дружественных отношений СССР со всеми народами мира»³⁰. Правда, установка на мирное сосуществование не отменяла соперничества сверхдержав в «третьем мире» и нацеленности Москвы на превращение развивающихся стран в свою резервную базу в противостоянии с Западом. Но военные, политические и экономические возможности Советского Союза в тот период вряд ли позволили бы строить агрессивные экспансионистские планы в отношении Ближнего Востока. Уже в более позднее время один из самых сведущих советских мемуаристов, бывший ответственный сотрудник аппарата ЦК КПСС К. Брутенц утверждал, например, что, в отличие от США, Советский Союз не ставил и не мог ставить задачи вытеснить из региона своего противника³¹.

«Доктрина Эйзенхауэра» была воспринята в СССР как новый вариант колонизаторского наступления в целях изоляции молодых независимых государств Ближнего и Среднего Востока и ограничения их связей с СССР и странами социализма. В ответ на американские обвинения в экспансионистских замыслах советская сторона разоблачала захватнические планы правящих кругов США, «имеющие целью установление мирового господства американского империализма»³². За громкими пропагандистскими клише стояла серьезная обеспокоенность Москвы намерениями заокеанского противника произвольно размещать в близлежащем регионе свои вооруженные силы, создавать враждебные СССР коалиции и по своему усмотрению вмешиваться во внутренние дела ближневосточных стран.

Советские оценки целей западных противников в ближневосточном регионе не уступали американским в завышении уровня угроз. Летом 1958 г., в связи с резким повышением напряженности после антимонархического переворота в Ираке и военным вмешательством США и Великобритании в Ливане и Иордании,

Президиум ЦК КПСС утвердил совершенно секретные указания советскому послу в Каире о передаче Г. Насеру следующего: «...оккупация территории Ливана и Иордании и планы развязывания агрессии против Ирака, Объединенной Арабской Республики и других арабских стран тесно связаны с более широкими планами превращения стран Арабского Востока в опорную военно-стратегическую базу США и Англии для подготовки третьей мировой войны. Оккупировав территории арабских стран, США и Англия намереваются использовать их для создания мощных баз атомного и водородного оружия, а также строительства стратегических площадок для запуска ракет. При этом США и Англия преследуют цели отдаления от своих территорий возможного театра военных действий в случае третьей мировой войны, чтобы таким образом отвести от себя первые ответные удары и перенести их на те страны, в которых им удастся разместить свои атомные и ракетные базы»³³.

Вероятно, этот документ был нацелен на то, чтобы усилить обеспокоенность арабов ситуацией в регионе. В закрытых документах советское руководство выражало недовольство тем, что «ОАР проявляет недостаточную активность в разоблачении империалистической политики США и Англии»³⁴. В то же время это заявление, выдержанное в алармистском тоне, отражало определенную психологическую особенность советского политического мышления в послевоенный период. Недавно окончившаяся тяжелая война оставила глубокую психологическую травму у руководителей страны. На это обращал внимание академик А.М. Васильев со ссылками на ряд свидетельств участников событий³⁵. Одержимость советского руководства проблемой безопасности отмечали многие западные исследователи советской политики. Это приводило к завышению уровня угроз, тем более что недружественная военная инфраструктура, которую Запад выстраивал вокруг СССР в рамках политики сдерживания, не способствовала более трезвым оценкам опасности в Кремле.

Советским ответом на «доктрину Эйзенхауэра» стало предложение правительствам США, Великобритании и Франции принять «Декларацию по вопросу о мире и безопасности на Ближнем и Среднем Востоке и невмешательстве во внутренние дела стран

этого района» (11 февраля 1957 г.). В ней предлагалось решать все спорные вопросы на Ближнем Востоке мирными средствами путем переговоров, отказаться от попыток вовлечения стран региона в военные блоки, ликвидировать на их территории иностранные военные базы, прекратить поставки оружия и оказывать им помощь в целях развития без каких-либо предварительных условий³⁶. В связи с напряженностью на Ближнем Востоке, нараставшей на протяжении 1957–1958 гг., советское правительство выступило с рядом заявлений и предложений. По своей сути они повторяли изложенные в первоначальной декларации принципы и предлагали различные форматы встреч на высшем уровне для обсуждения как общих проблем обеспечения международной безопасности, так и мер снижения напряженности в ближневосточном регионе³⁷.

Об этих советских инициативах в западных исследованиях советской ближневосточной политики упоминается редко, в основном упор делается на вкладе СССР в развитие гонки вооружений в этом регионе. Но нельзя не отметить, что в целом это были вполне здравые основы для регионального сотрудничества, хотя в условиях очень низкого уровня доверия между сторонами было бы трудно рассчитывать на выработку эффективных механизмов для реализации предлагавшихся принципов. К тому же Н.С. Хрущев отказался от идеи Совещания в верхах после своего визита в КНР в августе 1958 г. Руководство компартии Китая во главе с Мао Цзедунем было против компромиссов с империалистами, и СССР, во избежание потери руководящего положения в коммунистическом и антиколониальном движении и осложнения отношений с КНР, вынужден был ужесточать свои позиции.

Западные страны фактически ответили отказом на советские предложения. В обоснование своей позиции лидеры США и Англии ссылались на то, что все эти принципы уже содержатся в Уставе ООН, что предлагаемые меры будут ущемлять суверенитет ближневосточных стран. Глубинная причина западного негативизма в отношении советских предложений заключалась в том, что лидеры «свободного мира» ощущали слабость своих позиций в условиях подъема арабского национализма, сильно окрашенного антизападными настроениями, и опасались, что советская сторона

получит гораздо более весомые выигрыши от договоренностей. В метафорическом языке Дж. Даллеса арабский национализм уподоблялся несущемуся потоку, скорость которого подстегивается советскими усилиями. «Мы не можем соревноваться с ними, потому что они подыгрывают арабским желаниям “сбросить Израиль в море” и изгнать Запад», — объяснял американский госсекретарь своему президенту³⁸. Американские аналитики указывали, что договоренности такого типа, связав руки американцам и англичанам в использовании военной силы, оставят за советской стороной различные возможности для подрывной деятельности, а ограничения в поставках оружия будут работать против непопулярных прозападных режимов с их серьезными внутренними проблемами³⁹. Таким образом, потери западных стран в случае принятия советских принципов оказывались весомыми, а возможности торможения советского проникновения неочевидными. К тому же продолжала действовать установка на перекрытие доступа СССР в пул великих держав, напрямую решающих ближневосточные проблемы.

Арабы также очень сдержанно восприняли советские предложения. Во-первых, их настораживал пункт об отказе от поставок вооружений, хотя советские представители настаивали, что он будет действовать только в случае реализации всех остальных пунктов⁴⁰. Во-вторых, арабы стремились сохранить свое поле маневров между СССР и США. Ссылаясь на необходимость придерживаться нейтрального курса в отношениях с Западом и Востоком, арабские лидеры не спешили высказываться в поддержку советских предложений.

Израильское руководство резко отрицательно оценило перспективу Совещания глав правительств по Ближнему Востоку, а пресса даже не погнушалась уподобить возможное согласие на советские предложения с поражением Запада в прошлом в Мюнхене*. Вероятность того, что Израиль может стать разменной монетой в борьбе между Востоком и Западом за Ближний Восток, что

* В сентябре 1938 г. Великобритания, Франция и Италия подписали в Мюнхене соглашение с Германией о передаче ей Судетской области Чехословакии. Европейские державы рассчитывали таким образом предотвратить новую войну.

его интересы могут быть ущемлены в советско-американской гонке за благосклонность арабских стран, отныне становилась одним из главных кошмаров всех израильских правительств. Когда летом 1959 г. стало известно о готовящемся обмене визитами между Н.С. Хрущевым и Д. Эйзенхауэром, Д. Бен-Гурион поспешил направиться с секретной миссией во Францию, куда должен был приехать в ходе европейского турне Д. Эйзенхауэр. Израильтянам нужно было донести до европейских руководителей точку зрения израильского правительства на коренные международные проблемы и заручиться их поддержкой в том, чтобы советско-американский саммит не стал прологом к сговору супердержав по Ближнему Востоку за спиной Израиля.

2.3. Особенности советского продвижения на Ближнем Востоке во второй половине 1950-х гг.

После принятия «доктрины Эйзенхауэра» определенно вырисовывается особое положение ближневосточного региона как арены американо-советского противостояния. Академик Е.М. Примаков в размышлениях о новом повороте американской ближневосточной политики высказывал мысль, что «доктрина Эйзенхауэра» по своему содержанию, по обстановке, в которой она появилась, и по событиям, последовавшим после ее провозглашения, была направлена, прежде всего, на нейтрализацию влияния насеровского Египта, считавшегося союзником СССР на Ближнем Востоке⁴¹. Действительно, популярность насеровских идей панарабизма вела к тому, что к власти в арабских странах приходили политики с антизападными, а в некоторых случаях прокоммунистическими настроениями. Это несло угрозу позициям традиционных арабских элит, которые в условиях холодной войны обращались к Западу для собственного спасения, нагнетая страхи перед коммунистической опасностью в масштабах всего региона. В Вашингтоне признавали, что антизападные настроения арабов являются в первую очередь наследием колониальной эпохи и имеют мало отношения к коммунистической доктрине в ее советском варианте. Но именно на волне арабского радикального национализма происходило продвижение СССР в регионе, и именно сдерживание советского

проникновения на Ближний Восток составляло суть американской политики.

Противоположность американского и советского взглядов на арабский национализм в его насеровском варианте была важным моментом в разворачивавшемся противостоянии сверхдержав. В американской интерпретации политика Насера преследовала исключительно личные амбициозные цели: «усечение», если не ликвидация Израиля, свержение правительств в Ливане, Иордании, Марокко, Тунисе, Ливии, Судане, Саудовской Аравии и т.д. и замена их своими марионетками из среды местных националистов, солидарных с египетским лидером. Его национализм, как полагали в Вашингтоне, не мог способствовать конструктивному и продуктивному объединению арабов⁴².

Советские вожди, критикуя Насера за его неприятие марксистско-ленинской теории классовой борьбы и построения общества на основе «научного социализма», очень положительно оценивали поставленную им задачу объединения арабов, считая, что совместные действия усилят противостояние общему внешнему врагу – колониализму⁴³. В кризисных ситуациях 1957 г. и 1958 г. на Ближнем Востоке, возникших вследствие действий пронасеровских сил или близких им идеологически движений, как в случае антимонархического переворота в Ираке, уже отчетливо проявились советские намерения защищать «дружественные режимы от посягательств внешних сил империализма» и выстраивать таким образом свою сферу влияния в регионе.

Довольно наглядно это проявилось в первом постсуэцком кризисе на Ближнем Востоке летом 1957 г., начало которому положили неудавшиеся попытки антиправительственного переворота в Сирии, за которыми стояли американское посольство в Дамаске и агентура Центрального разведывательного управления^{*44}. К началу сентября 1957 г. возросла напряженность на сирийско-турецкой границе, а также активность американских военно-морских сил в Восточном Средиземноморье.

* Американский историк Х. Вилфорд в своей работе «Большая игра Америки» раскрывает роль агентов ЦРУ в секретных операциях по смене режимов на Ближнем Востоке, в том числе в Сирии в 1940-х – 1950-х гг.

Одна из главных причин кризисной ситуации состояла в том, что переход сотрудничества Сирии с СССР и странами Восточной Европы на новый уровень* воспринимался американцами в парадигме холодной войны как значительное усиление зависимости Сирии от советского блока. Тем более что советско-сирийские отношения не ограничивались расширением экономических связей, но распространялись и на военную область. В свете развертывания сотрудничества между ВМФ СССР и ВМС Сирии, когда, как заметил российский автор, на смену французам шли советские моряки⁴⁵, переоборудование и модернизация порта Латакия силами специалистов из СССР и стран Восточной Европы в 1957 г. рассматривались как подготовка к созданию военной базы на сирийской территории. В обоснование американской позиции по событиям в Сирии Дж. Даллес указывал в беседе с А.А. Громыко**, что соседние с Сирией страны испытывают чувство тревоги, которое разделяет правительство США⁴⁶.

Советское правительство отреагировало на планы возвращения Сирии под западный патронаж традиционным дипломатическим способом, разослав 3 сентября 1957 г. ноты правительствам США, Великобритании и Франции о недопустимости подрывной деятельности и открытого вмешательства во внутренние дела арабских государств⁴⁷. Турецкое правительство также было предупреждено, что участие в таком опасном по своим последствиям деле, как интервенция против Сирии, может навлечь на Турцию большие несчастья⁴⁸. Помимо этого, к берегам Сирии был направлен отряд советских военных кораблей, а советские войска выдвинулись к границе с Турцией. Это повышение уровня угроз было продолжением советского активизма на ближневосточном направлении, начало которому было положено во время Суэцкого кризиса. Демонстрация возросших стратегических возможностей СССР

* В конце ноября 1956 г. СССР заключил первое прямое соглашение с Сирией о продаже оружия, реактивных самолетов и зенитных орудий, а также о подготовке сирийского военного персонала. Летом 1957 г. были достигнуты договоренности о сотрудничестве в области развития транспортной инфраструктуры Сирии, строительства промышленных объектов, кредитования проектно-изыскательских работ и др.

** А.А. Громыко назначен министром иностранных дел СССР в феврале 1957 г.

также становилась характерной чертой советского реагирования в кризисной ситуации. 27 августа 1957 г. в советской печати было опубликовано сообщение ТАСС о проведении в Советском Союзе успешных испытаний межконтинентальной баллистической ракеты. 24 сентября ТАСС сообщило о проведении испытаний ядерных и водородных зарядов в рамках боевой подготовки Советской Армии и Военно-Морского Флота⁴⁹.

В Вашингтоне, видимо, не ожидали такой резкой реакции. У Дж. Даллеса вызывали возмущение «быстрые и чудовищные меры» по захвату Сирии, советские маневры в Средиземном море, угрожающий тон советских сообщений о межконтинентальных ракетах. Ноту советского правительства он счел выдержанной в грубом и провокационном тоне⁵⁰. Советская политика в сирийском кризисе, по оценкам американцев, поднимала на новый уровень холодную войну и создавала самую опасную ситуацию со времен Корейской войны.

Советское руководство считало своей победой вынужденное отступление США в сирийском кризисе. Обсуждение ближневосточных вопросов входило в практику советско-американских отношений, и это означало, что с Советским Союзом необходимо договариваться или, по крайней мере, вести переговоры о способах проведения политики на Ближнем Востоке. Это было тем более важно, что в постсуэцкий период ближневосточное направление считалось одним из главных в обеспечении безопасности СССР. Министр иностранных дел А.А. Громыко подчеркивал этот фактор в беседе с госсекретарем Дж. Даллесом, сравнивая значение ближневосточного региона для Советского Союза с местом, которое занимает Центральная и Южная Америка в политике безопасности США⁵¹.

К лету 1958 г. ведшаяся арабскими националистами пропагандистская и подрывная деятельность поставила прозападный режим в Ливане под угрозу свержения. В Иордании под влиянием идей радикального панарабизма зашатался трон Хашемитской династии. В Москве были хорошо осведомлены о ситуации в Ливане, о том, что ОАР* снабжает оружием повстанцев из анти-

* 1 февраля 1958 г. Египет и Сирия создали Объединенную Арабскую Республику.

правительственного лагеря и перебрасывает туда с территории Сирии группы добровольцев. Но если легалистский Запад квалифицировал это как подрывные действия против законного правительства, то советская позиция исходила из законности борьбы арабских народов против реакционных, антинациональных правительств, связанных с бывшими колониальными державами. Ливанские повстанцы вписывались в общearабское национально-освободительное движение.

Выступление министра иностранных дел СССР А.А. Громыко на III чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по Ближнему Востоку. Нью-Йорк, 13 августа 1958 г.

Кризисная ситуация достигла своего апогея вследствие антимонархического переворота в Ираке 14 июля 1958 г., в организации которого сыграли роль спецслужбы Египта и Сирии (при поддержке СССР)⁵². Он стал триггером реализации «доктрины Эйзенхауэра». В Ливан были введены американские морские пехотинцы, был повышен уровень тревоги стратегических военно-воздушных сил США. Одновременно британские десантники по при-

глашению короля Хусейна высадились в Иордании для обеспечения защиты Хашемитского режима.

Характерно, что Г. Насер, находившийся с визитом в Югославии в момент революции в Ираке, принял решение о необходимости немедленных консультаций с Москвой, чтобы выяснить, на какие шаги готово пойти советское правительство в кризисной ситуации. Его крайне засекреченная встреча^{*,53} с Н.С. Хрущевым в подмосковном тогда Хорошёве, продолжавшаяся восемь часов, завершилась категорическим отказом советского лидера не только предпринять какие-либо военные действия по защите Ирака или ОАР, но даже выступить с ультиматумом, аналогичным советскому заявлению во время Суэцкого кризиса. Советское руководство объявило о больших маневрах на границе с Турцией, но развязывать третью мировую войну из-за Ближнего Востока Советский Союз не намеревался⁵⁴.

Вместе с тем перед советским руководством встала задача предотвращения дальнейшего развертывания военных планов Запада против ОАР и Ирака. Для этого были пущены в ход уже отработанные в прежних кризисных ситуациях дипломатические инструменты: правительственные заявления, письма главам западных государств за личной подписью Н.С. Хрущева, выступления в ООН. Эти документы содержали более или менее серьезные военные предостережения, но ниже уровнем, чем те, к которым прибегала Москва в период Суэцкого кризиса.

Так, в Заявлении советского правительства от 18 июля 1958 г. указывалось, что «Советский Союз не будет оставаться безучастным к актам неспровоцированной агрессии в районе, прилегающем к его границам» и вынужден будет «принять необходимые меры, диктуемые интересами безопасности и сохранения всеобщего мира»⁵⁵. В посланиях главам государств и правительств США, Великобритании, Франции использовался целый ряд исторических аналогий, прежде всего напоминание о том, что именно

* Окружение Г. Насера так же, как его друг, лидер Югославии И.Б. Тито и советское руководство имели основания опасаться за жизнь египетского президента, устранение которого соответствовало интересам не только Запада, но и некоторых арабских правителей. *Heikal M. Nasser. The Cairo Documents*. Pp. 121–122.

«малые» и «локальные» войны и захват чужих территорий привели ко Второй мировой войне, что агрессор, пытающийся навязать свою волю другим народам силой оружия, обречен на поражение. Ссылки на прошедшую войну сопровождались подчеркнуто настойчивым упоминанием паритета СССР с западными странами в современных видах вооружений⁵⁶. Эта стилистика явно была рассчитана на восприятие оппонентом советских высказываний как реальных угроз. И в этом, вероятно, советские заявления достигали своих целей. Американские аналитики, хотя и полагали, что советские угрозы рассчитаны на предотвращение развязывания Соединенными Штатами «большой войны» из-за Ближнего Востока, но не исключали, что в случае военного вмешательства Запада в Ираке или в ОАР советские шаги могут оказаться непредсказуемыми⁵⁷.

Широкая пропагандистская и политическая кампания по защите режима в Сирии, небольшой арабской стране*, демонстративные военные угрозы Москвы и организация интенсивного политического давления на США и Англию в ООН в целях прекращения интервенции в арабских странах во время ливанского кризиса могли показаться неоправданно преувеличенной реакцией на фоне многочисленных внешнеполитических проблем, стоявших в это время перед Советским Союзом. Но, по-видимому, помимо внешнеполитических причин, обостренная реакция на ближневосточные события была обусловлена и внутренними факторами.

В окружении Н.С. Хрущева складывалась довольно напряженная обстановка. Далеко не все в высших эшелонах власти одобряли его курс на смягчение антагонистических отношений с Западом. Его ставка на насеровский режим, усиливавший репрессивные меры против коммунистов и левых сил внутри страны, выдавливавший левые элементы из сирийского руководства, подвергалась критике. «...Насер пытается продолжать линию использования противоречий между двумя мировыми лагерями, получая экономическую и военную помощь от СССР и других социалистических стран, и в то же время добивается изменения отношения к нему со стороны США и других западных держав, подчеркивая в

* В 1957 г. население Сирии составляло чуть больше 4 млн чел.

переговорах с Западом свою враждебность к коммунизму и готовность услужить Западу в борьбе против коммунистов на Арабском Востоке», – говорилось в коллективной записке в ЦК КПСС, подписанной такими влиятельными членами советского руководства, как М. Сулов, И. Серов, Е. Фурцева и др.⁵⁸ Н.С. Хрущев, чуть было не отстраненный от руководства страной в июне 1957 г.^{*}, должен был соответствовать ожиданиям поддерживавших его соратников и ужесточить непримиримую борьбу с «империализмом и силами международной реакции». Помимо этого, в какой-то момент сирийский режим, а также республиканское правительство Ирака, проявлявшие терпимость в отношении коммунистов, могли рассматриваться как альтернативная Насеру региональная опора. Необходимо было оказать поддержку режимам, расположенным к сотрудничеству с Москвой, и в то же время продемонстрировать необратимость сдвигов в соотношении сил на международной арене. В пропагандистском плане подчеркнутая приверженность СССР принципам защиты суверенитета и независимости арабских стран давала свой эффект, дискредитируя американскую политику и ослабляя позиции США в регионе.

2.4. Отношения СССР с Египтом

Закрепление СССР в ближневосточном регионе стало к концу 1950-х гг. неоспоримым фактом. Несмотря на все сложности взаимоотношений с Г. Насером, на ряд кризисных ситуаций^{**,59}, через которые прошли советско-египетские отношения, Египет играл центральную роль в советской ближневосточной политике. Он сохранял влияние как ведущая страна арабского мира. Режим Насера укрепил свои позиции внутри страны и сумел обеспечить относительную внутривнутриполитическую стабильность в отличие от Си-

^{*} В июне 1957 г. последователи жесткого сталинского курса в советском руководстве предприняли попытку отстранить Н.С. Хрущева от власти.

^{**} В 1959–1961 гг. советско-египетские отношения переживали наиболее сложный период из-за идеологических разногласий с египетским руководством, репрессивной политики режима Г. Насера в отношении коммунистов, критического отношения Москвы к созданию ОАР. Выход Сирии из состава ОАР в сентябре 1961 г. был положительно воспринят в СССР.

рий* и Ирака, где неустойчивость политической системы и внутриполитические эксцессы мешали развитию сотрудничества с СССР.

В то же время Насер не был склонен идти на компромиссы с советским руководством в идеологических вопросах или отказываться от необходимой Египту экономической помощи США, поэтому удержание Египта в советской орбите потребовало немалых усилий. Одним из самых впечатляющих проявлений этой политики стало принятое наконец советским правительством осенью 1958 г. решение о кредитовании строительства Асуанской плотины и оказании помощи в ее сооружении посредством поставок оборудования, материалов и обеспечения экспертной помощи как в проектировании, так и в непосредственном выполнении работ. Соглашение с Египтом об этом первом в истории СССР грандиозном проекте в «третьем мире» было подписано в Каире в декабре 1958 г.⁶⁰ Бескорыстие советской помощи, которое настойчиво подчеркивал Н.С. Хрущев во всех своих выступлениях и заявлениях, не было столь уж абсолютным. Противореча самому себе, бывший первый секретарь ЦК КПСС писал в своих мемуарах, что в основе экономического сотрудничества с Египтом лежали, прежде всего, политические соображения, а именно, завоевание доверия не только египтян, но и всех арабских народов, всех народов развивающихся стран, особенно в Африке⁶¹. Целеполагание в ближневосточной политике, таким образом, выходило за региональные рамки в расчете на то, что постколониальные страны станут своего рода резервом поддержки советской политики в глобальном масштабе.

В отношении с Египтом не последнюю роль, как представляется, играла и личная заинтересованность первого лица советского государства в поддержке египетского лидера. Н.С. Хрущев с первой встречи с Г.А. Насером во время его визита в СССР в апреле–мае 1958 г. проявлял к нему некую патерналистскую терпимость и не свойственную ему обходительность. Даже жестокая репрессивная политика Г. Насера в отношении арабских коммунистов не являлась причиной для ограничения сотрудничества с

* В период с 1961 по 1966 г. в Сирии произошло восемь переворотов.

ОАР или введения каких-либо санкций, хотя это отрицательно сказывалось на лидирующих позициях СССР в международном коммунистическом движении, особенно из-за возмущавшей конкуренции со стороны КНР. Н.С. Хрущев ограничивался разоблачением антикоммунистических взглядов Г. Насера и его соратников в своих речах на партийных съездах, при личных встречах с египетским руководством, в специальных посланиях египетскому президенту^{*,62,63}. Правда, в партийной прессе иногда давались жесткие оценки «египетской диктатуры», но они не влияли на практическую политику^{**}. Кульминационным моментом египетской политики Н.С. Хрущева стал его визит в ОАР весной 1964 г., приуроченный к завершению первого этапа строительства Асуанской плотины. Н.С. Хрущев наградил Г. Насера и его ближайшего сподвижника Абд эль-Хакима Амера Золотой Звездой Героя Советского Союза и орденом Ленина – высшими советскими наградами – и совершенно спонтанно, без согласования с Москвой пообещал египтянам помощь в размере 250 млн руб. в дополнение к ранее подписанным соглашениям⁶⁴. На октябрьском пленуме ЦК КПСС в 1964 г., когда Н.С. Хрущева отстраняли от власти, именно его поездка в Египет приводилась в качестве примера его крайнего своеволия, бесконтрольных действий, навязывания решений в обход Президиума ЦК⁶⁵.

Египетское руководство очень эффективно использовало заинтересованность Советского Союза в расширении и укреплении связей, добиваясь не только реализации крупных проектов для экономического развития страны, но и постоянно повышая требования к снабжению Египта вооружением. В ноябре 1957 г. Президиум ЦК КПСС утвердил документ о предоставлении Египту так называемого «специмущества», который предусматривал постав-

* Критике Г. Насера был посвящен целый раздел в выступлении Н.С. Хрущева на XXI съезде КПСС в январе 1959 г. ; Письма Н.С. Хрущева, направленные Г. Насеру в феврале и апреле 1959 г., главным образом были посвящены осуждению политики борьбы с коммунизмом как «исторически неправильной и безнадежной».

** Например, в мае 1961 г. в журнале «Коммунист» – теоретическом органе печати ЦК КПСС – была опубликована статья Б. Пономарева, разоблачающая режим Насера из-за преследований египетских коммунистов.

ки в 1958–1959 гг. довольно больших объемов вооружений и военного имущества на очень льготных условиях оплаты и кредитования⁶⁶. Но уже в марте 1960 г. посол ОАР в Москве требовал ускорения и увеличения поставок самолетов, мотивируя свой запрос необходимостью показать, что друзья ОАР могут обеспечить ее достаточным количеством оружия, чтобы «отразить угрозу агрессии не только со стороны Израиля, но и со стороны западных держав»⁶⁷. При этом главным обоснованием египтян для получения новейших образцов вооружений были сведения о закупаемых Израилем видах военной техники. Так, видимо, в ответ на ведшиеся Израилем переговоры о приобретении новой модели французского истребителя «Мираж» египетские представители добились к концу 1960 г. согласия СССР на поставки сверхзвукового истребителя МиГ-19, по своим характеристикам сопоставимого с французским аналогом^{*68}. В ответ в начале 1961 г. израильский посол зондировал почву в Вашингтоне о возможности приобретения Израилем противовоздушного комплекса «Хок»⁶⁹ – тогда одной из новейших американских военных разработок. Решение о поставках Израилю комплекса «Хок» было принято в августе 1962 г. уже новой администрацией Дж. Кеннеди⁷⁰. Гонка вооружений становилась неотъемлемой частью структурирования отношений клиент-патрон в зоне ближневосточного конфликта.

При всей привилегированности отношений с Москвой египетская сторона избегала какой-либо подчиненности советскому диктату, ассоциации своей политики с политикой СССР. Советская разведка отмечала, что правящие круги ОАР, получая помощь от западных стран, не намерены отказываться от помощи социалистических стран и стремятся играть на их противоречиях с западными державами с пользой для себя⁷¹.

В ответ на предложения советских дипломатов о необходимости более широких контактов для обмена информацией египетский посол прямо заявлял, что египетское правительство не жела-

* Новая советско-египетская военная сделка обсуждалась во время визита вице-президента и военного министра ОАР Амера в СССР в ноябре 1960 г. Ее детали были предварительно оговорены, как полагают, в ходе встреч Н.С. Хрущева и Г. Насера в Нью-Йорке в сентябре–октябре 1960 г. на полях 15-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

ет, чтобы его представляли в качестве орудия советской политики на Ближнем Востоке, т.к. это будет играть на руку врагам Египта, стремящимся подорвать его позиции в арабском мире⁷². Кроме того, маневрирование Насера между великими державами приводило к крайней осторожности в таких действиях, которые могли бы навредить его отношениям с американцами. Характерно, что после переворота в Ираке Насер так и не сдержал своего обещания передать СССР копии документов из штаб-квартиры Багдадского пакта в Багдаде. «Если бы американцы узнали, что все их секреты переданы русским, они бы обвинили Египет в том, что он советская марионетка, и все будущие отношения с Вашингтоном были бы испорчены», – резюмировал М. Хейкал⁷³.

При этом египтяне очень внимательно отслеживали любые положительные сдвиги в отношениях между СССР и США. Даже такое событие, как американская национальная выставка в Москве летом 1959 г., становилось поводом для вопроса, «не принесет ли Советский Союз в жертву интересы ОАР для улучшения отношений с США»⁷⁴. Египтяне явно стремились «корректировать» в свою пользу не только советскую политику, но и советскую пропаганду. Египетский посол мог, например, выражать недовольство по поводу того, что в советской прессе, с его точки зрения, уменьшилось количество публикаций об агрессивной политике Израиля⁷⁵.

Вероятно, это давление с арабской стороны вкупе с собственными пропагандистскими задачами советской власти приводили к совершенно искаженному и даже ложному изображению Израиля в советских средствах информации. Даже советские дипломаты отмечали, что информация об Израиле строится на непроверенных материалах арабской печати. Посол в Тель-Авиве А.Н. Абрамов приводил пример, когда советские газеты сообщили об уничтожении 193 арабских деревень в Израиле, хотя такого количества арабских деревень в Израиле никогда не было. Опираясь на другие примеры, он доказывал, что подобная информация неубедительна и вызывает лишь насмешки в израильской печати⁷⁶. Однако практика перепечатки ложных сведений из арабских газет продолжалась многие годы, и это неоднократно становилось предметом протестов со стороны израильского руководства.

2.5. Отношения СССР с Израилем

После Суэцкого кризиса отношения СССР с Израилем явно шли по нисходящей. В советском политическом дискурсе как на дипломатическом уровне, так и в материалах научного характера, не говоря о чисто пропагандистской сфере, окончательно утверждается взгляд на еврейское государство как на инструмент, созданный исключительно для достижения империалистических целей на Ближнем Востоке, плацдарм для американской экспансии в этом регионе. Все же советские теоретики не могли не признавать, что Государство Израиль является продуктом национального движения. Подводя марксистскую базу под советскую политику поддержки национально-освободительного движения народов Востока, авторы первого в СССР научного труда об Израиле указывали, что есть и такие национально-освободительные движения, которые представляют собой лишь базы и опорные пункты империализма⁷⁷. Израиль попадал в эту категорию. Израильский посол выражал удивление по поводу готовности СССР развивать межгосударственные контакты с Пакистаном – членом Багдадского пакта, но тормозил контакты с Израилем. В советском МИДе послу объясняли, что интересы Пакистана совпадают с чаяниями других стран Востока, а Израиль слишком тесно связал себя с колониальными державами и рассматривает себя как «инородное тело» на Востоке⁷⁸. Аргументы не блистали убедительностью, но вполне соответствовали вышеприведенным теоретическим выкладкам.

Очевидно, что формирование отношения к Израилю было тесно связано с процессом разделения региональных акторов на «своих» и «чужих», полным ходом развивавшимся на Ближнем Востоке. Израиль в своей региональной политике явно демонстрировал принадлежность к враждебному лагерю. В мае 1957 г. Израиль выступил с заявлением в поддержку «доктрины Эйзенхауэра». Бен-Гурион, объясняя этот шаг в Кнессете, старался подчеркнуть, что он не направлен против СССР, но обусловлен собственными интересами безопасности Израиля⁷⁹.

Весной 1957 г. в иорданских событиях, спровоцированных пронасеровскими силами с целью устранения монархического режима, Израиль стал опорой США в сдерживании исходивших из

Каира угрозу прозападному правительству в Аммане. Как указывала российская исследовательница американо-израильских отношений Т.А. Карасова, «именно во время иорданского кризиса начался процесс превращения Израиля в значимого партнера США»⁸⁰. Еще более весомую помощь Израиль оказал западным партнерам через год, в июле 1958 г., открыв свое воздушное пространство для пролета американо-британских самолетов с десантом для высадки в Иордании, когда Хашемитский режим вновь оказался под угрозой, теперь со стороны иракских революционеров. Советское правительство в специальной ноте правительству Израиля по этому поводу указывало, что «эта позиция делает Израиль прямым соучастником агрессивных действий США и Англии против народов Ливана, Иордании и других арабских государств»⁸¹. В советской региональной политике Израилю теперь отводилось место среди наиболее враждебных сил, пособников неокOLONиальной, империалистической политики.

Крайне негативный отпечаток на советско-израильские отношения накладывало и стремление израильских спецслужб повысить свою значимость в сотрудничестве с американцами за счет передачи разведанных о Советском Союзе. Особенно громкая история была связана с утечкой на Запад доклада Н.С. Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС. Секретный доклад по решению высшей партийной инстанции был разослан ряду дружественных компартий восточноевропейских стран, в том числе Польской объединенной рабочей партии. Из Польши он попал за океан при непосредственном участии израильской контрразведки ШАБАК, и уже 4 июня 1956 г., всего через четыре месяца после XX съезда, выдержки из него были опубликованы в «Нью-Йорк таймс»⁸². Для СССР широкая огласка разоблачений сталинских репрессий, содержавшихся в докладе, наносила большой урон, влекла серьезные репутационные потери в международном масштабе. В мемуарах видного советского государственного деятеля А.И. Микояна есть свидетельства того, насколько раздражал советское руководство факт утечки важного секретного документа. «Они его (доклад. – Т.Н.) “раскрутили”. Мы бы провели разъяснение так, как сочли наиболее правильным и наименее болезненным. Я до сих пор, когда вспоминаю, ругаю себя, что проголосов-

вал за рассылку текста в правящие партии социалистических стран», – писал он⁸³. Нет сомнений, что в Москве были осведомлены о роли Израиля в этой истории, так навредившей авторитету Советского Союза.

Деятельность Израиля на международной арене при поддержке сионистских организаций капиталистических стран рассматривалась как широкое наступление на лагерь социализма. Так, например, большое недовольство вызывала пропагандистская работа израильских представителей в организациях сторонников мира в странах Европы и Азии. В результате многие видные деятели движения сторонников мира, как считали советские дипломаты, принимали израильскую точку зрения, что единственное препятствие к миру на Ближнем Востоке – арабская враждебность к Израилю, поощряемая Советским Союзом⁸⁴.

Одной из глубинных мотиваций отрицательного отношения к Израилю была исходившая от него безудержная, а иногда и злобная критика советского строя, произраставшая на почве ограниченный выезда советских евреев. Израиль, как и весь западный мир, видел в этом нарушение основных прав и свобод человека. Д. Бен-Гурион неоднократно подчеркивал свое негативное отношение к советскому государству, где отсутствует свобода самовыражения для евреев и не соблюдаются их права. В СССР рассматривали израильские требования в отношении советских евреев как вмешательство во внутренние дела государства, имевшее далеко идущие политические и идеологические цели. МИД жестко реагировал на пропагандистскую деятельность израильских дипломатов, распространявших сионистскую литературу, устраивавших недозволенные, с точки зрения советских властей, встречи в синагогах⁸⁵.

Именно этот комплекс причин, а не нацеленность Советского Союза на уничтожение Израиля при помощи арабов, как об этом писала в те годы израильская пресса, лежал в основе все усугублявшейся враждебности Москвы в отношении еврейского государства. В беседах с израильскими коммунистами советские идеологи высшего ранга указывали, что «Израиль – национально-буржуазное государство, существующее на законных основаниях, оно не образовалось в результате колониального захвата и его право на существование не вызывает сомнений»⁸⁶. Они были категори-

чески не согласны, что уничтожение Израиля может быть решением палестинской проблемы. В неофициальных беседах с израильскими коллегами советские представители подчеркивали, что Советский Союз отнюдь не стремится к уничтожению Израиля⁸⁷. Но в межгосударственной практике накапливавшийся негативизм с советской стороны тормозил нормальное развитие отношений.

На предложение израильского премьер-министра Д. Бен-Гуриона о посещении Москвы (даже без официального приглашения с советской стороны) для разъяснения политики Израиля министр иностранных дел А.А. Громыко в записке в ЦК КПСС указывал на несвоевременность такого визита, «который мог бы быть неправильно понят в арабских и африканских странах и внес бы сомнения в искренность наших отношений с ними»⁸⁸. На основе этих рекомендаций, которые, видимо, соответствовали общей выработанной политике, было принято постановление ЦК КПСС об отказе израильскому премьеру в его просьбе. Конечно, в качестве причины отказа указывалось, что милитаристские высказывания израильских официальных лиц противоречат заявлениям о миролюбивых стремлениях израильского правительства и его желании улучшить отношения с СССР⁸⁹.

Израильское руководство не раз выражало готовность направить в Москву ответственную делегацию, чтобы начать переговоры о нормализации отношений между двумя странами. Однако на протяжении первых двадцати лет существования еврейского государства между СССР и Израилем не состоялось ни одного обмена значимыми государственными визитами. МИД неизменно рекомендовал отклонять все израильские предложения о нормализации сотрудничества, усматривая в них происки, направленные на подрыв советских позиций в арабском мире.

В 1958 г. Д. Бен-Гурион напрямую запрашивал советского посла о возможности получения от Советского Союза тяжелого вооружения (самолетов-истребителей, бомбардировщиков, танков, подводных лодок). Но советское руководство, обеспечивая оружием арабские страны, считало, что «получение Израилем дополнительного количества оружия может только повести к дальнейшему обострению положения в этом регионе». В записке в ЦК КПСС по этому вопросу первый заместитель министра иностран-

ных дел СССР В.В. Кузнецов писал: «Обращение Бен-Гуриона, по-видимому, рассчитано на то, чтобы поссорить Советский Союз с арабскими странами, а в случае отказа Советского Союза производить поставки оружия Израилю оправдать перед общественным мнением увеличение поставок вооружений Израилю западными державами»⁹⁰.

Члены делегации Израиля во главе с министром иностранных дел Израиля Голдой Меир (Golda Meir) во время открытия XIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Нью-Йорк, 15 сентября 1959 г.

Эта непомерная боязнь потерять расположение арабских стран вызывала недоумение у израильтян, которые в беседах с советскими дипломатами не раз задавали им вопрос, почему же отношения с Израилем не мешают США и другим западным странам развивать разнообразные связи и с арабским миром. Действительно, американцы никогда не исключали использования своей экономической и военной помощи даже насеровскому Египту в качестве

рычага для «корректировки» арабской политики. Американский президент вполне откровенно заявлял, что если Египту будут предоставляться дополнительные средства, то нужно использовать эту возможность, чтобы заставить Египет следовать более разумной политике⁹¹. Из-за отсутствия такой прагматичной гибкости у советского руководства, из-за грубых и не всегда соответствующих действительности оценок израильской политики, возможно, был упущен момент, когда в конце 1950-х гг. еще можно было сбалансировать советский ближневосточный курс, создать основу для выстраивания доверительных отношений с израильской стороной.

Возможности для такой корректировки курса имелись: израильское руководство не раз просило Советский Союз проявить инициативу в организации встречи между Насером и Бен-Гурионом для проведения переговоров по урегулированию арабо-израильских отношений⁹². С израильской стороны поступали самые заманчивые предложения: в ответ на посреднические услуги СССР Израиль якобы готов был отказаться от тесных связей с западными странами, объявить политику нейтралитета в конфликте между Западом и Востоком⁹³. То есть был реальный шанс попытаться выступить в качестве посредника, переломить ситуацию, когда эту роль выполняли только западные страны, приобрести важные рычаги давления в отношениях с Израилем. Это, в свою очередь, могло бы обеспечить СССР гораздо более высокий статус в регионе. Но если в частных беседах с израильянами и подчеркивалось, что Москва может наравне с Вашингтоном играть роль в продвижении к урегулированию арабо-израильских отношений, то на официальном уровне превалировали иные представления. В предложениях Израиля усматривали стремление втянуть Советский Союз в арабо-израильский спор, добиться от СССР определенных обязательств в этом деле и тем самым осложнить советско-арабские отношения, расчищая путь американскому проникновению⁹⁴.

В 1959 г. советский посол в Тель-Авиве еще осмеливался предлагать некоторое расширение экономических, культурных, научных связей с Израилем. Параллельно он считал необходимым разъяснять арабам, что эти шаги ни в коем случае не могут спо-

собствовать укреплению государства Израиль, но преследуют лишь практические цели, в том числе ослабление антисоветской сионистской пропаганды и усиление советского влияния в Израиле, что будет выгодно в конечном счете и арабам⁹⁵. К 1963 г. тон рекомендаций посольства изменился. В них указывалось, что экономическая выгода от торговли с Израилем не окупит политических минусов, при том что Израиль проводит резко выраженный антисоветский курс во внешней политике. Посольство теперь полагало, что, помимо осложнений в отношениях с арабскими странами, расширение связей с Израилем будет использовано им для усиления разведывательной и подрывной деятельности против Советского Союза и ведения сионистской пропаганды среди советских евреев⁹⁶. Скорее всего, соображения, содержащиеся в посольской депеше, соответствовали представлениям «центра» о месте Израиля в советской ближневосточной политике. С начала 1960-х гг. при администрации Дж. Кеннеди происходили значительные подвижки в американско-израильских отношениях, которые приобретали более стабильный характер, переходя в стадию «неформального альянса». Израиль становился крупнейшим в мире получателем американской помощи, расширялось сотрудничество в военной области и увеличивались поставки американского вооружения. В Вашингтоне все более рассматривали Израиль как важнейший опорный пункт в американской ближневосточной политике. Это не оставалось незамеченным в Москве.

2.6. Советская позиция по арабо-израильскому конфликту в условиях развертывания холодной войны

В этот период советская позиция по конфликту формировалась исходя из отношения арабской стороны к этому вопросу. Среди арабской общественности и на государственном уровне господствовало неприятие Израиля как инородного тела на Ближнем Востоке, еще более обострившееся после его участия в англо-французской военной интервенции против Египта. Насер, приобретший весомые позиции как лидер арабского мира, не был склонен вообще нормализовать отношения с Израилем. Сирийские представители в беседах с советскими дипломатами заявляли, что

Сирия «не может пойти на признание Израиля и на признание самого факта раздела Палестины, который арабы считают несправедливым актом и с которым они не смогут согласиться»⁹⁷. Советская дипломатия исходила из того, что в ближайшее время ни о каких договоренностях между арабами и Израилем речи быть не может, но предлагала добиваться при посредничестве ООН их более-менее мирного сосуществования.

В советских заявлениях часто повторялось, что урегулирование конфликта является отдельной, самостоятельной проблемой, которая должна решаться самими арабскими странами и Израилем. Ряд выдвинутых СССР предложений о совместной разработке четырьмя державами принципов политики на Ближнем Востоке отражали советские намерения за столбить для себя гарантированное участие в ближневосточных делах^{*,98}. Но никаких конкретных вариантов решения арабо-израильских проблем они не содержали. Западные державы, считая арабо-израильский конфликт главной причиной сохранения напряженности в регионе, предпочитали искать практические пути, которые позволили бы примирить стороны. Интересы к советским предложениям они не проявили. Поэтому важной задачей для советской стороны становилось, во-первых, не допустить реализации западных схем по нормализации арабо-израильских отношений и, во-вторых, продемонстрировать поддержку арабов в вопросе конфликта с Израилем. На практике это выливалось в содействие арабам в блокировании ими любых миротворческих инициатив Запада.

В Вашингтоне непосредственно после Суэцкого кризиса старались развести как можно дальше проблему урегулирования статуса Суэцкого канала и проблемы арабо-израильского конфликта. В американской администрации складывалось мнение, что «коммунизм можно сдерживать без решения всех проблем региона».

* Уже упоминавшееся советское предложение Основных принципов декларации правительств СССР, США, Англии и Франции по вопросу о мире и безопасности на Ближнем и Среднем Востоке и невмешательстве во внутренние дела стран этого региона от 11 февраля 1957 г. и предложение от 19 апреля 1957 г. правительствам США, Англии и Франции сообща выступить с осуждением применения силы как средства решения неурегулированных проблем этого региона.

Дж. Даллес, известный своей демонстративной приверженностью строгим пресвитерианским принципам, сверял свои внешнеполитические шаги со Священным Писанием. В Ветхом Завете он обнаруживал сходие с современностью проблемы. «Бессмысленно думать, что я могу решить проблемы, которые не смогли решить Моисей и Иисус под водительством свыше», – в шутку, а, возможно, и всерьез говорил американский госсекретарь⁹⁹. Он больше не считал актуальными свои предложения по урегулированию арабо-израильского конфликта от 1955 г.

В повестке Бермудской конференции (март 1957 г.), ставшей своего рода демонстрацией восстановления особых англо-американских отношений после разногласий из-за политики в Суэцком кризисе, арабо-израильский конфликт затрагивался лишь в ракурсе статуса Газы и Акабского залива. Президент Эйзенхауэр записал в своем дневнике по окончании конференции, что общее мнение сводилось к необходимости предотвращать экстремальные действия с обеих сторон в регионе и отложить поиски решений спорных вопросов на более позднее время¹⁰⁰. Однако советская разведка располагала более развернутыми сведениями, которые были переданы египетскому правительству в соответствии с секретным постановлением ЦК КПСС¹⁰¹.

В советской информации сообщалось, что США и Англия договорились на конференции о создании координационного комитета, в чьи задачи входили поиски приемлемой для западных союзников формы хотя бы частичного урегулирования конфликта. В ней указывалось, что, прежде всего, американцы заинтересованы в расселении большей части палестинских беженцев на территории таких стран, как Иордания, Ирак, Ливан, а также в султанатах Аравийского полуострова с выплатой компенсации тем, кто пожелает остаться там для постоянного проживания. При этом арабов предупреждали, что в Вашингтоне продвигается инициатива использования этих беженцев в качестве дешевой рабочей силы для строительства американской военно-стратегической инфраструктуры на Ближнем Востоке. Часть беженцев для успокоения арабов США предложили бы вернуть на территорию, контролируемую Израилем. Помимо этого, вновь возник «план Джонстона» по обустройству и регулированию водо-

забора в долине реки Иордан, который, согласно мнению авторов документа, обеспечил бы господство США в регионе. Египту также передавались сведения об интенсивном освоении израильтянами порта Эйлат с упором на строительство мощностей по хранению и перекачке нефти. Для египтян это был особенно болезненный вопрос: они опасались осуществления планов прокладки по территории Израиля альтернативных Суэцкому каналу путей транспортировки нефти.

Консультации, проведенные советскими дипломатами с высшими государственными чиновниками Египта и Сирии, показали, что арабы не проявляют заинтересованности в урегулировании своих отношений с Израилем на тех условиях, которые, как предполагалось, будут продвигать американцы, поставив этот вопрос в ООН. Сирийцы и египтяне категорически утверждали, что не арабо-израильский конфликт является причиной напряженности на Ближнем Востоке, а вмешательство западных стран во внутренние дела государств региона. Что же касается Израиля, то неизменным предварительным условием арабов для каких-либо обсуждений с ним оставалось выполнение им решений, заложенных в резолюциях ООН 1947–1948 гг. Важным фактором, препятствовавшим каким-либо политическим шагам навстречу Израилю, была позиция Г. Насера, считавшего палестинскую проблему важнейшим элементом, способствующим сохранению и упрочению арабского единства. В одной из бесед с советским дипломатом он так сформулировал эту мысль: палестинская проблема – это гвоздь, на котором и висит арабское единство¹⁰².

Означали ли заявления о том, что арабы никогда не смирятся с захватом Израилем арабских земель, установку на ликвидацию еврейского государства силовыми средствами? Синайская кампания 1956 г. не была инициирована арабами и, по крайней мере, показала, что арабская сторона вряд ли может одержать тотальную победу над Израилем военными средствами. Многие арабские лидеры, не снимая с повестки дня вопроса о возвращении Палестины арабам, говорили в этот период о необходимости тщательной подготовки к решающему сражению с Израилем. В то же время египтяне и сирийцы под предлогом необходимости снизить агрессивность Израиля продвигали иной, демогра-

фический, вариант «достижения равновесия между арабским и еврейским населением» путем «возвращения около миллиона палестинских беженцев на земли, которые были незаконно захвачены Израилем». При этом особый упор делался на том, что в случае постановки вопроса об арабо-израильском конфликте в ООН арабы будут настаивать на принятии решения о прекращении какой-либо эмиграции евреев в Израиль из других стран¹⁰³. Этот полуутопический вариант демографического удушения Израиля египтяне и сирийцы, видимо, не случайно настойчиво излагали советским представителям. Ведь именно на территории СССР проживало самое большое по численности еврейское население, представлявшее собой иммиграционный резерв для Израиля. Предотвращение иммиграционных потоков еврейского населения становилось важным политическим вопросом в отношениях арабских соседей Израиля с СССР.

Уверенность в захватнических намерениях Израиля диктовала полное неприятие арабами урегулирования статуса Акабского залива на основе принципа свободы судоходства. Министр иностранных дел Сирии С. Битар в особенно утрированной форме представлял советскому послу агрессивные замыслы Израиля по созданию в Акабском заливе плацдарма для дальнейшего наступления на священные для арабов места на Аравийском полуострове. Советскому представителю внушалось, что реализация принципа свободы судоходства приведет к созданию в этом районе опорной израильской военной базы для совместного с империалистами наступления на национально-освободительное движение арабских народов и для подрыва экономики и торговли арабских государств¹⁰⁴.

Арабская позиция была, видимо, воспринята советской стороной как основание для торможения инициатив по урегулированию, тем более что советское видение угроз, исходивших от Израиля, перекликалось с представлениями арабов. Арабским странам не без помощи стран советского блока удалось блокировать постановку этого вопроса на сессии ГА ООН в 1957 г. Когда в конце 1957 г. в арабской и европейской печати появились публикации о якобы готовящейся в Москве инициативе по урегулированию конфликта на основе решений ООН 1947 г., советская сторо-

на восприняла их как провокацию, направленную на подрыв советско-арабских отношений.

В конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. на первый план в конфликте с Израилем выходит Сирия. После Суэцкого кризиса в приграничной полосе между Египтом и Израилем разместились Чрезвычайные вооруженные силы ООН в составе 3400 человек, и это позволяло предотвращать действия арабских диверсантов из Газы. Граница с Сирией стала для Израиля гораздо более проблематичной. Правящий в Сирии режим партии БААС утверждал свою легитимность, переводя протест, возникавший в связи с внутривластными проблемами, на борьбу с Израилем. Сионистский враг в соответствии с баасистской революционной философией становился одним из главных объектов борьбы с империализмом и реакцией. Со своей стороны, израильтяне провоцировали сирийцев, проводя неправомерные сельскохозяйственные работы в демилитаризованных зонах на границе с Сирией. С экономической точки зрения эти земли не представляли большого интереса, но таким образом израильтяне-кибуцники из приграничных поселений утверждали израильский суверенитет на этой территории и свою значимость в качестве щита и меча Израиля¹⁰⁵. Сирийцы отвечали обстрелами израильских объектов и военных.

Вооруженные столкновения возникали и из-за того, что Израиль отвергал право арабов на рыболовство в водах Тивериадского озера, которое полностью располагается в его границах. Однако северо-восточный берег озера являлся границей между Израилем и Сирией, что и было основанием для сирийских претензий.

Самой серьезной причиной напряженности между Израилем и Сирией стала в конечном итоге проблема воды. В начале 1950-х гг. Израиль под давлением США и ООН вынужден был отказаться от плана строительства отводного канала из реки Иордан. Арабская сторона также заблокировала все попытки вернуться к американскому «плану Джонстона» по распределению водных ресурсов между Израилем, Сирией, Иорданией и Ливаном, т.к. любое сотрудничество с Израилем рассматривалось его соседями как сдача позиций и косвенное признание еврейского государства. В 1956 г. Израиль в одностороннем порядке приступил к сооружению на-

сосной станции и отводного канала в северо-восточной части озера, которые полностью находились на его территории и должны были обеспечить его потребности в воде для целей ирригации и промышленного развития. По утверждениям израильской стороны, забор воды через эти сооружения не должен был превышать количества, выделявшегося на долю Израиля по «плану Джонстона». Но арабы и, прежде всего, сирийцы были категорически настроены воспрепятствовать этим планам. Как полагают многие исследователи этого вопроса, любые ирригационные схемы рассматривались в арабских странах как фактор наращивания экономической мощи Израиля и, как следствие, его возможностей абсорбции новых потоков иммигрантов, что, соответственно, превращало Израиль в еще более опасного врага и отдаляло перспективу возвращения Палестины арабам¹⁰⁶.

Завершение работ по израильскому ирригационному проекту стало одной из главных причин созыва двух важнейших арабских конференций на высшем уровне – в Каире в январе 1964 г. и в Александрии в сентябре 1964 г. На них был разработан собственный арабский проект по отводу вод реки Иордан в ее верховьях, который в случае его реализации существенно сокращал доступные Израилю водные ресурсы. Первые же попытки сирийцев приступить к работам в намеченной зоне были встречены огнем со стороны израильских сил обороны (в марте и мае 1965 г.), а в июле 1966 г. израильская авиация нанесла удары по строившимся объектам. В конечном итоге сирийский проект так и остался нереализованным.

В обстановке нараставших приграничных столкновений особые отношения, установленные Советским Союзом с Египтом и Сирией, обеспечивали ему новую весомую роль в региональной расстановке сил. Особенно острые арабо-израильские инциденты становились поводом для обращения обеих сторон к СССР за поддержкой. В феврале 1960 г., когда сирийцы атаковали израильских фермеров и пограничников в связи с незаконным, с точки зрения арабов, проведением работ в демилитаризованной зоне, Г. Меир, бывшая тогда министром иностранных дел, обратилась к советскому правительству с просьбой сделать «все возможное, чтобы предотвратить военный конфликт между Израи-

лем и ОАР»^{*,107}, то есть обуздать арабов. В это же время арабы, со своей стороны, требовали от СССР не допустить возрождения Трехсторонней декларации^{**,108} западных держав, рассматриваемой как угроза целостности и независимости ОАР, и обеспечить ОАР достаточным количеством оружия, чтобы отразить угрозу и со стороны западных держав, и со стороны Израиля¹⁰⁹. Характерно, что и третьи страны также признавали, что без участия Советского Союза не может быть решена ни одна из проблем Ближнего Востока¹¹⁰. Даже начальник штаба ООН по наблюдению за выполнением условий перемирия в Палестине, организации, которую западные страны тщательно оберегали от проникновения в нее советских представителей, жаловался советскому послу на неблагоприятные условия, создаваемые Израилем для его деятельности, и отклонение израильянами любых предложений по усилению контроля ООН над ситуацией на границе с Сирией¹¹¹. Очевидно, что с этого времени Советский Союз уже рассматривается как сила, имеющая реальные возможности влияния на ситуацию в конфликте.

Главной линией в советской региональной политике оставалось использование конфликта для демонстрации своей поддержки арабских стран. В большинстве случаев ответственность за вспышки вооруженного насилия между конфликтующими сторонами советская сторона возлагала исключительно на Израиль и стоявшие за ним западные державы. Советские дипломаты в беседах с арабскими представителями высказывались в том духе, что действия Израиля инспирируются Западом для обострения обстановки на Ближнем Востоке ради достижения своих политических целей. В Совете Безопасности ООН при обсуждении сирийских и израильских жалоб советские представители в основном солидаризировались с арабской оценкой израильских действий как намеренного экспансионизма и рассматривали их как агрессию. Под-

* До сентября 1961 г. Сирия являлась частью Объединенной Арабской Республики.

** В начале 1960-х гг. новая администрация Дж. Кеннеди рассматривала возможность обратиться к Трехсторонней декларации, чтобы, не заключая формального союза с Израилем, дать ему дополнительные гарантии безопасности, не слишком раздражая при этом арабов.

держкой СССР пользовались лишь те резолюции, в которых резко осуждались действия Израиля^{*,112}.

В ряде случаев, когда отношения с арабской стороной складывались не лучшим образом, советская дипломатия прибегала к манипулятивному использованию конфликта, ограничивая оказание поддержки арабам. Это особенно наглядно проявилось в период обострения отношений с насеровским режимом в конце 1950-х – начале 1960-х гг. В это время советское дипломатическое ведомство не раз давало рекомендации отказаться от безоговорочной поддержки Насера по палестинской проблеме. Показательна и рекомендация правового отдела МИД СССР в связи с задержанием властями ОАР в июне 1959 г. в Суэцком канале нейтрального судна, следовавшего с грузом из Хайфы. Советские правоведы указывали, что «с правовой точки зрения задержание ОАР судов третьих стран, идущих через Суэцкий канал, только в связи с тем, что на борту этих судов обнаруживается груз израильского происхождения, может нанести ущерб многим странам, в том числе и Советскому Союзу, и представляется необоснованным»¹¹³. Эти действия, как отмечалось в документе, противоречили и Константинопольской конвенции 1888 г. по Суэцкому каналу. Эксперты предлагали не торопиться оказывать Насеру поддержку с учетом нынешних отношений с ОАР и использовать эту ситуацию для усиления советского влияния. Тем не менее в дальнейшем, невзирая на перечисленные ими правовые нарушения, они рекомендовали поддерживать ОАР в этом вопросе.

Проблема палестинских арабов в этот период рассматривалась международным сообществом исключительно в плоскости обеспечения прав беженцев. Администрация Дж. Кеннеди попыталась в 1961 г. обусловить свою договоренность с Израилем о поставках новейших видов вооружений его согласием на возвращение 100 тыс. палестинских арабов¹¹⁴. Этот вариант был отвергнут и арабами, и Израилем. Советская сторона, пристально следившая

* См., например, резолюцию 171 (1962) от 9 апреля 1962 г., в которой обе стороны обвинялись в несоблюдении условий перемирия и довольно резко осуждался израильский удар возмездия, нанесенный по сирийской территории в ответ на обстрелы Сирией израильских рыболовецких и патрульных судов на Тивериадском озере.

за любыми исходившими от Запада инициативами по урегулированию конфликта, немедленно подвергла критике и эти предложения¹¹⁵. Причем за основу этой критики брались, как правило, аргументы арабов, требовавших возвращения *всех* беженцев. Позиция Израиля, считавшего, что без заключения мира с арабами массовый приток беженцев будет угрожать его существованию, как всегда, игнорировалась.

К концу 1950-х гг. палестинцы как самостоятельная боевая и политическая сила стали проявлять себя на арабской политической арене. В это время происходил процесс объединения отдельных подпольных военизированных группировок в единую организацию ФАТХ (Палестинское национальное освободительное движение). Для многих арабских лидеров, в том числе и в Египте, радикальный настрой ФАТХ на широкие военные действия против Израиля, скорее, был источником проблем. Они опасались, что палестинские партизаны могут втянуть арабские страны в полномасштабную войну с Израилем, к которой они не были готовы. Организация освобождения Палестины (ООП)*, созданная на арабском саммите в Каире в январе 1964 г., помимо официально провозглашенной цели объединения палестинцев в борьбе за освобождение их родины, должна была обеспечить подконтрольность палестинского движения сопротивления руководству арабских стран. В это же время была создана и Армия освобождения Палестины, подразделения которой, сформированные из палестинских беженцев, располагались на территории Египта, Сирии и Иордании и фактически находились под контролем правительств этих стран.

Советское руководство вплоть до конца 1960-х гг. не видело в палестинцах серьезной самостоятельной политической силы. Настораживал экстремизм ФАТХ, которое базировалось в Сирии и было связано с самыми радикальными элементами в сирийском руководстве. После того как началось формирование ООП, возглавивший организацию Ахмед Шукейри настойчиво добивался приглашения в Москву, но его просьбы оставались без ответа.

* На ранних этапах в русском переводе – Палестинская организация национального освобождения (ПОНО).

С просьбой о посещении СССР обращался и Хадж Амин аль-Хусейни*, обитавший тогда в Ливане и претендовавший на представительство палестинцев. Но он не рассматривался в Москве как значимая фигура, с которой имело бы смысл вступать в контакты.

Как уже отмечалось выше, у СССР в этот период не было намерений выступать с собственными инициативами по конкретным проблемам конфликта. В советском внешнеполитическом дискурсе акцент делался на снижении общего уровня международной напряженности. Это соответствовало выдвинутой советским руководством в послесталинский период программной установке на мирное сосуществование социалистических и капиталистических государств. В программных заявлениях КПСС утверждался тезис о необходимости избавления человечества от гонки вооружений, которая характеризовалась как бессмысленная растрата национальных богатств¹¹⁶.

В то же время Кубинский кризис (октябрь 1962 г.) продемонстрировал со всей очевидностью опасность силового давления на противника в век возросшего ракетно-ядерного потенциала, которым обладали сверхдержавы. Подойдя слишком близко к пропасти ядерного столкновения, сверхдержавы стали предпринимать шаги, предполагавшие взаимные уступки в сфере вооружений. В условиях так называемой конфронтационной стабильности, установившейся после 1962 г., СССР на международной арене продвигал инициативы, которые обеспечивали бы контроль в области испытаний и распространения ядерного оружия, а также создавали бы условия для снижения гонки вооружений и политического урегулирования возникающих конфликтов.

Однако советские миролюбивые инициативы неизбежно наталкивались на их толкование арабами с позиций двойных стандартов. 31 декабря 1963 г. Н.С. Хрущев направил послание главам государств и правительств, в котором предлагалось заключить международное соглашение об отказе от применения силы при решении территориальных проблем и пограничных споров. Наиболее

* Хадж Амин аль-Хусейни в 1921 г. был назначен британскими властями верховным муфтием Иерусалима, во время Второй мировой войны скомпрометировал себя тесным сотрудничеством с гитлеровским режимом.

исчерпывающая позиция арабов по этому вопросу была изложена в ответном послании Президента ОАР Г. Насера. Он фактически отвергал распространение принципа мирного решения пограничных споров на арабо-израильский конфликт из-за опасности, которая, с его точки зрения, исходила для «миролюбивых народов» от «грубого и жестокого империалистического эксперимента», проводимого «в самом сердце арабской отчизны, в Палестине». Израиль уже в традиционном для арабского дискурса стиле характеризовался как «империалистическая база», препятствующая объединению арабской нации и создающая для нее угрозу, как это подтвердили «обстоятельства тройственной агрессии против Египта в 1956 г.»¹¹⁷ Советское послание стало для арабских представителей еще одним поводом продемонстрировать свое полное неприятие израильского государства как такового и нескрываемое намерение рано или поздно вернуть арабам всю Палестину *всеми возможными средствами*. С советской стороны такая позиция арабских стран фактически не подвергалась критике ни в дипломатических контактах, ни тем более в советских средствах информации. Израильские руководители, заявившие о своем одобрении советских инициатив, высказывали пожелание, чтобы СССР побудил Египет, Сирию, Ливан пойти по пути сокращения вооружений параллельно с Израилем. Но с советской стороны реакции не последовало.

Фактически советские инициативы входили в противоречие с той реальной политикой, которая проводилась Советским Союзом на Ближнем Востоке. В вопросах разоружения, как правило, советская сторона солидаризировалась с позицией арабских стран, для которых наращивание своих вооруженных сил становилось неотъемлемой частью внешнеполитической доктрины. Как отмечал известный американский исследователь Н. Сафран, «модель военного строительства на Ближнем Востоке стала результатом комбинации целого ряда факторов, центром которой являлась изначальная гонка вооружений между Египтом и Израилем»¹¹⁸. В ее развитие СССР вносил существенную лепту, поддерживая египетскую позицию о необходимости вооружаться перед лицом империалистической и израильской угрозы. Содержащиеся в доступных сегодня советских документах сведения говорят о довольно

больших объемах вооружений, направлявшихся в арабские страны зоны конфликта, хотя, возможно, они далеко не полностью и не достаточно точно отражают реальную картину. С 1955 по 1967 г. Советский Союз поставил только ОАР и Сирии 700 самолетов и более 1100 танков и другой бронетехники, 4500 артиллерийских орудий и более 1000 противовоздушных орудий. Они также получили значительное количество ракетных установок класса земля-воздух, военных кораблей и другого современного оружия. В советских учебных заведениях было подготовлено более 3000 арабских офицеров¹¹⁹.

Наращивая свой военный потенциал, арабские соседи Израиля, прежде всего Египет, стремились добиться военного превосходства над еврейским государством. Параллельно Израиль предпринимал шаги, чтобы обеспечить себя вооружением с учетом перспективы создания враждебной коалиции всеми арабскими странами. Именно с конца 1963 г. начало разворачиваться широкое американо-израильское сотрудничество в военной области и стали увеличиваться поставки американского вооружения Израилю¹²⁰.

Нельзя сказать, что советская дипломатия не замечала тех пагубных для региональной ситуации последствий, к которым ведет арабская политика в отношении Израиля. По следам второй арабской встречи в верхах в Александрии в сентябре 1964 г. советский посол в ОАР писал: «Активизация политики арабских государств в палестинском вопросе, достижение договоренностей об усилении армий стран, граничащих с Израилем, повлекут за собой усиление западников в этом регионе и, вероятно, дальнейшую милитаризацию Израиля»¹²¹. Однако раз взятый курс на вооружение арабских стран, который обеспечивал их привязку к СССР, оставался неизменным.

* * *

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. на Ближнем Востоке постепенно складывается зона противостояния великих держав – СССР и США. Именно этот регион становится своеобразным модельным полем, на котором формируются отношения взаимозависимости между сверхдержавами и их региональными партнерами. Каждая из сторон, зачастую завышая угрозы, исходящие от сопер-

ника, стремилась создать наиболее безопасную для сохранения своих позиций среду за счет поддержки тех сил и режимов, в которых видели наиболее надежных и близких если не по ценностям, то по интересам партнеров. Повышение конкурентоспособности Москвы заставляло Запад адаптировать механизмы сдерживания, прибегая под предлогом борьбы с коммунистической угрозой к прямым военным интервенциям и секретным операциям в попытках сохранить на Ближнем Востоке благоприятную для западных интересов политическую обстановку. Советская пропаганда обличала силовые методы Запада как империалистическое оружие, нацеленное на подрыв независимости и суверенитета арабских государств. Это позволяло Советскому Союзу набирать очки на международной арене, закрепляя за собой статус ведущей антивоенной, антиколониальной силы. Позиционирование себя в качестве защитника освобождавшихся от колониальной зависимости стран уже в период Суэцкого кризиса нашло свое продолжение в политике СССР в кризисных ситуациях второй половины 1950-х гг. Военные маневры в приграничных регионах и демонстрация своих военно-морских сил, намеренное напоминание о возросших возможностях в военно-стратегической области – весь этот арсенал предупредительных военных мер становился неотъемлемой чертой советской политики в ближневосточном конфликте. В то же время советское руководство тщательно избегало открытого прямого вмешательства на Ближнем Востоке, хорошо осознавая опасность перерастания локальных конфликтов в глобальное столкновение сверхдержав.

Для Советского Союза вступление на ближневосточную арену в качестве самостоятельного игрока стало несомненной внешнеполитической победой. Политика отстранения СССР от решения ближневосточных проблем, проводившаяся бывшими колониальными державами и США в первые послевоенные годы, очевидно, потерпела провал. Но если в двусторонних отношениях с арабскими странами зоны конфликта это дало положительный эффект, то в поисках решения конкретных арабо-израильских проблем СССР фактически никак себя не проявлял.

Во-первых, сказывалось опасение, что какие-либо инициативы в этой сфере нарушат довольно хрупкое взаимодействие с араб-

скими странами, которое во многом выстраивалось за счет принятия их позиции в конфликте с Израилем. Во-вторых, в оценках политики Израиля преобладал не столько трезвый анализ региональной ситуации, сколько незыблемый взгляд на еврейское государство как исполнителя воли империалистического Запада. Это препятствовало выработке непредвзятого взгляда на реальные интересы и потребности Израиля. В-третьих, решающую роль в формировании внешнеполитической линии на Ближнем Востоке играли руководители, выросшие из «сталинской шинели».

И хотя Н.С. Хрущев провозгласил курс на мирное сосуществование с капиталистической системой, ему же принадлежала неоднократно повторявшаяся в разных вариациях тирада в адрес Запада «мы вас похороним». В этой борьбе за вытеснение капиталистической системы из мировой истории важная роль отводилась антиколониальным национально-освободительным движениям. Первостепенной задачей в ближневосточном конфликте, в котором видели, прежде всего, намерения империализма задушить стремление арабов к независимости, являлось предоставление Египту и Сирии всех средств, в том числе и вооружения, для обеспечения их безопасности. В результате миролюбивые инициативы Советского Союза не вызывали доверия Запада, а снабжение оружием врагов Израиля способствовало все большей милитаризации региона и развитию гонки вооружений.

¹ Проект указаний послу СССР в Египте, февраль 1957 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 7. С. 16.

² СССР и арабские страны. *Op. cit.* С. 264.

³ Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Suez Crisis, July 26 – December 31, 1956, Vol. XVI. D. 576. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v16/d576> (дата обращения: 15.04.2021).

⁴ Ibidem. D. 521. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v16/d572> (дата обращения: 15.04.2021).

⁵ Ibidem. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v16/d572> (дата обращения: 15.04.2021).

⁶ Телеграмма министра иностранных дел СССР Д.Т. Шепилова послу СССР в Египте Е.Д. Киселеву 4 декабря 1956 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 1. Док. 330. С. 568.

⁷ СССР и арабские страны. *Op. cit.* С. 286.

⁸ Телеграмма первого заместителя министра иностранных дел СССР А.А. Громыко послу СССР в Египте Е.Д. Киселеву 8 ноября 1956 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 1. Док. 325. С. 559.

⁹ СССР и арабские страны. Op. cit. С. 268, 271, 274, 285.

¹⁰ Ibidem. С. 273.

¹¹ Foreign Relations of the United States, 1955-1957, Suez Crisis, July 26 December 31, 1956, Vol. XVII. D. 16. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v17/d16> (дата обращения: 15.04.2021).

¹² Запись беседы заместителя министра иностранных дел СССР В.А. Зорина с послом Египта в СССР М. Аль-Куни 15 февраля 1957 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 10. С. 26.

¹³ Телеграмма министра иностранных дел СССР А.А. Громыко послу СССР в Египте Е.Д. Киселеву 29 апреля 1957 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 29. С. 67.

¹⁴ Записка посла СССР в Израиле А.Н. Абрамова министру иностранных дел СССР А.А. Громыко 9 мая 1957 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 32. С. 72.

¹⁵ СССР и арабские страны. Op. cit. С. 310.

¹⁶ Kyle K. Suez: Britain's End of Empire in the Middle East. Op. cit. P. 538.

¹⁷ Morris B. Righteous Victims: A History of the Zionist-Arab Conflict, 1881-2001. NY: Vintage Books, 2001. P. 316.

¹⁸ Oren M. Six Days of War. June 1967 and the Making of the Modern Middle East. Op. cit. P. 12.

¹⁹ Подробнее см.: Румянцев В.П. США, Великобритания, СССР и Суэцкий кризис 1956 г. Op. cit.

²⁰ Меморандум египетского правительства от 18 марта 1957 г. // Суэцкий канал. Сборник документов. М.: Изд-во ИМО. 1957. С. 172.

²¹ Проект постановления ЦК КПСС от 30 марта 1957 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 19. С. 44.

²² Записка посла СССР в Израиле А.Н. Абрамова министру иностранных дел СССР А.А. Громыко 9 мая 1957 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 32. С. 72.

²³ Paper prepared by the National Security Council Planning Board. July 29, 1958 // Foreign Relations of the United States, 1958-1960, Vol. XII. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958-60v12/d35> (дата обращения: 05.06.2021).

²⁴ Bar-Siman-Tov Y. Israel, the Superpowers and the War in the Middle East. Op. cit. Pp. 83, 85.

²⁵ Dwight D. Eisenhower Special Message to the Congress on the Situation in the Middle East. January 5, 1957. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/special-message-the-congress-the-situation-the-middle-east> (дата обращения: 03.04.2021).

²⁶ Kyle K. Suez: Britain's End of Empire in the Middle East. Op. cit. Pp. 527-529.

²⁷ National Intelligence Estimate. Near East developments affecting US interests. October 8, 1957 // Foreign Relations of the United States, 1955-1957, Near East

region, Iran, Iraq, Vol. XII. D. 266. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v12/d266> (дата обращения: 15.04.2021).

²⁸ Statement by the National Security Council of Long-range U.S. policy toward the Near East. Washington, January 24, 1958 // Foreign Relations of the United States, 1958-1960, Near East region; Iran; Iraq; Arabian Peninsula, Vol. XII. D. 5. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958-60v12/d5> (дата обращения: 15.04.2021).

²⁹ *Heikal M.* The Sphinx and the Commissar. Op. cit. P. 81.

³⁰ *Войтиков С.С.* Центральный Комитет. Высшее партийное руководство от Ленина и Плеханова до Хрущева. М.: Центрполиграф, 2019. С. 588.

³¹ *Брутенц К.Н.* Тридцать лет на Старой площади. Op. cit. С. 110.

³² СССР и арабские страны. Op. cit. С. 288–294.

³³ Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века. Op. cit. С. 179.

³⁴ Правительственная телеграмма послам СССР в Албании, Болгарии, Венгрии, Румынии, Польше, ГДР, Чехословакии, Монголии, КНДР и ДРВ 8 августа 1958 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 93. С. 231.

³⁵ *Васильев А.М.* Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. Op. cit. С. 38.

³⁶ СССР и арабские страны. Op. cit. С. 308.

³⁷ Ibidem. С. 319–331; с. 819, сн. 95; с. 528–542.

³⁸ Memorandum of Conversation with President Eisenhower. Washington, July 23, 1958 // Foreign Relations of the United States, 1958–1960, Vol. XII. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958-60v12/d30> (дата обращения: 05.06.2021).

³⁹ Paper prepared by the National Security Council Planning Board. July 29, 1958 // Foreign Relations of the United States, 1958-1960, Vol. XII. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958-60v12/d35> (дата обращения: 05.06.2021).

⁴⁰ Запись беседы министра иностранных дел СССР А.А. Громыко с послом Египта в СССР М. Аль-Куни 25 февраля 1957 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 12. С. 31.

⁴¹ *Примаков Е.М.* Ближний Восток на сцене и за кулисами. Op. cit. С. 97.

⁴² Memorandum of Conference with President Eisenhower, July 23, 1958 // Foreign Relations of the United States, 1958-1960, Vol. XII. D. 30. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958-60v12/d30> (дата обращения: 05.06.2021).

⁴³ Khrushchev Remembers. Vol. 1. Op. cit. P. 491.

⁴⁴ *Wilford H.* America's Great Game: The CIA's Secret Arabists and the Shaping of the Modern Middle East. Basic Books, 2013.

⁴⁵ *Розин А.* Сотрудничество Сирии и СССР в военно-морской области. Часть 1. Сирийский кризис 1957 г. URL: <http://alerozin.narod.ru/Syria57.htm> (дата обращения: 27.05.2021).

⁴⁶ Телеграмма МИД СССР послам СССР в Египте и Сирии 12 октября 1957 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 51. С. 121.

-
- ⁴⁷ СССР и арабские страны. *Op. cit.* С. 349–358.
- ⁴⁸ *Ibidem.* С. 361.
- ⁴⁹ Розин А. Сотрудничество Сирии и СССР в военно-морской области. Часть 1. Сирийский кризис 1957 г. URL: <http://alerozin.narod.ru/Syria57.htm> (дата обращения: 27.05.2021).
- ⁵⁰ Memorandum of Conversation with the President. September 7, 1957 // Foreign Relations of the United States, 1955-1957, Near East: Jordan-Yemen, Vol. XIII. P. 687. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v13/pg_687 (дата обращения: 10.06.2021).
- ⁵¹ Телеграмма МИД СССР послам СССР в Египте и Сирии 12 октября 1957 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 51. С. 121.
- ⁵² Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века. *Op. cit.* С. 178.
- ⁵³ Heikal M. Nasser. The Cairo Documents. *Op. cit.* Pp. 121–122.
- ⁵⁴ *Ibidem.* Pp. 127–128.
- ⁵⁵ СССР и арабские страны. *Op. cit.* С. 526.
- ⁵⁶ *Ibidem.* С. 528–540.
- ⁵⁷ Special national Intelligence estimate, July 22, 1958 // Foreign Relations of the United States, 1958–1960. Vol. XII, D. 27. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958-60v12/d27> (дата обращения: 25.07.2021).
- ⁵⁸ Коллективная записка в ЦК КПСС о мероприятиях по Египту. Декабрь 1957 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 61. С. 155.
- ⁵⁹ См.: Heikal M. Nasser. The Cairo Documents. *Op. cit.* Pp. 131–133.; Ro'i Y. From encroachment to involvement. *Op. cit.* P. 359.
- ⁶⁰ СССР и арабские страны. *Op. cit.* С. 683.
- ⁶¹ Khrushchev Remembers. V. 1. *Op. cit.* P. 485.
- ⁶² Материалы внеочередного XXI съезда КПСС. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. С. 69.
- ⁶³ Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 106, с. 262; док. 108, с. 267. *Op. cit.*
- ⁶⁴ Heikal M. The Sphinx and the Commissar. *Op. cit.* P. 137.
- ⁶⁵ Доклад Президиума ЦК КПСС на октябрьском пленуме 1964 г. // Вестник архива Президента Российской Федерации. № 2, 1998. С. 102–105. URL: <https://topliba.com/reader/704899> (дата обращения: 05.10.2021).
- ⁶⁶ Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века. *Op. cit.* С. 177.
- ⁶⁷ Запись беседы заместителя министра иностранных дел СССР В.С. Семенова с послом ОАР в СССР М. Аль-Куни // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 124. С. 304.
- ⁶⁸ См.: Ro'i Y. From Encroachment to Involvement. *Op. cit.* P. 336.
- ⁶⁹ Memorandum of Conversation // Foreign Relations of the United States, 1961-1963, Vol. XVII, Near East, 1961–1962. D. 12. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v17/d12> (дата обращения: 21.07.2021).
- ⁷⁰ Карасова Т.А. Израиль и США: Основные этапы становления стратегического партнерства (1948–2014). *Op. cit.* С. 67.

-
- ⁷¹ *Кирпиченко В.А.* Из архива разведчика. *Op. cit.* С. 302.
- ⁷² Запись беседы заместителя министра иностранных дел СССР В.А. Зорина с послом Египта в СССР М. Аль-Куни 15 февраля 1957 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 10. С. 27–28.
- ⁷³ *Heikal M.* The Sphinx and the Commissar. *Op. cit.* P. 101.
- ⁷⁴ Запись беседы заместителя министра иностранных дел В.С. Семенова с послом ОАР в СССР М. Аль-Куни // Ближневосточный конфликт. Т. 2. С. 285.
- ⁷⁵ *Ibidem.* С. 282.
- ⁷⁶ Записка посла СССР в Израиле А.Н. Абрамова министру иностранных дел СССР А.А. Громыко 23 мая 1957 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. С. 91.
- ⁷⁷ *Иванов К., Шейнис З.* Государство Израиль. М.: Политиздат, 1959.
- ⁷⁸ Запись беседы заместителя министра иностранных дел СССР В.С. Семенова с послом Израиля в СССР И. Авидаром 20 января 1958 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. С. 168.
- ⁷⁹ Israel Parliament Approves Adherence to the Eisenhower Doctrine. June 4, 1957. URL: <https://www.jta.org/1957/06/04/archive/israel-parliament-approves-adherence-to-the-eisenhower-doctrine> (дата обращения: 11.08.2021).
- ⁸⁰ *Карасова Т.А.* Израиль и США: Основные этапы становления стратегического партнерства (1948–2014). *Op. cit.* С. 56.
- ⁸¹ СССР и арабские страны. *Op. cit.* С. 502.
- ⁸² См. подробнее: Как у Хрущева украли доклад XX съезда КПСС. <https://rus-sian7.ru/post/kak-izraillskiy-shpion-pokhitil-sekret/> (дата обращения: 20.05.2021).
- ⁸³ *Микоян А.И.* Так было. Размышления о минувшем. С. 155.
- ⁸⁴ Записка посла СССР в Израиле А.Н. Абрамова министру иностранных дел СССР А.А. Громыко 23 мая 1957 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. С. 89.
- ⁸⁵ См. подробнее: *Носенко Т.В., Семенченко Н.А.* Напрасная вражда. Очерки советско-израильских отношений 1948–1991 гг. М.: ИВ РАН, 2015. С. 24–30.
- ⁸⁶ *Говрин Й.* Израильско-советские отношения, 1953–1967. М.: Прогресс, 1994. С. 108.
- ⁸⁷ *Ibidem.* С. 103.
- ⁸⁸ Записка министра иностранных дел СССР А.А. Громыко в ЦК КПСС 25 ноября 1959 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. С. 293.
- ⁸⁹ Проект постановления ЦК КПСС об ответе Израильскому послу о просьбе Бен-Гуриона посетить Советский Союз. 25 апреля 1960 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. С. 321.
- ⁹⁰ Записка первого заместителя министра иностранных дел СССР В.В. Кузнецова в ЦК КПСС 29 июля 1958 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. С. 223.
- ⁹¹ Memorandum of Discussion at the 310th Meeting of the National Security Council, Washington, January 24, 1957 // Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Arab-Israeli dispute, 1957, Vol. XVII. D. 33. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v17/d33> (дата обращения: 18.04.2021).
- ⁹² Запись беседы посла СССР в Израиле М.Ф. Бодрова с премьер-министром Израиля Бен-Гурионом 17 июля 1958 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. С. 216.

⁹³ Запись беседы сотрудника представительства СССР при МАГАТЭ А.Н. Козлова с представителем Израиля при МАГАТЭ Кинаном 28 января 1961 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 149. С. 359.

⁹⁴ Записка посла СССР в Израиле М.Ф. Бодрова министру иностранных дел СССР А.А. Громыко 5 октября 1963 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. С. 406.

⁹⁵ Записка посла СССР в Израиле М.Ф. Бодрова заведующему отделом стран Ближнего Востока МИД СССР Е.Д. Киселеву 16 декабря 1959 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. С. 295.

⁹⁶ Записка посла СССР в Израиле М.Ф. Бодрова заместителю министра иностранных дел СССР С.Г. Лапину 4 марта 1963 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. С. 394.

⁹⁷ Запись беседы посла СССР в Сирии С.С. Немчины с министром иностранных дел Сирии Салахом Битаром 15 февраля 1958 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 68. С. 177.

⁹⁸ СССР и арабские страны. *Op. cit.* С. 307 и 818, сн. 87.

⁹⁹ Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Arab-Israeli dispute, 1957, Vol. XVII. D. 18. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v17/d18> (дата обращения: 18.04.2021).

¹⁰⁰ Diary Entry by the President. March 21, 1957 // Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Vol. 27. D. 271. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v27/d271> (дата обращения: 06.06.2021).

¹⁰¹ Проект указаний послу СССР в Египте 31 августа 1957 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док.. 48. С. 115.

¹⁰² Телеграмма посла СССР в Египте Е.Д. Киселева в МИД СССР 1 января 1957 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 1. С. 7.

¹⁰³ Запись беседы посла СССР в Сирии С.С. Немчины с министром иностранных дел Сирии С. Битаром // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док.. 43. С. 106–107.

¹⁰⁴ Ibidem. С. 106–107.

¹⁰⁵ Laron G. The Six-Day War: The Breaking of the Middle East. *Op. cit.* P. 149.

¹⁰⁶ Tessler M. A History of the Israeli-Palestinian conflict. *Op. cit.* P. 362.

¹⁰⁷ Запись беседы посла СССР в Израиле М.Ф. Бодрова с министром иностранных дел Израиля Г. Меир 26 февраля 1960 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 123. С. 302.

¹⁰⁸ Memorandum From the Assistant Secretary of State for Near Eastern and South Asian Affairs (Talbot) to Secretary of State Rusk. Washington, June 7, 1962 // Foreign Relations of the United States, 1961–1963. Vol. XVII, Near East 1961–1962. P. 716. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v17/pg_710 (дата обращения: 03.09.2021).

¹⁰⁹ Запись беседы заместителя министра иностранных дел В.С. Семенова с послом ОАР в СССР М. Аль-Куни 1 марта 1960 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 124. С. 304.

¹¹⁰ Запись беседы посла СССР в Израиле М.Ф. Бодрова с временным поверенным в делах Норвегии в Израиле Танкредом Ибсеном 13 июля 1961 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 152. С. 361.

¹¹¹ Запись беседы посла СССР в Израиле М.Ф. Бодрова с начальником штаба ООН по наблюдению за соблюдением условий перемирия в Палестине генералом фон Горном 14 июля 1962 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 163. С. 384.

¹¹² Резолюции и решения Совета Безопасности за 1962 г. Нью-Йорк. 1966. Р. 2. URL: <https://undocs.org/ru/S/INF/17/Rev.1> (дата обращения: 15.09.2021).

¹¹³ Записка договорно-правового отдела и отдела стран Ближнего Востока МИД СССР заместителю министра иностранных дел СССР В.С. Семенову 14 июля 1959 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 112. С. 280.

¹¹⁴ См. подробнее: *Карасова Т.А.* Израиль и США: Основные этапы становления стратегического партнерства (1948–2014). *Op. cit.* С. 67.

¹¹⁵ Поручение заместителя министра иностранных дел СССР Я.А. Малика отделу стран Ближнего Востока МИД СССР 13 июня 1961 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 151. С. 361.

¹¹⁶ Материалы XXII съезда КПСС. М.: Изд-во политической литературы. 1961. С. 363.

¹¹⁷ Послание Президента ОАР Г.А. Насера Председателю Совета министров СССР Н.С. Хрущеву 28 января 1964 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 183. С. 415.

¹¹⁸ *Safran N.* From War to War. *Op. cit.* P. 191.

¹¹⁹ The Soviet Union's policy regarding Israel's aggression in the Middle East, Report by L.I. Brezhnev to the CPSU Central Committee Plenum, June 20, 1967 // The Soviet Union and the June 1967 Six Day War. Ed. Ro'i Y., Morozov B. P. 312.

¹²⁰ *Карасова Т.А.* Израиль и США: Основные этапы становления стратегического партнерства (1948–2014). *Op. cit.* С. 72.

¹²¹ Телеграмма посла СССР в ОАР В.Я. Ерофеева в МИД СССР 13 сентября 1964 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 196. С. 440.

Глава 3

СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД АРАБО-ИЗРАИЛЬСКОЙ ВОЙНЫ В 1967 г.

3.1. Египет в центре внимания нового советского руководства

На пленуме ЦК КПСС в октябре 1964 г. Н.С. Хрущев был отстранен от всех занимаемых государственных и партийных должностей и отправлен в отставку. Часть претензий, предъявленных к его руководству страной, была связана с его политикой на Ближнем Востоке, прежде всего, в отношении Египта. Его действия в период Суэцкого кризиса были названы политическим авантюризмом, из-за которого Советский Союз чуть было не оказался втянутым в большую войну. Жесткой критике подверглись отношения с Г.А. Насером и особенно присвоение ему звания героя Советского Союза, в то время как он, по словам докладчика на пленуме, «душил коммунистов» и провозглашал источником «арабского социализма» Коран¹.

Однако смена лидера не означала смену генерального курса на Ближнем Востоке. Новое советское руководство не замедлило подтвердить египтянам, что советская политика в отношении Египта остается без изменений. Уже в ноябре 1964 г. египетская делегация во главе с вице-президентом ОАР А.Х. Амером была принята в Кремле. Избранный Первым секретарем ЦК КПСС Л.И. Брежнев заверил египетских руководителей, что происшедшие в СССР изменения никак не повлияют на советскую политику в отношении арабского мира². В декабре 1964 г. прибывший на празднование годовщины египетской революции А.Н. Шелепин* был свидетелем того, как Г. Насер в своей речи перед ликующей толпой в довольно оскорбительном тоне осуждал США за попытки оказывать давление на Египет угрозами сокращения экономи-

* А.Н. Шелепин в то время был заместителем председателя Совета министров СССР.

ческой помощи³. Американцам не нравилась поддержка Насером повстанцев Конго, которая, как указывал президент Л. Джонсон в своем письме египетскому лидеру⁴, открывала дорогу в эту страну Советскому Союзу и Китаю. Но именно такая позиция Египта в конфликтах в афро-азиатском мире была близка Москве, поскольку она противоречила интересам Запада.

Советская поддержка Египта была подкреплена практическими действиями. Во исполнение своих угроз президент Джонсон значительно сократил поставки пшеницы в Египет, осуществлявшиеся по программе помощи развивающимся странам. Во избежание нехватки важного продовольственного продукта в Египте советское правительство дало указание перенаправить в Александрию суда с зерном, направлявшиеся в СССР из Канады и Австралии⁵.

Прибывший с официальным визитом в Москву в августе 1965 г. Г. Насер и его соратники были приняты новым советским руководством как привилегированные гости. Л.И. Брежнев, А.Н. Косыгин и другие руководители явно старались убедить египтян, что развитие отношений сотрудничества с их страной было не единоличным выбором Хрущева, а партийно-государственной политикой. Брежнев не поскупился на самые выпендренные дифирамбы в адрес египетского президента, назвав его «одним из самых выдающихся лидеров национально-освободительного движения в Африке и на Ближнем Востоке». В совместном коммюнике по завершении визита было подтверждено тесное сотрудничество между двумя странами в политической, экономической, культурной и других областях и подчеркнуто расширение дружественных связей на основе равноправия и взаимоуважения⁶. Все заключенные ранее соглашения по поставкам советского оружия и оборудования продолжали исполняться, несмотря на большие долги Египта по их оплате. Г. Насеру даже удалось договориться о списании около 500 млн долл. долга за военные поставки⁷.

Правда, довольно быстро безграничная щедрость периода Хрущева сменилась сдержанностью нового советского руководства в оказании помощи Египту. Было сокращено кредитование египетской экономики, а Насеру предложили провести реформы для ее оптимизации и строить отношения с Советским Союзом на основе взаимовыгодной торговли⁸. Во время визита А.Х. Амера в Москву

в ноябре 1966 г. ему так и не удалось добиться согласия советских руководителей на поставки дополнительных партий танков, а также новейших самолетов МиГ-25. Амеру было указано, что у египетских летчиков нет достаточной подготовки для управления такой сложной техникой. На официальном обеде в честь гостей Брежнев поставил Амера в довольно унижительное положение, сравнив египтян с ребенком, который требует сложную игрушку, не имея ни малейшего представления, как с ней обращаться⁹. Маршал затаил большую обиду и впоследствии высказывал свои жалобы советскому послу в Каире¹⁰.

Просьбы Египта о поставках 400 тыс. т муки были удовлетворены лишь частично. Косыгин, с которым египетский посланник имел четыре встречи в ходе визита, назидательно наставлял Амера в вопросах экономических реформ и отказал в пересмотре сроков погашения египетских долгов¹¹.

Все же прагматические интересы советского государства требовали укрепления связей с самой влиятельной страной арабского мира. С начала 1960-х гг. в советской доктрине безопасности особое внимание уделялось угрозам, исходившим из района Средиземноморья. В Средиземном море находился Шестой флот США, на авианосцах которого базировались бомбардировщики с ядерными зарядами. Помимо этого, с 1963 г. американцы направляли в этот регион подводные лодки, вооруженные ракетами «Поларис» с дальностью полета 2500 км. Для СССР это означало, что возрастала угроза атаки ядерных сил Запада, расположенных вблизи советской территории. В разработанной в послевоенный период военно-морской доктрине, автором которой был адмирал С.Г. Горшков, как один из стратегических приоритетов выдвигалась нейтрализация угрозы со стороны авианосцев Шестого флота и подводных лодок с «Поларисами». Для выполнения этой задачи необходимо было обеспечить присутствие советского военного флота в Средиземном море на постоянной основе. Это, в свою очередь, требовало создания условий в прибрежных портах для технического обслуживания кораблей и отдыха команд. Кроме того, Советский Союз был заинтересован в приобретении площадок для базирования военно-морской авиации. Собственными авианосцами СССР к 1960-м гг. не располагал. Югославия как один из воз-

можных вариантов базирования исключалась из-за категорического отказа И.Б. Тито вступать в какие-либо военно-политические союзы с СССР. В 1961 г. стали недоступны и порты в Албании после разрыва с ней дипломатических отношений.

Наиболее подходящим вариантом для решения проблем военно-морского базирования становился Египет. В декабре 1961 г. Главнокомандующий военно-морским флотом СССР адмирал С.Г. Горшков впервые посетил Египет во главе высокопоставленной советской делегации. С приходом нового руководства после снятия Н.С. Хрущева вопрос о военно-морских базах, по утверждениям некоторых зарубежных авторов, стал основной темой всех советско-египетских переговоров¹². Не случайно, видимо, Советский Союз снабжал египтян информацией об американских планах расширения баз в Северной Африке и размещения на них ракетного оружия. В беседах с египетскими дипломатами советские представители подчеркивали, что в случае американского удара с одной арабской территории по объектам в другой арабской стране Советский Союз не сможет ответить должным образом¹³. Насер упорно сопротивлялся созданию советских баз, опасаясь неблагоприятных последствий такого решения для его отношений с США. После второго визита Горшкова в Каир в марте 1965 г. египтяне дали разрешение лишь на одновременный заход советских военных кораблей в порт Эс-Саллум¹⁴. Несмотря на все аргументы советской стороны в попытках убедить Насера в преимуществах расширения советского военно-морского присутствия как щита против вероятной американской агрессии, до войны 1967 г. удалось добиться согласия Насера лишь на шесть ежегодных заходов советских кораблей в египетские порты.

Помимо военно-стратегических интересов, Египет (ОАР) рассматривали как ценного для СССР партнера на международной арене. В 1960-х гг. советские позиции в развивающемся мире подвергались эрозии. Несмотря на то, что объем советской экономической помощи развивающимся странам с 1959 г. по 1968 г. увеличился более чем в два раза, а общий объем долгосрочных кредитов, предоставленных СССР на цели экономического развития, превысил 4,5 млрд руб.¹⁵, это не гарантировало выбора ими политической ориентации на советский блок, не исключало вероятно-

сти перехода власти к правым силам. Смена просоветских режимов в Индонезии, Гане, свержение в Алжире президента А. Бен Беллы, ориентировавшегося на социалистический лагерь, вынужденный самороспуск компартии в Египте в 1965 г. – это лишь некоторые наиболее значительные события, свидетельствовавшие о том, что просоветский характер национально-освободительных движений подвергался эрозии.

Режим Насера сохранял заинтересованность в тесных дружественных отношениях с Советским Союзом и в ряде случаев способствовал продвижению советских интересов в международных отношениях, хотя и преследуя при этом собственные цели. В 1965 г. произошло серьезное осложнение отношений Египта с Федеративной Республикой Германии, когда Насеру стали известны подробности секретного соглашения о поставках Израилю больших партий вооружений через правительство ФРГ на предоставленный США кредит. Ответный удар был нанесен по самому болезненному для западных немцев месту: Насер пригласил главу Германской Демократической Республики В. Ульбрихта посетить Египет с официальным визитом. В контексте послевоенных международных отношений Восточная Германия, рассматривавшаяся как советский сателлит, не признавалась самостоятельным государством многими членами международного сообщества. Западногерманское правительство предпринимало решительные шаги для изоляции ГДР на международной арене. Прием, оказанный В. Ульбрихту в Каире в феврале 1965 г., был важным прорывом для восточногерманского государства, глава которого впервые посещал страну не из социалистического лагеря. В свою очередь Западная Германия провела переговоры с Израилем об установлении дипломатических отношений, которые завершились обменом посольствами в мае 1965 г. Вследствие этого десять арабских стран, в том числе Египет, разорвали дипломатические отношения с ФРГ. Но Насер не пошел на дипломатическое признание ГДР, мотивируя это нежеланием усугублять раскол в арабском мире*.

* Саудовская Аравия, а вслед за ней ряд других арабских государств заявили, что по религиозным соображениям для них недопустимо признание коммунистического государства.

Дипломатическое признание ГДР, в том числе рядом арабских стран, произошло в 1969–1970 гг. В этой истории действия Насера, конечно, соответствовали интересам СССР, который требовал от правительства ФРГ отказаться от претензий на единоличное представительство немцев, признать послевоенные границы в Европе и согласиться с существованием ГДР как второго германского государства.

В Москве не могли не оценить сделанные Насером шаги в направлении преодоления международной изоляции ГДР. По дипломатическим каналам египетскому правительству сообщалось о содержании переговоров, проводившихся между Израилем и ФРГ, в том числе о требовании израильтян отозвать из Египта немецких специалистов – разработчиков новейших видов вооружений¹⁶. В Израиле тогда большую обеспокоенность вызывало привлечение немецких ученых, работавших в нацистской Германии, к участию в так называемом египетском ракетном проекте, выполнявшемся с начала 1960-х гг. Моссад развернул большую агентурную сеть, чтобы держать под присмотром все исследования в этой области в Египте. В конечном итоге «ракетный проект» был остановлен из-за нехватки средств у египетского правительства и бегства немецких специалистов, ставших мишенью для израильских спецслужб. По утверждениям израильского автора, советская разведка, работавшая в Каире, оказывала помощь египтянам в обезвреживании взрывных устройств, направлявшихся немецким ученым в письмах-ловушках¹⁷.

Внешние проявления сотрудничества не исключали противоречивого отношения к Египту и его лидеру в высшем советском руководстве. Чрезмерная сосредоточенность на фигуре египетского президента, «насероцентризм» раздражал наиболее ортодоксальную часть партийной верхушки. В окружении египетского президента складывалось впечатление, что самые бескомпромиссные идеологи высказывались в пользу переориентации на коммунистов в арабском мире и на Востоке в целом¹⁸.

В новых обстоятельствах перед советским руководством вставал вопрос, как совместить марксистско-ленинскую концепцию о руководящей роли компартий в революционных преобразованиях с реалиями освобождавшихся стран. Там лидерами движений за

национальную независимость становились, как правило, буржуазные националисты, представители армии, люди, далекие от коммунистической идеологии, а то и враждебные ей.

Уже с начала 1960-х гг., видимо, в соответствии с установками партийных идеологических инстанций, советская научная мысль включилась в разработку теории «социалистической ориентации» или «некапиталистического пути развития», которую представляли в качестве творческого развития коммунистических концепций мирового революционного процесса и классовой борьбы. Ее главное содержание состояло в том, что освободившиеся от колониальной зависимости страны на первом этапе могут идти к социализму своим путем, не через «диктатуру пролетариата». В значительной степени на опыте египетских преобразований в советской науке развивались идеи, что борьба против империализма и феодализма заставляет слаборазвитые страны делать выбор в пользу социализма¹⁹.

Проводившиеся президентом Г. Насером реформы, направленные на модернизацию страны, расценивались в Москве как движение от антиколониальной к антикапиталистической революции. Принятые в Египте в июле 1961 г. законы о национализации советские эксперты сочли вторым национально-демократическим этапом египетской революции²⁰. В советской концепции революционной демократии указывалось, что силы, закреплявшиеся у власти в этих странах, приходили к выбору социалистического пути через антиимпериалистический национализм²¹. Отсюда делался вывод, что «социализм – естественное логическое завершение всего процесса развития национально-освободительной, национально-демократической революции²²».

Как писал Е.М. Примаков, «главным стимулом для создания теории “социалистической ориентации” стало стремление укрепить радикальные режимы на Ближнем Востоке, убрать их из-под прицела местных компартий»²³. Он утверждал, что идеология таким образом становилась служанкой политики. Схожую точку зрения высказывал и К.Н. Брутенц, много лет проработавший на руководящей должности в Международном отделе ЦК КПСС. Он считал, что «в 60-е и в 70-е годы идеологические мотивы, окрашенные ностальгическими мировоззренческими эмоциями, не

игнорировались. Но в каждом или почти в каждом конкретном случае решающими неизменно оказывались сверхдержавные политические и военно-стратегические интересы»²⁴.

В целом отделение вопросов межгосударственных отношений от идеологического контекста, видимо, становилось одной из важных задач выработки внешнеполитического курса в «постхрущевский» период. Недаром А.А. Громыко писал в записке в Политбюро 13 января 1967 г.: «Для придания еще большей гибкости и эффективности нашей политике в отношениях с США следовало бы официальные внешнеполитические выступления и акции Советского правительства более четко ставить преимущественно в плоскость межгосударственных отношений, а социологические и идеологические аспекты борьбы двух систем, а также критику политики США и других западных империалистических государств с идеологической точки зрения, если и поскольку это не затрагивает сферы отношений между государствами, вести преимущественно по линии партии, общественных организаций и печати»²⁵. Такая постановка вопроса, как писал посол А. Добрынин, послужила основой внешнеполитического курса СССР в отношении США. Фактически в этом раскрывалась суть политики детанта.

Однако в отношении стран, встававших на путь самостоятельного развития в постколониальный период, действовали иные соображения. Необходимо было убедить собственных твердых партийцев, да и советскую общественность, а также зарубежных коммунистических ортодоксов, что сотрудничество с мелкобуржуазными националистическими режимами не является отходом от единственно верного марксистско-ленинского учения, что в конечном итоге они выбирают предлагаемую научным коммунизмом модель развития.

А.А. Громыко видел в Насере именно такого лидера, который, как он считал, постепенно и неуклонно подходил к пониманию марксизма-ленинизма²⁶. Советские арабисты настойчиво доказывали, что Насер ведет Египет по пути социалистического развития, что его собственные взгляды эволюционируют в сторону научного понимания социализма²⁷. Правда, любые поползновения внедрять в головы египетских курсантов, обучавшихся в советских военных академиях, основы научного коммунизма, помимо

знаний о военных науках, завершались протестами высшего египетского командования в адрес маршала А.А. Гречко, министра обороны СССР²⁸.

Как представляется, фигура египетского президента в большой степени продолжала определять характер отношений Советского Союза с его страной. А.А. Громыко, вспоминая о своих встречах с Насером, говорил: «Поступательный ход развития советско-египетских отношений стал во многом следствием глубокого знания Насером интересов страны и понимания им миролюбивого курса советской политики»²⁹. Харизма Насера действовала безотказно и на советского министра иностранных дел, и на рядовых сотрудников советского дипломатического и военного представительств, и на работавших в Каире журналистов. В.А. Кирпиченко, карьерный советский разведчик, проведший не один год в Каире в период правления Насера, называл его одним из последних романтиков в политике. Советским людям особенно импонировала неприязнительность и скромность Насера в личной жизни, бескорыстное служение своей стране³⁰. Если западные дипломаты и оппоненты Насера внутри страны характеризовали его как озлобленного против всего мира диктатора, опиравшегося в своем правлении на масштабный репрессивный аппарат³¹, то в советском восприятии он был борцом за справедливость, осознававшим, что Египту не дожидаться помощи от империалистов ни в развитии экономики, ни в укреплении оборонного потенциала, ни в освобождении захваченных арабских земель.

3.2. Советско-сирийские отношения

В отношениях СССР с Сирией, которая после выхода из ОАР в сентябре 1961 г. переживала нестабильные времена, перелом наступил, видимо, в 1963 г. Национальный конгресс партии БААС в октябре 1963 г. принял новую программу, свидетельствующую о важных идеологических новшествах. В ней содержались элементы марксистско-ленинской доктрины и терминологии и выдвигалась довольно радикальная концепция социализма. Самыми важными ее пунктами были установка на национализацию основных отраслей экономики, признание необходимости участия труда-

щихся масс в руководстве экономическим и политическим развитием страны, укрепление руководящей роли партии трудового народа как революционного авангарда, гарантирующего свободу трудовым классам и обеспечивающего быстрое развитие страны. К середине 1965 г. в собственность государства перешло три четверти сирийской экономики³². Для Кремля масштабная национализация и избавление от иностранной собственности стали важными знаками перехода страны на путь некапиталистического развития. Газета «Правда» писала: «Меры, предпринятые Сирией, направлены против антинациональной политики сирийского крупного капитала. Они также направлены против иностранного капитала, рассматривающего Сирию как выгодный объект для эксплуатации»³³. Благоклонное отношение части баасистского руководства к сотрудничеству с коммунистами, как вспоминал Примаков, также позволяло рассчитывать на существование в партии «прогрессивных сил»³⁴.

Этапной вехой в отношении Москвы к Сирии стал происшедший в стране в феврале 1966 г. переворот, в результате которого к власти пришли представители левого крыла партии БААС. В СССР новый режим был воспринят как окончательный выбор сирийским народом пути социализма, тем более что новые руководители не упускали возможности заявить советским покровителям о своей приверженности идеям марксизма³⁵. В совместном коммюнике по итогам визита сирийской делегации в Москву в апреле 1966 г. стороны выразили убежденность в том, что «социалистическое переустройство является наилучшим путем для преодоления этапа отсталости, освобождения трудящихся, осуществления полного расцвета производительных сил и раскрытия творческой энергии народных масс»³⁶. Для Москвы особенно значимыми фактами стало включение в правительство представителя компартии, а также разрешение Генеральному секретарю Сирийской компартии Х. Багдашу вернуться в Дамаск после восьми лет изгнания.

Сирия становилась для СССР и его союзников по социалистическому блоку одной из важнейших арабских стран, своего рода компенсацией за потери, понесенные из-за смены просоветских режимов в молодых независимых государствах Азии и Африки.

На поддержку и укрепление ее экономической независимости и ускорения темпов хозяйственного развития направлялись большие средства. Из общей суммы всех займов и кредитов (500,2 млн долл.), полученных, по некоторым оценкам, Сирией к 1967 г., вклад стран социализма составлял около 70% (347,7 млн долл.), в том числе на долю СССР приходилось примерно 44% (219,5 млн долл.)^{*,37,38}. Одной из важнейших вех в советско-сирийском экономическом сотрудничестве стало заключенное в декабре 1966 г. соглашение о предоставлении Сирии долгосрочного кредита на сооружение гидроэнергетического комплекса на р. Евфрат. Это должно было стать своего рода аналогом советско-египетского сотрудничества в Асуане.

Зарубежные авторы нередко довольно упрощенно толкуют смысл вложений, которые Советский Союз, а вслед за ним и страны социалистического лагеря делали в развитие Сирии и других стран с подобными радикальными режимами в афро-азиатском мире. Так, например, израильский историк Я. Рои писал, что режимы в «третьем мире» оценивались по тому, насколько их можно было использовать для создания инструментов силы в соответствии с потребностями формирования советской внешней политики в противостоянии с США³⁹. Конечно, военно-политическое измерение имело первостепенное значение при выборе курса, в том числе на Ближнем Востоке. Но технико-экономическое сотрудничество с Сирией рассматривалось и как орудие воздействия на характер социально-экономических преобразований в стране. Для советской стороны важно было не только укрепление собственных региональных позиций в противостоянии с глобальным соперником, но и продвижение идей хозяйственного устройства в том варианте, который считался в Москве единственно правильным. Именно по этому критерию, а также по уровню антиимпериалистической риторики определялась «прогрессивность» арабских режимов.

Режим баасистов отличала самая непримиримая среди всех арабов позиция в отношении Израиля. Борьба против «сионист-

^{*} Данные по советской помощи Сирии расходятся – израильский автор утверждает, что только в 1966 г. она составила 428 млн долл.

ского образования», «марионетки американского империализма» являлась неотъемлемой частью революционной идеологии БААС. В сложной экономической ситуации, когда в середине 1960-х гг. позиции режима внутри страны были очень шаткими, угроза израильской агрессии была подходящим поводом, чтобы перенаправить массовое недовольство на внешнего врага. Российский исследователь истории Сирии писал: «Напряженность в отношениях с Израилем и лозунги о “сионистской угрозе” активно использовались дамаским режимом для отвлечения внимания населения страны от внутренних неурядиц»⁴⁰. Именно представители Сирии выступали с самыми яростными призывами к войне с Израилем, за что более умеренные арабские лидеры называли их «пруссак-ами Ближнего Востока»⁴¹.

На официальном уровне советская дипломатия оценивала призывы Сирии к войне с Израилем как демагогические и авантюристические. Советское руководство отчетливо давало понять сирийским баасистам, что оно не намерено поощрять ни его сверхагрессивность в отношении Израиля, ни завышенные претензии на ведущую роль среди антиимпериалистических сил в арабском мире. Довольно прохладный прием был оказан прибывшей в Советский Союз в январе 1967 г. сирийской делегации во главе с С. Джадидом, заместителем секретаря партии БААС⁴². Делегация не была принята Брежневым, и в целом визит получил очень незначительное освещение в советской прессе, что являлось явными признаками недовольства сирийскими властями, чей экстремизм мог привести к катастрофическим последствиям.

В середине 1960-х гг. сирийский режим становится главным спонсором палестинской военизированной организации ФАТХ. Дамаск разрешил подразделениям этой организации использовать тренировочные базы в Сирии, а после февраля 1966 г., по утверждениям израильских авторов, ее действиями и военной подготовкой в основном руководил сирийский генштаб⁴³. Первая крупная диверсионная операция ФАТХ была проведена 2 января 1965 г. на израильской линии водовода в районе Тивериадского озера. С января 1965 г. по июнь 1967 г. палестинские боевики провели 122 рейда на территорию Израиля, которые в основном не достигли поставленных целей. Палестинские акции осуществлялись главным образом с

территории Ливана и Иордании, что порождало конфликтные отношения правительств этих стран с сирийским режимом. Призывам ФАТХ к немедленной войне с Израилем, поддерживавшимся Сирией, противостоял и Насер. Он говорил: «Израиль – нелегкая проблема, и те, кто требуют неразумных атак против Израиля, приносят еврейскому государству победу на тарелочке... война не игрушка. И если нет уверенности в победе, зачем идти на риск?»⁴⁴

В этом же русле предотвращения широкомасштабных военных действий выстраивалась и советская позиция относительно поддержки Сирией диверсионной деятельности палестинской организации ФАТХ. Министр иностранных дел А.А. Громыко в записке в ЦК КПСС писал: «Имея в виду, что диверсионная деятельность палестинской организации “Аль-Фаттах” на территории Израиля может повести к крупным осложнениям в этом районе, совпосол в Дамаске уже сделал соответствующее представление премьер-министру Сирии Зуэйну»⁴⁵. Советский посол в Израиле Д.С. Чувахин также считал необходимым рекомендовать сирийскому правительству отмежеваться от диверсионной деятельности против Израиля и прекратить восхвалять ее в печати и по радио, поскольку это «бросает тень на само правительство и активно используется недругами Сирии для подрывной деятельности»⁴⁶. Однако в частных беседах, как свидетельствовали баасисты, отдельные представители советского руководства поощряли сирийскую политику поддержки ФАТХ⁴⁷. В зарубежных работах высказывается предположение, что эти расхождения отражали противостояние радикально настроенной партийной верхушки во главе с Брежневым и более умеренного во внешнеполитических вопросах Косыгина⁴⁸.

В сфере пропаганды общепринятыми оставались инвективы в адрес Израиля в связи с его репрессалиями против соседних арабских стран в ответ на военные и террористические акции против него. Израиль обвиняли в том, что он специально усиливает напряженность в приграничных районах, содействуя внешним империалистическим силам в их планах по ликвидации действующего

* Во время войны 1967 г. израильтяне захватили в г. Кунейтра на Голанах документы местного отделения партии БААС. В них содержались в том числе впечатления сирийцев от встреч с советским руководством.

режима в Сирии*. Израильские рейды против палестинских баз на территории Иордании характеризовались в советской печати как гангстерские, их сравнивали с действиями США во Вьетнаме. Советские дипломаты также упорно подчеркивали, что организаторами приграничных инцидентов могут быть зарубежные, в частности американские, спецслужбы и их агентура. Их цель, как полагали в советском МИДе, – отвлечение внимания мировой общественности от войны во Вьетнаме и создание трудностей для демократического правительства Сирии⁴⁹. Источники информации, служившие основанием для таких заявлений с советской стороны, остаются неизвестными. В то же время советское руководство, бесспорно, было осведомлено о реальном положении дел. Так, например, король Иордании Хусейн в беседе с советским послом предупреждал, что именно сирийское правительство поощряет деятельность «подрывной организации “Аль-Фаттах”, которая базируется в Сирии и направляет свои отряды в Израиль через Иорданию и Ливан»⁵⁰. Представители сирийских властей совершенно однозначно указывали, что арабский народ Палестины имеет право на законную борьбу за освобождение своей родины, хотя и отрицали свою причастность к действиям палестинцев⁵¹.

Из доступных документов из архива США явствует, что в этот период американское правительство отказывало в официальном признании представителям ООП и не собиралось развивать с палестинцами какие-либо широкие контакты⁵². В то же время американская дипломатия выражала серьезную озабоченность «новыми формами угроз международной безопасности, которые представляют нелегальные инфильтрации через государственные границы хорошо подготовленных солдат и террористов», практикующиеся не только коммунистическими странами, но и другими силами⁵³. Таким образом, нападения палестинских военизированных отрядов и их диверсии против Израиля, проводившиеся при поддерж-

* Самая крупная акция возмездия, проведенная израильской армией 13 ноября 1966 г. в районе деревни Самуа, расположенной на иорданской территории, совпала по времени с переговорами по вопросу о расчетах за нефтепроводы, проходившие по сирийской территории, в ходе которых западные нефтяные компании оказывали давление на сирийское правительство, оспаривавшее выдвигаемые ими условия.

ке Сирии, с самого начала рассматривались американцами как террористическая деятельность.

Израильские акции возмездия тем не менее вызывали у администрации США неоднозначную реакцию. Так, 13 ноября 1966 г. израильская армия провела самую крупную за этот период вооруженную операцию в районе Хеврона в арабской деревне Самуа, расположенной на Западном берегу р. Иордан, т.е. на иорданской территории. Арабские жители этого района, по сведениям израильтян, поддерживали и укрывали палестинских партизан. Рассчитанная как молниеносный массированный удар операция превратилась в настоящее сражение, особенно после вмешательства иорданской армии, в результате которого погибли 15 иорданских солдат и более 50 получили ранения. С израильской стороны погиб один человек и десять получили ранения. Кроме того, были жертвы среди иорданского гражданского населения (по разным данным, от 3 до 6 человек), а также было разрушено, по данным израильской армии, сорок домов (в ООН приводились в три раза бóльшие цифры)⁵⁴. Вследствие операции Израиля по всему Западному берегу прокатилась волна антиправительственных протестов палестинцев, направленных и против самого главы государства – короля Хусейна. Устойчивость режима Хашемитов, рассматривавшегося в Вашингтоне как региональная опора Запада в море арабского радикализма, была подвергнута серьезному испытанию.

Израильская неосмотрительность привела американское руководство в полную ярость. Эбану, израильскому министру иностранных дел, выговаривали за открытие нового источника беспорядков на Ближнем Востоке, за подрыв всей американской доктрины баланса сил, которая основывалась на поддержании статус-кво в Иордании и предотвращении ее захвата Египтом, Сирией или палестинцами. Израилю указывали, что «правильной» целью его атак должна быть Сирия, правительство которой поддерживает терроризм, и тогда его действия нашли бы полное понимание у США⁵⁵. Так что советские выводы относительно американских намерений использовать Израиль против сирийцев были в определенном смысле справедливы. Но военные столкновения в приграничных зонах все же происходили по сугубо внутренним причинам конфликтной ситуации.

Советская сторона в этот период, по-видимому, имела мало информации о происходящем в палестинском сопротивлении. Как писал работавший в эти годы в Египте советский дипломат В.И. Колотуша, «на ближневосточной арене появился палестинский фактор, который поначалу был чем-то новым, неожиданным, требовавшим осмысления»⁵⁶. Судя по записке, направленной А.А. Громыко в ЦК КПСС в конце 1966 г., в советском МИДе еще не было четкого представления о том, как соотносятся между собой палестинские организации ФАТХ и Организация освобождения Палестины. Но в Москве сложилось определенное мнение, что за всеми экстремистскими планами палестинцев стоит «повысившаяся активность китайцев, которые готовят у себя кадры палестинских партизан, стремясь к открытию “второго Вьетнама”» на Ближнем Востоке⁵⁷. Израильский автор Г. Ларон, рассматривая ситуацию с позиций сегодняшнего дня, полагает, что китайский след в деятельности палестинских партизан был «страшилкой», выдуманной в Москве, и не имел отношения к реальному положению дел на Ближнем Востоке⁵⁸. Однако в более ранних израильских исследованиях указывалось, что в первые четыре года существования ООП (1964–1968 гг.) организация пользовалась исключительно китайской поддержкой⁵⁹. Жесткая конкуренция между СССР и КНР за контроль над всеми силами, претендовавшими на роль национально-освободительных движений в Азии и Африке, подстегивала Москву обратить более пристальное внимание на разворачивающуюся деятельность палестинских партизан. Но и в преддверии Шестидневной войны советская военная разведка характеризовала ФАТХ как небольшую по численности террористичеки-саботажную организацию палестинских беженцев, которая не пользуется поддержкой населения арабских стран и вынуждена ограничиваться мелкими партизанскими и террористическими актами на территории Израиля⁶⁰.

3.3. Отношения СССР с Израилем

К середине 1960-х гг. в советском ближневосточном дискурсе четко зафиксировано, что Израиль стал на сторону тех, кто хочет сохранить колониальные порядки, кто препятствует обретению

арабскими странами реальной независимости. Этот лейтмотив звучал во всех беседах советских дипломатов с израильскими представителями⁶¹.

Эти заключения делались на основании действий Израиля на региональном уровне, направленных против сил, рассматривавшихся Москвой в качестве своих союзников. В 1960-х гг. Израиль в обеспечение своей безопасности резко активизировал разведывательную и агентурную работу по всему Ближнему Востоку. В Каире израильская военная разведка АМАН сотрудничала с французской разведкой, обеспечивая французов информацией о деятельности Фронта национального освобождения Алжира в египетской столице. Особое подразделение АМАН помогало французам тайно провозить в Каир взрывчатку для организации убийств членов Фронта⁶².

В Йемене Моссад в сотрудничестве с британской и саудовской разведками организовывал массированную военную помощь роялистам против пронасеровских революционеров⁶³. Один из самых сведущих израильских экспертов в тайной дипломатии Яков Херцог, занимавший с 1965 г. должность генерального директора канцелярии премьер-министра Израиля, предлагал американцам организовать консорциум умеренных региональных стран (Иран, Саудовская Аравия, Иордания, Эфиопия, Кения) для поддержки государства Федерация Южной Аравии, которое намечалось создать. Израиль тайно, «из-за кулис» направлял бы деятельность этого регионального объединения⁶⁴.

Особенно резонансным было похищение и убийство в Париже в октябре 1965 г. одного из видных оппозиционных деятелей Марокко Мехди Бен Барки. Он был связан с рядом радикальных революционных движений, в том числе с кубинским режимом, с алжирским ФНО. Уже в недавние годы благодаря рассекреченным в Чехии архивным документам чешский историк выяснил, что М. Бен Барка работал на чехословацкую секретную службу и будто бы готовил антимонархический переворот в Марокко. Операция по его ликвидации была организована марокканской и французской разведками. В это дело оказались вовлеченными и агенты Моссад. Незадолго до этого Моссад получил от марокканской разведки жизненно важные для Израиля пленки звукозаписи с араб-

ского саммита, проходившего в Касабланке, на котором рассматривались и вопросы борьбы с Израилем. За это марокканские «коллеги» потребовали помощи в организации ликвидации М. Бен Барки. Дело имело очень большой резонанс во Франции и до сих пор следствие по нему не закрыто. В Израиле причастность спецслужб к политическому убийству за рубежом также вызвала скандальные разбирательства в правительственных кругах и заставила пересмотреть политику использования агентуры Моссад в интересах других государств⁶⁵.

Таким образом, израильские спецслужбы, активно участвовали в секретных операциях, подрывавших позиции тех сил, которым социалистические страны оказывали поддержку как своим союзникам в борьбе против империализма. В свою очередь, советские спецслужбы в войне разведок выступали на стороне недавно обретенных арабских союзников. В 1965 г. израильская разведка потеряла сразу двух своих глубоко законспирированных агентов в Каире и в Дамаске. Оба были разоблачены с помощью резидентов советской разведки. Лучший агент Моссад в Дамаске, ставший уже легендой Эли Коэн, был обнаружен с помощью предоставленного резидентурой советского ГРУ пеленгационного оборудования, которое позволило засечь его передатчик⁶⁶. Такую же помощь оказала советская резидентура в Каире в разоблачении опытного оперативника Вольфганга Лотца, работавшего на АМАН⁶⁷.

Это противостояние разведок не могло не вызывать внутренней неприязни к Израилю у тех, кто имел доступ к соответствующей информации, — у советских дипломатов-арабистов, у арабистов из военных ведомств и спецслужб. Помимо этого, Израиль продолжал проводить секретные операции, непосредственно направленные против СССР. В 1966 г. Моссад предпринял так называемую операцию «Бриллиант», в ходе которой удалось завербовать иракского военного летчика Мунира Редфа. За вознаграждение в миллион долларов и помощь в вывозе его семьи из Ирака он перегнал в Израиль свой самолет МиГ-21 советского производства. Изучение технических характеристик и тестирование самолета израильскими пилотами обеспечили израильским ВВС неоценимое преимущество во время войны 1967 г. в боях с египтянами и

сирийцами, на вооружении которых находились советские МиГи. Израильяне также предоставили угнанный самолет для ознакомления американским партнерам, что, как полагают некоторые авторы, придало новый стимул американско-израильским отношениям в военной области, а позже способствовало приобретению Израилем новейших американских истребителей F-4 «Фантом»⁶⁸.

Несмотря на общую атмосферу враждебности в отношении Израиля на всех уровнях принятия внешнеполитических решений в советском партийно-правительственном аппарате, все же и арабский радикализм и бескомпромиссность в отношении еврейского государства вызывали критические замечания. Об этом можно судить, например, по высказываниям первого и единственного в то время советского израилевда Г.С. Никитиной, содержащимся в статье в закрытом спецбуллетене Института народов Азии*, предназначенном исключительно для служебного пользования. Никитина писала: «Влиятельная националистическая прослойка в арабских странах, а также отдельные националистически настроенные арабские руководители не желали и не желают считаться с правом народа Израиля на самоопределение и государственное существование»⁶⁹. В условиях строгого следования установкам, исходившим из высших партийных инстанций, такие суждения советского автора, по-видимому, не были исключительно его личным мнением. Ведь и К.Н. Брутенц свидетельствовал, что в Международном отделе ЦК КПСС не все одобряли «неприлично одностороннюю, антиизраильскую позицию» советской прессы, некоторые «неодобрительно относились к неразборчивой, тотальной кампании против сионизма», которая велась под контролем Отдела пропаганды и агитации⁷⁰. Израильские коммунисты, встречавшиеся в 1966 г. с М.А. Сусловым и Б.Н. Пономаревым**, сообщали, что им было зачитано письмо, в котором указывалось, что советское партийное руководство осуждает любые проявления антиизраильского шовинизма, особенно в арабском мире⁷¹.

* Институт народов Азии переименован в Институт востоковедения АН СССР в 1969 г.

** Суслов М.А. – секретарь ЦК КПСС, считался главным идеологом партии; Пономарев Б.Н. – заведующий международным отделом ЦК КПСС.

Вполне вероятно, в партийно-правительственном аппарате возникло ощущение, что необходимы корректировки в подходе к отношениям с Израилем. В этом русле следует рассматривать деятельность посла Д.С. Чувахина, возглавившего советское диппредставительство в Тель-Авиве в конце 1964 г. Он заметно изменил тон направляемых в Москву рекомендаций. Чувахин высказывал мнение, что в Израиле есть силы, искренне добивающиеся улучшения советско-израильских отношений, и встречные шаги СССР значительно усилили бы позиции прогрессивных сил, к которым он относил и наиболее умеренные круги в правительстве Л. Эшкола, и израильских коммунистов. Его рекомендации состояли в том, что необходимо пересмотреть в сторону расширения план культурных обменов с Израилем; пойти на расширение научных связей; возобновить выгодные для советской стороны торговые сделки; более объективно освещать в советской печати и по радио события, связанные как с внутренней, так и с внешней политикой Израиля⁷².

Рекомендации Чувахина основывались на серьезных изменениях, происшедших в руководстве Израиля к середине 1960-х годов. Лидер нации, один из отцов-основателей еврейского государства Д. Бен-Гурион, многие годы занимавший должность премьер-министра, летом 1963 г. окончательно ушел в отставку. В Советском Союзе Д. Бен-Гуриона считали враждебным политическим деятелем, своим внешнеполитическим курсом превратившим Израиль в придаток империализма на Ближнем Востоке. Группу его соратников нередко именовали «кликлой Бен-Гуриона». Приход к власти более умеренной группировки во главе с Л. Эшколом, принадлежавшей к правящей лейбористской сионистской партии МАПАЙ, был воспринят в советских дипломатических кругах как возможность для улучшения советско-израильских отношений. Советское посольство сообщало в Москву в конце 1964 г., что «Эшкол глубоко убежден в жизненной необходимости для Израиля нормализовать отношения с Советским Союзом, т.к. он считает, что это единственный путь для страны выйти из того политического тупика, в котором она оказалась к настоящему времени в результате безрассудной, агрессивной политики его предшественника»⁷³.

Нормализация отношений с Советским Союзом рассматривалась в Израиле как важная внешнеполитическая задача. Настойчивое стремление израильских политиков заручиться поддержкой СССР было вызвано разнообразными причинами: левые силы рассчитывали использовать просоветские настроения в израильском обществе, сохранявшиеся в том числе благодаря вкладу Советского Союза в победу над фашизмом во Второй мировой войне, в политической борьбе, разворачивавшейся в Израиле. Правительство Л. Эшкола, трезво оценивая возросшую роль СССР в региональных делах, склонялось к тому, что его необходимо более активно привлекать к участию в урегулировании положения на Ближнем Востоке. Кроме того, молодое еврейское государство испытывало многочисленные трудности в экономической сфере. Нормализация торговых отношений с таким могущественным партнером, как СССР, могла бы способствовать решению ряда проблем. Был расчет и на то, что связи с СССР и социалистическими странами помогут нейтрализовать негативные стороны имиджа Израиля в глазах его афро-азиатских партнеров, экономические отношения с которыми развивались особенно бурно в этот период.

После полутора лет пребывания в стране посол Д.С. Чувахин утвердился во мнении, что «если заморозить наши связи с Израилем на их нынешнем уровне еще на ряд лет, то это отрицательно скажется на наших государственных интересах в этом регионе»⁷⁴. В Записке на имя министра иностранных дел СССР от 21 марта 1966 г. логика его рассуждений такова: необходимо использовать внутриполитическую борьбу в стране для поддержки умеренных настроений в правящих кругах и их борьбы за изменение официальной внешней политики. Это поможет приблизить Израиль к лагерю нейтрализма. Особенно важно, что Чувахин осмеливается ставить вопрос перед руководством о необходимости скорректировать всю политическую работу с арабскими странами: с его точки зрения, следовало делать акцент на разъяснении им бесперспективности решения арабо-израильского конфликта силой оружия, подчеркивать отличие политики Л. Эшкола от экстремистской, агрессивной линии Д. Бен-Гуриона. Существенным моментом являлась и его рекомендация указывать при контактах с араб-

скими представителями на легитимность Израиля, признание Советским Союзом и другими социалистическими странами его права на существование. Такая линия, по мнению посла, могла бы способствовать сковыванию крайнего национализма в арабском национально-освободительном движении и изменению «установок на то, что арабо-израильский конфликт может быть решен лишь путем уничтожения Израиля»⁷⁵.

Чувахин позволял себе высказывать соображения по поводу арабо-израильского конфликта, которые не во всем совпадали с официальными указаниями, приходившими из центра. В связи с приграничными инцидентами Москва неизменно требовала заявлять протест израильскому правительству против его действий в отношении соседних стран. Но Чувахин ставил вопрос о непродуктивности возложения вины за рост напряженности, в частности на сирийско-израильской границе, исключительно на одну сторону⁷⁶.

Конечно, нельзя преувеличивать «революционность» позиций Д.С. Чувахина. Как советский посол он действовал в русле заданной советской политики, определившей место Израиля «в империалистическом лагере, противостоящем Советскому Союзу и другим социалистическим странам, “неприсоединившемуся миру”». В то же время он пришел к пониманию, что односторонняя поддержка арабов на Ближнем Востоке не соответствовала действительным советским интересам. Ведь Советский Союз, как он полагал, далеко не исчерпал всех возможностей для оказания влияния на внешнеполитический курс Израиля благодаря изменившейся расстановке сил внутри страны. Оказался справедливым его анализ положения в регионе, четко определивший пагубность не критического отношения Советского Союза к установкам арабских лидеров на войну, к их агрессивной риторике угроз физического уничтожения Израиля, к антиизраильской, антиеврейской пропаганде, нараставшей в арабских странах. Обстановка нагнетания напряженности и военной угрозы способствовала росту шовинистических страстей в израильском обществе. Это, в свою очередь, укрепляло те круги, которые были настроены на решение конфликта с арабами исключительно силовыми средствами, что в конечном итоге и привело к войне в июне 1967 г.

Вспоминая о событиях тех лет в начале 1990-х годов, посол Д.С. Чувахин, уже будучи человеком преклонных лет, говорил: «...тогда мы старались проводить на Ближнем Востоке политику, которая нравилась бы только арабам. Выступает, например, советский посол перед руководящими деятелями Всемирного еврейского конгресса в Тель-Авиве с докладом о внешней политике Советского Союза, а некоторые арабские страны высказывают по этому поводу свое недоумение, запрашивают у Москвы объяснений. И руководство МИД тут же проявляет беспокойство, направляет “строгий запрос” в посольство, вместо того чтобы дать понять арабам беспочвенность их претензий...»⁷⁷. Речь здесь идет о крайне негативной реакции в иракской печати на упомянутое Чувахиным выступление. По этому поводу заведующий отделом стран Ближнего Востока МИД СССР А.Д. Щиборова, отчитывая посла, указывал ему на «необходимость проявлять особую осторожность и большую гибкость в выступлениях по вопросам обстановки на Ближнем Востоке и нашей политики в этом районе, а также ...более разборчиво выбирать аудитории, перед которыми он выступает»⁷⁸.

Несмотря на подобные «провинности», Д.С. Чувахин не был снят с должности и не был отправлен в отставку. По-видимому, его позиция могла находить понимание на среднем руководящем уровне в советском внешнеполитическом ведомстве, а, возможно, и на более высоком уровне руководства страны. Можно только предположить, что Д.С. Чувахин был опытным человеком, состоявшим на дипломатической службе с 1938 г., и вряд ли стал бы рисковать, если бы не рассчитывал на поддержку.

Однако в советских руководящих кругах превалировала стереотипная точка зрения, что расширение любых связей с Израилем – экономических, культурных, научных, в сфере туризма – будет использовано им для усиления разведывательной и подрывной деятельности против Советского Союза и ведения сионистской пропаганды среди еврейского населения. Израиль рассматривался исключительно как пособник «в осуществлении планов империалистических держав на Ближнем Востоке» независимо от того, какое правительство приходило к власти. В его стремлении улучшить отношения с СССР видели лишь инспирированную Со-

единенными Штатами хитрую уловку для нанесения ущерба советским интересам в регионе.

Внутренняя политика играла второстепенную роль в вопросе о перспективах сближения с Израилем. Улучшение отношений с Израилем ставилось в зависимость от его внешней политики, его поворота от прозападной ориентации к политике разрядки между двумя блоками. Под этим подразумевалась полная поддержка советских предложений на международной арене и отказ от применения силы в отношении арабских стран. Это были нереалистичные требования, выполнение которых могло поставить под угрозу безопасность Израиля. К тому же заинтересованность Израиля в свободной эмиграции советских евреев и давление, которое он пытался оказывать на Советский Союз в связи с этим, являлось, как уже было сказано выше, одной из причин постоянного обострения отношений между двумя странами. Советский посол в США А.Ф. Добрынин писал, что «непродуманная запретительная политика советских властей в отношении эмиграции из СССР» усиливала общую нездоровую обстановку⁷⁹. В результате, несмотря на ряд факторов, благоприятствовавших развитию двусторонних отношений в середине 1960-х гг., Москва так и не воспользовалась появившимся шансом.

3.4. Особенности советского подхода к арабо-израильскому конфликту

Новое советское руководство не изменило подхода к арабо-израильскому конфликту, на который в оказывали сильное влияние арабская политика и пропаганда. Арабы демонстрировали категорическое неприятие любых попыток продвинуться в сторону политического урегулирования с Израилем, даже исходивших от арабских лидеров. Ярким примером этого стало выступление президента Туниса Х. Бургибы весной 1965 г. с инициативой о проведении переговоров между Израилем и палестинскими арабами на основе плана ООН по разделу Палестины 1947 г. Он предлагал арабам признать Израиль в границах, установленных ООН в 1947 г., в обмен на возвращение в Израиль палестинских беженцев. В арабском мире предложение переговоров с Израилем вы-

звало бурю негодования и было расценено как предательство. Правда, и израильский премьер Л. Эшкол признал нереальными переговоры о мире с арабскими соседями на основе резолюции 1947 г. Общая позиция израильского правительства была выражена в емкой фразе А. Эбана: «Яйцо, разбитое 18 лет назад, нельзя сложить снова»^{*80}.

Москву, видимо, вполне удовлетворяла оценка инициативы Бургибы как результата деятельности американских сионистов, возможно, при консультации с Израилем, которую дал египетский дипломат, замминистра иностранных дел ОАР Ахмед Фекки в беседе с советским послом В.Я. Ерофеевым⁸¹. Тем не менее по прошествии многих лет известный советский ближневосточник Е.Д. Пырлин, бывший как раз в те годы одним из руководителей ближневосточного отдела МИД, посвятил этой малоизвестной попытке миротворчества несколько страниц в своей монографии, назвав ее первой ласточкой, которая, к сожалению, не делает весны⁸².

Арабы очень тщательно отслеживали любые высказывания советских представителей о возможности мирного урегулирования конфликта. В Каире, например, вызвали резкое неприятие слова советского дипломата о том, что было бы хорошо, если бы «дух Ташкента»^{**} восторжествовал во взаимоотношениях между арабами и евреями, и что Советский Союз был бы готов к посредничеству между сторонами, если бы они об этом попросили⁸³. Во избежание осложнений с арабскими странами Москва вновь и вновь подтверждала, что выступает на стороне арабских народов «в борьбе против происков империализма на Ближнем Востоке».

Многие исследователи арабо-израильского конфликта пытались разобраться в причинах ненависти, которую Израиль вызывал у арабов. На ранних этапах, в 1950-х гг. и в начале 1960-х гг. насеровский панарабизм, как полагали некоторые авторы, был на-

* Абба Эбан в 1965 г. занимал должность заместителя премьер-министра в правительстве Л. Эскола.

** В январе 1966 г. в Ташкенте Индия и Пакистан подписали Ташкентскую декларацию при посредничестве советского премьера А.Н. Косыгина, в которой содержались меры по нормализации отношений между двумя странами после войны 1965 г.

целен не только на политическое, но и на территориальное объединение арабов. Чисто с географической точки зрения Израиль был барьером, физическим препятствием для объединения арабского мира. Он мешал Египту справляться с сирийскими сецессионистами, препятствовал вмешательству в Иордании и установлению там режима, соответствующего интересам насеровского Египта⁸⁴. Недаром в 1950-х гг., еще до Суэцкого кризиса американцы для того, чтобы преодолеть блокировку Насером любых предложений по урегулированию проблем с Израилем, разработали проект эстакады в южной части Негева. Эта воздушная магистраль должна была пройти над израильской дорогой, ведущей к Эйлату, и обеспечить соединение Египта с Иорданией. Насер с большим юмором отнесся к этой идее: «А что будет, если у араба наверху возникнет естественная потребность, и все это попадет на крышу израильского автомобиля?» – спрашивал он. И сам же отвечал: «Будет война»⁸⁵.

Один из известных современных израильских историков Б. Моррис считает, что если непосредственно перед Суэцким кризисом уничтожение Израиля не входило в задачи арабской политики, то после 1956 г. произошла радикализация конфликта, и арабы стали говорить о «третьем раунде», т.е. о третьей попытке уничтожения Израиля⁸⁶. Враждебность арабского мира к еврейскому государству значительно усилилась из-за его участия в империалистическом заговоре против Египта и нападения на него. Получили подтверждения заявления многих арабских лидеров о том, что Израиль является троянским конем империализма на Ближнем Востоке.

Арабы вполне определенно объясняли причины своего неприятия Израиля, и наиболее четко эти формулировки звучали из уст президента Г.А. Насера. Он утверждал, что все спорные вопросы с Израилем условны, в то время как главным является агрессия, совершенная против «части арабского отечества» – Палестины, и вытекающая из этого угроза для всех арабских стран. В насеровском нарративе Израиль был создан империализмом, чтобы поставить под контроль «отчизну арабской нации»⁸⁷.

Похоже, что в СССР не вызывала сомнений адекватность антиизраильской риторики арабских руководителей ближневосточной

реальности. Высшее партийное руководство было убеждено, что «вопрос не в национальном характере конфликта, а в том, что это столкновение между силами империализма и порабощения народов и теми, кто отстаивает национальное освобождение, демократию и социальный прогресс»⁸⁸. Отрицание национальной составляющей в конфликте как основы вражды арабов и израильтян было главным элементом советской позиции на раннем этапе, когда важно было утвердить «классовую» сущность событий, объяснить на пропагандистском поле причины сотрудничества с арабскими странами.

Вопрос об уровне угроз Израилю, исходивших от его арабских соседей, в советском внешнеполитическом дискурсе всегда связывался с экспансионистской политикой самого еврейского государства. Любые разъяснения израильской стороны, например, о том, что участие Израиля в военной кампании против Египта в 1956 г. было спровоцировано в том числе действиями федаинов с египетской территории, опровергались советскими дипломатами как несостоятельная пропагандистская версия. Израильтянам указывали, что советское правительство располагает данными о планах израильского Генштаба, в соответствии с которыми израильская граница должна была проходить по Суэцкому каналу^{*,89}. Советская пропаганда утверждала, что Израиль спекулирует на численном превосходстве арабов, на заявлениях отдельных арабских деятелей об уничтожении Израиля, преувеличивает степень боеспособности и вооруженности арабских армий. Это дает возможность Израилю, как полагали советские пропагандисты, оправдывать милитаризацию страны и получать моральную поддержку извне.

В советских академических исследованиях происходила систематизация знаний и оформление внешнеполитического опыта в основные концепции о характере арабо-израильского конфликта, о его причинах и следствиях. Методом этого анализа оставалась марксистско-ленинская теория в ее приложении к историческим

* Надо сказать, что эти заявления советского дипломата имели под собой основания. В 1956 г. в преддверии Синайской кампании Д. Бен-Гурион развивал перед своими европейскими союзниками на переговорах в Париже планы территориального расширения Израиля (*Dayan M. Story of my life. An Autobiography*. P. 269).

условиям середины XX века, но уже с широким использованием доступного документального и монографического материала западных авторов. Пожалуй, наиболее яркими образцами такого рода исследований стали монографии Е.М. Примакова «Анатомия ближневосточного конфликта» и «История одного сговора»⁹⁰. Их автор, один из самых известных специалистов по Ближнему Востоку, занимал руководящие должности в институтах Академии наук СССР, исполнял ответственные конфиденциальные поручения высших советских инстанций*. Его работы в советское время не могли не отражать тех взглядов, на основе которых формировалась политика.

Е.М. Примаков признавал, что главную роль в определении позиции арабских государств в отношении Израиля играет израильско-палестинский конфликт. Борьба за владение Палестиной, трагедия палестинского народа, как указывал автор, предопределили отношение к Израилю соседних арабских государств. Но не менее важной в этиологии конфликта он считал политику Израиля, основывавшуюся на планах территориальных захватов. Именно территориальная экспансия рассматривалась им как узловое звено политики сионистского руководства, начало которой было положено в период Первой мировой войны. Примаков утверждал, что одной из целей присоединения Израиля к англо-французской интервенции против Египта в 1956 г. было именно расширение границ государства, что эти же устремления были одной из главных причин Шестидневной войны в июне 1967 г.⁹¹ Такая трактовка израильской политики позволяла оправдывать и нападение арабских государств на Израиль в 1948 г., и даже шовинистические призывы к его уничтожению, которые, в советской интерпретации, исходили от арабских экстремистов и порождались израильским экспансионизмом.

На взгляды Примакова-ученого не мог не повлиять его карьерный опыт журналиста-арабиста, работавшего в том числе в Египте, его личные отношения с представителями правящих кру-

* В 1970–1977 гг. Е.М. Примаков был заместителем директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, в 1977–1985 гг. возглавлял Институт востоковедения АН СССР, в 1985–1989 гг. – директор ИМЭМО РАН.

гов целого ряда арабских стран. Идеологически выдержанная оценка израильской политики, которая, в советской интерпретации, была направлена против патриотических, антиимпериалистических сил в арабских странах, сопровождалась довольно тенденциозным изложением насеровской политики в отношении Израиля. Утверждения о том, что Насер как политический деятель был далек от предубежденного отношения к израильтянам, звучали малоубедительно. В своих работах автор не упоминал ни о закрытии Египтом Суэцкого канала для прохода судов, направлявшихся в Израиль, ни о причастности египетского, а затем сирийского руководства к подготовке вооруженных нападений на территории Израиля.

Как ни странно, некоторые современные зарубежные, в том числе израильские исследования перекликаются с оценками, которые давали советские авторы в своих работах пять десятилетий тому назад. Современный израильский историк из Иерусалимского университета Г. Ларон ставит под сомнение традиционный исторический дискурс об экзистенциальном уровне угроз Государству Израиль, исходивших от арабского окружения в 1967 г. В своей работе, посвященной войне 1967 г., Ларон, анализируя документы и мемуарные источники, приходит к заключению, что Г. Насер всячески стремился отодвинуть войну с Израилем. В беседах со своими приближенными он не рассчитывал, что вопрос с Израилем может быть решен на протяжении его жизни, и предполагал, что борьба между Израилем и арабами затянется не менее чем на сто лет. В публичных же выступлениях египетский президент вынужденно повторял мантру о неизбежности войны с Израилем только для того, чтобы сохранить лидерство в арабском мире⁹².

На протяжении многих лет в израильской историографии превалировала версия, что плоды молниеносной победы в июне 1967 г. были неожиданностью для высшего израильского руководства. Однако ставшие доступными архивные документы позволяют сделать вывод, что военное планирование израильской армии предусматривало расширение территориальных границ в ходе военных действий. На протяжении почти двадцати лет в израильском политическом и военном истеблишменте существовала обос-

нованная убежденность, что линии перемирия, установленные в результате военных действий в 1948–1949 гг., делают государство весьма уязвимым перед военной опасностью, исходившей от враждебного арабского окружения. В августе 1963 г. одно из подразделений Генштаба Армии обороны Израиля подготовило инструкцию, касающуюся организации военного управления территориями. В документе раскрывались вероятные направления экспансии, которые, с точки зрения военных, должны были стать целью следующей войны. К таким территориям относились Западный берег р. Иордан, Синай, Сирийские высоты и Дамаск и юг Ливана до р. Литани. Авторы плана не исключали, что международное давление может заставить Израиль уйти с завоеванных территорий. Однако рассматривался и такой благоприятный вариант, который позволил бы удерживать оккупированные территории в течение неопределенного времени⁹³.

Как утверждает израильский историк, Л. Эшкол, став премьер-министром в 1963 г., с удивлением обнаружил, что «генералы настроены использовать следующую войну для расширения границ Израиля»⁹⁴. Например, Э. Вейцман, до 1966 г. командовавший израильскими ВВС, постоянно убеждал летчиков, что «сегодняшние границы не являются священными...мы должны изменить их в следующей войне»⁹⁵. Другой высокопоставленный израильский генерал У. Наркис, командовавший в 1967 г. Центральным военным округом, вспоминал, что когда 5 июня разрабатывались операции по захвату районов Иерусалима к востоку от «зеленой линии», им двигало «желание, жившее в каждом из нас с 1948 г., — завершить дело, которое нам не удалось тогда...»⁹⁶. И. Рабин, будучи начальником Генштаба, также высказывал мнение, что «военный удар (по арабским армиям. — *Т.Н.*) и завоевание территорий должны идти рука об руку»⁹⁷. Ларон полагает, что именно израильский военный истеблишмент, манипулировавший общественным мнением и влиятельными политическими лидерами, создавал ту атмосферу неотвратимой опасности, в которой в конечном итоге было принято решение о нанесении превентивного удара⁹⁸. Причем открытие военных действий было не самообороной, а четким рациональным решением в ситуации, когда баланс сил говорил о том, что Израилю не грозит военное поражение. Это суще-

ственным образом меняет взгляд на характер арабо-израильской войны 1967 г.

Конечно, нельзя отрицать, что проблема враждебности в арабо-израильских отношениях многослойна и причинно-следственные связи ее перехода в военную стадию не были прямолинейными. Выбор путей решения конфликтной ситуации зависел от многих переменных, и мотивация военных кругов с обеих сторон была не последним фактором. Однако все это не может заслонить реального пафоса отрицания Израиля, который был присущ арабской политике. Любые рассуждения о том, что у Г. Насера не было планов войны с Израилем, плохо совместимы с его заявлениями о неизбежности войны арабов с Израилем, о готовности нанести удар по Израилю в случае его нападения на Сирию, которые неоднократно цитировались в телеграммах из советского посольства в Каире⁹⁹. Руководители разных арабских стран также не раз говорили советским дипломатам, что в стратегической перспективе Насер собирался начать войну против Израиля, хотя в середине 1960-х гг. это не подразумевалось в его тактических маневрах¹⁰⁰.

Как уже было сказано выше, еще более воинственную позицию занимало сирийское руководство. Министр иностранных дел Сирии в беседах с советским послом подчеркивал, что партия БААС руководствуется «теорией народно-освободительной войны против Израиля, предусматривающей широкую организацию трудящихся масс и их подготовку к ведению такой войны в будущем вместе со всем арабским народом»¹⁰¹. Да и «умеренный» иорданский король прямо говорил советским дипломатам, что основной задачей, стоящей перед всеми арабами, является «ликвидация сионистской угрозы»¹⁰². Судя по тому, что арабы отводили, по словам Хусейна, три года на укрепление своей военной мощи, именно такой целевой срок был назначен, чтобы дать «решительный отпор» Израилю.

Однако после замещения сил ООН египетской армией на Синайском полуострове и закрытия Тиранского пролива во второй половине мая 1967 г. египтяне продолжили наращивать военные приготовления, как об этом свидетельствовали данные израильской разведки¹⁰³. В этих условиях как иначе, чем военную консолидацию арабских стран против Израиля, можно было толковать

заключение египетско-иорданского военного договора 30 мая, к которому 4 июня присоединился Ирак? Тем более что в высказываниях египетского президента содержались прямые угрозы в адрес Израиля. В конце мая он заявлял, что любые агрессивные действия Израиля против Сирии и Египта обернутся тотальной войной против него и главной целью будет уничтожение Израиля¹⁰⁴.

Трудно сказать, было ли советское руководство действительно убеждено, имея секретную информацию (документальное подтверждение которой до сих пор отсутствует), что именно арабы являются жертвой израильских агрессивных намерений, в то время как с их стороны нет угрозы существованию Израиля. Все же профессионалы-ближневосточники могли бы трезво оценивать ситуацию. Но в советский период идеологические каноны и политическая целесообразность требовали оставаться в русле заданных партийно-правительственных установок. В советском академическом нарративе вина за создание обстановки провокаций и угроз в отношении соседних стран возлагалась исключительно на Израиль. Египетская сторона, наоборот, изображалась в качестве миротворца, все предложения которой о поисках решения спорных вопросов якобы отвергались агрессивным Израилем. Советские авторы со ссылками на пресс-конференцию Насера от 28 мая 1967 г. упоминали о будто бы выраженной им готовности возобновить деятельность смешанной египетско-израильской комиссии по перемирию, договориться о взаимном отводе войск, приступить к глобальному обсуждению палестинской проблемы¹⁰⁵. Действительно, весной 1967 г. египетское правительство было не против возобновления работы комиссии ООН по перемирию, только в качестве предварительных условий отвергались любые меры, например разметка границ, которые могли бы означать признание Израиля и прекращение состояния войны. Что же касается выступления египетского президента на упомянутой пресс-конференции, то оно было выдержано в бескомпромиссном тоне и переполнено агрессивными обвинениями в адрес Израиля. Он заявлял, что Израиль создан силами империализма, которые передали ему большую часть территории Палестины, и именно это является главным актом агрессии, что права палестинцев должны быть восстановлены во всей Палестине и что арабы никогда не примут ни-

каких условий сосуществования с Израилем. Насер и на этот раз повторил аргумент египетского правительства, что Израиль не имеет права претендовать на порт Эйлат, построенный на территории, незаконно оккупированной им уже после подписания в феврале 1949 г. соглашения о перемирии¹⁰⁶. Публичное оглашение такого жесткого набора претензий к Израилю вряд ли могло рассматриваться как основа для миротворческой деятельности.

Все же искаженное представление причинно-следственных связей в ближневосточном конфликте было обусловлено зависимым положением академического сообщества в советской политической системе, где научная деятельность стояла на службе заданных политических и идеологических интересов. В своей поздней работе, написанной уже в постсоветский период, Е.М. Примаков признавал, что израильские военные приготовления в середине мая 1967 г. были нацелены на то, чтобы «покончить с активностью палестинцев, которых поддерживала Сирия, и предотвратить возможность создания палестинских лагерей на территории, граничащей с Израилем»¹⁰⁷. Рассуждая о победе арабского странового национализма над идеей арабского единства, он отмечал, что проблема безопасности Израиля сохраняется, но она видоизменилась и больше не идентична проблеме выживаемости государства¹⁰⁸. Это можно рассматривать как косвенное признание, что на ранних этапах конфликта экзистенциальная угроза Израилю, исходившая от арабского окружения, не была сугубо пропагандистской уловкой израильского руководства.

3.4. «Хотели ли русские войны»: советская политика в условиях роста напряженности в зоне конфликта

В отечественной историографии советская политика в условиях роста напряженности в зоне конфликта в 1966 – первой половине 1967 г. оценивается вполне однозначно: советское руководство категорически не хотело войны¹⁰⁹. В Москве стали задумываться о необходимости ослабления напряженности в регионе. Во время визита А.Х. Амера в СССР в ноябре 1966 г. советский премьер А.Н. Косыгин впервые, по утверждению М. Хейкала, поставил вопрос о возможностях снижения уровня вооружений в ре-

гионе¹¹⁰. Однако израильский историк М. Орен, признавая, что Советский Союз никогда не поддерживал эскалацию насилия в конфликтной ситуации, отмечал, что к середине 1966 г. эта сдержанность начинала постепенно исчезать¹¹¹. По-видимому, эти оценки отражают суть противоречия, которое всегда было присуще советской политике в арабо-израильском конфликте: с одной стороны, стратегические интересы требовали всемерно поддерживать арабов в их воинственности в отношении Израиля, а с другой – опасения, что локальный конфликт перерастет в большую мировую войну, заставляли прибегать к мерам сдерживания в отношении сторон конфликта.

После февральского переворота в Сирии стало очевидным повышенное внимание Москвы к сирийскому направлению ближневосточной политики. Транслируемая сирийским режимом идеологическая близость с марксистскими доктринами, и при этом его слабость и нестабильность* заставляли советское руководство особенно внимательно следить за всеми событиями в регионе, которые потенциально могли рассматриваться как подготовка антисирийских акций. Созванное после февраля 1966 г. срочное совещание военно-политического блока СЕНТО, совещание тринадцати американских послов в ближневосточных странах, активизация американского и британского военно-морского присутствия в портах Бейрута и Хайфы, по соседству с Сирийской республикой, – все это, с советских позиций, имело целью дестабилизацию ситуации вокруг Сирии. Поощрение Сирией деятельности палестинских боевиков, которые с иорданской территории совершали подрывные акты против Израиля, вызывало обострение отношений между двумя странами. Советское правительство усматривало в этом очередные попытки Запада заставить Иорданию вмешаться во внутренние дела Сирии и в специальном заявлении предостерегало короля Хусейна от следования такой политике¹¹².

Военные столкновения на сирийско-израильской границе, ответственность за которые, по крайней мере в публичном про-

* Очередная попытка военного переворота в Сирии в сентябре 1966 г. свидетельствовала о шаткости позиций режима.

странстве, возлагалась исключительно на Израиль, беспокоили Москву из-за возможности повторения 1956 г. теперь уже в варианте сговора Израйла и США в целях свержения сирийского режима. Обвинения Израйла в концентрации войск на сирийской границе для нанесения удара по арабской стране повторялись в целом ряде советских заявлений на протяжении этого периода. Так, в заявлении советского правительства, которое 25 мая 1966 г. было передано израильскому послу К. Кацу, а затем продублировано 28 мая в виде заявления ТАСС, говорилось, что «Советское правительство располагает сведениями о концентрации в настоящее время израильских войск на границах с арабскими странами. Эта концентрация приобретает опасный характер в связи с тем, что она осуществляется одновременно с ведущейся в Израиле враждебной кампанией против Сирии»¹¹³. Советская сторона подчеркивала недопустимость угроз применения военных мер против Сирии, которые она усматривала в выступлениях израильских руководителей, и указывала, что такие действия являются нарушением Декларации о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, принятой на XX сессии ГА ООН. В то же время и сирийцев предостерегали от необдуманных действий в отношении Израйла, которые могут привести к широкомасштабному военному конфликту на Арабском Востоке¹¹⁴.

Такая концентрация внимания на Сирии, не свойственная предыдущим этапам советско-арабских отношений, объяснялась, видимо, и переосмыслением чрезмерного «египтоцентризма», присутствующего политике времен Н.С. Хрущева. В Египте происходил процесс размежевания политических сил, появлялись, как писал Хейкал, американское и русское «лобби»¹¹⁵, в окружении Насера все отчетливее звучали голоса тех, кто подталкивал его к преодолению разногласий с США. Египетский посол в Вашингтоне М. Камель утверждал в июне 1966 г., что он сильно рисковал своей карьерой, когда, будучи в Каире, приложил немало усилий, чтобы убедить Насера и других египетских руководителей в необходимости ясно дать понять США, что правительство ОАР стремится к улучшению отношений. Он передал в Госдепартамент мнение Насера, что, проводя умеренную конструктивную политику, избегая тесной ассоциации с СССР и коммунистами, соблюдая

американские нефтяные интересы и заморозив вопрос с Израилем, Египет удовлетворил требования США и может рассчитывать на налаживание отношений¹¹⁶.

Не вызывает сомнений, что советское руководство было осведомлено о проамериканских настроениях в окружении Насера. И хотя военно-стратегическое сотрудничество с Египтом развивалось по нарастающей, советское руководство было заинтересовано в создании дополнительного военного плацдарма в Сирии, который обеспечивал бы советское военное присутствие, сравнимое с Египтом¹¹⁷.

В русле стратегии удержания Насера в поле советского влияния выстраивалось и видение военно-политической ситуации в регионе. Советские представители предупреждали египетских дипломатов, что в связи с выходом Франции из военной структуры НАТО* в Соединенных Штатах повысится заинтересованность в создании новых военных баз на южном побережье Средиземного моря. Получаемая советской стороной информация якобы давала основания полагать, что Египет, как и Сирия, могут оказаться под прицелом американских ракет, размещенных на территориях соседних арабских стран – Марокко, Туниса, Ливии. В этой связи в СССР опасались, что «ЦРУ может быть использовано для создания условий, которые приведут к вооруженному конфликту в регионе. Египет будет объявлен агрессором и последует американское вторжение на его территорию, которое будет представлено как усилия по поддержанию мира»¹¹⁸. С учетом этого Египту предлагалось не только усилить кампанию против размещения иностранных баз на территории арабских стран, но и более настойчиво стремиться к преодолению межарабских противоречий и всячески избегать любых шагов, которые могут привести к большой арабо-израильской войне. Египет также предостерегали от обольщения посулами американской помощи, которая в конечном итоге может оказаться наживкой, предназначенной для разрушения Египта¹¹⁹.

* 21 февраля 1966 г. президент Шарль де Голль объявил о выходе Франции из военной структуры НАТО при сохранении участия в работе политических структур.

Как представляется, советская сторона, видимо, не без умысла завышала перед своими арабскими партнерами степень угроз, исходивших от внешних, нерегionalных сил. Очевидно, что главной задачей было пресечение любых попыток разворота в сторону США. Но не менее важной, особенно из-за накалявшейся все больше и больше региональной атмосферы, становилась задача предотвращения большой войны, сдерживание арабского радикализма в отношении Израиля. Война на Ближнем Востоке рассматривалась как прямая угроза безопасности СССР. Немаловажным фактором были геополитические соображения: не раз советские представители указывали, что ближневосточный регион расположен на таком же расстоянии от советских черноморских портов, как Волгоград от Москвы, и это, с точки зрения советских властей, требовало уделять ему повышенное внимание в советской доктрине безопасности.

В этих условиях необходима была бóльшая маневренность для сдерживания и арабов, и израильтян. Израильская сторона, например, отмечала, что выступление А.Н. Косыгина в Национальной Ассамблее Египта во время его визита в мае 1966 г. было выдержано в значительно более умеренных тонах, чем того, вероятно, хотелось бы принимающей стороне¹²⁰. Советские руководители полагали, что были приняты достаточные меры для того, чтобы помочь арабам, как говорил Л.И. Брежнев, выработать правильную политическую линию в отношении разгоравшегося кризиса на Ближнем Востоке. «Мы говорили арабским представителям, что постоянные враждебные заявления сирийских лидеров и лидеров ОАР и их призывы к “тотальной национально-освободительной” войне с целью ликвидации Израиля могут стать как раз тем горячим материалом, который поможет Израилю и стоящим за ним империалистическим кругам разжечь пожар на Ближнем Востоке», – напоминал Генеральный секретарь в своем известном докладе на пленуме ЦК КПСС 20 июня 1967 г., когда военные действия уже были прекращены¹²¹.

Израильский посол сообщал из Москвы, что в беседах с ним советские дипломаты особо подчеркивали усилия Советского Союза, предпринимаемые, чтобы убедить арабов в бессмысленности угроз в адрес Израиля, которые они к тому же не в состоянии реализо-

вать. «Но не все в Сирии зависит от желаний Москвы», – передавал посол слова директора ближневосточного отдела советского МИД¹²².

Советские дипломаты, работавшие в это время в Каире, вспоминали, что передачи каирской радиостанции «Голос арабов» приобретали совершенно разнузданный и безответственный характер¹²³. Один из известных египетских радиожурналистов с арабским красноречием, достойным лучшего применения, в полной эйфории обещал отправить всех израильтян на обед средиземноморским рыбам¹²⁴. Неистовство арабской пропаганды, сохранявшаяся напряженность на сирийско-израильской границе не могли не вызывать беспокойства израильского руководства, которое не раз обращалось к Советскому Союзу с просьбой оказать влияние на арабов для предотвращения вооруженного конфликта. Эшкол даже предлагал встретиться с советскими руководителями в любом месте и в любое время для обсуждения создавшегося положения. Однако МИД не рекомендовал высшим партийным инстанциям принимать это предложение, считая, что Израиль хочет снять с себя ответственность за ситуацию, в которой повинны экстремистские круги в его правительстве¹²⁵.

В Москве сознавали ограниченность своих возможностей в том, что касается влияния на арабов. Усилия по сдерживанию арабской стороны не афишировались, никаких публичных заявлений с осуждением арабской агрессивности не делалось ни в прессе, ни в ООН. Напротив, в выступлениях советского представителя в СБ ООН причиной постоянной напряженности в регионе по-прежнему называлась экстремистская политика Израиля и стоящих за ним сил, намеревающихся сломить борьбу национально-освободительных движений арабских народов¹²⁶. Сутью советской публичной политики в эти месяцы, предшествующие Шестидневной войне, оставалось всемерное сохранение имиджа Москвы как абсолютного защитника арабских интересов.

Однако сложная ситуация в арабском мире, разногласия, ослаблявшие силы арабских стран и делавшие их более уязвимыми для вмешательства извне, вызывала в СССР беспокойство за собственные позиции на Ближнем Востоке. Иорданский король Хусейн в беседе с советским послом рисовал мрачную картину со-

стояния дел в арабском мире, указывая, что разобщенность арабских стран может быть использована Израилем для развязывания войны, в которую могут оказаться втянутыми великие державы¹²⁷.

Важной задачей советской политики становилась консолидация просоветских сил на Арабском Востоке. Это было особенно актуально в связи с деятельностью короля Саудовской Аравии Фейсала по созданию Исламского пакта, которая осуществлялась при поддержке США и воспринималась в СССР как новая попытка создать антисоветский блок на Ближнем Востоке. На XXIII съезде КПСС (март 1966 г.) была сформулирована установка на «разносторонние, глубокие и прочные связи» со странами, которые выбрали некапиталистический путь развития. На Арабском Востоке к таким странам относились Объединенная Арабская Республика (Египет), Алжир, позже Сирия¹²⁸. Претерпевала изменения советская позиция по арабскому единству, приобретая более нюансированный оттенок: в ней появился призыв к объединению прогрессивных патриотических сил, чтобы «противостоять непрекращающимся попыткам империалистических государств и сил реакции расколоть и удушить освободительные движения в арабском мире»¹²⁹. С этой точки зрения на первый план выходил вопрос разрешения противоречий между Египтом и новым сирийским режимом.

Это был один из главных вопросов, который обсуждал советский премьер А.Н. Косыгин с египетским руководством в ходе майского визита 1966 г. в Каир. У египтян складывалось мнение, что Советский Союз крайне заинтересован в том, чтобы Египет более активно демонстрировал свою поддержку Сирии. С одной стороны, это оказывало бы сдерживающее влияние на Израиль, а с другой – обеспечивало бы контроль Египта над сирийскими радикалами. Советские и зарубежные авторы полагают, что именно Косыгин сыграл роль своего рода посредника в сближении двух стран, что привело в конечном итоге к заключению египетско-сирийского договора о взаимной обороне в ноябре 1966 г.¹³⁰

В условиях возрастающей напряженности на Ближнем Востоке Политбюро приняло решение вновь направить в Каир в марте 1967 г. высокопоставленного советского руководителя – министра иностранных дел А.А. Громыко. В доступных документах нет сведений о целях этого визита. У израильского историка Я. Рои, од-

нако, не вызывает сомнений, что главным вопросом в переговорах с Насером было укрепление единства «прогрессивных» арабских сил и предотвращение большой войны с Израилем, которая, с точки зрения Москвы, соответствовала интересам империалистических держав, но несла в себе угрозу Египту и Сирии¹³¹.

В отношении Израиля позиция оставалась жесткой. Агитационная деятельность израильтян среди советских евреев по-прежнему вызывала большое раздражение и приводила к сокращению контактов по дипломатической линии и в других областях, из Москвы даже был выслан израильский дипломат. В прессе продолжалось нагнетание антиизраильской истерии. В поддержку Сирийской Арабской Республики проводились массовые демонстрации. Советский представитель Н.Т. Федоренко в своих выступлениях с трибуны ООН громил израильских агрессоров. «Дело дошло до того, что пренебрежение международным правом стало неотъемлемой частью поведения израильского правительства в отношении Сирийской Арабской Республики и других арабских стран»¹³², — заявил он на заседании Совета Безопасности.

Но в то же время в закрытых, непубличных контактах обозначалась более спокойная, более осторожная позиция. Так, вполне в позитивном ключе прошла беседа А.А. Громыко с израильским министром иностранных дел А. Эбаном в сентябре 1966 г. в Нью-Йорке. Глава советской дипломатии впервые признал возможность хороших отношений параллельно и с арабскими странами, и с Израилем. Громыко после многих лет замалчивания темы напомнил о той роли, которую СССР сыграл в создании Государства Израиль и подчеркнул, что его страна не поддерживает лозунги его уничтожения. Он особо отметил, что между СССР и Израилем нет конфликта, хотя с советских позиций сионистская идеология рассматривается как консервативная и даже реакционная. Но даже когда Эбан затронул вопрос о советских евреях, никакого резкого ответа со стороны советского министра, как это бывало обычно, не последовало¹³³.

У израильтян особые надежды на положительные сдвиги в отношениях с СССР вызвало послание советского правительства от 9 ноября 1966 г., переданное через израильского посла в Москве К. Каца. В нем не было ни обычных упоминаний о концентрации

израильских войск на границе с Сирией, ни обвинений Израиля в намерении свергнуть сирийский режим¹³⁴. Передавая это послание, заместитель министра иностранных дел В.С. Семенов, только что вернувшийся из поездки по странам Ближнего Востока, убеждал израильского посла, что советскому правительству известно о радикальных заявлениях арабских государственных деятелей в адрес Израиля, но оно не принимает их всерьез. Так же советская сторона рекомендовала поступать и израильскому правительству, проявляя осмотрительность, выдержку и дальновидность, чтобы не оказаться вновь орудием в руках политики внешних империалистических сил, чуждой коренным интересам Израиля. Со своей стороны советское правительство заявляло, что намерено принимать необходимые меры, чтобы не допустить нарушения мира и безопасности в районе Ближнего Востока. В Израиле послание было интерпретировано как ответ на просьбы Эшкола оказать сдерживающее влияние на Сирию, как положительный знак, свидетельствующий о намерениях Москвы не допустить войны. Оно было передано через неделю после заключения Египтом и Сирией оборонительного договора, то есть, видимо, имело целью успокоить Израиль, подчеркнув, что СССР держит руку на пульсе событий.

В самом конце апреля – начале мая 1967 г. в Москве побывал израильский дипломат Г. Рафаэль. Назначенный постоянным представителем Израиля при ООН, он посетил советскую столицу на пути в Нью-Йорк. Его визит совпал с довольно резкими заявлениями советского правительства в адрес Израиля, поводом для которых послужили очередные сирийско-израильские инциденты в демилитаризованных зонах, вылившиеся в крупное военное сражение 7 апреля 1967 г.^{*135} Беседы с советскими представителями носили довольно напряженный характер, но, несмотря на это,

* В ответ на обстрелы сирийской дальнобойной артиллерией населенных пунктов Израиля Генштабом было принято решение задействовать бомбардировочную авиацию, которая вошла в столкновение с сирийскими МиГами. Прямо над Дамаском состоялась грандиозная воздушная битва с участием 130 самолетов с обеих сторон. В результате этих столкновений сирийцы потеряли семь МиГов. Израильские летчики продемонстрировали полное превосходство над противником в воздушном пространстве Сирии.

Г. Рафаэль покидал Москву с убеждением, что продолжение диалога возможно и есть перспективы в продвижении даже по таким вопросам, как выезд советских евреев¹³⁶.

Неявная, большей частью непубличная деятельность советского руководства и дипломатии по сдерживанию сторон конфликта велась в момент, когда в высших эшелонах советской власти вызревали идеи разрядки, «возможности согласованных советско-американских действий в целях поддержания мира и обеспечения решения некоторых крупных международных проблем»¹³⁷. Перспектива большого военного конфликта на Ближнем Востоке, в который могли быть вовлечены две великие державы, была крайне нежелательна.

В этом не были заинтересованы и американцы. Во внешнеполитических приоритетах администрации Л. Джонсона Ближний Восток был отодвинут на задний план из-за войны во Вьетнаме. С точки зрения американского руководства, нестабильность в ближневосточном регионе не представляла в тот момент угрозы того же уровня, как война во Вьетнаме. Как пишет американский исследователь Дж. Сури, «политики в Вашингтоне не забывали о советской угрозе в регионе, но они в основном игнорировали ее вплоть до мая 1967 г.»¹³⁸ Из мемуаров посла А. Добрынина также можно сделать заключение, что ситуация на Ближнем Востоке в это время не входила в число совместно обсуждаемых проблем¹³⁹.

В ряде зарубежных исследований высказывается мнение, что снижение внимания к ближневосточному региону служило причиной некоторой отстраненности в отношениях США с Израилем в середине 1960-х гг.¹⁴⁰ Современные американские и израильские авторы занижают уровень военной поддержки Израиля со стороны США, видимо, стремясь подчеркнуть ее неадекватность тем угрозам, которые возникали для Израиля в связи с увеличением потока советского оружия в Египет и Сирию. Действительно, по оценкам SIPRI*, за 1960–1967 гг. продажи советского оружия Египту возросли в 1,5 раза, Сирии – в 4 раза¹⁴¹. Одна из самых крупных советско-египетских сделок по продаже оружия на 500 млн долл. была заключена в июне 1963 г. и рассматривалась в

* SIPRI – Stockholm International Peace Research Institute.

Израиле как опасное нарушение баланса сил в пользу арабов¹⁴². В основном это было оружие устаревших образцов, предназначавшееся для целей обороны. К лету 1967 г. на вооружении египетских ВВС было только 15 тяжелых бомбардировщиков СУ-7¹⁴³, которые могли использоваться для глубоких рейдов, но имелись и сверхзвуковые истребители МиГ-21, и новейшие модели советских танков Т-54 и Т-55.

При этом и американо-израильские отношения в военной области развивались достаточно динамично. С учетом возраставших рисков израильское руководство активно добивалось от администрации Джонсона установления особых отношений между двумя странами, опираясь на произраильское лобби и благосклонное отношение самого президента к Израилю. Именно в этот период формировались и крепились американо-израильские отношения по модели клиент-патрон, именно в эти годы США становятся главным поставщиком вооружений Израилю^{*,144}. Если в 1964 г. военная помощь составляла 20% в общем объеме американской помощи Израилю, то в 1966 г. она возросла до 70%, составив 92 млн долл. В феврале 1966 г. было подписано соглашение о поставках Израилю американских самолетов «Скайхок». Впервые Соединенные Штаты продавали самолеты-штурмовики стране на Ближнем Востоке¹⁴⁵.

Фактически в эти годы завершается процесс поляризации арабо-израильского конфликта. Каждая из сверхдержав становится покровителем одной из сторон конфликта. Правда, осенью 1965 г. американский госсекретарь Д. Раск в неформальном конфиденциальном разговоре с А. Громыко во время сессии Генеральной Ассамблеи ООН затрагивал тему возможности сокращения поставок оружия на Ближний Восток. Но советский министр ответил, что Советский Союз готов обсуждать создание безъядерной зоны на Ближнем Востоке, но не снабжение арабских стран обычным вооружением¹⁴⁶. Аргументируя эту позицию, посол А. Добрынин ука-

* В 1965 г. Израиль добился от США подписания соглашения, в соответствии с которым он должен был получить недопоставленные из ФРГ танки и ряд других вооружений после того, как западногерманское правительство под давлением арабских стран отказалось от ранее заключенных договоренностей.

зывает, что страны, получающие советское оружие, не могут не проявлять заботы об обеспечении своей собственной безопасности в условиях, когда в Средиземном море курсируют американские военные корабли, а в сопредельных районах размещены американские военные базы^{*,147}. В советской логике снабжение арабских стран оружием являлось помощью в их антиимпериалистической, антиколониальной борьбе. Заместитель министра иностранных дел В.С. Семенов проиллюстрировал эту советскую позицию красноречивой метафорой, указав, что есть разница между тем, даешь ли ты нож грабителю или потенциальной жертве грабителя¹⁴⁸. В ней содержался, конечно, и намек на то, кого снабжают оружием западные страны.

Американская сторона интерпретировала советскую позицию как стремление использовать поставки оружия в качестве механизма с низкими рисками, обеспечивающего влияние в ближневосточном регионе. «Почти не вызывает сомнений, что советские лидеры рассматривают арабо-израильский конфликт как способствующий их интересам. Но они не хотели бы, чтобы он перерос в вооруженное столкновение. Продолжая поставлять оружие своим арабским друзьям, они, видимо, хотят предотвратить выход гонки вооружений из-под контроля»¹⁴⁹, – рассуждали американские аналитики в самый канун майского кризиса 1967 г.

В целом нежелание СССР договариваться о сдерживании гонки вооружений, чрезвычайно резкая антиизраильская позиция в публичном пропагандистском пространстве и безоговорочная поддержка арабов заставляли предполагать, что Советский Союз намеревался поддерживать на Ближнем Востоке конвенциональный конфликт малой интенсивности. Такое представление на Западе о целях советской политики в ближневосточном конфликте оказалось недалеким от истины. В опубликованном уже в постсоветское время авторитетном издании Института военной истории Министерства обороны РФ содержится довольно определенная характеристика советского отношения к конфликту: «...урегулирование конфликта означало бы уменьшение зависимости арабских стран от Советского Союза, что никак не соответствовало внешнеполитическим уста-

* Разъяснения посла А. Добрынина по советской позиции.

новкам КПСС и Советского государства. Фактически СССР был заинтересован в сохранении состояния «ни войны, ни мира»¹⁵⁰. В более мягкой формулировке ответственного сотрудника ЦК КПСС К.Н. Брутенца Москва была заинтересована в «сохранении напряженности, поддающейся контролю, до тех пор, пока невозможно урегулирование, приемлемое для нас и для наших арабских друзей»¹⁵¹. Эта формула во многом объясняет последующее поведение СССР в событиях майского кризиса 1967 г.

3.6. Советская политика в майском кризисе 1967 г.

Развитие событий вокруг Сирии в апреле – начале мая 1967 г. заставляло советское руководство проявлять все большее беспокойство за судьбу левобаасистского режима. Инцидент 7 апреля, завершившийся воздушной битвой над Дамаском*, был интерпретирован в СССР как заранее спланированная Израилем акция в целях поддержки сирийских оппозиционных сил – «пятой колонны», намеревавшихся при содействии Иордании свергнуть сирийское правительство¹⁵². В документах МИД СССР этого периода есть упоминания о готовившемся заговоре против Сирии, который был раскрыт¹⁵³. Поэтому, с советской точки зрения, столкновение 7 апреля выходило за рамки обычных приграничных конфликтов и напрямую угрожало сирийскому режиму, а, следовательно, и советским интересам на Ближнем Востоке. 21 апреля израильскому послу было передано резкое послание в связи с этим инцидентом, в котором указывалось, что Израиль ведет игру с огнем, стремясь решать свои конфликты с арабами с позиции силы и военными средствами¹⁵⁴. В нем также говорилось, что израильские армейские круги, проявляющие политическую нетерпимость, подвергают опасности свой народ. Это определенно являлось отсылкой к антисирийским высказываниям начальника Генерального штаба И. Рабина, заявлявшего, что ответ на все сирийские акты в приграничных областях должен быть нацелен на самих террористов и поддерживающий их режим¹⁵⁵.

* См. см.: с. 200 «В ответ на обстрелы сирийской дальнобойной артиллерией...»

25 апреля 1967 г. израильскому послу была вручена в МИД СССР новая нота, в которой выражалась обеспокоенность Москвы по поводу концентрации израильских войск на границе с арабскими странами и сопровождавшей ее враждебной кампании против Сирии в Израиле¹⁵⁶.

Очевидно, что обеспокоенность Москвы положением в Сирии была нешуточной. Помимо внешних угроз Сирию лихорадило изнутри: в начале мая происходили массовые беспорядки, вызванные публикацией статьи антиисламского содержания в одном из органов сирийской армии; антиправительственные настроения были сильны среди торговой буржуазии, недовольной политикой национализации частной собственности. В СССР нестабильность в Сирии объясняли происками США. Много лет спустя академик А.М. Васильев едко иронизировал по поводу интерпретации событий в Сирии: «Советские органы массовой информации предавались вовсе уж неуклюжим упражнениям. По сообщениям печати, Сирии угрожало чуть ли не совместное иордано-израильское вторжение, руководимое ЦРУ и нефтяными магнатами»¹⁵⁷.

Но в советских правящих кругах была стойкая убежденность, что империалисты используют Израиль в качестве тарана для ведения подрывных действий на Ближнем Востоке. Аналогии с 1956 годом заставляли опасаться, что модель сговора с Западом, теперь уже с США, будет воспроизведена Израилем и в отношении Сирии. Тем более что от израильской стороны исходили заявления якобы о готовности американского Шестого флота, дислоцированного в Средиземном море, прийти на помощь Израилю в случае необходимости¹⁵⁸. Вероятно, возрастающая напряженность в зоне конфликта была одним из поводов для заявления Брежнева с требованием о выводе Шестого флота из Средиземного моря, с которым он выступил на конференции коммунистических и рабочих партий 24 апреля 1967 г. в Карловых Варах. Генеральный секретарь ЦК КПСС указал, что спустя двадцать лет после окончания Второй мировой войны нет никакого оправдания пребыванию американских ВМС в Средиземном море, что Шестой флот представляет собой серьезную угрозу независимости всех прибрежных стран¹⁵⁹.

В мае, таким образом, тревожность достигла апогея. 12 мая по решению Политбюро советскому послу в Дамаске было дано ука-

зание уведомить сирийское руководство о возможности нападения Израиля, которое может быть значительно серьезнее инцидента 7 апреля. Советская сторона со ссылками на агентурные источники, близкие к израильскому Генштабу, приводила подробные сведения о военных силах, которые предполагается задействовать в этой операции. В то же время точность этой информации не гарантировалась¹⁶⁰. По-видимому, эти сведения об израильских военных приготовлениях сирийцы передали египтянам. Об этом сообщал советский посол в Каире в телеграмме в центр от 16 мая¹⁶¹. Но главное советское «предупреждение», с которым многие авторы связывают решение Насера объявить чрезвычайное положение в стране и заявить о вводе египетских войск на Синай, было передано 13 мая председателю Национального собрания А. Садату, находившемуся с визитом в СССР. Председатель Верховного Совета СССР В. Подгорный и заместитель министра иностранных дел В. Семенов конфиденциально сообщили ему, что «десять израильских бригад сосредоточены на сирийской границе» и что готовится нападение Израиля в период между 18 и 22 мая¹⁶². Правда, Москва не могла подтвердить, являются ли перемещения израильских войск подготовкой к наступлению или это оборонительные меры для предотвращения попыток провокаций со стороны сирийцев в День независимости Израиля, 15 мая¹⁶³.

Официальный Израиль категорически отрицал информацию о концентрации своих военных сил на границе с Сирией. Советскому послу Чувакину было предложено самому проехать вдоль израильско-сирийской границы и проверить ситуацию там. Однако в советском посольстве эти предложения отклонялись самым решительным образом. Отправленный Насером в Дамаск начальник египетского генштаба генерал М. Фавзи, совершивший облет приграничных с Израилем территорий, также не увидел признаков повышенной израильской боеготовности¹⁶⁴. О том, что сирийцы снабжают Каир ложной информацией о готовящемся нападении Израиля, есть упоминания и в американских документах, датированных этими же числами¹⁶⁵. Такая дезинформация из Дамаска укладывалась в сирийский курс на провоцирование войны.

В зарубежной историографии по войне 1967 г. до сих пор не затихают дискуссии о целях передачи Москвой недостоверной ин-

формации Египту и Сирии о готовящемся нападении Израиля¹⁶⁶. Довольно широко распространена точка зрения, что Советский Союз таким способом умышленно подталкивал арабов к войне с Израилем. Вероятно, провокационный характер «советского предупреждения» закрепился в историографии и потому, что Насер подтверждал впоследствии в своих выступлениях и интервью, что именно эта информация подвигла его к вводу войск на Синай. Но у египетского президента были свои причины для подобного изображения хода событий. Он умело манипулировал фактом передачи сведений о грозящем нападении Израиля, требуя от СССР неограниченной помощи в виде все больших поставок вооружений. Уже после предпринятых на Синае шагов Насер выдвигал советскому послу условия, больше похожие на шантаж, чем на дипломатические переговоры: «Я хочу, чтобы Вы понимали, что все происходящее сейчас, является следствием вашей информации и советов, которые мы получали от вашего правительства. Вы ответственны передо мной за это. Ваши люди в Москве должны понимать, что в политическом и военном плане это все как можно быстрее должно найти выражение в материальной помощи. Нам нужен воздушный мост (поставки оружия по воздуху. – Т.Н.)»¹⁶⁷.

Советским руководящим кругам действительно была передана секретная информация относительно готовящегося нападения Израиля на Сирию. Брежнев в своем закрытом докладе на пленуме ЦК КПСС 20 июня 1967 г. говорил, что «в середине мая нами были получены сведения о том, что Израиль готовится к нанесению вооруженного удара по арабским государствам, в первую очередь – против Сирии. Советское правительство тут же сообщило об этом руководству Сирии и ОАР»¹⁶⁸. Советский министр обороны А. Гречко был весьма удивлен, когда египетский посол в Москве сообщил ему, что результаты миссии Фавзи опровергают советскую информацию. Гречко заявил, что ему достоверно известно о концентрации израильских войск на границе с Сирией, известны даже имена израильских командиров от высшего командного состава до командиров батальонов¹⁶⁹. Е.М. Примаков также подтверждал, что «резидентура советской внешней разведки обладала фактическим материалом о подготовке израильских сил к атаке»¹⁷⁰. Довольно осведомленный американский ближневосточ-

ник Н. Сафран писал в своей работе еще в 1969 г., что советская разведка, видимо, действительно добыла документ израильского Генштаба, который, скорее всего, был неким резервным планом рейда в Сирии, но не являлся оперативным планом действий¹⁷¹. Советские агенты могли преувеличить масштабы этой операции и ее цели.

Вряд ли есть основания рассматривать «советское предупреждение» как умышленно сфабрикованную подделку, предназначенную для того, чтобы развязать войну. Непосредственные участники событий с советской стороны вообще считали его рядовым конфиденциальным сообщением, одним из многих десятков сообщений, передававшихся тогда египетскому президенту¹⁷². И хотя Москва была заинтересована в дальнейшем вовлечении Насера в конфронтацию с Израилем для закрепления его зависимости от СССР и в более тесном участии Египта в обеспечении безопасности Сирии, но предупреждения о действиях Израиля сопровождались призывом к арабам проявлять сдержанность. Расчет, видимо, строился и на том, что угроза войны на два фронта могла стать сдерживающим фактором для военных намерений Израиля — это также соответствовало советскому курсу на предотвращение большой войны.

Как бы там ни было, но гипертрофированное значение, которое придается в зарубежной историографии «советскому предупреждению» как триггеру, запустившему майский кризис, представляется мало обоснованным. Неочевидно, что именно оно повлияло на решение Насера ввести свои войска на Синай. Насер давно вынашивал идею избавления от сил ООН, тем более что их присутствие на египетской территории использовалось арабскими странами в антинасеровской пропаганде как признак его слабости в борьбе с «сионистским врагом». Для Насера восстановление на Синае ситуации, существовавшей до 1956 г., было делом его личного престижа, демонстрацией готовности противостоять любым антиарабским сговорам Израиля и США. К этому его подталкивал Абд эль-Хаким Амер, его соратник и политический конкурент, обладавший весьма широкими полномочиями в системе государственной власти, а главное, имевший весомые позиции в армии¹⁷³. Какое-то время египетскому лидеру, по-

лагавшему, что Египет не готов к прямой конфронтации с Израилем, удавалось противостоять оказываемому на него давлению. Но в Сирии, особенно после инцидента 7 апреля, нагнеталась атмосфера страха перед «заговором, который готовят империалисты и сионисты с целью свержения революционного сирийского режима». Именно 12 и 14 мая в сирийской прессе были опубликованы заявления партийных и государственных органов, в которых говорилось о подготовке империалистов, сионистов и реакционеров к нападению на Сирию¹⁷⁴. Общий фон напряженности усугублялся сделанным как раз 13 мая заявлением израильского премьера Эшкола о готовности Израиля ответить на подрывные действия и агрессию против него любыми способами, которые он сочтет нужными¹⁷⁵. Насер вынужден был действовать, чтобы подтвердить свою репутацию лидера и защитника арабской революции. Как он сам заявлял советскому послу, нужно было доказать врагам, что, несмотря на участие большого египетского контингента в войне в Йемене*, Египет готов выступить на защиту Сирии¹⁷⁶. С 14 мая началась переброска на Синай египетских вооруженных сил, которые намеренно проходили под окнами американского посольства, демонстрируя свою мощь.

«Советское предупреждение», скорее всего, не было решающим фактором в разворачивавшемся кризисе в мае 1967 г. Причины его кроются в самой региональной ситуации: и в Египте, и в Сирии, и в Израиле нагнеталась атмосфера, делавшая военное столкновение неизбежным. Как писал один из известных израильских историков О. Эран, «советскому правительству не надо было утруждать себя поддержанием конфликта на медленном огне, потому что огонь медленного тления – это данность региона»¹⁷⁷.

Многие известные на сегодняшний день источники и свидетельства говорят о том, что Москва недооценила самостоятельность египетского лидера в принятии серьезных решений. Можно считать установленным историческим фактом, что советское руководство не было осведомлено о планах Г. Насера по замещению египетской армией Чрезвычайных сил ООН на Синайском полуострове. О своем решении блокировать Тиранский пролив

* В боях в Йемене принимала участие многотысячная регулярная армия Египта.

для прохода судов, направлявшихся в Израиль, Насер сообщил советскому послу лишь накануне его обнародования¹⁷⁸. Брежнев заявлял в послевоенный период, что в мае «правительство ОАР предприняло ряд непродуманных шагов... К сожалению, наше правительство не было проинформировано заранее об этих действиях, которые имели серьезные последствия»¹⁷⁹. Правда, это мнение, возможно, сформировавшееся уже под влиянием разочаровывающих результатов войны, не было преобладающим в период майского кризиса на Ближнем Востоке. В мае 1967 г. советский министр иностранных дел давал указания главам советских дипмиссий считать требование правительства ОАР о выводе войск ООН из района Газы и с Синайского полуострова оправданным шагом, который оказал соответствующее положительное действие. Он подчеркивал, что действия ОАР и Сирии правомерны и преследуют оборонительные цели в ответ на провокационно-агрессивную позицию Израиля. От представителя СССР в ООН Громыко требовал предотвращать любые попытки осудить позицию ОАР, которая как суверенное государство, подчеркивал он, имеет право требовать вывода войск ООН с ее территории в любое время¹⁸⁰.

22 мая в своем выступлении перед египетскими войсками на Синае Насер заявил о решении правительства ОАР закрыть вход в Акабский залив для всех израильских судов, а также для судов третьих стран, ввозящих в Израиль стратегические товары. Есть основания полагать, что этот шаг Насера, повлекший новый виток напряженности, заставил советское правительство выступить с заявлением по поводу положения на Ближнем Востоке. 22 мая Насер сразу же после объявления о закрытии Акабского залива на встрече с советским послом в Каире настоятельно просил, чтобы советское правительство выступило с решительным заявлением, которое было бы направлено не столько против Израиля, сколько против американского империализма, и было бы выдержано в таком же духе, как в 1956 г.¹⁸¹ Но на сей раз советское заявление, опубликованное в газете «Правда» 24 мая, прежде всего, клеймило израильскую агрессивность и лишь по касательной осуждало империалистическое вмешательство¹⁸². СССР ограничивался только декларацией о готовности противостоять агрессии вместе с

арабскими странами и всеми миролюбивыми силами. Вопрос о положении в Акабском заливе не затрагивался вообще.

Сдержанный тон первого советского заявления по Ближнему Востоку не в последнюю очередь был связан с тем, что именно с 22 мая активизировались советско-американские контакты по ближневосточной ситуации. 22 мая президент Л. Джонсон направил послание председателю Совета министров СССР А.Н. Косыгину, в котором затрагивался целый ряд острых международных вопросов, включая ближневосточный кризис. Американская сторона делала основной упор на том, что кризисная ситуация возникла из-за возросшего числа нападений на Израиль со стороны элементов, базирующихся в Сирии, что вызвало соответствующую реакцию как в Израиле, так и в арабском мире. «По-видимому, пришло время каждому из нас использовать все свое влияние для смягчения ситуации, включая наше влияние на деятельность ООН»¹⁸³, – писал американский президент. В меморандуме американского правительства, направленном египетскому правительству 23 мая после заявления Насера, вновь осуждались террористические атаки, совершавшиеся против Израиля при поддержке Сирии, указывалось на необходимость предотвратить дальнейшую эскалацию напряженности после вывода сил ООН и особо подчеркивалась важность для международного сообщества вопроса о свободном и беспрепятственном судоходстве в Акабском заливе¹⁸⁴.

Очевидно, что советские и американские оценки причин и характера ближневосточного кризиса существенно различались. В беседе с американским послом Л.И. Томпсоном 23 мая, состоявшейся как раз в связи с посланием американского президента советскому премьеру, Громыко по-прежнему настаивал, что ответственность за возникшую напряженность несет Израиль и те израильские круги, которые определяют его политику. Он и на этот раз называл чепухой все израильские заявления о поощрении Сирией подрывных действий против Израиля, который, как он выразился, таким образом создает предлог для своих агрессивных действий. Но более всего американского дипломата поразило нежелание Громыко обсуждать вопрос о действиях Египта в отношении судоходства в Акабском заливе¹⁸⁵. Для американцев открытие Тиранского пролива, которое могло предотвратить начало Израилем

военных действий, становилось на том этапе главной задачей. В американской администрации обсуждалась в конце мая идея создания коллективной западной флотилии (регаты) для прохода по проливу, что должно было продемонстрировать арабам готовность Запада защищать всеми средствами свободу судоходства.

Для советского руководства радикальные шаги Насера в отношении Тиранского пролива, видимо, оказались неожиданностью. Советские дипломаты комментировали действия египетского правительства очень осторожно, считая их внутренним делом арабских стран¹⁸⁶. Представляется справедливым суждение, что эта мера была воспринята в СССР как избыточная, как опасное продвижение к войне, в то время как советская цель консолидации арабских сил в сдерживании Израиля уже была достигнута¹⁸⁷. Кроме того, не могло не вызывать беспокойства и то, что создаваемый прецедент относительно свободы судоходства по морским путям в проливах мог быть использован против советских интересов в других географических точках.

Однако установившийся характер советско-египетских отношений требовал оправдания любых, даже откровенно провокационных действий арабского союзника. К этому подключались советские специалисты по международному праву. В их интерпретации, Тиранский пролив, являясь территориальными водами ОАР, подпадал под действие Женевской конвенции 1958 г. о режиме территориального моря, которая позволяла закрывать такие водные пути для прибрежных государств, использующих право прохода в ущерб миру и безопасности других прибрежных государств. Учитывая, что, с советской точки зрения, рост напряженности происходил из-за угроз Сирии со стороны Израиля, советские эксперты считали, что Насер имел право воспользоваться этой нормой международного права¹⁸⁸. В этой аргументации, по всей видимости, намеренно упускалось из виду значение Акабской проблемы для Израиля. Через Эйлат Израиль в то время получал нефть из Ирана. Перекрытие доступа в порт означало для него увеличение стоимости поставок нефти по другим путям на 30%¹⁸⁹. В Израиле необоснованное ограничение его суверенных прав на пользование международными морскими путями рассматривалось как повод для объявления войны (*casus belli*).

Возможности советско-американского сотрудничества по предотвращению войны сдерживались в этот период и негативной реакцией афро-азиатского мира – стран «третьего мира», как их тогда называли, – на начинавшийся процесс разрядки международных отношений, поиски форм мирного сосуществования советского блока с Западом. В мировой прессе высказывались предположения о вероятности договоренностей великих держав о новом разделе мира, о «новой Ялте»¹⁹⁰, что, конечно, вредило образу СССР как безусловного союзника борцов с колониализмом и империализмом. Поэтому советская сторона настойчиво заверяла арабов, что Советский Союз не собирается предпринимать каких-либо совместных шагов с США, Англией и Францией для предотвращения военного конфликта на Ближнем Востоке¹⁹¹. Советское правительство не приняло французского предложения о переговорах четырех держав по вопросам Ближнего Востока, поскольку такое предложение отклоняли арабские государства¹⁹² из-за опасений сговора великих держав в ущерб арабским интересам. В ООН советский представитель Н.Т. Федоренко, демонстрируя однозначную поддержку действиям Египта, заявлял, что западные страны искусственно нагнетают атмосферу, чтобы опорочить арабов и оправдать агрессию. Он выступил против внесенного Данией и Канадой 23 мая предложения о немедленном созыве Совета Безопасности в связи с положением на Ближнем Востоке. Советский представитель заявил в обычном тоне, разоблачающем проiski империализма, что инициативу по созыву СБ почему-то берут на себя страны НАТО, находящиеся далеко за пределами ближневосточного региона, и что в таких действиях просматривается скорее попытка вмешаться в чужие дела, чем забота о сохранении мира и безопасности на Ближнем Востоке¹⁹³. Резолюция, требовавшая от Египта воздержаться от закрытия пролива, была заблокирована Советским Союзом. Президент Джонсон и госсекретарь Риск в письмах от 28 мая предложили советским руководителям выработать совместные процедуры консультаций по положению в Акабском заливе, чтобы добиться решения проблемы мирными средствами¹⁹⁴. С советской стороны ответа не последовало. Это было плохим знаком для зарождавшегося советско-американского сотрудничества по Ближнему Востоку.

В Москве, по всей видимости, недооценивали всей серьезности складывающейся ситуации. Несмотря на то, что советское руководство было осведомлено о повышенной боевой готовности с обеих сторон, все же возможность войны казалась отдаленной. Во избежание излишней паники из арабских стран даже не была проведена эвакуация многочисленного советского гражданского персонала, включая семьи советских военных специалистов¹⁹⁵. У многих в советском руководстве были представления об Израиле как слабой стороне, не способной самостоятельно без поддержки США начать военные действия. В духе традиционного для Москвы восприятия Израиля явно недооценивалась его решимость «открыть Тиранский пролив военным путем», даже после заявления Эшкола 23 мая о том, что объявленная Насером блокада рассматривается Израилем как акт агрессии против него. Египтяне информировали советское руководство, что египетские силы получили указание задерживать только суда под израильским флагом и нефтяные танкеры. Любой другой транспорт, даже выходящий из Эйлата, мог проходить беспрепятственно¹⁹⁶. Поэтому в Москве были убеждены, что Акабская проблема искусственно разжигается западными странами для усиления давления на ОАР¹⁹⁷, и считали, что война не может быть развязана из-за запрета прохода нескольких кораблей из Акабского залива в Красное море. Но даже в случае начала военных действий, как писал высокопоставленный сотрудник КГБ О. Калугин, никто в Москве не сомневался, что Израиль быстро потерпит поражение¹⁹⁸. Была уверенность, что работа советских военных советников обеспечила высокий уровень подготовки египетских вооруженных сил и столкновение с Израилем, а тем более конфликт Израиля с коалицией арабских государств вполне может закончиться победой арабской стороны¹⁹⁹.

Но среди военных было и другое мнение. По воспоминаниям одного из бывших советников в египетской армии, даже целый полк советников из СССР не мог «чудесным образом повлиять на уровень боеготовности арабских частей», изменить высокомерное отношение арабских «подопечных» к Израилю²⁰⁰. Уже в постсоветский период авторитетные авторы из военных кругов утверждали, что в тот период «на арабскую победу никто всерьез не рассчитывал». Большинство экспертов сходилось в том, что арабы

смогут продержаться достаточно долго, пока не заработают международные механизмы урегулирования, и что в предстоящей войне будут определяющими не военные, а морально-политические факторы²⁰¹, как это было в 1956 г. Поэтому Насеру давали понять, что Советский Союз не поддержит Египет, если он нападет первым²⁰².

Наиболее квалифицированная оценка соотношения сил противников содержалась в записке начальника Главного разведывательного управления П. Ивашутина, датированной 24 мая и направленной в ЦК КПСС. Он сделал заключение, что ситуация может привести к войне, в которой очень велика вероятность победы Израиля, обладающего военным превосходством. В то же время он считал, что войны можно избежать, поскольку Израиль ведет себя не слишком агрессивно и Запад не заинтересован в войне так же, как и Египет²⁰³. То есть советское руководство было осведомлено, что, хотя по общему соотношению сил и средств арабы превосходили израильтян, уровень боеспособности израильской армии, ее высокий моральный дух обеспечивали израильтянам большие преимущества.

Противоречивые оценки соотношения сил противоборствующих сторон и возможных результатов военных действий не могли не оказывать влияния на процесс принятия политических решений в высших эшелонах власти СССР. Среди западных наблюдателей высказывались предположения, что советское руководство рассматривает любой результат военных действий как благоприятный для СССР: победа арабов будет свидетельствовать о превосходстве советского оружия и советской военной подготовки, а в случае поражения их гнев обрушится на Запад, что также будет способствовать укреплению советских позиций²⁰⁴. Все же перевешивали, видимо, иные соображения. Понимание, что арабы слабее в военном отношении, заставляло опасаться, что в случае военных действий советская сторона может оказаться перед дилеммой: либо прямое вмешательство, что неизбежно повлечет столкновение с американцами, либо «потеря лица» перед всем арабским миром и ослабление советских позиций. Еще жива была память об опыте 1956 г., когда египтяне долго упрекали Советский Союз за запоздалую реакцию на «тройственную агрессию», за не-

выполненное обещание направить добровольцев на поддержку египетской армии.

Судя по всему, утверждение академика Е.М. Примакова, что все советское руководство было категорически против войны²⁰⁵, не лишено оснований. Наиболее осторожной позиции придерживался советский премьер А.Н. Косыгин. Полагая, что своими действиями Египет добился большой политической победы, он предлагал египетскому министру обороны Ш. Бадрану, находившемуся с официальным визитом в Москве 25–28 мая, искать политическое решение проблем. «Почему бы не подумать о юридическом решении проблемы прохода через проливы?» – спрашивал он у своего египетского собеседника²⁰⁶. В унисон видению Косыгина заместитель министра иностранных дел В. Семенов разъяснял своему египетскому коллеге, что война на Ближнем Востоке с перспективой вмешательства такого мощного противника, как США, не соответствует интересам СССР. В этой частной конфиденциальной беседе он даже заметил, что СССР не нужен конфликт на Ближнем Востоке, который может потребовать слишком больших ресурсов, и это негативно отразится на советской экономике²⁰⁷. Даже министр обороны маршал А.А. Гречко, которого западные авторы относят к кругу «кремлевских ястребов», говорил Бадрану, что не время затевать войну с империалистами, и Египет должен принять все меры, чтобы не оказаться втянутым в войну²⁰⁸. Но именно Гречко произвел на Бадрана наибольшее впечатление, когда перед самым его вылетом на аэродроме он «подбадривал» египетского коллегу намеками на готовность СССР прийти на помощь Египту в любой ситуации²⁰⁹. Гречко, пользовавшийся поддержкой Брежнева, получил высокое назначение на должность министра обороны за месяц до этого и, видимо, таким образом показывал свою ведущую роль на передовом фронте борьбы с империализмом.

Высшее военное командование было больше всех среди советского руководства заинтересовано в демонстрации мощной советской поддержки Египта, расположенного в стратегически важном районе. Для советского командования, на протяжении многих лет добивавшегося согласия египетских властей на неограниченный доступ к морским и воздушным базам арабского государства, на-

стал благоприятный момент реализовать эту задачу. Правительству ОАР было предложено согласиться с направлением в порт Александрию или в Порт-Саид на несколько дней отряда советских военных кораблей, а также с временным размещением на одном из египетских аэродромов подразделения советских ВВС²¹⁰. Египтяне дали понять, что решение этого вопроса будет зависеть от успеха миссии Бадрана по выполнению египетских запросов на советское вооружение. Когда в ночь с 26 на 27 мая это обсуждалось в Политбюро, именно высокопоставленный советский военный* предупредил египетскую делегацию, что вопрос может решиться не в пользу египтян. Тогда была организована срочная телеграмма Насера Брежневу, чтобы подтолкнуть советское руководство к нужному решению²¹¹. В результате с советской стороны было дано согласие на перенос на июнь–сентябрь 1967 г. поставок советского вооружения, запланированных ранее на 1968–1969 гг. ОАР были дополнительно выделены 30 истребителей МИГ-21 со срочной поставкой и большое количество другого вооружения²¹². В свою очередь, египтяне выполнили свою часть договоренностей, и корабли советской оперативной эскадры получили право базирования в Порт-Саиде²¹³, а морская авиация – право пользования египетским аэродромом.

Бадран, являвшийся креатурой Амера, возглавлявшего наиболее воинственную армейскую группу, в докладе Насеру по результатам миссии в Москве акцентировал, прежде всего, ту сторону своих переговоров, которая свидетельствовала о готовности СССР оказывать Египту всестороннюю поддержку. Мнение более умеренных участников переговоров, в частности египетского посла в Москве, предупреждавшего руководство, что высказывания Гречко нельзя принимать за чистую монету, дошло до Насера уже после начала военных действий²¹⁴.

Об опасности разжигания военных настроений предупреждали и главу сирийского государства Атаси, находившегося с визитом в Москве 29–30 мая. На встрече в ЦК КПСС сирийское руководство призывали воздерживаться от действий, которые могут ис-

* Маршал И.И. Якубовский – Главнокомандующий объединенными вооруженными силами стран Варшавского договора.

пользоваться «проимпериалистическими, милитаристскими кругами в Израиле как предлог для начала военных действий»²¹⁵. Но и в египетских, и в сирийских средствах информации готовность Москвы выступать на стороне арабов чрезвычайно преувеличивалась, что создавало впечатление, будто бы Советский Союз безоговорочно солидаризировался со всеми самыми радикальными и агрессивными заявлениями и действиями арабов.

В этой кризисной обстановке Советский Союз впервые ответил на призыв США параллельно принимать меры по сдерживанию сторон конфликта. 26-го числа американцы передали советскому правительству секретную информацию о подготовке египтянами наступления на израильские позиции в ближайшие часы. Американцы получили эти сведения от израильского министра иностранных дел А. Эбана, направленного в Вашингтон со специальной миссией, чтобы добиться от администрации Джонсона недвусмысленно выраженных обязательств по поддержке Израиля. Высшее американское руководство весьма сдержанно относилось к израильским намерениям нанести превентивный удар по противнику, и в этот момент очень кстати оказалась поступившая из агентурных источников израильской военной разведки информация о якобы готовившемся 27 мая нападении Египта. Хотя американские спецслужбы не смогли подтвердить существование какого-либо египетского плана нападения, американское правительство все же решило предупредить Египет о недопустимости атаки на Израиль, а также обратилось к Советскому Союзу с призывом использовать свое влияние, чтобы сдержать своих клиентов²¹⁶.

Далее последовали необычные для дипломатической практики события: в ночь на 27 мая советский посол в Тель-Авиве Д.С. Чувахин, а в Каире советский посол Д.П. Пожидаев практически одновременно, прервав ночной сон премьер-министра Израиля Л. Эшкола и президента Египта Г.А. Насера, предъявили им послания советского премьера А.Н. Косыгина. В письме египетскому лидеру советское правительство призывало его «сделать все возможное для предотвращения вооруженного конфликта с Израилем»²¹⁷ и предупреждало, что в ином случае США будут считать себя свободными от обязательств по проявлению сдержанности, данных Советскому Союзу. Насер заверил, что ОАР не соби-

рается первой начинать войну, но будет защищаться в случае нападения.

Письмо израильскому руководству было выдержано в более жестком тоне и предостерегало его от уступок силам, требующим открытия военных действий. Советское послание призывало найти способы урегулирования конфликта невоенными методами, какой бы сложной ни была обстановка на границах Израиля с Сирией и ОАР²¹⁸. Одновременно 27-го числа от имени Косыгина были направлены послания президенту Л. Джонсону, премьер-министру Великобритании Г. Вильсону и президенту Франции Ш. де Голлю с целью подтвердить советскую позицию и призвать великие державы к поискам мирных путей решения конфликта. В них особо подчеркивалось, что именно действия Израиля могут вызвать вооруженный конфликт с далеко идущими последствиями, в то время как действия арабской стороны носят оборонительный характер. До сведения американской стороны особо доводилось, что в случае израильской агрессии СССР будет оказывать помощь странам, подвергшимся агрессии²¹⁹.

Многие десятилетия после событий 1967 г. отечественные авторы не переставали настаивать, что версия о подготовке Насером превентивного удара по Израилю была не более чем мифом²²⁰. Однако в хорошо документированном и наиболее исчерпывающем исследовании израильского автора М. Орена о Шестидневной войне эпизод о готовившемся египетском наступлении в ночь на 27 мая под кодовым названием «Заря» подтвержден рядом арабских и западных источников²²¹. Более позднее израильское исследование показывает, что, действительно, приказ об ограниченной военно-воздушной операции для нанесения удара по югу Израиля был отдан командовавшим египетскими войсками Амером. Но по настоянию Насера он был отменен 25 мая, еще до получения советского послания²²². Насер говорил правду советскому послу. В этот момент Египет не собирался нападать на Израиль.

В то же время в израильских правящих кругах (и не только военных) зрела решимость нанести упреждающий удар по арабам. Но именно в эти дни в Вашингтоне американская администрация на переговорах с израильским министром иностранных дел А. Эбаном давала понять, что Америка будет поддерживать Изра-

иль до тех пор, пока Израиль не решит действовать в одиночку. Эта формула, впервые высказанная госсекретарем Раском, а затем неоднократно повторявшаяся президентом Джонсоном, означала, что американцы будут поддерживать Израиль в случае, если на него будет совершено нападение. От Израиля требовали воздерживаться от превентивного удара и дать шанс поработать невоенным мерам воздействия на арабов²²³. Правда, и в Пентагоне, и в ЦРУ были уверены, что Израиль легко победит независимо от того, кто первым откроет военные действия. Но брать на себя какие-либо конкретные обязательства в отношении Израиля в Вашингтоне не хотели. Центральное место в повестке правительства занимала война во Вьетнаме, и перспектива второй войны на Ближнем Востоке никого не привлекала. Кроме того, конституционные процедуры ограничивали право президента Джонсона давать какие-либо обещания по использованию американских вооруженных сил без согласия конгресса.

Неопределенность американской позиции оказала влияние на патовую ситуацию, которая сложилась в израильском кабинете 28 мая при голосовании по вопросу об открытии военных действий: 9 голосов было подано за и 9 против. Важную роль в таком решении сыграла позиция Эшкола и Эбана, наиболее остро ощущавших опасность потери американской поддержки и рассчитывавших на удачное осуществление американских планов по преодолению блокады Акабского залива посредством международного вмешательства. Но одним из важнейших факторов, сдерживавших израильтян, была угроза советской интервенции, вероятность которой, как предупреждали американцы, значительно возрастала в случае израильского превентивного удара. Только гарантированная американская поддержка могла нейтрализовать эту угрозу. На несколько дней, таким образом, начало войны было отодвинуто.

В последних числах мая – первых числах июня градус напряженности на всех израильских границах с арабскими странами значительно повысился. 30 мая в Каире король Хусейн подписал договор о взаимной обороне с Египтом, в соответствии с которым стороны обязывались рассматривать любое вооруженное нападение на одну из них как агрессию и против другой и принимать со-

ответствующие меры по отражению атаки. Иорданский монарх, опасавшийся остаться один на один с Израилем в случае начала войны, должен был продемонстрировать солидарность с арабским миром и готовность бороться за права палестинцев, которые составляли большую часть населения его страны. Насер информировал советского посла, что король Хусейн вынужден был пойти на такие уступки, означавшие, что Египет фактически оккупировал Иорданию²²⁴. Таким образом, под непосредственной угрозой оказывались израильская часть Иерусалима и узкий коридор шириной всего 14,5 км в центре Израиля между Западным берегом и морем. Формирования египетской армии занимали позиции на подступах к Эйлату, серьезно укреплялись в районе Газы. На Голанских высотах дислоцировалась пятидесятитысячная сирийская армия и 260 танков. 4 июня к египетско-иорданскому договору присоединился Ирак, направлявший в Иорданию 200 танков и пехотную дивизию. Выступая на церемонии в честь этого события, Насер не упустил случая повторить, что любые попытки нарушить блокаду Тиранского пролива будут пресечены силой²²⁵.

В эти дни усилилась воинственная риторика египетского руководства, явно готовившая население к столкновению с Израилем. В речи перед депутатами Национальной ассамблеи 29 мая Насер прямо призывал к триумфальной победе в борьбе за восстановление прав палестинского народа²²⁶. В газете «Аль-Ах-рам», верном рупоре насеровского режима, М. Хейкал выступал с довольно провокационными статьями, утверждая, что теперь, когда Египет добился своих целей, не прибегая к оружию, у Израиля нет другой альтернативы, кроме как нанести ответный удар. Он призывал дожидаться этого удара, чтобы окончательно сокрушить противника²²⁷.

Советское руководство было хорошо осведомлено обо всех действиях по концентрации вооруженных сил арабских стран в приграничных с Израилем районах. Более того, находившиеся в Египте советские военные специалисты сообщали, что, по их наблюдениям, далеко не все высшее политическое и военное руководство ОАР соглашается с политикой «сдержанности» Насера²²⁸. Однако из резидентуры КГБ в Каире поступали донесения, что Насер, используя свои преимущества после вывода войск ООН,

собирался добиваться политическими средствами выполнения Израилем резолюции по Палестине от 1947 г.²²⁹ В частных беседах с советскими представителями он давал понять, что готов на ряд компромиссных шагов в вопросе навигации в Акабском заливе²³⁰. У советского руководства складывалось мнение, что Египет по своей инициативе не начнет военные действия.

Что же касается Израиля, то в верхах советской власти не было сомнений, что он готовит вероломное нападение на арабские государства, прикрываясь официальными заявлениями о своих мирных устремлениях. В эти последние решающие дни перед началом войны в ЦК КПСС по рекомендации МИДа было принято решение сделать послу Израиля в устной форме представление, в котором в категорической форме осуждалась бы активизация «авантюристических воинствующих кругов в Израиле, которые стремятся навязать правительству, государству и народу Израиля линию, могущую повлечь непоправимые последствия, прежде всего для самого Израиля»²³¹. Поводом для очередного строгого предупреждения Израиля стало выступление министра иностранных дел Эбана на пресс конференции 30 мая, в котором он оценивал ситуацию в Акабском заливе не только как нарушение норм международного права, но и как угрозу безопасности Израиля. Главной и самой тревожной частью его выступления было предупреждение, что в отсутствие политического решения этого вопроса в ближайшей перспективе Израиль будет действовать самостоятельно для открытия пролива²³². Поскольку проблема Акабского залива рассматривалась в СССР всего лишь как способ империалистического давления на арабов, то и последовавшая советская реакция на новые израильские угрозы, соответственно, имела целью уберечь «прогрессивные арабские режимы» от новых происков империалистических держав, орудием которых считался Израиль.

Все попытки израильтян донести до советского руководства причины своей обеспокоенности, разъяснить опасения за свое существование перед лицом нарастающей арабской угрозы были безрезультатны. В надежде пробудить простые чувства сострадания Эшкол в своем послании советскому премьеру от 1 июня 1967 г. напоминал и о трагических событиях уничтожения двух третей

еврейского народа нацистским режимом, и о помощи, которую Советский Союз оказывал еврейскому государству в период его становления²³³. Но классовое сознание советского руководства было настроено на сопереживание египетскому народу, лидеры которого постоянно напоминали о травме, полученной в 1956 г. в результате империалистической интервенции при участии Израиля. Когда в самый канун войны израильский посол К. Кац, вновь вызванный в советский МИД, не выдержал обвинений Громыко в «военном безумии» и эмоционально ответил, что такая миролюбивая страна, как СССР, не вправе обвинять Израиль в момент, когда из арабских столиц несутся призывы к его уничтожению, советский министр всего лишь посоветовал ему «не давать волю своим эмоциям»²³⁴.

Правда, политбюро 28 мая приняло решение организовать в Москве встречу премьер-министра Израиля Эшкола с президентом Насером, которая должна была состояться 2 июня²³⁵. Против этого категорически выступили сирийцы, мотивируя свою позицию тем, что это вызовет в арабском мире недоверие к политике Советского Союза. Насер, первоначально одобрявший эту идею, через несколько дней заявил, что «визит Л. Эшкола в Москву уже не дал бы прямой выгоды для интересов ОАР»²³⁶. Зависимость Москвы от эгоистических интересов арабских партнеров, следование догматическим внешнеполитическим установкам препятствовали осуществлению разумных шагов, которые могли бы не только способствовать снижению напряженности на Ближнем Востоке, но и значительно повысить престиж СССР на международной арене. Как писал свидетель и участник тех событий Е.Д. Пырлин, «широкого видения ближневосточной ситуации во всей ее противоречивости советское руководство в тот период проявить не смогло»²³⁷.

В советском дискурсе о войне 1967 г. закрепилось многократно повторенное утверждение, что «израильская агрессия против соседних арабских стран... отвечала интересам Запада, стремившегося руками Израиля добиться резкого ограничения прогрессивных потенций арабского мира» и тем самым подрыва позиций Советского Союза²³⁸. Действительно, минимизация советской роли в регионе оставалась важнейшей задачей всей американской ближ-

невосточной политики. В высшем военном руководстве, например, полагали, что проблема Тиранского пролива всего лишь завеса для более радикального продвижения ОАР, нацеленного на то, чтобы при поддержке СССР добиться доминирования над всем Ближним Востоком, включая Иран²³⁹. В Израиле американцы видели надежного союзника, антисоветский бастион в море арабского радикализма. Но именно вовлеченность Советского Союза в дела региона на стороне ряда арабских радикальных режимов предопределяла еще один аспект американских интересов, а именно, предупреждение риска прямого столкновения двух сверхдержав на почве арабо-израильского конфликта. Помимо многосторонней дипломатии и двусторонних контактов с СССР американский арсенал сдерживания на региональном уровне пополнился попытками войти в прямые контакты с Насером. В последние дни мая в Каир были направлены высокопоставленный дипломат Ч. Йост и доверенное лицо президента Р. Андерсен, нефтепромышленник из Техаса, еще в 1956 г. пытавшийся посредничать между Египтом и Израилем для заключения мира. В ходе этих контактов была достигнута договоренность о визите в США египетского вице-президента З. Мохиэддина, который должен был прибыть в Вашингтон 5 июня. Для Израиля это стало еще одним толчком, побудившим принять окончательное решения о наступлении. Политические решения, которые могли быть достигнуты в этих переговорах, совсем необязательно соответствовали бы интересам Израиля.

Израиль жил в эти дни в состоянии максимальной напряженности. Маленькая нация – численность населения Израиля составляла тогда немногим более 2,5 млн человек – со свежими воспоминаниями о массовом уничтожении евреев в Европе в годы Второй мировой войны оказалась лицом к лицу с враждебным, не скрывавшим своей ненависти многомиллионным арабским миром, за спиной которого маячил могущественный Советский Союз. Сформированное 1 июня правительство национального единства, министром обороны в котором стал М. Даян, герой Синайской кампании 1956 г., стояло перед необходимостью срочно определиться с решающим ударом. 30 мая в Вашингтон под завесой секретности был направлен М. Амит, глава Моссад, для выяснения, дают ли Соединенные Штаты «зеленый свет» Израилю для начала во-

енных действий. Источником его информации были не Белый дом и Госдеп, а его друзья в ЦРУ, утверждавшие, что этот кризис «много лет планировали Советы и что Джонсон в тайне будет только приветствовать инициативу Израиля, разрушающую эти планы». Министр обороны Макнамара, с которым также встречался Амит, в завуалированной форме согласился с его аргументами об опасности для Израиля дальнейшего промедления²⁴⁰. Амит возвратился с уверенностью, что, если Израиль будет действовать самостоятельно и быстро одержит решительную победу, никто в Вашингтоне не будет этим недоволен²⁴¹. Правда, спустя 2 дня в письме Эшколу Джонсон вновь призывал Израиль к сдержанности и следованию по пути поисков политического урегулирования²⁴². Как неделей ранее побывавшие в Москве египетские посланцы предпочли услышать самые радикальные мнения советских покровителей, так и израильское руководство основывало свои решения на заключениях Амита, из которых следовало, что американское руководство не отговаривало Израиль от превентивного удара. Жребий был брошен, 4 июня израильский кабинет двенадцатью голосами против двух принял решение о начале наступательной операции.

3.7. Советская политика в период военных действий на Ближнем Востоке

В СССР, видимо, рассчитывали, что предпринятые в последние две недели мая дипломатические шаги затормозят развитие кризиса, будут способствовать его деэскалации. Уверенности в том, что на южном направлении было много сделано для сдерживания сторон, придавало и то, что на протяжении мая в Восточном Средиземноморье значительно повысился уровень советского военного присутствия. Мировые информационные агентства сообщали о небывалой концентрации советского военного флота в районе Средиземного моря и усилении его активности²⁴³. На 6 июня 1967 г. там находилось 25 советских военных кораблей, в том числе 10 подводных лодок, 4 эсминец, 2 больших противолодочных корабля и др. Причем некоторые из них были оснащены крылатыми ракетами и торпедами с ядерными боеголовками. Их зада-

чей в первую очередь было ведение разведки и слежение за флотом ВМС США, а также предотвращение военного столкновения между Израилем и арабскими странами. Во избежание непредвиденных инцидентов, которые могли бы вовлечь советские корабли в военные действия на стороне арабов, им были даны инструкции держаться от побережья Египта и Сирии на расстоянии не менее 50 миль²⁴⁴.

Советское руководство, по всей видимости, не имело информации о точной дате израильского удара по соседним арабским странам, хотя в записке о положении на Ближнем Востоке на 26 мая, представленной КГБ в ЦК КПСС, указывалось, что, по сведениям из правительственных и военных кругов, «израильское правительство приняло решение начать военные действия против ОАР через 2–3 дня»²⁴⁵. Но в СССР никаких чрезвычайных событий не ожидали. Об этом свидетельствует тот факт, что с 31 мая по 3 июня высшее советское руководство во главе с Л.И. Брежневым и А.Н. Косыгиным, а также министр обороны А.А. Гречко и Главком ВМФ С.Г. Горшков находились в Мурманске. Это была важная своего рода инспекционная поездка в рамках тех новых задач по развитию и укреплению советского Военно-морского флота, которые были поставлены правительством в середине 1960-х гг.²⁴⁶ Не было в Москве и Н.В. Подгорного, совершавшего плановую поездку по советским среднеазиатским республикам.

Первой реакцией советского правительства на начавшуюся войну стало заявление от 5 июня 1967 г., в котором осуждалась израильская агрессия против арабских стран, предъявлялось требование Израилю немедленно прекратить военные действия и вывести свои войска за линию перемирия и выражалась поддержка «правительств и народов Объединенной Арабской Республики, Сирии, Ирака, Алжира, Иордании и других арабских государств»²⁴⁷. Советский дипломат Е.Д. Пырлин, принимавший непосредственное участие в подготовке этого документа, отмечал, что его стиль и недостаточная проработка формулировок свидетельствовали, в какой нервной, напряженной обстановке он рождался. Отчетливо просматривалось смягчение тона в отношении действий внешних сил, поощрявших Израиль, что, с точки зрения Пырлина, объяснялось сдержанностью главы советского правительст-

ва А.Н. Косыгина в отношении конфликтных ситуаций, его готовностью искать политические пути их решения²⁴⁸. Действительно, Советский Союз, утверждая свой статус великой державы, с самого начала военных действий проявил заинтересованность в сотрудничестве с западными державами в разрешении кризиса. В первые же часы 5 июня от имени Косыгина были направлены послания правительствам США, Великобритании, Франции, в которых подчеркивалась ответственность великих держав за поиски путей немедленного прекращения военного конфликта²⁴⁹. Впервые была приведена в действие линия прямой связи между Москвой и Вашингтоном, установленная после Карибского кризиса еще в 1963 г.

О значительном усилении роли СССР в ближневосточных делах говорит и обращение премьер-министра Эшкола 5-го числа, когда Израиль уже наносил сокрушительные удары по позициям своих врагов, к советскому председателю Совета министров Косыгину. В письме израильского лидера прослеживалось явное стремление доказать безальтернативность войны перед лицом экзистенциальных угроз Израилю со стороны арабских государств. В израильском военном планировании никогда не сбрасывалась со счетов возможность советского выступления на стороне арабов в случае войны, что заставляло израильтян искать гарантии американской поддержки. Поэтому письмо было своеобразным призывом к невмешательству, напоминанием о том, что Советский Союз может подтвердить свою историческую роль в понимании и братской поддержке еврейского народа в час его испытаний²⁵⁰.

Но уже с первых часов войны советская позиция не выходила за рамки предначертанных ранее установок. К концу 5 июня Эшколу было передано послание Косыгина, в котором можно выделить три важных момента: вся ответственность за вооруженное нападение на ОАР возлагалась на правительство Израиля; подчеркивался намеренный характер этого конфликта со стороны Израиля; советское правительство предостерегало Израиль от возможных последствий, если он не остановит кровопролития²⁵¹. Советскому представительству в ООН были даны строгие указания координировать все свои действия с представителями арабских стран и «в случае постановки на голосование проектов

резолюций действовать с учетом позиции арабов вплоть до применения вето»²⁵².

5-го числа в 9.30 утра в Нью-Йорке уже был создан Совет Безопасности. В первые часы войны арабские делегаты в ООН были категорически против самого понятия прекращения огня. Советский представитель в ООН Федоренко сообщал в Москву, что «арабы выступают против того, чтобы было принято решение лишь о прекращении огня. Однако они согласны с тем, чтобы в качестве первого шага были осуществлены прекращение огня и отвод войск»²⁵³.

6 июня советское представительство в ООН получило инструкции от Громыко, предписывавшие голосовать за прекращение огня без всяких условий, даже если арабы будут против²⁵⁴. СССР, понимая, что арабам грозит катастрофа, и стремясь как можно быстрее вывести их из под удара, проявил гибкость и вместе с другими членами Совета Безопасности проголосовал за американский проект резолюции о прекращении огня, в котором не было требования об отводе израильских войск. Делегаты Египта, Сирии, Ирака отвергли это решение*.

На первом этапе военные действия были сосредоточены на египетском фронте. 6, 7 и 8 июня информация из Каира передавалась в Москву через советского посла практически в режиме нон-стоп. Как признавал Брежнев, линия ОАР в эти дни отличалась колебаниями и непоследовательностью²⁵⁵. Далеко не сразу осознав катастрофичность нанесенного Израилем удара, высшее египетское руководство лишь к концу дня 6 июня стало требовать от Москвы немедленных мер, чтобы добиться прекращения огня до 5.00 утра следующего дня. На ночном заседании Политбюро с 6 на 7 июня было признано, что вооруженные силы ОАР терпят поражение и египетское командование более не контролирует армию, находящуюся в состоянии хаоса и вмешательства. Советское руководство пришло к выводу, что за короткое время невозможно оказать Египту существенную военную помощь для предотвращения продвижения израильских сил в направлении зоны Суэцкого канала и обеспечить прикры-

* Иордания приняла резолюцию СБ S/RES/233 от 6 июня 1967 г.

тие с воздуха египетской столицы и других городов. Поэтому для спасения египетской армии от полного уничтожения было принято решение использовать все политические и дипломатические инструменты²⁵⁶.

На следующий день 7 июня СБ ООН принял проект резолюции, представленный СССР. В ней выдвигалось требование к воюющим сторонам в качестве первого шага прекратить огонь и все военные действия к 20.00 по Гринвичу 7 июня²⁵⁷. В тот же день израильскому правительству было передано новое заявление правительства СССР, в котором Израиль не только обвинялся в грубом попрании решений СБ ООН, но и звучали угрозы санкционных мер против него, таких как разрыв дипломатических отношений и принятие других необходимых мер, вытекающих из агрессивной политики Израиля²⁵⁸.

Насер, оказавшись в критическом положении, лично обращался к советским руководителям с просьбой заставить Израиль прекратить огонь и не выдвигал в качестве условия возвращение к положению до 5 июня. Но вечером 7-го числа он заявил советскому послу, что «ОАР в создавшейся ситуации не может прекратить военные действия против Израиля до тех пор, пока израильские войска не будут выведены с территории ОАР до последнего солдата». Только 8-го числа в 24.00 Насер подтвердил согласие на прекращение огня²⁵⁹, что, конечно, объяснялось положением на фронте.

Хотя СССР поддерживал все резолюции СБ ООН о прекращении огня, стремясь остановить наступление Израиля, но в советской позиции требование вывода израильских войск с арабских территорий оставалось главным условием для дальнейшего продвижения по пути прекращения войны. В письме Косыгина Джонсону от 8 июня указывалось, что «израильские действия поставили арабские страны в такую ситуацию, когда им не остается иного выбора, как вести законную оборонительную войну против агрессора... Без полного вывода израильских войск с территории арабских государств... восстановление мира на Ближнем Востоке не может быть обеспечено»²⁶⁰. Отвод войск к довоенным линиям, т.е. фактически попытки заставить Израиль отказаться от своих завоеваний, или на языке советских заявлений того времени отказаться

от политики агрессии и авантюры, стал предметом настоящей дуэли в ООН между арабскими странами, поддерживаемыми Советским Союзом, и рядом афро-азиатских стран, и Израилем, опиравшимся на помощь США.

Для Израиля смысл территориальных завоеваний состоял в том, чтобы, во-первых, отодвинуть угрозу со стороны арабских государств, обеспечить, по выражению израильских стратегов, «защищаемые границы». Во-вторых, захваченные территории должны были стать предметом торга для достижения главной политической цели – заявления арабов о прекращении состояния войны. В этом противостоянии, во временной перспективе вышедшем далеко за рамки военных действий в июне 1967 г., были зафиксированы главные принципиальные позиции сторон.

Арабская сторона, отвергая резолюции ООН о прекращении огня, создавала для Израиля хороший предлог, чтобы продолжать выполнять свои цели по разгрому арабских армий и закреплению на захваченных территориях. «Насер начинает действовать как союзник, а не враг», – с иронией замечал Рабин²⁶¹. Перед израильскими представителями в ООН с первого дня войны стояла задача тормозить принятие резолюции о прекращении огня. Именно с этой целью в Вашингтон 6 июня был направлен А. Эбан, речь которого в Совете Безопасности с призывом «отбросить обломки старой системы отношений и во тьме предвидеть прекрасную яркую зарю», произвела большое впечатление на общественное мнение западных стран²⁶².

Для Израиля важно было не допустить повторения 1956 г., когда военные достижения не удалось конвертировать в преобразования политических отношений с арабскими соседями. Поддержка Соединенных Штатов являлась необходимым условием для реализации этих задач. Поэтому важным аргументом в отношениях с американскими партнерами становилось утверждение, что Израиль воюет не только за собственную безопасность, но и за выживание всех прозападных сил на Ближнем Востоке. Дневниковая запись Бен-Гуриона о том, что «Америка хочет, чтобы мы быстро покончили с Насером», достаточно красноречиво говорит о понимании израильским руководством своего предназначения²⁶³. Во время войны в Израиле обсуждались возможно-

сти ликвидации и режима Насера²⁶⁴, и просоветского сирийского режима.

В свою очередь Советский Союз был нацелен на использование возможностей всего социалистического блока для оказания помощи противникам Израиля, которые определялись в советском дискурсе как «передовые арабские страны». 9 июня в Москве в срочном порядке было созвано совещание руководителей коммунистических и рабочих партий и правительств социалистических стран Восточной Европы. В его итоговом заявлении указывалось, что целью израильской агрессии было восстановление иностранного колониального режима на территории арабских государств. Социалистические государства, подписавшие заявление, выражали готовность сделать все необходимое, «чтобы помочь народам арабских стран дать решительный отпор агрессору, оградить свои законные права... восстановить мир в этом районе»²⁶⁵.

Выступая на этом совещании, Брежнев не без гордости указывал, что социализм, пришедший в этот регион всего двадцать лет тому назад – весьма незначительный срок по сравнению с десятилетиями господства здесь империализма – сумел добиться весомых успехов²⁶⁶. Отказываться от достигнутого советские руководители не собирались. Важность и необходимость для Москвы сохранения режима Насера была подчеркнута, например, в послании египетскому лидеру в связи со сделанным им 9 июня заявлением об отказе от полномочий президента из-за военного поражения Египта*. Советское руководство призывало Насера остаться на посту президента и сделать все, чтобы сохранить достижения революции и полностью осуществить их²⁶⁷.

Снисходительное отношение ко всем ошибкам арабских руководителей, к их действиям и заявлениям, провоцировавшим Израиль, к их ничем не обоснованной уверенности в собственных силах сопровождалось ужесточением позиции в отношении Израиля. В Совете Безопасности ООН советский представитель Федоренко выдвигал проект резолюции, в котором жестко осуждались

* Своим заявлением об отставке Насер брал на себя ответственность за катастрофическое поражение Египта, но стихийная массовая народная поддержка, подтвердившая его легитимность как лидера нации, заставила его отказаться от этого решения.

агрессивные действия Израиля, игнорирование им требования прекращения огня, в то время как арабская сторона упоминалась лишь в качестве жертвы территориальных захватов²⁶⁸. В своих выступлениях на заседаниях СБ Федоренко прибегал к крайне оскорбительным выпадам в адрес израильского правительства, утверждая, что оно следует «кровавым путем гитлеровских палачей, которые в совершенной ими агрессии всегда обвиняли своих жертв»²⁶⁹. Федоренко, высокопрофессиональный дипломат, один из известных советских специалистов по Китаю и Японии, видимо, был не очень склонен вспоминать об этой странице своей дипломатической деятельности. По крайней мере в его книге «Дипломатические записи»²⁷⁰, в которой много страниц посвящено его работе в ООН в 1963–1968 гг., нет ни одного упоминания о батальях, которые разворачивались в СБ в июне 1967 г.

Являлись ли советские угрозы и общая враждебность советских заявлений сдерживающим фактором для Израиля? В направленном израильским правительством 8 июня ответном письме на советское заявление от 7-го числа приводились факты, которые, с точки зрения Израиля, свидетельствовали о том, что агрессию против него совершили арабские страны, и подчеркивалось, что Израиль приветствовал обе резолюции СБ о прекращении огня, но не собирается выполнять их в одностороннем порядке²⁷¹. Израильский историк М. Орен высказывает мнение, что советское заявление от 7 июня в Израиле было просто проигнорировано²⁷². Однако нельзя сбрасывать со счетов того факта, что Даян именно из опасений резкой советской реакции в первые дни войны остановил израильскую армию от захвата восточного берега Суэцкого канала и вплоть до 9-го числа сдерживал наступление на Голанских высотах²⁷³.

Даян отдал приказ о наступлении на северном фронте, долго ожидавшийся в частях сил обороны на этом направлении, в ранние часы 9-го числа, когда военные действия на Синае были приостановлены, а радио Дамаска передало заявление о готовности сирийцев соблюдать прекращение огня, если это сделает и Израиль. Израильская военная разведка сообщала, что сирийская армия покидает Голанские высоты. Израильское военное командование не могло упустить момент, позволявший отодвинуть сирийскую угрозу от поселений на севере страны и продемонстрировать

свое превосходство над сирийской армией. Пока в ООН 9-го числа разворачивались новые словесные дуэли по поводу содержания очередной резолюции о прекращении огня, израильские войска, фактически не встречая серьезного сопротивления со стороны противника, продвигались на Голанах. Невзирая на принятую накануне третью резолюцию с требованием прекращения огня, к утру 10-го числа израильтяне захватили Кунейтру, ключевой населенный пункт примерно в 70 км от Дамаска. Путь на сирийскую столицу был открыт.

По оценке советского руководства, это был второй критический момент в ближневосточном кризисе после сокрушительного поражения армии ОАР в первые дни войны. В середине дня 10-го числа в Москву от сирийского правительства поступило почти паническое обращение о необходимости принять в ближайшие 2–3 часа срочные меры, чтобы остановить продвижение израильских танковых колон и авиации на Дамаск²⁷⁴.

Советская реакция последовала незамедлительно. По указанию советского руководства, Главнокомандующий ВМФ СССР отдал приказ о формировании из личного состава кораблей 14-й эскадры и курсантов военно-морских училищ* десанта морской пехоты для высадки в районе порта Латакия для оказания поддержки войскам Сирии и защиты советских граждан на территории Сирии. Приказ также предусматривал формирование отряда кораблей артиллерийской поддержки²⁷⁵. Правда, военные историки и мемуаристы отмечают не только слабую подготовку и недостаточную оснащенность боевым снаряжением планировавшейся десантной группы, но и высказывают сомнения в том, что успешное десантирование с кораблей эскадры по ряду технических причин вообще было осуществимо²⁷⁶. Но демонстрация готовности Советского Союза к прямому вмешательству в войну являлась важным предупреждением не только для Израиля, но и для США.

Рано утром 10-го числа, когда в Москве уже было далеко за полдень, в Вашингтоне по прямой линии связи было получено обращение А.Н. Косыгина к Л. Джонсону. Оно было выдержано в

* Курсанты Черноморского высшего военно-морского училища проходили практику на учебном крейсере «Слава».

жестком тоне. Советский премьер, резко отметив пренебрежительное отношение Израиля к решениям Совета Безопасности, категорично заявлял о готовности СССР принимать самостоятельные меры вплоть до военных акций в случае, если Израиль не прекратит военные действия в ближайшие часы. При этом он предупреждал о возможном столкновении двух супердержав, которое может иметь катастрофические последствия²⁷⁷. По воспоминаниям главы ЦРУ Р. Хелмса, после того как посол Л. Томпсон* лично удостоверился в правильности перевода фразы о военных акциях, в ситуационной комнате Белого дома, где собрался «кабинет безопасности» США, наступило гробовое молчание. «Невозможно было поверить, что через пять лет после ракетной конфронтации на Кубе две сверхдержавы вновь вступают в схватку», – писал Хелмс²⁷⁸. В ходе этого совещания министр обороны Р. Макнамара с согласия президента Джонсона отдал приказ о передислокации американского Шестого флота, курсировавшего западнее Крита и Родоса, в восточном направлении на расстояние в пределах ста миль от израильского побережья²⁷⁹.

Тревожная информация, поступающая в американскую администрацию в этот день из других источников, свидетельствовала о серьезности намерений Москвы. Один из сотрудников советского посольства в Вашингтоне сообщал своему коллеге из Госдепа о готовности СССР нарушить воздушное пространство Турции, Ирана и Греции для переброски войск в район конфликта. Он утверждал, что четыреста советских военных советников в Сирии получили приказ вступать в бой²⁸⁰. В ООН А. Шевченко также подтверждал, что в случае захвата Израилем Дамаска Советский Союз вынужден будет дать ответ²⁸¹. Нажим на западные правительства оказывался и странами – Варшавского договора, заявлявшими о своих намерениях оказать помощь народам арабских стран и дать решительный отпор агрессору.

Интенсивность советско-американских контактов в эти последние часы войны возросла по сравнению с обычной практикой. С небольшим интервалом за первым посланием советского премьера американскому президенту последовали два других, в кото-

* Л. Томпсон занимал должность посла США в Москве в 1967–1969 гг.

рых за формальным дипломатическим слогом скрывалось едва сдерживаемое возмущение и раздражение продолжающимся наступлением Израиля на Дамаск. Американской стороне предлагалось предпринять все возможные шаги для прекращения военных действий и выполнения решений резолюций СБ, за которые, как подчеркивалось, голосовали и СССР, и США²⁸². В ответных телеграммах американский президент убеждал советского руководителя, что предпринимаются все шаги, чтобы остановить Израиль, что, согласно американским источникам, израильские войска не ведут наступления на Дамаск и что в США рассчитывают, что и СССР предпримет со своей стороны все необходимые действия в отношении Сирии. Наконец, около 12 часов дня по вашингтонскому времени, когда на Ближнем Востоке был уже вечер, Джонсон подтвердил Косыгину, что военные действия прекращены²⁸³.

За этим обменом дипломатическими посланиями стояла череда действий американской администрации, всерьез обеспокоенной нависшей угрозой столкновения с СССР, если не остановить Израиль. В этой ситуации укрепились позиции крыла, сдержанно относившегося к военным акциям Израиля, – прежде всего, Госсекретаря Раска и Государственного департамента. Американскому послу в Тель-Авиве были даны указания немедленно довести до сведения израильского правительства, что Соединенные Штаты ожидают от Израиля безоговорочного соблюдения прекращения огня на сирийском направлении. Иначе, как указывали американские представители, будут поставлены под угрозу все завоевания Израиля на других фронтах. Он лишится моральной поддержки даже тех, кто до сих пор был его опорой в ООН и в Конгрессе США. В ООН американский представитель А. Голдберг предупредил своего израильского коллегу, что завершение войны в результате советского ультиматума станет катастрофой не только для Израиля, но и для США. В Госдепартаменте израильского посла и его заместителя убеждали, что Вашингтону крайне важно доказать свою способность заставить Израиль соблюдать режим прекращения огня в момент, когда «Советы бряцают оружием»²⁸⁴. Но самым весомым аргументом для Израиля являлось предостережение, что он окажется один на один с Советским Союзом, лишившись поддержки США.

Поскольку в Москве рассматривали военные действия Сирии как правомерное сопротивление агрессии, меры, направленные на прекращение войны, принимались только в отношении Израиля. 10 июня посол Израиля в Москве К. Кац был приглашен в МИД СССР, где ему была вручена нота советского правительства, в которой указывалось, что Израиль несет всю ответственность «за вероломство и вопиющее нарушение решений Совета Безопасности», что если он немедленно не прекратит военные действия, «Советский Союз вместе с другими миролюбивыми государствами примет в отношении Израиля санкции со всеми вытекающими отсюда последствиями». В заключение советское правительство уведомляло о своем решении разорвать дипломатические отношения с Израилем из-за продолжающейся агрессии в отношении арабских стран и грубого нарушения им решений Совета Безопасности²⁸⁵. Это был довольно радикальное решение, причины которого будут рассмотрены ниже.

Вопрос о том, какую роль Советский Союз сыграл в прекращении войны в июне 1967 г., занимает многих исследователей. В отечественной литературе, как правило, считается, что именно резкие заявления СССР на последнем этапе войны заставили Израиль прекратить военные действия. Зарубежные, прежде всего израильские, авторы большей частью придерживаются точки зрения, что к 10 июня армия обороны Израиля в основном выполнила свои боевые задачи, поэтому советская угроза не может считаться решающим фактором в завершении войны²⁸⁶. Правда, и в последние часы перед прекращением огня, которое должно было наступить в 18.00 по местному времени, командование северного фронта, игнорируя приказы из столицы, предпринимало усилия для закрепления за собой каждого стратегически важного холма и перекрестка на захваченных территориях. Даже поваров и армейских снабженцев отправляли на передовую, чтобы «выравнивать позиции». Израильтянам не удавалось полностью подавить сирийские огневые позиции, чтобы прекратить обстрел израильских населенных пунктов в приграничных районах.

Однако жесткие советские заявления вкупе с последовавшим отзывом пятью социалистическими странами Восточной Европы своих послов из Тель-Авива заставили Израиль немедленно обра-

тяться за военной помощью к Вашингтону на случай прямого военного вмешательства СССР в войну. Белый дом не спешил с ответом. Как пишет израильский автор М. Орен, «у израильских лидеров, неожиданно почувствовавших себя в изоляции, столкнувшихся с осуждением в Совете Безопасности и с угрозой прямой схватки с советскими войсками, не было иного выбора, как остановиться и пересмотреть свое решение относительно наступления в Сирии»²⁸⁷. Таким образом, нельзя не признать, что советские угрозы, мобилизовавшие США на сдерживание Израиля, сопровождавшиеся усилением советского военно-морского присутствия вблизи театра военных действий, вынудили израильское руководство подчиниться требованию о прекращении огня.

3.8. СССР в новом статусе

В ходе Шестидневной войны выявилась неоспоримая роль Советского Союза как державы, непосредственно влияющей на ход арабо-израильского конфликта. Если в первое послевоенное десятилетие западные державы имели возможность тормозить вовлечение СССР в сферу конфликта, то к 1967 г. установленные привилегированные отношения с Египтом и Сирией обеспечивали ему преимущества на арабской стороне. Сама динамика холодной войны, в которой мир делился на два противоборствующих лагеря во главе с СССР и США, создавала представление, что и выход из конфликтной ситуации – в первую очередь прерогатива двух сверхдержав.

Способ коммуникации посредством посланий, которыми лидеры двух государств обменивались в эти несколько дней с необычной частотой, был новым явлением во взаимоотношениях СССР и США. Даже чисто технический вопрос о том, как обращаться к советскому председателю Совмина, вызывал замешательство у американцев. Обращение «Товарищ Косыгин», с которого начиналось первое ответное послание президента Джонсона от 6 июня, в Москве даже было расценено как шутка или насмешка²⁸⁸.

В этой форме взаимодействия фактически отражалось признание особого характера отношений сверхдержав с каждой из сторон конфликта. Помимо этого – и в этом, пожалуй, важнейшее

значение советско-американских контактов на высшем уровне — они обеспечивали своего рода защитный барьер против втягивания сверхдержав в прямое военное столкновение на почве конфликта между их протекже.

В первый же день войны каирское радио передало информацию об участии американских и британских ВВС в нападении, которая была подхвачена не только другими арабскими СМИ, но и прозвучала на московском радио. Насер был крайне заинтересован в том, чтобы в глазах мировой общественности начавшаяся война выглядела аналогом событий 1956 г. Египетское руководство рассчитывало таким образом не только закамуфлировать свое полное фиаско, но и спровоцировать прямое советское вмешательство. Однако эти обвинения могли вызвать весьма опасные и трагические последствия. Американский президент в эти дни не раз обращался к советскому правительству с просьбой заставить арабов опровергнуть измышления о совместных действиях США и Израиля и выступить с собственными публичными заявлениями, отрицающими ложную информацию²⁸⁹. Большую роль в прояснении ситуации сыграл радиоперехват, который вели советские корабли, находившиеся в Средиземном море. Полученные ими разведданные, переданные в Москву, не выявили причастности западных вооруженных сил к нападению Израиля на Египет²⁹⁰. Косыгин считал необходимым указать египетскому послу, что советское правительство не располагает сведениями о причастности американцев и англичан к бомбардировкам Египта²⁹¹.

Правда, российский мемуарист, непосредственный свидетель событий, утверждал, что американские корабли, находившиеся вблизи египетского побережья, снабжали израильский генштаб сведениями о дислокации египетских войск, а 5-го числа американцам якобы удалось заблокировать все системы связи египетской армии, лишив командование возможности управлять военными действиями²⁹². Американская сторона всегда категорически отрицала какую-либо помощь Израилю, в том числе разведывательными данными, в момент его нападения на Египет. Не исключено, что египетские военные снабжали советских представителей ложной информацией, чтобы как-то оправдать свой непрофессионализм и низкий уровень боевой подготовки армии.

У Израиля было достаточно собственных возможностей по обеспечению своего наступления в Египте разведывательной информацией, в том числе благодаря разветвленной агентурной сети. По Каиру в июне 1967 г. ходили самые невероятные истории о проникновении израильских агентов на египетскую территорию. Как рассказывал в своих воспоминаниях известный арабист А.З. Егорин, египетские офицеры были уверены, что даже в генштабе действуют израильские шпионы²⁹³. В работе израильского журналиста Р. Бергмана, самом подробном и тщательно документированном расследовании деятельности секретных служб Израиля, как раз упоминается, что к 1967 г. от оперативных агентов, действовавших в так называемых целевых, т.е. враждебных Израилю арабских государствах, ежедневно поступала информация, сыгравшая большую роль при подготовке к военным действиям²⁹⁴.

«Горячая линия» показала себя эффективно работающим инструментом для предотвращения превратных толкований действий сторон в хаотичных обстоятельствах, неизбежных при военных действиях. В связи с инцидентом с американским военноморским судном электронной разведки «Либерти»* в Москву от имени президента Джонсона была немедленно направлена телеграмма на имя Косыгина с предупреждением, что появление американского самолета в районе Порт-Саида связано исключительно с расследованием происшедшего инцидента и необходимостью оказания помощи атакованному по ошибке кораблю. Американцы просили уведомить арабов о сути этих событий²⁹⁵. Для Советского Союза это стало подтверждением его важной роли как сверхдержавы и особого статуса в отношениях с арабской стороной конфликта.

* 8 июня американский корабль «Либерти» был подвергнут бомбардировке израильской авиацией, в результате которой 34 человека из команды погибли и 171 получили ранения. Вокруг истории с «Либерти» возник целый ряд конспирологических интерпретаций, однако официальные расследования, как американские, так и израильские, установили, что это была трагическая ошибка, вызванная информационным сбоем в разведывательной службе израильских ВВС. Израильское руководство немедленно принесло свои извинения правительству США и выплатило компенсации пострадавшим и семьям погибших.

3.9. Несправедливые упреки

Осуществление мер по деконфликтингу, говоря современным языком, то есть по предотвращению случайных столкновений между вовлеченными в конфликт сторонами, вызывало большие подозрения у египетского руководства. Насер полагал, что политика разрядки, становившаяся фактом международных отношений, приводила к сговору между СССР и США в ущерб интересам арабских государств. Амер, например, убежденный в том, что в разгроме египетских военно-воздушных сил принимали участие американцы, на второй день войны высказывал упреки советскому послу из-за отсутствия помощи со стороны Советского Союза. По утверждению Хейкала, «для любого из нас в Каире в это время заявление о том, что Советский Союз твердо стоит на нашей стороне, представлялось очень далеким от действительности»²⁹⁶.

По воспоминаниям советских представителей, в первые дни войны в Каире был очень высок накал антисоветских настроений, подогревавшихся теми, кто утверждал, что Советский Союз «бросил» арабов, оставил их один на один с врагом. Самозванные члены групп самообороны, пикетировавшие улицы, останавливали сотрудников советских учреждений, требуя ответов на вопрос «Где советские самолеты и танки, где советские мусульмане?». Советское посольство осаждали демонстранты, возмущенные бездействием СССР в момент нападения Израиля. Только после обращения советского посла к Насеру осада посольства была прекращена²⁹⁷.

Точка зрения на то, что кроме словесных угроз Москва не оказала арабским союзникам никакой военной помощи, нашла отражение в некоторых израильских работах, посвященных войне 1967 г.²⁹⁸ Но публикации и документы последних лет говорят об обратном. Уже в первые дни войны была достигнута договоренность с правительством Алжира о переброске в Египет самолетов МиГ-17 и МиГ-21 вместе с советским военным персоналом, которые находились там по программе широкого военного сотрудничества с этим государством. Алжир немедленно получил новые МиГи в возмещение отправленных в Египет²⁹⁹. Помимо этого, уже 7 июня началась транспортировка через воздушное пространство

Югославии запасных частей к военной технике, в которых особенно нуждался Египет. К 9 июня между Советским Союзом и Египтом уже был налажен воздушный мост. 9 июня советское руководство приняло решение о безвозмездной передаче Египту 200 танков и 200 самолетов³⁰⁰. К 14 июня Каир получил из СССР и напрямую из Алжира тридцать МиГ-21 и девять МиГ-17. С начала военных действий военное снаряжение и техника направлялись из СССР и морским путем, но они достигли Александрии только 12–25 июня³⁰¹.

Помимо поставок вооружений было значительно увеличено советское военно-морское присутствие в Средиземном море. В ходе войны к берегам Египта была направлена эскадра советского ВМФ, в состав которой входило до 40 боевых единиц, в том числе 10 подводных лодок. Корабли базировались в египетском Порт-Саиде и находились в боевой готовности в течение всего июня³⁰².

Присутствие советских военных специалистов, по крайней мере во время военных действий в июне 1967 г. в Египте, тщательно скрывалось. До сих пор нет точных данных об их численности в период июньской войны 1967 г. и характере их взаимодействия с египетской армией. Но, в соответствии с указаниями министра обороны СССР, советским военнослужащим запрещалось участвовать в боевых действиях и предписывалось исключить возможность пленения противником. Все же во время войны в Египте и Сирии погибли 35 советских военных в основном во время налетов израильской авиации на военные объекты³⁰³.

Есть сведения о том, что советское командование было готово и к более решительным действиям. Одна из подводных лодок с крылатыми ракетами на борту, находившаяся в Адриатическом море, с 5 на 6 июня получила приказ достичь побережья Израиля и быть готовой нанести ракетный удар по Тель-Авиву. Как рассказывал участник событий, этот приказ был невыполним по целому ряду технических причин, и через несколько часов он был отменен³⁰⁴.

По воспоминаниям генерал-полковника авиации В. Решетникова, командовавшего корпусом дальних бомбардировщиков, базировавшимся в Виннице, летом 1967 г. поступил приказ из Геншта-

ба подготовить полк ударных самолетов и нанести бомбовый удар по израильским военным объектам. Хотя точная дата не названа, из интервью мемуариста можно сделать вывод, что речь идет именно о периоде военных действий 5–10 июня. Операция должна была проводиться в режиме соблюдения строжайшей секретности. Из штаба командующего Дальней авиацией генерала Ф.А. Агальцова поступали распоряжения: документы у летного состава изъять, звезды на самолетах смыть, а на их месте нарисовать египетские опознавательные знаки. Однако в последний момент приказ был отменен, потому что информация о готовящемся ударе, как считает мемуарист, попала в западную прессу³⁰⁵. По-видимому, дело не только в утечке секретной информации на Запад. Подготовка к удару была остановлена, поскольку на высшем уровне принятия решений были разные мнения относительно способов реакции Советского Союза в подобных обстоятельствах.

3.10. Разногласия в советском руководстве не препятствуют единству

В зарубежной литературе долгое время существовала версия, что кадровые перестановки в высших эшелонах власти СССР в мае–июле 1967 г. происходили под влиянием ближневосточных событий. Смещение Н. Егорычева с поста первого секретаря МК КПСС и В. Семичастного с должности председателя КГБ, вывод А. Шелепина из Секретариата ЦК были якобы связаны с тем, что они настаивали на более активном вмешательстве Советского Союза на стороне арабов в военные действия на Ближнем Востоке³⁰⁶. Им будто бы противостояла более умеренная группировка – А. Косыгин, М. Суслов, Н. Подгорный, Д. Полянский. В 1990-е гг., когда у историков появился доступ к ранее закрытым документам, а ответственные советские функционеры стали более открыто делиться воспоминаниями, этот созданный западными советологами миф был опровергнут. В работах современных историков убедительно показано, что кадровые изменения в руководстве страны не имели отношения к событиям на Ближнем Востоке и происходили вследствие стремления Л.И. Брежнева сосредоточить бразды правления в своих руках. Для этого предпринимались шаги по

устранению из власти противников и конкурентов³⁰⁷. Эта версия подтверждается и воспоминаниями самого Егорычева, опубликованными в 1989 г.³⁰⁸

Тем не менее свидетели советской эпохи, которые в силу своего служебного положения были причастны к принятию внешнеполитических решений, не отрицают, что в советском руководстве были приверженцы активного вмешательства советских вооруженных сил в арабо-израильскую войну. Как писал Пырлин, «некоторые весьма авторитетные представители советского руководства были готовы идти на риск глобального конфликта, но “сокрушить израильского агрессора”»³⁰⁹. Высокопоставленные советские дипломаты А. Добрынин и В. Исраэлян отмечали, что министр обороны А.А. Гречко занимал радикальную позицию относительно советского военного участия в ближневосточных войнах³¹⁰. К умеренному крылу относят, как правило, А. Косыгина и А. Громыко. Весомым аргументом в пользу этой версии является подтвержденное участниками событий и рядом исследователей мнение, что в решении разорвать дипломатические отношения с Израилем сыграли роль внутренние противоречия в советском руководстве. Академик А.М.Васильев, в частности, ссылаясь на советского дипломата, писал: «Предложение о разрыве было выдвинуто в последний момент на Политбюро Громыко, чтобы не ввязываться в крупную военную авантюру, на которой настаивали наши “ястребы”... Громыко опасался, что мы столкнемся с США, и это будет повторение ракетного кризиса 1962 г.»³¹¹. В этом контексте становятся более понятными противоречивые указания, которые получали от командования части советских ВВС и ВМФ во время войны. Все же задача избежать перерастания локального конфликта в большую войну превалировала над всеми искушениями «нанести удар по израильскому агрессору и стоящим за ним силам империализма и колониализма».

Разрыв дипломатических отношений с Израилем также имел целью успокоить арабов, доказать приверженность СССР делу борьбы арабских народов^{*,312}.

* Подробнее о причинах и последствиях разрыва дипломатических отношений с Израилем см. сн. 312.

Не только в Египте, но и в других арабских странах, ориентировавшихся на Советский Союз, царило глубокое разочарование слишком слабой, как они считали, поддержкой со стороны Советского Союза и стран Варшавского договора в ходе войны, явным нежеланием союзников «по борьбе с империализмом» напрямую ввязываться в военные действия. Такой сильный антиизраильский шаг, как разрыв дипломатических отношений, должен был восстановить доверие арабов, продемонстрировать непримиримое отношение к действиям Израиля. Эффективность этого шага как способа выражения солидарности с арабским миром оказалась не столь уж велика. Как писал российский автор Р.Д. Дауров, «куда большее значение в арабских странах Ближнего Востока придавали увеличению военной помощи со стороны Советского Союза»³¹³.

В израильской литературе важной причиной прекращения дипломатических отношений называется стремление советских властей перекрыть советским евреям всякие каналы контактов с представителями Израиля³¹⁴. Однако именно в середине 1960-х гг., как было показано выше, наметилось некоторое потепление отношений между двумя странами. Посол Д. Чувахин предупреждал, что разрыв отношений с Израилем из-за начатой войны с арабскими странами не в наших государственных интересах, но руководство МИДа не осмелилось донести эти соображения до правительства³¹⁵. Возможно, в советском руководстве и были те, кто видел в разрыве отношений спасение от тлетворного влияния «сионистской идеологии», но вряд ли это было главной мотивацией.

В Израиле советское решение о разрыве дипломатических отношений было воспринято как финальный акт враждебной и несправедливой политики СССР. Во время последней встречи с советским послом Эбан признавал, что между Израилем и СССР есть большие разногласия, но, как он полагал, именно поэтому разумнее укреплять отношения, а не разрывать их. В своих воспоминаниях Эбан утверждал, что Чувахин якобы ответил на это: «То, что Вы говорите, Ваше Превосходительство, логично, но я послан сюда не для того, чтобы быть логичным. Я пришел сообщить Вам о разрыве отношений»³¹⁶.

После смены руководства в СССР в октябре 1964 г. советская политика в отношении арабских стран зоны конфликта стала приобретать более рациональный характер. Чрезмерная эмоциональность и некоторый патернализм, присущие ей в предшествующий период и в значительной степени обусловленные свойствами личности Н.С. Хрущева, сменялись более рациональным, прагматичным подходом его преемников. Возобладавшая практика коллективного принятия важных политических решений позволяла нейтрализовать сторонников слишком резкой, в том числе военной, реакции на события в ближневосточном регионе, рассматривавшиеся как угроза советским региональным союзникам, а также стратегическим интересам СССР.

В середине 1960-х гг. Египет и Сирия – основные противники Израиля – окончательно утверждаются как опора советского влияния в регионе. Разработанная в эти годы теория некапиталистического пути развития, согласно которой именно в этих странах происходили процессы, выведившие их на путь строительства социализма, минуя капиталистическую фазу, превращала их в бесспорных региональных союзников СССР в противостоянии с Западом. Кроме того, военное сотрудничество с ними обеспечивало продвижение СССР, прежде всего советских ВМФ, в важном стратегическом регионе Средиземноморья.

Эта фундаментальная заинтересованность в сохранении египетского и сирийского режимов в сфере советского влияния определяла позицию в отношении конфликта. В советской трактовке арабо-израильский конфликт рассматривался как способ, избранный империалистическими державами, чтобы воспрепятствовать продвижению Египта и Сирии по так называемому прогрессивному пути развития, силами Израиля провести наступление на независимость и суверенитет этих арабских государств. При этом целенаправленно сглаживались все проявления враждебности в отношении Израиля со стороны арабского окружения, интересы безопасности Израиля не принимались в расчет. Оснащение арабских армий все более современными видами советского вооружения стимулировало Израиль к тому, чтобы выдвигать своим западным союзникам, прежде всего Соединенным Штатам, все но-

вые требования относительно поставок новейших образцов вооружения.

В закрытых контактах советская сторона признавала существование внутренних противоречий между Израилем и его арабскими соседями, но их анализу и возможностям их преодоления в практической политике не уделялось внимания. Критическое отношение советских руководителей к арабской позиции радикального отрицания права Израиля на существование никак не проявлялось в публичном пространстве – в советской прессе, в выступлениях советских представителей в ООН.

Исключительно проарабская позиция порождала в СССР атмосферу крайнего недоверия в отношениях с Израилем, усугублявшуюся советско-израильским конфликтом на почве запретов на эмиграцию советских евреев. Политический капитал, который принесла СССР поддержка создания еврейского государства в 1947 г., был практически исчерпан к 1967 г. Свою единственную опору в обеспечении безопасности, в сохранении и развитии своей государственности Израиль видел только в США. Прекращение дипломатических отношений с СССР не наносило большого ущерба Израилю, тогда как советские перспективы участия в урегулировании конфликта сужались.

Советский Союз не был заинтересован в большой войне на Ближнем Востоке, тем более что вероятное поражение арабов в ней осознавалась на высших уровнях государственной власти как большой ущерб для советских интересов. Переоценив свои возможности в контроле событий на Ближнем Востоке в мае 1967 г., советское руководство занижало степень самостоятельности арабских союзников и их уверенность в том, что любая военная эскалация против Израиля найдет поддержку СССР. СССР оказался фактически в ситуации заложника у арабских партнеров, когда, с одной стороны, надо было спасать дружественные режимы Египта и Сирии, а с другой – необходимо было избежать столкновения с США на почве арабо-израильской войны.

Тактика прямых контактов между американским президентом и советским председателем Совмина в период военных действий в июне 1967 г. оправдала себя, обеспечив не только оперативный обмен информацией для разъяснения позиций сторон, но и воз-

возможность мотивировать противостоящую сторону на сдерживание своих союзников. Новый формат советско-американских контактов в ходе войны свидетельствовал о значительном усилении влияния СССР на события в ближневосточном регионе. Если в 1940-е и 1950-е гг. США решали проблемы конфликта в связке со своими союзниками по НАТО, то теперь Советский Союз занял место бывших колониальных держав в качестве оппонента США. Советская позиция сыграла свою роль в прекращении военных действий, но это было достигнуто не за счет выхода на общие политические решения, а за счет опасного повышения риска глобального столкновения.

¹ Доклад Президиума ЦК КПСС на октябрьском пленуме 1964 г. // Вестник архива Президента Российской Федерации. № 2. 1998. С. 102–105. URL: <https://topliba.com/reader/704899> (дата обращения: 05.10.2021).

² *Heikal M.* The Sphinx and the Commissar. Op. cit. P. 139.

³ Nasser Angered by Criticism / New York Times. December 24, 1964. URL: <https://nytimes.com/1964/12/24/archives/nasser-angered-by-criticism-says-u-s-can-jump-in-lakeasserts-cairo.html> (дата обращения: 25.01.2022).

⁴ *Heikal M.* Nasser. The Cairo Documents. Op. cit. P. 206.

⁵ Ibidem. P. 205.

⁶ *Ro'i Y.* From Encroachment to Involvement. Op. cit. Pp. 413–417.

⁷ *Heikal M.* The Sphinx and the Commissar. Op. cit. P. 147.

⁸ *Laron G.* The Six-Day War. The Breaking of the Middle East. Op. cit. P. 282.

⁹ Ibidem. P. 295.

¹⁰ Запись беседы посла СССР в ОАР Д.П. Пожидаева с первым вице-президентом ОАР маршалом А. Амером 19 мая 1967 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 251. С. 559.

¹¹ *Laron G.* The Six-Day War. The Breaking of the Middle East. P. 295. Op. cit.

¹² *El Hussini M.M.* Soviet-Egyptian Relations, 1945–1985. L.: Macmillan, 1987. Pp. 142–143.

¹³ *Heikal M.* The Sphinx and the Commissar. Op. cit. P. 167.

¹⁴ *Monakov M.* The Soviet Naval Presence in the Mediterranean at the Time of the Six Day war // The Soviet Union and the June 1967 Six Day War. Ed. by Ro'i Y. and Morozov B. P. 146.

¹⁵ *Растяльников В., Симония Н.* Историческое значение и основные цели экономического сотрудничества СССР с развивающимися странами // Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР № 11 (102). 1969. М.: Наука, С.4–5.

¹⁶ Запись беседы посла СССР в ОАР В.Я. Ерофеева с премьер-министром ОАР Али Сабри 8 апреля 1965 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 207. С. 466.

-
- ¹⁷ См. подробнее: *Бергман Р.* Восстань и убей первым. *Op. cit.* С. 78–98.
- ¹⁸ *Heikal M.* The Sphinx and the Commissar. *Op. cit.* P. 161.
- ¹⁹ *Мирский Г.И.* Творческий марксизм и проблемы национально-освободительных революций // *Мировая экономика и международные отношения.* 1963. № 2. С. 65.
- ²⁰ *Беляев И., Примаков Е.* Израильская агрессия и арабский мир // *Мировая экономика и международные отношения.* 1968. № 3. С. 60.
- ²¹ *Брутенц К.* О революционной демократии // *Мировая экономика и международные отношения.* 1968. № 3. С. 22.
- ²² *Мирский Г.И.* Творческий марксизм и проблемы национально-освободительных революций. *Op. cit.* С. 68.
- ²³ *Примаков Е.М.* Ближний Восток на сцене и за кулисами. *Op. cit.* С. 69–70.
- ²⁴ *Брутенц К.Н.* Тридцать лет на Старой площади. *Op. cit.* С. 350.
- ²⁵ *Добрынин А.Ф.* Сугубо доверительно. *Op. cit.* С. 140.
- ²⁶ *Громыко А.А.* Памятное. Кн. 2. *Op. cit.* С. 266.
- ²⁷ *Беляев И.П., Примаков Е.М.* Египет времен президента Насера. М.: Изд-во Мысль, 1974. С. 313.
- ²⁸ *Heikal M.* The Sphinx and the Commissar. *Op. cit.* P. 166.
- ²⁹ *Громыко А.А.* Памятное. Кн. 2. *Op. cit.* С. 265.
- ³⁰ *Кирпиченко В.А.* Из архива разведчика. *Op. cit.* С. 97–104.; *Колотуша В.И.* Без грифа секретности или байки старого толмача. *Op. cit.* С. 50.
- ³¹ *Oren M.* Six Days of War. June 1967 and the Making of the Modern Middle East. *Op. cit.* P. 39.
- ³² *Laron G.* The Six-Day War. The Breaking of the Middle East. *Op. cit.* P. 47.
- ³³ Шаг в направлении прогресса // *Правда* 10.01.1965.
- ³⁴ *Примаков Е.М.* Ближний Восток на сцене и за кулисами. *Op. cit.* С. 80.
- ³⁵ Телеграмма посла СССР в Сирии А.А. Барковского в МИД СССР 11 мая 1966 г. // *Ближневосточный конфликт.* Т. 2. Док. 223. С. 504.
- ³⁶ Из совместного Советско-сирийского коммюнике от 26 апреля 1966 г. // *Внешняя политика Советского Союза. Сборник документов.* М.: Международные отношения, 1967. С. 84.
- ³⁷ *Oren M.* Six Days of War. June 1967 and the Making of the Modern Middle East. *Op. cit.* P. 28.
- ³⁸ *Вавилов В.* Проблемы экономического сотрудничества СССР с Сирией // *Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР № 11 (102).* М.: Наука. 1969. С. 201.
- ³⁹ *Ro'i Y.* Soviet Policy toward the six-day war through the prism of Moscow's relations with Egypt and Syria // *The Soviet Union and the June 1967 Six Day War.* P. 3.
- ⁴⁰ *Юрченко В.П.* Сирия: проблемы национальной безопасности. М.: ИИИиБВ, 2004. С. 34.
- ⁴¹ Запись беседы посла СССР в Ливане Д.С. Никифорова с президентом Ливанской Республики Ф. Шехабом 8 сентября 1964 г. // *Ближневосточный конфликт.* Т. 2. Док. 195. С. 437.

-
- ⁴² *Laron G. The Six-Day War. The Breaking of the Middle East. Op. cit. P. 296.*
- ⁴³ *Morris B. Righteous Victims: A History of the Zionist-Arab Conflict, 1881-2001. Op. cit. P. 303.*
- ⁴⁴ *Laron G. The Six-Day War. The Breaking of the Middle East. Op. cit. P. 101.*
- ⁴⁵ Записка министра иностранных дел СССР А.А. Громыко в ЦК КПСС ноябрь 1966 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 238. С. 529.
- ⁴⁶ Телеграмма посла СССР в Израиле Д.С. Чувакина в МИД СССР 11 октября 1966 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 230. С. 517.
- ⁴⁷ *Laron G. The Six-Day War. The Breaking of the Middle East. Op. cit. P. 270.*
- ⁴⁸ *Ibidem. P. 289.*
- ⁴⁹ Телеграмма посла СССР в Израиле Д.С. Чувакина в МИД СССР 11 октября 1966 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 230. С. 516; Запись беседы заместителя министра иностранных дел СССР В.С. Семенова с послом Израиля в СССР К. Кацем 9 ноября 1966 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 237. С. 527.
- ⁵⁰ Запись беседы посла СССР в Иордании П.К. Слюсаренко с королем Хусейном от 28 мая 1966 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 227. С. 510.
- ⁵¹ Statement by an Official Syrian Foreign Ministry Spokesman on the "Repeated Threats by Israel". Damascus. May 13, 1967 // International Documents on Palestine. 1967. The Institute for Palestine Studies. Beirut. 1970. P. 530.
- ⁵² Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XVIII, Arab-Israeli Dispute 1964–1967. D. 199. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v18/d199> (дата обращения: 15.02.2022).
- ⁵³ *Ibidem. Doc. 205. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v18/d205* (дата обращения: 15.02.2022).
- ⁵⁴ *Oren M. Six Days of War. June 1967 and the Making of the Modern Middle East. Op. cit. P. 34.*
- ⁵⁵ *Ibidem.*
- ⁵⁶ *Колотуша В.И. Без грифа секретности или байки старого толмача. Op. cit. С. 54.*
- ⁵⁷ Записка министра иностранных дел СССР А.А. Громыко в ЦК КПСС ноябрь 1966 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 238. С. 529.
- ⁵⁸ *Laron G. The Six-Day War. The Breaking of the Middle East. Op. cit. P. 293.*
- ⁵⁹ *Golan G. The Soviet Union and National Liberation Movements in the Third World. Boston: Unwin Hyman. 1988. P. 328.*
- ⁶⁰ *Morozov B. The outbreak of the June 1967 war in light of Soviet Documentation // The Soviet Union and the June 1967 Six Day War. Ed. Ro'i Y., Morozov B. P. 49, fn. 29.*
- ⁶¹ См., например: Запись беседы заместителя министра иностранных дел СССР В.С. Семенова с заведующим восточноевропейским отделом МИД Израиля Э. Дороном // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 211. С. 474.
- ⁶² *Бергман Р. Восстань и убей первым. Op. cit. С. 83.*
- ⁶³ *Ibidem. С. 645, сн. 49.*
- ⁶⁴ *Laron G. The Six-Day War. The Breaking of the Middle East. Op. cit. P. 206.*

⁶⁵ Бергман Р. Восстань и убей первым. Op. cit. С. 106–109.; Koura Jan. A prominent spy: Mehdi Ben Barka. Czechoslovak intelligence and Eastern Bloc espionage in the Third World during the Cold War // Intelligence and National Security № 36(3). 2020. Pp. 318–339.

⁶⁶ Бергман Р. Восстань и убей первым. Op. cit. С. 103.

⁶⁷ Ibidem. С. 83.

⁶⁸ Siskind Sh. Israel and the Great Powers: The Unsung Cold War Role. // Middle East Quarterly. Spring 2020. P. 4. URL: <https://www.meforum.org/middle-east-quarterly/pdfs/60505.pdf> (дата обращения: 13.05.2020).

⁶⁹ Никитина Г. Арабо-израильские отношения в период подготовки Израилем агрессии против арабских государств // Специальный бюллетень Ин-та востоковедения АН СССР № 4 (86). М.: Наука, 1968.

⁷⁰ Брутенц К.Н. Тридцать лет на Старой площади. Op. cit. С. 320.

⁷¹ Laron G. The Six-Day War. The Breaking of the Middle East. Op. cit. P. 285.

⁷² Записка посла Д.С. Чувахина от 13 декабря 1964 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 201. Op. cit. С. 450–451.

⁷³ Записка посла СССР в Израиле Д.С. Чувахина министру иностранных дел СССР А.А. Громыко 13 декабря 1964 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 201. С. 449.

⁷⁴ Записка посла СССР в Израиле Д.С. Чувахина министру иностранных дел СССР А.А. Громыко 21 марта 1966 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 220. С. 497–499.

⁷⁵ Записка посла Д.С. Чувахина от 21 марта 1966 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2 Док. 220. Op. cit. С. 498.

⁷⁶ Телеграмма посла СССР Д.С. Чувахина в МИД СССР 11 октября 1966 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 230. С. 517.

⁷⁷ Чувахин Д. Израиль накануне разрыва дипломатических отношений с СССР в 1967 г. // Международная жизнь. 1994. № 9. С. 128.

⁷⁸ Записка заведующего Отделом стран Ближнего Востока МИД СССР А.Д. Щиборина о выступлении посла СССР в Израиле 19 марта 1966 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 219. С. 491.

⁷⁹ Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Op. cit. С. 145.

⁸⁰ Пырлин Е.Д. Трудный и долгий путь к миру. Op. cit. С. 50.

⁸¹ Запись беседы посла СССР в ОАР В.Я. Ерофеева с заместителем министра иностранных дел ОАР Ахмедом Фекки 25 мая 1965 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 208. С. 468.

⁸² Пырлин Е.Д. Трудный и долгий путь к миру. Op. cit. С. 52.

⁸³ Запись беседы советника отдела стран Ближнего Востока МИД СССР Ф.Н. Федотова с первым секретарем посольства ОАР в СССР Ю. Шарарой 7 марта 1966 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 218. С. 489.

⁸⁴ Safran N. From War to War. Op. cit. Pp. 83–86.

⁸⁵ Heikal M. Nasser. The Cairo Documents. Op. cit. P. 61.

⁸⁶ Morris B. Righteous Victims: A History of the Zionist-Arab Conflict, 1881–2001. Op. cit. P. 318.

-
- ⁸⁷ International Documents on Palestine. 1967. Op. cit. Pp. 550–551.
- ⁸⁸ Доклад Л.И. Брежнева на Пленуме ЦК КПСС 20 июня 1967 г. // The Soviet Union and the June 1967 Six Day War. Ed. by Ro'i Y. and Morozov B.
- ⁸⁹ Запись беседы заместителя министра иностранных дел СССР В.С. Семёнова с послом Израиля в СССР К. Кацем 25 мая 1966 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 226. С. 508.
- ⁹⁰ *Примаков Е.М.* Анатомия ближневосточного конфликта. Op. cit.; *Примаков Е.М.* История одного сговора. Op. cit.
- ⁹¹ *Примаков Е.М.* Анатомия ближневосточного конфликта. Op. cit. С. 47–72.
- ⁹² *Laron G.* The Six-Day War. The Breaking of the Middle East. Op. cit. P. 101–102.
- ⁹³ *Raz A.* Israel claimed its 1967 land conquests weren't planned. Declassified documents reveal otherwise. // Haaretz, 03.06.2021.
- ⁹⁴ *Laron G.* The Six-Day War. The Breaking of the Middle East. Op. cit. P. 140.
- ⁹⁵ *Ibidem.* P. 195.
- ⁹⁶ *Наркисс У.* Иерусалим – единственный. Иерусалим: Шамир, 1978. С. 170.
- ⁹⁷ *Oren A.* The “gold mine on the border” // Haaretz, 01.06.2007.
- ⁹⁸ *Laron G.* The Historians' war over the six-day war. URL: <https://www.thenation.com/article/historians-war-six-day-war/> (дата обращения: 25.05.2019).
- ⁹⁹ Беседа заместителя председателя Совета министров СССР И.Т. Новикова с президентом ОАР Гамаль Абдель Насером, записанная послом СССР в ОАР В.Я. Ерофеевым 2 июня 1965 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 212. С. 477.
- ¹⁰⁰ Запись беседы посла СССР в Ливане Д.С. Никифорова с президентом Ливанской республики Ф. Шехабом 8 сентября 1964 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 195. С. 437.
- ¹⁰¹ Телеграмма посла СССР в Сирии А.А. Барковского в МИД СССР от 13 октября 1966 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 234. С. 521.
- ¹⁰² Запись беседы посла СССР в Иордании П.К. Слюсаренко с королем Хусейном 28 мая 1966 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 227. С. 509.
- ¹⁰³ *Bar-Siman-Tov Y.* Israel, the Superpowers and the War in the Middle East. Op. cit. P. 109.
- ¹⁰⁴ International Documents on Palestine. 1967. Op. cit. P. 548.
- ¹⁰⁵ *Горбатов О.М., Черкасский Л.Я.* Борьба СССР за обеспечение прочного и справедливого мира на Ближнем Востоке (1967–1980). М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1980. С. 9.
- ¹⁰⁶ News Conference Statements by UAR President Nasir to the Arab and world press on the crisis. Cairo, May 28, 1967 // International Documents on Palestine. 1967. Pp. 551–564.
- ¹⁰⁷ *Примаков Е.М.* Ближний Восток на сцене и за кулисами. Op. cit. С. 118.
- ¹⁰⁸ *Ibidem.* С. 63.
- ¹⁰⁹ См., например: *Ibid.* С. 119.
- ¹¹⁰ *Heikal M.* The Sphinx and the Commissar. Op. cit. P. 168.
- ¹¹¹ *Oren M.* Six Days of War. June 1967 and the Making of the Modern Middle East. Op. cit. P. 28.

¹¹² Запись беседы посла СССР в Иордании П.К. Слюсаренко с королем Хусейном 28 мая 1966 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 227. С. 509.

¹¹³ Запись беседы заместителя министра иностранных дел СССР В.С. Семенова с послом Израиля в СССР К. Кацем 25 мая 1966 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 226. С. 506.

¹¹⁴ Ro'i Y. Soviet Policy toward the six-day war through the prism of Moscow's relations with Egypt and Syria. Op. cit. P. 4.

¹¹⁵ Heikal M. The Sphinx and the Commissar. Op. cit. P. 161.

¹¹⁶ Telegram from the Department of State to the Embassy in the United Arab Republic. Washington, June 27, 1966 // Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XVIII. Arab-Israeli Dispute 1964–1967. D. 306. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v18/d306> (дата обращения: 12.05.2022).

¹¹⁷ Ro'i Y. Soviet Policy toward the six-day war through the prism of Moscow's relations with Egypt and Syria. Op. cit. P. 4.

¹¹⁸ Heikal M. The Sphinx and the Commissar. Op. cit. P. 167.

¹¹⁹ Ibidem. P. 168.

¹²⁰ Dagan A. Moscow and Jerusalem. Twenty years of Relations between Israel and the Soviet Union. Op. cit. P. 172.

¹²¹ The Soviet Union's Policy Regarding Israel's Aggression in the Middle East. Report by Brezhnev to the CPSU Central Committee Plenum. June 20, 1967. // The Soviet Union and the June 1967 Six Day War. Ed. by Ro'i Y. and Morozov B. P. 310.

¹²² Dagan A. Moscow and Jerusalem. Twenty years of Relations between Israel and the Soviet Union. Op. cit. P. 201.

¹²³ Колотуша В.И. Без грифа секретности или байки старого толмача. Op. cit. С. 42.

¹²⁴ Seraj Assi. 1967 and the Arab Myth of Liberating Palestine // Haaretz, 06.06.2022. URL: <https://www.haaretz.com/opinion/2022-06-06/ty-article-opinion/1967-and-the-arab-myth-of-liberating-palestine/00000181-37a1-dee8-aba7-3fafd8a20000> (дата обращения: 20.06.2022).

¹²⁵ Записка министра иностранных дел А.А. Громыко в ЦК КПСС. 31 октября 1966 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док., 235. С. 523.

¹²⁶ Dagan A. Moscow and Jerusalem. Twenty years of Relations between Israel and the Soviet Union. Op. cit. P. 193.

¹²⁷ Запись беседы посла СССР в Иордании П.К. Слюсаренко с королем Иордании Хусейном 4 января 1967 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 242. С. 538.

¹²⁸ XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М.: Изд-во политической литературы. 1966. С. 37.

¹²⁹ Ro'i Y. From Encroachment to Involvement. Op. cit. P. 423.

¹³⁰ Васильев А.М. Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. С. 76. Op. cit.; Safran N. From War to War. Op. cit. P. 129.

¹³¹ Ro'i Y. Soviet Policy toward the six-day war through the prism of Moscow's relations with Egypt and Syria. Op. cit. P. 5.

¹³² *Dagan A.* Moscow and Jerusalem. Twenty years of Relations between Israel and the Soviet Union. Op. cit. P. 180.

¹³³ *Ibidem.* P. 186.

¹³⁴ Запись беседы заместителя министра иностранных дел СССР В.С. Семёнова с послом Израиля в СССР К. Кацем 9 ноября 1966 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 242. С. 526.

¹³⁵ См.: *Oren M.* Six Days of War. June 1967 and the Making of the Modern Middle East. Op. cit. Pp. 46–47.

¹³⁶ *Dagan A.* Moscow and Jerusalem. Twenty years of Relations between Israel and the Soviet Union. Op. cit. P. 208.

¹³⁷ *Добрынин А.Ф.* Сугубо доверительно. Op. cit. С. 140.

¹³⁸ *Suri J.* American Perception of the Soviet Threat before and during the Six Day war // The Soviet Union and the June 1967 Six Day War. Ed. Ro'i Y., Morozov B. P. 105

¹³⁹ *Добрынин А.Ф.* Сугубо доверительно. Op. cit. С. 131–147.

¹⁴⁰ См., например: *Oren M.* Six Days of War. June 1967 and the Making of the Modern Middle East. P. 51. Op. cit.; *Suri J.* American Perception of the Soviet Threat before and during the Six Day war. Op. cit. P. 105.

¹⁴¹ SIPRI. URL: https://armstrade.sipri.org/armstrade/html/export_values.php (дата обращения: 21.05.2022).

¹⁴² *Bar-Siman-Tov Y.* Israel, the Superpowers and the War in the Middle East. Op. cit. P. 88.

¹⁴³ *Laron G.* The Six-Day War. The Breaking of the Middle East. Op. cit. P. 305.

¹⁴⁴ Подробнее см.: *Карасова Т.А.* Израиль и США: Основные этапы становления стратегического партнерства (1948–2014). Op. cit. С. 92.

¹⁴⁵ *Bar-Siman-Tov Y.* Israel, the Superpowers and the War in the Middle East. Op. cit. Pp. 90–91.

¹⁴⁶ Telegram From the Department of State to the Embassy in the United Arab Republic. March 24, 1967 // Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XVIII, Arab-Israeli Dispute, 1964–1967. D. 399. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v18/d399> (дата обращения: 21.03.2022).

¹⁴⁷ См.: Memorandum of Conversation. March 16, 1966 // Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XVIII, Arab-Israeli Dispute, 1964–1967. D. 280. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v18/d280> (дата обращения: 21.03.2022).

¹⁴⁸ *Dagan A.* Moscow and Jerusalem. Twenty years of Relations between Israel and the Soviet Union. Op. cit. P. 206.

¹⁴⁹ National Intelligence Estimate. April 13, 1967 // Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XVIII, Arab-Israeli Dispute, 1964–1967. D. 404. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v18/d404> (дата обращения: 21.03.2022).

¹⁵⁰ Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века. Op. cit. С. 188.

¹⁵¹ *Брутенц К.Н.* Тридцать лет на Старой площади. Op. cit. С. 100.

-
- ¹⁵² Говрин Й. Израильско-советские отношения, 1953–1967. Op. cit. С. 311.
- ¹⁵³ Запись беседы министра иностранных дел СССР А.А. Громыко с председателем Национального собрания ОАР А. Садатом 13 мая 1967 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 248. С. 551.
- ¹⁵⁴ Говрин Й. Израильско-советские отношения 1953–1967. Op. cit. С. 309.
- ¹⁵⁵ Oren M. Six Days of War. June 1967 and the Making of the Modern Middle East. Op. cit. P. 30.
- ¹⁵⁶ Dagan A. Moscow and Jerusalem. Twenty years of Relations between Israel and the Soviet Union. Op. cit. P. 203.
- ¹⁵⁷ Васильев А.М. Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. Op. cit. С. 80.
- ¹⁵⁸ Говрин Й. Израильско-советские отношения 1953–1967. Op. cit. С. 310.
- ¹⁵⁹ Известия, 25 апреля 1967 г.
- ¹⁶⁰ Основано на архивных источниках, см.: Morozov B. The outbreak of the June 1967 war in light of Soviet documentation. Op. cit. Pp. 46–47.
- ¹⁶¹ Запись беседы посла СССР в ОАР Д.П. Пожидаева с военным министром ОАР Ш. Бадраном. 16 мая 1967 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 249. С. 554.
- ¹⁶² El-Sadat Anwar. In Search of Identity. An Autobiography. Glasgow. William Collins Sons&Co Ltd. 1978. P. 209; Heikal M. The Sphinx and the Commissar. Op. cit. P. 175.
- ¹⁶³ Heikal M. The Sphinx and the Commissar. Op. cit. P. 175.
- ¹⁶⁴ Oren M. Six Days of War. June 1967 and the Making of the Modern Middle East. Op. cit. P. 64.
- ¹⁶⁵ Memorandum From the President's Special Assistant (Rostow) to President Johnson. May 17, 1967 // Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XIX, Arab-Israeli Crisis and War, 1967. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d7> (дата обращения: 11.01.2022).
- ¹⁶⁶ Наиболее подробное исследование на основе новейших документов см.: Morozov B. The outbreak of the June 1967 war in light of Soviet Documentation. Op. cit. Pp. 43–64.
- ¹⁶⁷ Heikal M. The Sphinx and the Commissar. Op. cit. P. 178.
- ¹⁶⁸ Доклад Л.И. Брежнева на совещании 9 июня 1967 года в Москве по Ближнему Востоку // Беляков В.В. Брежнев и Насер 1965–1970. Op. cit. С. 18.
- ¹⁶⁹ Laron G. The Six-Day War. The Breaking of the Middle East. Op. cit. P. 301.
- ¹⁷⁰ Примаков Е.М. Ближний Восток на сцене и за кулисами. Op. cit. С. 118.
- ¹⁷¹ Safran N. From War to War. Op. cit. P. 277.
- ¹⁷² Пырлин Е.Д. Трудный и долгий путь к миру. Op. cit. С. 56.
- ¹⁷³ Oren M. Six Days of War. June 1967 and the Making of the Modern Middle East. Op. cit. Pp. 39–41.
- ¹⁷⁴ Memorandum of the Syrian Ba'th Party Foreign Relations Bureau on the Likelihood of Israeli Aggression. Damascus. May 11, 1967; Statement by an Official Syrian Foreign Ministry Spokesman on the "Repeated Threats by Israel". Damascus, May 13, 1967 // International Documents on Palestine. 1967. Pp. 526–529, 531–532.

¹⁷⁵ Address to the Nation by Israeli Prime Minister Eshkol. Jerusalem, May 13, 1967 // International Documents on Palestine. 1967. P. 7.

¹⁷⁶ Запись беседы посла СССР в ОАР Д.П. Пожидаева с президентом ОАР Г.А. Насером 23 мая 1967 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 253. С. 561.

¹⁷⁷ *Eran O.* Soviet Policy between the 1967 and 1973 Wars // From June to October. The Middle East between 1967 and 1973. Ed. by Rabinovich I. and Shaked H. New Brunswick: Transaction Books, 1978. P. 47.

¹⁷⁸ *Oren M.* Six Days of War. June 1967 and the Making of the Modern Middle East. Op. cit. P. 96.

¹⁷⁹ On Soviet Policy Following the Israeli Aggressions in the Middle East.. Report by Comrade L.I. Brezhnev to the Plenum of the Central Committee of the Soviet Communist Party, Held on 20 June, 1967. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/112654> (дата обращения: 11.06.2018).

¹⁸⁰ Телеграмма министра иностранных дел СССР постоянному представителю СССР при ООН 21 мая 1967 г.; Телеграмма министра иностранных дел СССР А.А. Громыко послу СССР в ОАР 25 мая 1967 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 252. С. 560, док. 255, с. 565.

¹⁸¹ Запись беседы посла СССР в ОАР Д.П. Пожидаева с президентом ОАР Г.А. Насером 23 мая 1967 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 253. С. 562.

¹⁸² Заявление правительства СССР о положении на Ближнем Востоке 23 мая 1967 г. // СССР и ближневосточное урегулирование. 1967–1988. Документы и материалы. С. 23.

¹⁸³ Telegram From the Department of State to the Embassy in the Soviet Union. Washington, May 19 // Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XIV, Soviet Union. D. 215. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v14/d215> (дата обращения: 21.11.2022).

¹⁸⁴ Memorandum from the US Government to the UAR Government on the Middle East Crisis. Cairo, May 23, 1967 // International Documents on Palestine. 1967. P. 8–9.

¹⁸⁵ Telegram From the Embassy in the Soviet Union to the Department of State. Moscow, May 23, 1967 // Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XIX, Arab-Israeli Crisis and War, 1967. D. 41. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d41> (дата обращения: 21.11.2022).

¹⁸⁶ Ближневосточный конфликт. Т. 2. С. 567.

¹⁸⁷ *Safran N.* From War to War. Op. cit. С. 295.

¹⁸⁸ *Блищенко И.П.* Израиль попирает международное право // Красная звезда, 28 июня 1967 г.

¹⁸⁹ *Laron G.* The Six-Day War. The Breaking of the Middle East. P. 253. Op. cit.

¹⁹⁰ *Heikal M.* The Sphinx and the Commissar. Op. cit. P. 169.

¹⁹¹ Телеграмма министра иностранных дел А.А. Громыко послу СССР в ОАР 25 мая 1967 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 255. С. 565.

¹⁹² Доклад Л.И. Брежнева на совещании 9 июня 1967 года в Москве по Ближнему Востоку. Op. cit. С. 21.

¹⁹³ *Dagan A.* Moscow and Jerusalem. Twenty years of Relations between Israel and the Soviet Union. Op. cit. P. 216.

¹⁹⁴ Содержание писем Л. Джонсона и Д. Паска см.: *Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XIX, Arab-Israeli Crisis and War, 1967*. D. 88, d. 90. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d88>; <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d90> (дата обращения: 25.12.2022).

¹⁹⁵ Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века. *Op. cit.* С. 182.

¹⁹⁶ *Laron G. The Six-Day War. The Breaking of the Middle East*. *Op. cit.* P. 306.

¹⁹⁷ Доклад Л.И. Брежнева на совещании 9 июня 1967 года в Москве по Ближнему Востоку. *Op. cit.* С. 21.

¹⁹⁸ Цит. по: *Ro'i Y. Soviet policy towards the six day war // The Soviet Union and the June 1967 Six Day War*. Ed. Ro'i Y., Morozov B. P. 13.

¹⁹⁹ *Пырлин Е.Д.* Трудный и долгий путь к миру. *Op. cit.* С. 54.

²⁰⁰ *Баранец В.* Почему нашим асам в 1967-м запретили бомбить Израиль. Комсомольская правда 05.06.2017. URL: <https://www.kp.ru/daily/26687.7/3710261/> (дата обращения: 20.05.2020).

²⁰¹ Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века. *Op. cit.* С. 183.

²⁰² *Васильев А.М.* Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. *Op. cit.* С. 79.

²⁰³ Подробный анализ этого документа впервые приведен в: *Morozov B. The Outbreak of the June 1967 War in Light of Soviet Documentation // The Soviet Union and the June 1967 Six Day War*. Ed. Ro'i Y., Morozov B. Pp. 49–51.

²⁰⁴ *Oren M. Six Days of War. June 1967 and the Making of the Modern Middle East*. *Op. cit.* P. 117.

²⁰⁵ *Примаков Е.М.* Ближний Восток на сцене и за кулисами. *Op. cit.* С. 119.

²⁰⁶ *Govrin J. The Six-Day War in the Mirror of Soviet-Israeli Relations. April-June 1967. The Hebrew University of Jerusalem. Research Paper 61. December 1985*. P. 13.

²⁰⁷ *Laron G. The Six-Day War. The Breaking of the Middle East*. *Op. cit.* P. 311.

²⁰⁸ *Ibidem*. P. 305.

²⁰⁹ *Heikal M. The Sphinx and the Commissar*. *Op. cit.* P. 179.

²¹⁰ *The Soviet Union and the June 1967 Six Day War*. Ed. Ro'i Y., Morozov B. Pp. 285–286.

²¹¹ *Laron G. The Six-Day War. The Breaking of the Middle East*. *Op. cit.* P. 308.

²¹² Доклад Л.И. Брежнева на совещании 9 июня 1967 года в Москве по Ближнему Востоку. *Op. cit.* С. 28.

²¹³ Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века. *Op. cit.* С. 185.

²¹⁴ *Heikal M. The Sphinx and the Commissar*. *Op. cit.* P. 180.

²¹⁵ *The Soviet Union's Policy Regarding Israel's Aggression in the Middle East, Report by Brezhnev to the CPSU Central Committee Plenum. June 20, 1967 // The Soviet Union and the June 1967 Six Day War*. P. 310.

²¹⁶ *Oren M. Six Days of War. June 1967 and the Making of the Modern Middle East*. *Op. cit.* P. 110.

²¹⁷ Доклад Л.И. Брежнева на Пленуме ЦК КПСС 20 июня 1967 г. *Op. cit.* P. 311.

²¹⁸ *Dagan A.* Moscow and Jerusalem. Twenty years of Relations between Israel and the Soviet Union. *Op. cit.* P. 217.

²¹⁹ СССР и ближневосточное урегулирование. 1967–1988. Документы и материалы. *Op. cit.* С. 24–26.

²²⁰ *Примаков Е.М.* Ближний Восток на сцене и за кулисами. *Op. cit.* С. 117.

²²¹ *Oren M.* Six Days of War. June 1967 and the Making of the Modern Middle East. *Op. cit.* P. 92.

²²² *Laron G.* The Six-Day War. The Breaking of the Middle East. *Op. cit.* P. 303.

²²³ *Quandt W.B.* Decade of Decisions. American Policy Toward the Arab-Israeli Conflict, 1967-1976. *Op. cit.* P. 49, 52.

²²⁴ Запись беседы посла СССР в ОАР Д.П. Пожидаева с президентом ОАР Г.А. Насером 1 июня 1967 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 260. С. 574.

²²⁵ *Oren M.* Six Days of War. June 1967 and the Making of the Modern Middle East. *Op. cit.* P. 166.

²²⁶ *The Israel-Arab Reader. A Documentary History of the Middle East conflict.* Ed. by Laqueur W. and Rubin B. Pp. 102–103.

²²⁷ *Ibidem.* P. 102.

²²⁸ Доклад Л.И. Брежнева на Пленуме ЦК КПСС 20 июня 1967 г. *Op. cit.* P. 311.

²²⁹ *Примаков Е.М.* Ближний Восток на сцене и за кулисами. *Op. cit.* С. 116.

²³⁰ Запись беседы посла СССР в ОАР Д.П. Пожидаева с президентом ОАР Г.А. Насером 1 июня 1967 г. *Op. cit.* С. 573.

²³¹ Проект постановления ЦК КПСС о представлении послу Израиля в Москве 1 июня 1967 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 259. С. 571–572.

²³² News Conference Statements by Israeli Foreign Minister Eban. Jerusalem. May 30, 1967 // International Documents on Palestine. 1967. Pp. 28–29.

²³³ *Dagan A.* Moscow and Jerusalem. Twenty years of Relations between Israel and the Soviet Union. *Op. cit.* P. 220.

²³⁴ *Oren M.* Six Days of War. June 1967 and the Making of the Modern Middle East. *Op. cit.* P. 167.

²³⁵ См. подробно: *Примаков Е.М.* Ближний Восток на сцене и за кулисами. *Op. cit.* С. 119–120.

²³⁶ Запись беседы посла СССР Д.П. Пожидаева с президентом ОАР Г.А. Насером 1 июня 1967 г. *Op. cit.* С. 573.

²³⁷ *Пырлин Е.Д.* Трудный и долгий путь к миру. *Op. cit.* С. 54.

²³⁸ *Ibidem.* С. 64.

²³⁹ Memorandum for the record. Washington. June 1, 1967 // Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XIX, Arab-Israeli Crisis and War, 1967. D. 124. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d124> (дата обращения: 15.01.2023).

²⁴⁰ *Oren M.* Six Days of War. June 1967 and the Making of the Modern Middle East. Op. cit. Pp. 146–147.

²⁴¹ *Quandt W.B.* Decade of Decisions. American Policy Toward the Arab-Israeli Conflict, 1967–1976. Op. cit. P. 57.

²⁴² *Ibidem.* P. 59.

²⁴³ *Розин А.В.* Советский ВМФ в сдерживании и прекращении «шестидневной войны» в 1967 г. Op. cit. С. 166.

²⁴⁴ *Monakov M.* The Soviet naval presence in the Mediterranean at the time of the Six day war. Op. cit. Pp. 161, 163.

²⁴⁵ *Кирпиченко В.А.* Из архива разведчика. Op. cit. С. 317.

²⁴⁶ Брежнев и Косыгин в Заполярье. Один день в истории. 31 мая 2022. URL: <https://kolanews.ru/news/politika-i-vlast/43513> (дата обращения: 16.02.2023).

²⁴⁷ СССР и ближневосточное урегулирование. 1967–1988. Op. cit. С. 28.

²⁴⁸ *Пырлин Е.Д.* Трудный и долгий путь к миру. Op. cit. С. 65.

²⁴⁹ СССР и ближневосточное урегулирование. 1967–1988. Op. cit. С. 30.

²⁵⁰ *Dagan A.* Moscow and Jerusalem. Twenty years of Relations between Israel and the Soviet Union. Op. cit. P. 226.

²⁵¹ Послание Председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина Премьер-министру Израиля Л. Эшколу 5 июня 1967 г. // СССР и ближневосточное урегулирование. 1967–1988. Документы и материалы. С. 29

²⁵² Телеграмма постоянного представителя СССР при ООН Н.Т. Федоренко 5 июня 1967 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 260. С. 578.

²⁵³ *Ibidem.*

²⁵⁴ *Shevchenko A.N.* Breaking with Moscow. New York: Ballantine Books. 1985. P. 177.

²⁵⁵ Доклад Л.И. Брежнева на совещании 9 июня 1967 года в Москве по Ближнему Востоку. Op. cit. С. 28.

²⁵⁶ Доклад Л.И. Брежнева на Пленуме ЦК КПСС 20 июня 1967 г. Op. cit. Pp. 313–314.

²⁵⁷ Resolution Reiterating the call for a cease-fire adopted at the 1350th meeting. June 7, 1967 // International Documents on Palestine. 1967. P. 250.

²⁵⁸ Заявление правительства СССР правительству Израиля 7 июня 1967 г. // СССР и ближневосточное урегулирование. 1967–1988. Документы и материалы. С. 30.

²⁵⁹ Доклад Л.И. Брежнева на совещании 9 июня 1967 года в Москве по Ближнему Востоку. Op. cit. С. 35–36.

²⁶⁰ Message From Premier Kosygin to President Johnson. Moscow, June 8, 1967 // Foreign relations of the United States, 1964–1968, Vol. XIX, Arab-Israeli Crisis and War, 1967. D. 209. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d209> (дата обращения: 20.02.2023).

²⁶¹ *Oren M.* Six Days of War. June 1967 and the Making of the Modern Middle East. Op. cit. P. 236.

²⁶² *Ibidem.* P. 234.

²⁶³ *Ibid.* P. 235.

-
- ²⁶⁴ Ibid. P. 253.
- ²⁶⁵ СССР и ближневосточное урегулирование. 1967–1988. С. 32–33. Op. cit.
- ²⁶⁶ Доклад Л.И. Брежнева на совещании 9 июня 1967 года в Москве по Ближнему Востоку. Op. cit. С. 39.
- ²⁶⁷ Доклад Л.И. Брежнева на Пленуме ЦК КПСС 20 июня 1967 г. Op. cit. P. 319.
- ²⁶⁸ *Dagan A.* Moscow and Jerusalem. Twenty years of Relations between Israel and the Soviet Union. Op. cit. P. 232.
- ²⁶⁹ Ibidem. P. 233.
- ²⁷⁰ *Федоренко Н.Т.* Дипломатические записи. М.: Советский писатель. 1972.
- ²⁷¹ *Dagan A.* Moscow and Jerusalem. Twenty years of Relations between Israel and the Soviet Union. Op. cit. Pp. 230–231.
- ²⁷² *Oren M.* Six Days of War. June 1967 and the Making of the Modern Middle East. Op. cit. P. 252.
- ²⁷³ *Bar-Siman-Tov Y.* Israel, the Superpowers and the War in the Middle East. Op. cit. P. 137.
- ²⁷⁴ Доклад Л.И. Брежнева на Пленуме ЦК КПСС 20 июня 1967 г. Op. cit. P. 317.
- ²⁷⁵ *Розин А.В.* Советский ВМФ в сдерживании и прекращении «шестидневной войны» в 1967 г. Op. cit. С. 188.
- ²⁷⁶ *Монаков М.* The Soviet naval presence in the Mediterranean at the time of the Six Day war. Op. cit. Pp. 166–167; *Почтапов А.* Сирийский плацдарм. Воспоминания советских военных советников в Сирии. Op. cit. С. 16.; *Розин А.В.* Советский ВМФ в сдерживании и прекращении «шестидневной войны» в 1967 г. Op. cit. С. 188.
- ²⁷⁷ Обращение Председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина к Президенту США Л. Джонсону // СССР и ближневосточное урегулирование. 1967–1988. Документы и материалы. С. 33.
- ²⁷⁸ *Robarge D.S.* CIA Analysis of the 1967 Arab-Israeli war. URL: https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/csi-studies/studies/vol49no1/html_files/arab_israeli_war_1.html#_ftnref5 (дата обращения: 25.05.2022).
- ²⁷⁹ Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XIX, Arab-Israeli Crisis and War, 1967. D.244. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d244> (дата обращения: 20.02.2023).
- ²⁸⁰ *Oren M.* Six Days of War. June 1967 and the Making of the Modern Middle East. Op. cit. P. 297.
- ²⁸¹ Telegram From the Mission to the United Nations to the Department of State. New York, June 10, 1967 // Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XIX, Arab-Israeli Crisis and War, 1967. D. 259. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d259> (дата обращения: 20.02.2023).
- ²⁸² Message From Premier Kosygin to President Johnson. Moscow, June 10, 1967, 9:44 a.m.; Message From Premier Kosygin to President Johnson. Moscow, June 10, 1967, 11:31 a.m. // Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XIX,

Arab-Israeli Crisis and War, 1967. D. 247, 254. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d247>; <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d254> (дата обращения: 03.03.2023).

²⁸³ Message From President Johnson to Premier Kosygin. Washington, June 10, 1967, 9:39 a.m.; Message From President Johnson to Premier Kosygin. Washington, June 10, 1967, 10:58 a.m.; Message From President Johnson to Premier Kosygin1. Washington, June 10, 1967, 11:58 a.m // Foreign Relations of the United States, 1964-1968, Vol. XIX, Arab-Israeli Crisis and War, 1967. D. 246, 252, 255. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d246>; <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d252>; <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d255> (дата обращения: 03.03.2023).

²⁸⁴ *Oren M.* Six Days of War. June 1967 and the Making of the Modern Middle East. Op. cit. Pp. 291, 298–299.

²⁸⁵ Запись беседы первого заместителя министра иностранных дел СССР В.В. Кузнецова с послом Израиля в СССР К. Кацем. 10 июня 1967 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 267. С. 581.

²⁸⁶ См., например: *Bar-Siman-Tov Y.* Israel, the Superpowers and the War in the Middle East. Op. cit. P. 144.

²⁸⁷ *Oren M.* Six Days of War. June 1967 and the Making of the Modern Middle East. Op. cit. P. 299.

²⁸⁸ Foreign Relations of the United States, 1964-1968, Vol. XIX, Arab-Israeli Crisis and War, 1967. D. 245. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d245> (дата обращения: 15.02.2023).

²⁸⁹ Message From President Johnson to Premier Kosygin. Washington, June 10, 1967 // Foreign Relations of the United States, 1964-1968, Vol. XIX, Arab-Israeli Crisis and War, 1967. D. 252. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d252> (дата обращения: 01.03.2023).

²⁹⁰ *Розин А.В.* Советский ВМФ в сдерживании и прекращении «шестидневной войны» в 1967 г. Op. cit. С.177–178.

²⁹¹ *Oren M.* Six Days of War. June 1967 and the Making of the Modern Middle East. Op. cit. P. 251.

²⁹² *Егорин А.З.* Записки корреспондента АПН // Ближний Восток: Командировка на войну. С. 43.

²⁹³ Ibidem. С. 36, 39.

²⁹⁴ *Бергман Р.* Восстань и убей первым. Op. cit. С. 117.

²⁹⁵ Message From President Johnson to Premier Kosygin. June 8, 1967 // Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XIX, Arab-Israeli Crisis and War, 1967. D. 212. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d212> (дата обращения: 09.03.2023).

²⁹⁶ *Heikal M.* The Sphinx and the Commissar. Op. cit. P. 181.

²⁹⁷ *Егорин А.З.* Записки корреспондента АПН. Op. cit. С. 37, 41.

²⁹⁸ *Golan G.* Soviet Policies in the Middle East. From World War II to Gorbachev. P. 64. Op. cit.; *Oren M.* Six Days of War. June 1967 and the Making of the Modern Middle East. Op. cit. P. 251.

²⁹⁹ Телеграмма министра иностранных дел СССР послам СССР в Монголии, КНДР, ДРВ // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 268. С. 583.

³⁰⁰ Доклад Л.И. Брежнева на совещании 9 июня 1967 года в Москве по Ближнему Востоку. Op. cit. С. 40.

³⁰¹ Ro'i Y. Soviet policy towards the six day war. Op. cit. P. 21.

³⁰² Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века. Op. cit. С. 185.

³⁰³ Ibidem. С. 187.

³⁰⁴ Розин А.В. Советский ВМФ в сдерживании и прекращении «шестидневной войны» в 1967 г. Op. cit. С. 175.

³⁰⁵ Баранец В. Почему нашим асам в 1967-м запретили бомбить Израиль. Op. cit. (дата обращения: 11.11.2019).

³⁰⁶ Golan G. Soviet Policies in the Middle East. From World War II to Gorbachev. Op. cit. P. 65.

³⁰⁷ См., например: Morozov B. The outbreak of the June 1967 war in light of Soviet documentation. Op. cit. Pp. 60–63.

³⁰⁸ Интервью Н.Г. Егорычева // Огонек № 6. 1989.

³⁰⁹ Пырлин Е.Д. Трудный и долгий путь к миру. Op. cit. С. 68.

³¹⁰ Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Op. cit. С. 274; Israelyan V. Inside the Kremlin during the Yom Kippur War. Op. cit. P. 154.

³¹¹ Васильев А.М. Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. Op. cit. С. 82–83.

³¹² Носенко Т.В., Семенченко Н.А. Напрасная вражда. Очерки советско-израильских отношений 1948–1991 гг. Op. cit.

³¹³ Дауров Р.Д. Долгая шестидневная война: победы и поражения СССР на Ближнем Востоке. Op. cit. С. 184.

³¹⁴ Ro'i Y. The Soviet Jewish Reaction to the Six Day war // The Soviet Union and the June 1967 Six Day War. P. 253.

³¹⁵ Чувахин Д. Израиль накануне разрыва дипломатических отношений с СССР в 1967 г. Op. cit. С. 134.

³¹⁶ Eban A. Personal Witness: Israel Through My Eyes. Op. cit. P. 425.

Глава 4

СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА В ПЕРИОД ПОСЛЕ ШЕСТИДНЕВНОЙ ВОЙНЫ (июнь – ноябрь 1967 г.)

4.1. Задачи СССР в послевоенный период

В июне 1967 г. волна антисоветских настроений захватила арабский мир из-за сокрушительного поражения, нанесенного Израилем своим арабским соседям. Вспоминая о событиях 1956 г., когда Советский Союз угрожал направить своих добровольцев для оказания помощи Египту в отражении «тройственной агрессии», арабы были разочарованы слишком слабой, как они считали, поддержкой Советского Союза и стран Варшавского договора в ходе войны, явным нежеланием союзников «по борьбе с империализмом» напрямую ввязываться в военные действия. Материалы, разжигавшие вражду в отношении СССР, публиковались не только в странах проамериканской ориентации, но и в прессе дружественных Египта, Сирии, Ирака. По воспоминаниям советского дипломата М.П. Попова, в июне 1967 г. в Багдаде иракские газеты выходили с антисоветскими статьями, в которых резко осуждалась советская политика невмешательства в военные действия¹. Даже официальные лица в арабских столицах, казалось бы, осведомленные о реальном положении дел, выражали недовольство тем, что «русские не пришли на помощь и не сокрушили своими вооруженными силами Израиль». Польский дипломат поплатился своим постом в посольстве в Багдаде, когда позволил себе резко ответить на подобные выпады со стороны своего иракского собеседника, заявив, что арабы должны сами научиться защищать свою страну².

Вопросы к руководству возникали и внутри страны. Несмотря на то, что по всему Советскому Союзу были организованы массовые митинги, осуждавшие «израильскую агрессию» и поддерживавшие «народы Арабского Востока», трудящиеся задавали партийным пропагандистам неудобные вопросы: «Какую помощь

оказывал Советский Союз ОАР в последнее время? В чем же дело, что 50 млн арабов не могут справиться с израильской армией? Действительно ли наша техника слабее той, которую дали Израилю американцы?»³. Эта тема приобретала остроту в общественном пространстве.

По-видимому, и в высших эшелонах власти возникало критическое отношение к политике, приведшей к столь плачевным результатам. Хотя подтвердить это документально все еще невозможно, но некоторые замечания, сохранившиеся в воспоминаниях участников событий, дают основания предполагать, что в военной элите и среди идеологов было недовольство тем, что политическое руководство плохо контролировало события и недостаточно сопротивлялось американскому вмешательству⁴.

В этой ситуации, когда падал авторитет СССР как защитника и главной опоры молодых независимых государств, когда под сомнение ставилась эффективность советских вооружений и возникали сомнения в правильности избранного руководством курса, необходимо было принимать срочные меры по восстановлению престижа и внутри страны, и на международной арене. Очень оперативно, уже 20 июня, Брежнев выступил на пленуме ЦК КПСС с трехчасовым докладом «Советская политика в отношении израильской агрессии на Ближнем Востоке». Этот документ, в течение многих лет находившийся под грифом высшей секретности, имел характер партийно-государственной программы по широкому спектру вопросов советской внешней и внутренней политики. В нем был дан не только анализ советской политики во время только что завершившейся острой фазы конфликта, но и заложены основы, на которых она будет строиться в последующие несколько лет.

В самом названии доклада содержалась вполне определенная оценка военных событий на Ближнем Востоке. Генеральный секретарь подчеркивал, что израильская агрессия, совершенная при поддержке западных империалистических кругов, была еще одним звеном в политике международного империализма, неустанно стремящегося изменить глобальное соотношение сил, подавить борьбу народов за свободу, остановить их продвижение по пути социального прогресса⁵. Подтверждался советский взгляд на кон-

фликт исключительно через призму неоколониалистского наступления Запада и его инструментальный характер в глобальном противостоянии двух систем.

В докладе была представлена подробнейшая информация обо всех шагах, предпринимавшихся советским руководством начиная с майского кризиса 1967 г. и затем на каждом этапе войны. Этот отчет перед высшим партийным органом выглядел в какой-то степени оправданием проводившейся политики, которая, хоть и была направлена на всемерную поддержку арабов, все же не принесла желаемых результатов. При акценте на исключительно интенсивном сотрудничестве с арабской стороной в период ближневосточного кризиса в этом объемном документе хоть и единственный раз, но все же было упомянуто, что СССР не разделял точку зрения некоторых арабских лидеров относительно уничтожения Государства Израиль.

Анализируя причины поражения арабов, Брежнев максимально дистанцировался от какой-либо ответственности СССР за разгром арабских армий. Среди факторов, приведших к катастрофическим последствиям, он назвал абсолютную небоеспособность вооруженных сил арабских стран, несмотря на предоставленное им современное советское оружие, отсутствие необходимого единства действий между арабскими странами и, конечно, их нежелание координировать свои действия и советоваться «со своими друзьями из социалистического лагеря, включая Советский Союз»⁶.

В то же время подчеркивалась большая слаженность США и Израиля в маскировке агрессии политическими средствами, чему и приписывался успех противоположной стороны. Эти рассуждения наводят на мысль, что советский руководитель невольно признавал, что СССР не удалось добиться той управляемости арабами, какую достигли США в отношениях с Израилем. Ложное представление об абсолютной подчиненности израильской политики американскому диктату, по-видимому, имело значение в разработке такой программы помощи арабским странам в послевоенное время, которая еще больше привязывала бы их к Советскому Союзу.

Как это ни странно, но в этом программном документе, наметившем на будущее задачи советской политики на Ближнем Вос-

токе, самому конфликту и мерам по поддержанию мира между сторонами фактически отводилось лишь несколько строк. В них говорилось о необходимости вести неустанную борьбу за ликвидацию последствий израильской агрессии и, прежде всего, за вывод всех израильских войск с оккупированных арабских территорий⁷.

Правда, Брежнев упомянул о том, что в беседах с главой алжирского государства Х. Бумедьеном, посетившим Москву 12–13 июня, было выражено пожелание, чтобы лидеры арабских государств разработали совместную программу требований и уступок, на которые они могли бы пойти в таких вопросах, как вывод израильских войск, проход израильских кораблей по Суэцкому каналу и Акабскому заливу. Опираясь на эту программу, советское руководство предполагало координировать свои действия с арабской стороной в поисках политических решений. То есть на этом этапе, в июне 1967 г., у советского руководства явно не было ни собственных плодотворных идей, ни конкретных принципов, на которые можно было бы опереться, выстраивая позицию по урегулированию конфликта. Сказывалась инерция многих предыдущих лет, когда любые советские шаги в отношении конфликта подлежали согласованию с арабами и некритическое принятие их оценок прочно вошло в советскую дипломатическую практику.

Сделанные в докладе выводы и определенные на их основании задачи выходили далеко за пределы сугубо ближневосточных проблем. Со всей очевидностью просматривалась тенденция к дальнейшей милитаризации внешнеполитического курса. Партийное руководство предупреждало, что возможность глобальной мировой войны не снимается с повестки дня, а также что США и ФРГ остаются основными противниками СССР. Но в то же время указывалось, что в новой международной обстановке возникновение локальных войн, таких, как недавний конфликт на Ближнем Востоке, требует по-новому выстраивать соответствующие военно-стратегические и тактические планы. Военно-политическая доктрина СССР должна включать не только защиту отечества как первоочередную задачу, но и помощь в обороне государств, освободившихся от колониальной зависимости и выступающих против империализма.

Как подчеркивалось в докладе, они являются «частью антиимпериалистического фронта, частью борьбы против империализма во главе с американским империализмом»⁸. Это было новое видение советской роли в региональных конфликтах, которое воплощалось в жизнь в заметном расширении военно-политического сотрудничества с арабскими странами зоны конфликта после июньской войны.

Существенно повышалась роль советских военных специалистов. Обычные инструкторы по освоению советской военной техники становились военными советниками во всех частях арабских армий и в офицерском корпусе, выполнявшими задачи непосредственного участия в разработке стратегических и тактических мер для борьбы с потенциальным агрессором и даже в полной перестройке армий. Одновременно партийное руководство ставило задачу перед всеми частями советского военно-промышленного комплекса повышать качество военной продукции и технологий, которые, как показали последние события, противостоят «вооружениям империалистических государств»⁹. В этой установке был заложен и скрытый смысл – возможность проведения испытаний советского оружия и техники в боевых условиях в ходе локальных конфликтов. Советские военные специалисты в дальнейшем не раз подтверждали, что такие задачи перед ними ставились.

Кризисная ситуация на Ближнем Востоке выявила довольно серьезные недостатки в работе советских разведслужб, когда руководство не имело своевременной информации ни о намерениях арабской стороны по эскалации конфликта, ни о времени нанесения удара Израилем. В связи с этим в докладе Брежнева большое внимание было уделено именно своевременному обеспечению Центрального Комитета КПСС достоверными данными о ситуации в вооруженных силах, а также политических и военных планах зарубежных государств¹⁰.

Особое внимание при рассмотрении ближневосточных проблем уделялось китайскому фактору. Развивавшийся с начала 1960-х гг. конфликт между КПСС и КПК, лидеров которой в то время уже окрестили «кликой Мао Цзэдуна», в идеологическом плане основывался на различиях в интерпретации марксистско-ленинского учения. В практической плоскости он проявлялся в со-

перничестве за ведущие позиции в национально-освободительном движении стран Азии, Африки и Латинской Америки.

На Ближнем Востоке Китай поддерживал экстремистские круги в арабских странах и в палестинских организациях сопротивления, выступавшие против политического урегулирования. В период военных действий именно китайское руководство призывало арабов игнорировать резолюции Совета Безопасности о прекращении огня. Китайская пропаганда, как не раз упоминалось в докладе Брежнева, настраивала арабов против Советского Союза, убеждала их, что неудачи в войне с Израилем объяснялись их слишком большой зависимостью от Советского Союза, не оказавшего им достаточной помощи. Неслучайно Брежнев счел необходимым в своем выступлении остановиться подробно на переговорах с алжирским лидером Бумедьеном, который как раз представлял наиболее радикальную точку зрения на решение палестинской проблемы путем «народной войны» по примеру Вьетнама и считал, что политические и дипломатические средства слишком слабы для того, чтобы возвратить арабские территории. Вполне в духе лозунгов китайских коммунистов, провозглашавших, что «обстановка напряженности – это хорошая обстановка», он считал, что продолжение войны создает «революционную ситуацию», отвечающую интересам «прогрессивных режимов»¹¹.

Экстремистские настроения среди руководителей арабских стран, подогреваемые китайской пропагандой, вызывали большую тревогу у советских руководителей. Брежнев в своем докладе посвятил большой раздел переговорам с алжирским лидером, в ходе которых верхушка советского руководства пыталась убедить его в необходимости более реалистичных подходов к решению арабо-израильского конфликта. В целом борьба с китайской пропагандой, которая по своим негативным последствиям для СССР приравнивалась в докладе к империалистической пропаганде, становилась важной политической задачей, и в последующие годы китайский фактор учитывался во всех советских маневрах в вопросах урегулирования.

Опубликованное в печати Постановление по итогам Пленума, конечно, было выдержано в обычном советском стиле, гораздо более резком и категоричном, чем сам доклад. В нем не были отра-

жены те задачи, о которых говорилось в закрытом докладе. Но советская позиция по преодолению последствий войны была заявлена четко и бескомпромиссно: не дать агрессору воспользоваться результатами его действий и добиться немедленного вывода войск интервентов без всяких условий¹². Этот небольшой документ примечателен тем, что в нем был сделан особый акцент на роли социалистических стран в совместных с СССР действиях как в период военной вспышки, так и в преодолении ее последствий. Действительно, во время ближневосточного кризиса в 1967 г. Москва настойчиво стремилась гораздо активнее вовлекать своих союзников в Восточной Европе в решение региональных проблем. Совещание руководителей коммунистических и рабочих партий и правительств социалистических стран было создано в Москве 9 июня, в момент самой острой фазы военных действий, а затем в Будапеште 11–12 июля, когда на пятой чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН складывалась сложная обстановка вокруг проектов резолюций по урегулированию конфликта. В сентябре в Белграде высшее руководство социалистических стран обсуждало вопросы экономической помощи и экономического сотрудничества с арабскими странами, а в декабре в Варшаве министры иностранных дел этих стран вновь собирались, чтобы закрепить курс на политическую и экономическую поддержку арабских государств. Советский Союз демонстрировал всему миру, что солидарность социалистических стран с государствами Арабского Востока в трудный для них час не пустые слова, что на международной арене сложился и функционирует сплоченный блок, способный противостоять посягательствам на независимость и суверенитет народов, освободившихся от колониализма. Практическим подтверждением возможностей этого объединения были проведенные в августе 1967 г. в балканском регионе крупнейшие военно-морские маневры под кодовым названием «Родопы», в которых советские, болгарские и румынские моряки отрабатывали десантные операции с моря¹³. Кроме того, экономический, политический, военный потенциал союзников СССР был совсем не лишним в восстановлении вооруженных сил арабских стран, в решении их экономических проблем, тяжелым грузом ложившихся на плечи советской экономики.

4.2. СССР и Египет после войны: исправление ошибок

Сразу же после войны советское правительство во исполнение решений Пленума ЦК интенсифицировало контакты с арабскими странами зоны конфликта. 21 июня в Каир прибыл с официальным визитом член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорный. Насер колебался, придать ли визиту конфиденциальный или официальный характер, что, без сомнений, было связано с атмосферой недружелюбия, сложившейся в арабских странах в отношении СССР. В непростых переговорах с высшим руководством ОАР, проходивших в течение нескольких дней, сразу выявилось несовпадение позиций сторон по ряду важных вопросов. Восстановление и реорганизация египетских вооруженных сил – главный вопрос на переговорах, как стало понятно, не был для Насера задачей исключительно укрепления обороноспособности страны. Любое политическое решение для него означало капитуляцию. Он упорно настаивал в этот период на своей формуле «что отобрано силой, должно быть возвращено силой». Тем более что такая позиция пользовалась поддержкой арабской улицы. Сопровождавший Подгорного высокопоставленный офицер КГБ, арабист В. Кирпиченко, обратил внимание, что со зданий в Каире не были убраны хвастливые плакаты, в переводе на русский звучавшие так: «Абдель Насер, наш любимый, завтра будем в Тель-Авиве!»¹⁴. Советское руководство сделало вывод, что арабы «не верят в возможность политического урегулирования конфликта и ориентируются на военное решение своих споров с Израилем»¹⁵.

Для Насера было настолько важно заручиться советской поддержкой в военных вопросах, что он прозондировал советскую реакцию на его возможный отказ от политики неприсоединения и переход к открытому военно-политическому союзу с СССР и другими социалистическими странами. На переговорах в Каире ему дипломатично дали понять, что это приведет к расколу в арабском мире и негативно скажется на отношениях с неприсоединившимися государствами. Советское руководство вполне справедливо полагало, что таким образом Насер рассчитывал побудить СССР вступить в войну на стороне арабов в случае возобновления воен-

ных действий с Израилем. Брежнев с раздражением комментировал этот эпизод в выступлении на совещании социалистических стран: «Почему Советский Союз начал бы ради арабов военные действия против Израиля?.. что это за положение – воевать за другую страну, армия которой небоеспособна», – вопрошал советский Генсек¹⁶. Через несколько дней в беседе с советским послом Насер сам отказался от этой идеи, признав, что отказ от политики неприсоединения может отрицательно сказаться не только на положении ОАР в «третьем мире» и среди арабских стран, но и вызывать проблемы внутри страны¹⁷.

Очень важной новой чертой в советских взаимоотношениях с арабскими странами в послевоенный период, проявившейся уже в ходе визита Подгорного, стало усилившееся давление на арабских руководителей в вопросе о признании еврейского государства. Насеру в доверительной беседе было указано, что «Советский Союз не может поддерживать концепцию уничтожения Израиля, противоречащую марксистско-ленинской идеологии», что эта концепция не найдет поддержки и у других друзей арабских народов¹⁸. В дальнейшем, убеждая арабов пойти на признание Израиля в той или иной форме, советские руководители даже прибегали к аналогиям из истории советского государства, напоминая о Брестском мире как временном компромиссе, на который необходимо было пойти в определенных обстоятельствах¹⁹. В беседах с Бумедьеном и Арефом, находившимися в Москве в середине июля, Косыгин говорил, что формулировка о прекращении состояния войны с Израилем совсем не так важна, что необходимо проявить гибкость и отказаться от догматического подхода, думать, прежде всего, о сплочении арабских прогрессивных режимов и консолидации их военных сил²⁰.

Взяв на себя роль активного участника процесса послевоенного урегулирования, советское руководство понимало, что без смягчения арабской позиции невозможно будет преодолеть сложившийся статус-кво, отвечавший интересам Израиля, и добиться вывода израильских войск с арабских территорий. Однако у арабских противников Израиля был совсем иной настрой. Насер уклонился от советского предложения отмежеваться от концепции уничтожения Израиля как государства, заявив, что это не соответ-

ствуует настроениям арабов, которые ныне пребывают в «истерическом состоянии» по отношению к Израилю²¹. Правда, после советско-египетских переговоров в каирской печати была опубликована статья об ошибочности лозунга уничтожения Израиля. Но в целом египетский лидер, как и его более радикально настроенные союзники в Алжире, Ираке, Сирии, отвергал любые формулировки, которые даже косвенно могли бы означать признание еврейского государства, что в дальнейшем стало серьезным препятствием для выработки в ООН взаимоприемлемой формулы урегулирования.

С позиций сегодняшнего дня, вероятно, советских руководителей можно упрекнуть в том, что они не прибегали к серьезным мерам давления на арабских союзников, не обусловили, например, военную помощь требованием политических уступок. Тем более что израильское правительство в первые недели после войны проявляло готовность пойти на переговоры, вывести войска с Синаи и с Голан на условиях достижения мирных договоренностей с арабскими соседями. Может быть, была бы советская политика более гибкой и смелой в применении тех действительно мощных рычагов давления на Насера, которыми располагал СССР в тот период, можно было бы избежать и долгих лет «войны на истощение», и огромных материальных затрат на военное оснащение арабских союзников, и потери человеческих жизней, в том числе советских солдат и офицеров, и еще одной кровопролитной арабо-израильской войны в 1973 г. Но возможно ли это было в той обстановке, которая сложилась после Шестидневной войны?

В Москве вполне разделяли точку зрения арабов на войну как израильскую агрессию, спровоцированную и поддержанную империалистическими державами в целях ликвидации так называемых прогрессивных режимов, то есть, прежде всего, правительств Египта и Сирии, ориентировавшихся на Москву. Израиль в этой парадигме являлся оккупантом чужих территорий, захваченных военным путем. К позиции арабов, на протяжении двух десятилетий считавших создание Израиля незаконным и намеревавшихся продолжать войну против него до окончательной победы, относились со снисходительным пониманием. Брежнев говорил: «Мы никогда эту позицию не разделяли», – но тут же добавлял, – «бы-

ло бы неправильно не считаться с тем, что для арабов это трудный вопрос»²². Захват Израилем чужих территорий добавил к этому сочувственному отношению, как представляется, и чисто психологический момент – память об оккупации советских территорий немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой отечественной войны. Невозможно было угрожать арабам сокращением военной помощи, когда их армии оказались в катастрофическом состоянии, а враг находился буквально в нескольких переходах от Каира и Дамаска. Брежнев, по утверждению Хейкала, говорил алжирскому и сирийскому лидерам на встрече в Москве, что он потерял сон из-за постоянно поступающих сообщений о том, что израильяне готовятся перейти Суэцкий канал и в любой момент могут совершить бросок на Каир²³. О шаткости позиций режима Насера предупреждал Е.М. Примаков. Будучи корреспондентом газеты «Правда» в Каире, он писал, что «...само присутствие израильских войск на берегах Суэцкого канала, в полутора часах езды от Каира, очевидно, работает против режима»²⁴. Угроза потери своих важнейших союзников на Ближнем Востоке исключала какие-либо формы давления на них, которые еще больше ослабляли бы их позиции.

Одновременно советские руководители постоянно подчеркивали, что помощь в техническом и организационном укреплении арабских вооруженных сил оказывают не для того, чтобы сделать Ближний Восток очагом новой войны. «Наша главная линия в ближневосточном кризисе была и есть всесторонняя помощь прогрессивным арабским государствам, содействие их укреплению, предотвращение новых ударов империализма по прогрессивным режимам», – указывал Брежнев в одном из своих послевоенных выступлений²⁵. Трудно сказать, действительно ли в Москве полагались на свои возможности в сдерживании арабской воинственности в отношении Израиля. Но, как показали дальнейшие события, именно советская военная помощь обеспечила арабским противникам Израиля те ресурсы, которые позволили вести и длительную «войну на истощение», и начать новое наступление в октябре 1973 г.

По решению Политбюро военная помощь Египту и Сирии начали оказывать еще во время боевых действий, как об этом было

сказано выше. К середине июля потери этих стран в вооружении, прежде всего по самолетам и танкам, были почти полностью восстановлены. ОАР и Сирия получили около 48 тыс. т военного оборудования, которое было доставлено по воздушному мосту самолетами, совершившими 544 рейса, и пятнадцатью грузовыми судами²⁶. Жители Каира, как говорил Насер, могли наблюдать, как каждые десять минут в каирском аэропорту приземлялся советский самолет. В арабские страны направлялись десятки технических специалистов для сборки прибывавшего военного оборудования.

Советское руководство не хотело передавать арабским армиям новейшие образцы наступательных вооружений или замещать советскими частями небоеспособные арабские силы. Насеру отказали в получении дальних истребителей-бомбардировщиков. Тогда разгневанный президент предложил полностью передать под контроль советских военных всю систему противовоздушной обороны Египта. Подгорному пришлось разъяснять возмущенному египетскому лидеру, какую неблагоприятную реакцию это может вызвать на международном уровне и внутри страны²⁷. В эти первые послевоенные месяцы при малейшем обострении обстановки в зоне Суэцкого канала Насер требовал направить в Египет советские истребители с экипажами. Но в Москве относились к этим требованиям весьма сдержанно²⁸. Во время визита Подгорного в Дамаск в начале июля сирийцам также было отказано в просьбе прислать советских летчиков-добровольцев.

Принципиальная позиция советского политического и военного руководства сводилась к оказанию максимальной помощи в организации срочной подготовки собственного летного и технического персонала для обслуживания ВВС ОАР и Сирии, а также в обучении других военных специалистов владению современным оружием. Помимо этого, советские военачальники предложили руководству арабских стран широкую программу помощи в реорганизации армейского командования. Этим вопросам придавалось такое большое значение, что 16 июня в Египет прибыла группа военных экспертов во главе с маршалом М.В. Захаровым, который в то время занимал должность начальника советского Генштаба. В составе правительственной делегации, направленной в

начале июля в Сирию, также был высокопоставленный советский военный руководитель, заместитель министра обороны, генерал армии С.Л. Соколов.

Захаров пробыл в Египте с перерывами несколько месяцев и развил там бурную деятельность. Боевой советский военачальник, имевший за плечами огромный опыт оперативного командования в Великой отечественной войне, был к тому времени уже очень немолодым человеком. Тем не менее в сорокоградусную жару он лично инспектировал боевые позиции и даже показывал египетским солдатам с лопатой в руках, как должны выглядеть полно-профильные окопы. Если кто-то из египетских офицеров поднимал вопрос о дополнительном оружии, он в довольно грубом тоне обрывал его и кричал: «Зачем вам еще больше оружия? Чтобы снова отдать его Израилю? Вам нужно учиться и тренироваться. А уж потом поговорим об оружии»²⁹. Штаб Захарова в Каире работал круглосуточно и, видимо, предложил немало рекомендаций для египетской стороны. Уезжая, маршал сказал в аэропорту: «Египет в беде не оставим»³⁰.

Действительно, в вооруженных силах арабских стран возник институт советских советников, который был воспринят многими египетскими офицерами без энтузиазма. Он стал функционировать только благодаря позиции Насера, требовавшего отбросить соображения престижа и ложной гордости и начать учиться у русских. Советники прикреплялись к командирам частей вплоть до уровня бригад. При министре обороны Египта главным военным советником был назначен генерал армии П.Н. Лащенко, также занимавший командные должности в советских войсках в годы войны с фашистской Германией. К концу 1967 г., по разным сведениям, в армии ОАР насчитывалось от полутора до двух с половиной тысяч советских советников^{*,31}. Переодетые в египетскую военную форму, они направлялись в части на линию фронта. Вместе с военными в Египет присылали «на практику» студентов из советских вузов, где изучался арабский язык. Часть из них работала переводчиками в войсковых штабах, а часть направляли в прифрон-

* Израильская исследовательница советской политики на Ближнем Востоке Г. Голан приводит цифру 4 тыс.

товую зону Суэцкого канала. Сведения о потерях среди советских военных и переводчиков в этот период до сих пор остаются засекреченными. Забытая война, как стали называть уже в постсоветский период участие советских военных в обороне Египта, велась в формате совершенно секретной операции.

Для Советского Союза важным следствием войны 1967 г. было наконец частичное решение вопроса о базах для военно-морских сил в Средиземном море в портах дружественных арабских стран – Египта и Сирии. Это было тем более необходимо, поскольку сразу же по завершении военных действий по решению Министерства обороны в Средиземном море была развернута 5-я эскадра ВМФ – специальное оперативное соединение с постоянным командованием и переменным корабельным составом из кораблей Северного, Балтийского и Черноморского флотов. Задачи эскадры не были напрямую связаны с конфликтными ситуациями на Ближнем Востоке. Ее корабли должны были исполнять главным образом разведывательные функции и отслеживать передвижение подводного флота и авианосцев США и стран НАТО. В Александрии для временного базирования кораблей и подводных лодок эскадры была выделена часть причала судоремонтного завода для производства ремонтных работ. Здесь же постоянно находилась плавказарма, где размещались экипажи ремонтируемых судов, а также команда материально-технического обеспечения, решавшая организационные вопросы захода кораблей эскадры в порты и территориальные воды Египта, закупки продовольствия и доставки его на корабли в море. На египетском аэродроме Кайро-Уэст с конца 1967 г. по июль 1972 г. базировалась эскадрилья советской военно-морской авиации³².

Война заставила Насера пойти на расширение советского военно-морского присутствия, которое, как он считал, будет уравновешивать и сдерживать американский флот, особенно в случае нового военного столкновения. Но как только Подгорный во время своего визита высказал пожелание, чтобы над советскими объектами был поднят советский флаг, Насер, как писал Хейкал, вышел из себя. «Но это же империализм», – заявил он. «Это будет означать, что мы предоставляем вам базу»³³. Психология борца с колониализмом, положившего столько сил для ликвидации иностран-

ных баз на египетской территории, не позволяла пойти на такие уступки даже своим соратникам по антиимпериалистическому фронту.

Несмотря на волну антисоветских настроений, которую всколыхнуло арабское поражение в войне, со временем выявлялась очевидная истина: без советской военной помощи и политической поддержки у Египта не было ни сил, ни экономических возможностей противостоять Израилю. «Если бы не Советский Союз, мы бы оказались безоружными перед врагом и были бы вынуждены принять его условия», – говорил египетский президент по прошествии года после войны³⁴. Насер настойчиво убеждал советских представителей, что Египет движется в том же направлении, что и социалистические страны, что под его руководством страна вряд ли найдет пути урегулирования своих отношений с США. Тем более что именно в Соединенных Штатах он видел главного организатора агрессии и пособника Израиля в военных действиях против арабских стран. Конечно, такая позиция находила понимание и одобрение у советского руководства.

Однако в египетских верхах не было единства относительно просоветского курса Насера. Положение президента внутри страны оставалось неустойчивым. Помимо раскрытого в августе заговора Абдель Хакима Амера, целью которого было свержение египетского лидера, за его спиной люди из его окружения в неофициальных беседах с американцами выражали убежденность, что «Насер исчерпал себя как революционный лидер, что он больше не нужен и, в конце концов, ему будет найдена замена»³⁵. Об этих настроениях было известно и в Москве. Советский посол предупреждал Насера, что из разных источников доходят сведения о готоящемся в ОАР перевороте³⁶.

Шаткое положение режима усугублялось тяжелым экономическим положением в стране: война истощала ресурсы страны, закрытие Суэцкого канала лишало государство важного источника доходов. Рассчитывать на Советский Союз в плане преодоления экономических трудностей в Египте не приходилось. Советские представители сразу дали понять, что можно ожидать лишь ограниченной помощи продовольствием. Необходимо было изыскивать иные источники для выживания. Неудивительно, что уже в

июле 1967 г. правительственные чиновники начали зондировать почву относительно восстановления дипломатических отношений с США через секцию американских интересов в испанском посольстве в Каире*. В сентябре Хасан Сабри аль-Кули, который в американских документах назван личным представителем Президента ОАР, уже вел переговоры в Нью-Йорке об улучшении отношений между двумя странами. Неизвестно, имел ли он действительно какие-то полномочия от Насера, но он весьма убедительно заявлял, что «Насер понимает, что только США в силу их “контроля” над Израилем могут установить прочный мир на Ближнем Востоке (а не Подгорный, и не Косыгин), что только у США есть научный и технологический потенциал для того, чтобы помочь Ближнему Востоку стать счастливым и процветающим регионом». По его словам, Насер действительно считал США самой могущественной страной на земле³⁷. Поскольку кроме документа из американского архива нет подтверждений этих контактов из других источников, нельзя с уверенностью сказать, насколько это действительно отражало позицию самого президента. Но не исключено, что ему действительно приходилось маневрировать в расчете на восстановление американских программ экономической помощи, а также для того, чтобы не обострять отношений с прозападными кругами внутри страны.

4.3. Израилю отводится роль главного врага

Послевоенная ситуация, требовавшая усиления поддержки арабских стран зоны конфронтации, еще более зримой демонстрации солидарности с ними заставляла Москву ужесточать позицию в отношении Израиля. Через три дня после объявления о разрыве дипломатических отношений с ним, 13 июня, израильскому правительству была направлена нота через посольство Финляндии, представлявшее советские интересы в Тель-Авиве, с резким осуждением израильских действий на оккупированных арабских территориях. Особенно оскорбительно для израильтян было сравнение поведения их войск с действиями гитлеровских захватчиков

* 8 июня 1967 г. ОАР разорвала дипломатические отношения с США.

на территориях стран, ставших жертвами агрессии в годы Второй мировой войны³⁸. Эта же аналогия проводилась и в выступлении Косыгина на чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи 19 июня, в котором «злодеяния и насилие, совершавшиеся израильскими оккупантами на захваченных территориях», уподоблялись «преступлениям фашистов во время Второй мировой войны»³⁹.

Израильская сторона в своих ответах на советские обвинения не отказывала себе в использовании тех же исторических параллелей, напоминая о роли, которую сыграл в развязывании Второй мировой войны пакт, заключенный Советским Союзом с фашистской Германией, что повлекло за собой уничтожение нескольких миллионов евреев и других народов Европы. Израильский министр иностранных дел Эбан в ответ на выступление Косыгина на Генеральной Ассамблее прямо заявил, что «напряженность на Ближнем Востоке» и «агрессивные импульсы» всегда усугублялись действиями СССР⁴⁰. В таком конфронтационном тоне подводился итог почти двадцатилетних отношений между двумя странами.

По окончании войны перед израильским правительством встал главный вопрос – о статусе приобретенных территорий. В отношении Иерусалима в обществе складывался консенсус: аннексия Восточного Иерусалима со святыми местами в Старом городе на официальном языке провозглашалась объединением Иерусалима. Уже 27 июня Кнессет принял закон, позволявший распространять юрисдикцию и административное управление государства на любые территории Эрец-Исраэль (т.е. Земли Израиля), на основании которого была аннексирована восточная часть Иерусалима. Эти действия подверглись категорическому осуждению международным сообществом, в том числе в резолюциях, принятых большинством голосов на пятой специальной чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН*. Но израильские власти не реагировали на требования соблюдать нормы международного права.

Относительно отвоеванных у Иордании территорий на Западном берегу р. Иордан (в израильской топонимике – Иудея и Самария) единого мнения не было. Некоторые в руководстве страны

* СССР голосовал за проект резолюции по Иерусалиму, США воздержались.

считали возможным создание там автономного палестинского образования. И. Аллон* разрабатывал план аннексии Газы, Голанских высот и части долины р. Иордан с передачей в дальнейшем Иордании самых густонаселенных арабских районов. У М. Даяна** были свои предложения по созданию военных форпостов и еврейских поселений на возвышенностях, доминирующих над центральными районами проживания арабов. В сентябре было создано Движение за Землю Израиля, аннексионистские идеи которого были положены в дальнейшем в основу поселенческого движения.

В то же время 19 июня правительство приняло с перевесом в один голос секретную резолюцию, которая предполагала возвращение Синай и Голанских высот соответственно Египту и Сирии в обмен на заключение с ними мирных договоров. Газу израильтяне хотели оставить за собой для размещения там беженцев, что стало бы частью регионального плана решения этой проблемы. Египту также предлагалось согласиться с демилитаризацией Синайского полуострова, а Израилю обеспечивалась бы свобода судоходства не только в Акабском заливе, но и по Суэцкому каналу. Эбан утверждал, что этот план был через американцев передан Египту и Сирии, но они отказались его обсуждать⁴¹.

Советская сторона также была категорически против того, чтобы позволить агрессору требовать политических и территориальных уступок от арабских стран в обмен на освобождение части захваченных территорий. В своем выступлении на чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи Косыгин назвал программой аннексии намерения Израиля сохранить за собой полосу Газы, Западный берег р. Иордан, установить контроль над Иерусалимом⁴². Советский премьер очень настойчиво подчеркивал, что развязавшая войну сторона не может надеяться извлечь для себя какие-то выгоды из этого. Он заявил, что Объединенные Нации призваны дать отпор притязаниям Израиля, иначе «новые большие и малые агрессоры могут пытаться захватить территории других миролюбивых стран»⁴³. Правда, ни в одном публичном

* Игал Алон в 1967 г. занимал пост министра труда.

** Моше Даян в 1967 г. – министр обороны.

выступлении советских руководителей ни до войны 1967 г., ни в более поздние периоды нельзя найти столь же категоричного осуждения позиции арабов, которые ставили под сомнение не только территориальную неприкосновенность Израиля, но и само его существование.

Неизбежным следствием июньских событий на Ближнем Востоке стало усиление антиизраильской тональности на всех уровнях мощной советской пропаганды. Причем если ранее в лексике, избираемой для описания израильской политики, еще соблюдалась некоторая корректность, то в новых условиях демонизация Израиля достигла небывалых высот. В своем стремлении навязать советским гражданам концепцию войны как удара американского и английского империализма по национально-освободительному движению, нанесенного силами марионеточного Израиля, советская пропаганда полностью игнорировала внутренние арабо-израильские противоречия, усматривая в конфликте лишь классовую природу. В публичных выступлениях советских руководителей становились нормой грубые, оскорбительные выпады против Израиля, который «бросает наглый вызов миролюбивым государствам». Самым решительным образом осуждались действия «завравшихся правителей» Израиля на оккупированных территориях арабских стран. «Агрессоры ведут себя здесь, как самые оголтелые разбойники. В своих зверствах по отношению к мирному арабскому населению они, видимо, стремятся копировать злодеяния гитлеровских захватчиков», — заявлял Брежнев в речи перед выпускниками военных академий 5 июля⁴⁴.

По-видимому, сведения о происходившем на оккупированных территориях черпались главным образом из арабских пропагандистских источников. В советской прессе и даже в академической литературе поведение израильских солдат на захваченных территориях изображалось как череда абсолютных бесчинств. Действительно, было зафиксировано немало случаев, когда обращение израильских военных с гражданским населением переходило границы гуманности. Но рассказы о массовых арестах и расстрелах мирного населения были искажением реальности. В своем обличительном пафосе советские специалисты по международному праву доходили до явных курьезов, осуждая насильственное навязывание

зывание израильского гражданства жителям захваченных территорий⁴⁵, тогда как Израиль всячески стремился избавиться от попавшего под его контроль арабского населения.

Конечно, обвинения Израиля в совершаемом на оккупированных территориях насилии и притеснениях арабов имели под собой веские основания. В результате этой политики около четверти населения Западного берега р. Иордан (200–250 тыс. чел.) оказались беженцами. Около 70 тыс. покинули Газу. На следующий день после окончания военных действий начался организованный вывоз арабов из Восточного Иерусалима. Причины этого массового исхода были разными – от добровольного ухода в панике и страхе перед израильскими войсками до насильственного вытеснения израильскими войсками. Израильская армия систематически разрушала арабские населенные пункты, особенно в стратегически важных районах, таких как приграничная полоса на юге Западного берега, Тулькарм, Латрунский «язык»⁴⁶.

Но факты негуманного, жестокого поведения израильских военных в отношении арабского населения вскрывались в самом Израиле. Очень активную роль в проведении послевоенного самоанализа национального масштаба сыграло движение кибуцников, которое инициировало через несколько недель после войны сбор воспоминаний участников боевых действий. В результате был издан сборник «Говорят солдаты», в основу которого были положены интервью со 140 израильскими военными, принимавшими участие в Шестидневной войне. Было распродано около 100 тыс. экземпляров книги, невероятно большой тираж для Израиля⁴⁷. Собранные в этом издании рассказы о страшном опыте обращения с населением завоеванных территорий говорили о том, какую цену обесчеловечивания и ожесточения пришлось заплатить за военные победы, вызывавшие такой общенациональный восторг. Как писал израильский журналист и историк Т. Сегев, книга ««Говорят солдаты» показала, что многие израильтяне испытывают потребность быть не только сильными победителями, но и справедливыми»⁴⁸. Вряд ли в Советском Союзе кто-то знал об этом издании или обратил на него внимание, хотя оно говорило о зрелости израильского общества, способного критически осмысливать свои, казалось бы, бесспорные победы.

Однако руководителям Советского государства важно было убедить советский народ, что проводившаяся на Ближнем Востоке политика правильна, что те огромные материальные и человеческие ресурсы, брошенные на поддержку арабов в ходе войны и после нее, были необходимой помощью дружественным народам в противостоянии агрессии Израиля, поощрявшейся силами империализма. Нельзя забывать, что в 1967 г. с большим размахом отмечалось пятидесятилетие Великой Октябрьской социалистической революции и вопросы внешней политики непосредственно увязывались с торжеством ее идей по всему миру. У советских людей не должно было возникать сомнений в том, что именно СССР выступает на стороне добра, проводя политику, отвечающую интересам народов, борющихся за свою независимость, в то время как Израиль является тем злом, которое используется для нанесения ударов по национально-освободительному движению.

Молниеносная победа Израиля над арабами, продемонстрированные израильянами во время войны превосходные военные навыки и сила духа произвели огромное впечатление на еврейское население в СССР. У советских евреев израильские свершения вызвали необыкновенный подъем национальных чувств. Гордость за победы Израиля всколыхнула национальное самосознание. В то же время увеличилось число желающих эмигрировать: как отмечают специалисты, в конце лета 1967 г. ОВИРы* получали массовый поток заявлений на выезд в Израиль⁴⁹. Антиизраильский, антиссионистский натиск в советской пропаганде работал также на сдерживание этих настроений, хотя, как впоследствии признавали руководившие страной в тот период деятели, эти усилия были малоэффективными⁵⁰. Вместе с тем официально санкционированное шельмование Израиля открыло двери для широкой антиссионистской кампании, развернувшейся во всю силу уже в 1970-е гг. Книги с говорящими названиями «Осторожно: сионизм!»⁵¹, «Фашизм под голубой звездой»⁵², имевшие нескрываемый антисемитский окрас, выходили в следующие годы немалыми тиражами в официальных государственных издательствах. Их отличало извращенное изображение, а порой и просто фальсификация фактов, касаю-

* Отделы виз и регистрации (*прим. ред.*).

щихся сионистского движения, создания Израиля, его внутренней и внешней политики, искаженное разъяснение причин и характера арабо-израильского конфликта. Авторы этих работ пользовались поддержкой на высоких уровнях партийно-государственного аппарата⁵³.

4.4. Поиски формулы политического урегулирования в ООН

Обстановка в зоне конфликта оставалась напряженной. В зоне Суэцкого канала перестрелки возобновились очень быстро. Они инициировались обеими сторонами. Израиль стремился укрепиться в тех пунктах на восточном берегу канала, которые он не успел захватить во время наступления 8 июня. Арабская сторона открывала огонь по израильским позициям, и в ответ израильские войска наносили непропорционально мощные удары с применением танков и авиации по расположенным в прибрежной полосе населенным пунктам. В советских обращениях в Совет Безопасности ООН, в заявлениях ТАСС⁵⁴ Израиль обвиняли в провоцировании военных столкновений с арабскими государствами. Однако в Совете Безопасности ООН жесткие советские формулировки, требовавшие немедленного, без всяких условий отвода израильских войск с захваченных территорий ОАР, Сирии, Иордании⁵⁵, блокировались США и другими западными державами.

13 июня 1967 г. министр иностранных дел СССР А.А. Громыко обратился к Генеральному секретарю ООН с письмом, в котором выдвигалось требование немедленного созыва чрезвычайной специальной сессии ООН в целях принятия решения о ликвидации последствий агрессии Израиля и вывода израильских войск за линию перемирия^{*56}. Для СССР было важно закрепить за ООН ведущую роль в поисках мира на Ближнем Востоке, не допустить перехода инициативы в этом вопросе к американцам. Именно Генеральная Ассамблея и Совет Безопасности рассматривались как наиболее подходящие платформы для достижения таких решений,

* Имелась в виду линия, установленные соглашениями о перемирии, подписанными между Израилем и арабскими странами в 1949 г.

которые устраивали бы советскую сторону. Кроме того, в Москве рассчитывали и на пропагандистский резонанс: самый представительный международный форум должен был привлечь внимание мировой общественности к «агрессивным проискам империалистов» и обеспечить поддержку большинства членов ООН в вопросе о выводе израильских войск с арабских территорий, что, с советской точки зрения, являлось главным условием для дальнейшего продвижения по пути установления мира.

Важность поставленной задачи подчеркивалась дипломатическим наступлением, которое Москва предприняла для, чтобы добиться созыва чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи и обеспечить как можно более высокий уровень представительства на ней. Была достигнута договоренность со всеми социалистическими странами – членами ООН, что их делегации на Ассамблее, как и делегацию СССР будут возглавлять премьер-министры и министры иностранных дел. На пути в Нью-Йорк председатель Совета министров СССР А.Н. Косыгин провел встречу в Париже с президентом де Голлем, стремясь заручиться поддержкой Франции в продвижении советской позиции. Расчеты строились на том, что де Голль довольно резко осуждал политику Израиля и захват арабских территорий, это создавало точки соприкосновения французской позиции с советской. Франция, имея традиционно тесные связи с рядом арабских стран, могла оказать влияние на их позицию в ООН нужным для Москвы образом.

В Вашингтоне к предложению о созыве чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи отнеслись без энтузиазма. На проходившем в те дни совещании министров стран – членов НАТО американцы убеждали союзников не отдавать свои голоса в поддержку советской инициативы⁵⁷. Однако слухи о том, что в Нью-Йорк собирается приехать советский премьер-министр, подстегнули интерес мировых лидеров к этому мероприятию. Около 90 государств – подавляющее большинство членов ООН поддержали советское предложение. США и Израиль высказались против.

Пятая чрезвычайная специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН открылась 17 июня. Выступление советского председателя Совмина Косыгина, состоявшееся 19 июня, было выдержано в характерном для того периода советском стиле резкого осужде-

ния Израиля и империалистических кругов, на которые он опирался в своей политике.

Выступление главы советской делегации, председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгина на пленарном заседании в ходе 5-й чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по Ближнему Востоку. Нью-Йорк, 19 июня 1967 г.

Арабские страны были представлены исключительно жертвами Израиля и поддерживающих его западных империалистических держав. В докладе подтверждалась известная советская точка зрения, что война между Израилем и арабскими государствами не являлась следствием какого-нибудь недоразумения или недостаточного понимания сторонами друг друга, но должна рассматриваться в контексте всей международной обстановки. Исходя из этого ключевого тезиса, глава советского правительства представлял очень произвольное толкование всех событий, предшествовавших войне, а также самого хода военных действий. Из его доклада следовало, что главной причиной военного конфликта на Ближнем Востоке была исключительно агрессивная сущность израильской

политики, направленной на территориальные захваты, а также на свержение режимов в Сирии и ОАР, которые вызывали ненависть империалистов, подавая пример независимого прогрессивного развития другим народам. В этом «широком видении ближневосточной ситуации», как характеризовал речь Косыгина даже много десятилетий спустя советский дипломат – непосредственный участник тех событий⁵⁸, совершенно отсутствовало понимание угроз, которые исходили для Израиля с арабской стороны, даже речи не было об ответственности арабских лидеров за действия, спровоцировавшие Израиль на нанесение удара. Косыгин все же несколько смягчил негативную и далекую от объективности оценку политики Израиля, упомянув, что Советский Союз не является противником Израиля как государства, но выступает против агрессивной политики, проводимой его правящими кругами.

При всей искаженной трактовке военных событий на Ближнем Востоке, несправедливых обвинений одного лишь Израиля в эскалации напряженности в отношениях с арабскими странами, приведшей к войне, речь советского руководителя была пронизана антивоенным пафосом. Он заявил, что Советский Союз «решительно осуждает попытки любого государства проводить агрессивную политику в отношении других стран, политику захвата чужих территорий и подчинения живущих там народов». Вполне резонно глава советского правительства указывал, что региональные конфликты, являющиеся нарушением мира, быстро могут перерасти в большую войну, в которой ни одно государство не сможет остаться в стороне.

В основу предложенного СССР проекта резолюции как раз и было положено то видение ситуации, которое представил в своем выступлении Косыгин. Единственным препятствием для восстановления мира советское правительство считало оккупацию Израилем арабских территорий. Поэтому в этом документе отсутствовали какие-либо принципы, на которых должны строиться отношения между арабскими странами и Израилем для предотвращения новых военных вспышек. Это был, скорее, ультиматум Израилю-агрессору, осуждавший продолжавшуюся оккупацию территорий арабских стран и требовавший немедленного и безусловного вывода всех его сил с территорий этих стран на позиции за линии

перемирия 1948 г. К тому же от Израиля требовалось полностью и как можно быстрее возместить ущерб, причиненный его агрессией ОАР, Сирии, Иордании. Дальнейшие меры по ликвидации последствий агрессии предлагалось принимать Совету Безопасности ООН⁵⁹.

В тот же день, 19 июня, президент Джонсон обнародовал американские принципы, которые, как предполагалось, должны быть положены в основу поисков мира на Ближнем Востоке. Джонсон отказался от выступления перед Генеральной Ассамблеей. Американцы скептически оценивали возможность добиться на этом широком международном форуме каких-либо результатов, полезных для достижения мира на Ближнем Востоке, и считали, что Советский Союз использует его в своих пропагандистских интересах. Американский президент также хотел избежать вероятной обструкции со стороны делегаций арабских стран, которые могли покинуть зал заседаний в момент его выступления. Пять пунктов, разрабатывавшихся в администрации президента с самого начала войны с прицелом выдвижения США на посредническую роль в процессе политического урегулирования, были изложены в речи Джонсона на конференции работников образования. В них предусматривалось, что каждый народ в ближневосточном регионе имеет право на жизнь и на уважение этого права соседями. Во-вторых, необходимым условием для урегулирования было названо справедливое решение проблемы беженцев. В-третьих, как всегда, особо был выделен вопрос о соблюдении прав судоходства по морским путям. В-четвертых, американский президент подчеркнул большую опасность для Ближнего Востока гонки вооружений, развернувшейся в последние 12 лет, и предложил возложить на ООН контроль над поставками оружия в этот регион. И, наконец, в пятом пункте указывалось, что кризис подтвердил особую важность уважения независимости и территориальной целостности всех государств региона⁶⁰.

На следующий день, 20 июня, Генеральный секретарь ЦК КПСС Брежнев в своем докладе на пленуме ЦК КПСС охарактеризовал речь Джонсона как поддержку экспансионистских устремлений Израиля за счет законных прав и интересов арабов. Логика советского мышления заключалась в том, что американцы с

провокационными целями вызывающе предлагали ограничить гонку вооружений в регионе в тот момент, когда ОАР и Сирия остались по существу безоружными*. Американские предложения осуждались из-за того, что в них не нашлось места важнейшему, с советской точки зрения, вопросу о противоправности территориальных захватов вооруженным путем. Советскую сторону возмущало нежелание американцев конкретизировать вопрос о выводе израильских войск с захваченных арабских территорий, что интерпретировалось как намерение использовать эту решающую карту в дальнейшем политическом торге, то есть добиться пересмотра границ в пользу Израиля.

На основе пяти пунктов Джонсона американская делегация выдвинула 20-го числа свой проект резолюции, который вследствие бесперспективности его одобрения не был поставлен на голосование. По советскому проекту голосование проводилось по отдельным пунктам, которые набрали от 43 до 45 голосов, чего было недостаточно для принятия резолюции.

Разнонаправленность советской и американской позиций по установлению мира на Ближнем Востоке тяготела над всей работой чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи. Попытка найти общий язык по этому вопросу, предпринятая на встрече президента Л. Джонсона и главы советского правительства А.Н. Косыгина в Глассборо 23 и 25 июня, ни к чему не привела. Косыгин обвинял американцев в поощрении израильского экспансионизма и вероломстве по отношению к Насеру и предрекал, что арабы будут ожесточенно сражаться, чтобы вернуть свои земли без всяких условий⁶¹.

Разработка проектов резолюций на Генеральной Ассамблее происходила в противоборстве двух подходов к восстановлению мира на Ближнем Востоке. Арабские страны при поддержке Советского Союза и ряда неприсоединившихся стран** продвигали концепцию безусловного вывода израильских войск с оккупированных территорий, категорически отвергая какие-либо формули-

* США в это время приостановили поставки оружия Израилю. Но уже в конце 1967 г. велись переговоры об увеличении военной помощи.

** Имеются в виду государства – участники Движения неприсоединения.

ровки, которые могли бы интерпретироваться как признание Израйля или прекращение состояния войны с ним. Как о большой уступке с целью решения вопроса о выводе израильских войск глава делегации ОАР М. Фавзи говорил о готовности его правительства разрешить мирный проход судов всех государств (имелся в виду и Израиль) через Тиранский пролив без заключения каких-либо официальных соглашений по этому вопросу. В позиции арабов основной упор делался на миротворческих усилиях Генерального Секретаря и органов ООН по наблюдению за перемирием. Они соглашались с тем, что после вывода израильских войск все вопросы послевоенного урегулирования должны быть переданы на рассмотрение Совета Безопасности. Советские дипломаты считали, что именно при такой процедуре арабы получают наибольшую выгоду, так как при обсуждении проблем арабо-израильских отношений в Совете Безопасности им будет обеспечена поддержка СССР вплоть до применения им права вето⁶².

В результате многочасовых консультаций, в которых непосредственное участие принимала советская делегация во главе с министром иностранных дел А.А. Громыко, был разработан так называемый проект неприсоединившихся стран. В нем Израйлю предлагалось отвести свои войска на позиции, где они находились до 5 июня 1967 г. Обеспечение выполнения этой резолюции возлагалось на Генерального Секретаря ООН, на назначенного им личного представителя и на орган ООН по соблюдению перемирия. Совету Безопасности предлагалось рассмотреть все аспекты ситуации на Ближнем Востоке и найти мирные пути и средства решения всех проблем⁶³.

Этот подход в корне не устраивал Израйль. Израильское руководство стремилось избежать ситуации, сложившейся после Суэцкого кризиса 1956 г., когда не удалось конвертировать военные успехи в политические приобретения. При всем разнообразии мнений в израильском истеблишменте относительно будущего статуса завоеванных территорий преобладающим принципом становилось урегулирование отношений с арабскими соседями только в прямых переговорах, в ходе которых территориальный вопрос решался бы в обмен на заключение мира, то есть складывалась бы известная формула «мир в обмен на землю». Президент

Джонсон, в отличие от президента Эйзенхауэра в 1956–1957 гг., поддерживал израильскую позицию о невозможности возвращения к довоенному статус-кво без заключения мира между Израилем и арабскими странами. Для Соединенных Штатов важно было, чтобы в документе ООН нашли отражение формулировки о признании Израиля как государства и его права на существование в мире.

Проект резолюции, представленный двадцатью латиноамериканскими странами, был гораздо ближе к американским представлениям о стабилизации положения на Ближнем Востоке. Наряду с требованием вывода всех израильских сил с оккупированных территорий в нем сторонам предлагалось положить конец состоянию войны и создать условия сосуществования на основе добрососедства и мирного решения возникающих проблем. Совету Безопасности предлагалось воплотить в реальность отвод израильских войск, то есть создать соответствующие механизмы для его осуществления, а также заняться рассмотрением вопросов обеспечения свободы судоходства в международных водах и решением проблемы беженцев, что фактически напрямую повторяло пункты американских предложений. Латиноамериканские страны, традиционно проявлявшие большую озабоченность положением святых мест в Иерусалиме, в свой проект включили также пункт о желательности установления международного режима в Святом городе⁶⁴.

Наиболее радикальный проект резолюции был представлен Албанией. В нем не только осуждалась агрессия Израиля и оккупация им чужих территорий, но в самых резких тонах порицались США и Великобритания за поощрение агрессора и поддержку его аннексионистских планов. В албанском проекте категорически утверждалось исключительное право ОАР решать вопрос о проходе судов израильского агрессора по Суэцкому каналу и Тиранскому проливу⁶⁵.

Советская дипломатия предприняла самые энергичные усилия, чтобы чрезвычайная сессия завершилась принятием резолюции, требующей вывода израильских войск на исходные позиции. Всем советским послам в странах Азии, Африки и Латинской Америки, а также в колеблющихся европейских странах были разосланы

специальные директивы с указанием проводить работу в поддержку позиции арабских государств и соответствующей резолюции. Особые надежды возлагались на Францию, поскольку ее позиция по отводу израильских войск к линиям, на которых они стояли до 5 июня, непризнание ею территориальных захватов как свершившегося факта и подтверждение права всех народов Ближнего Востока на независимое существование были особенно близки советскому видению.

Тем не менее проведенное 4 июля на Генеральной Ассамблее голосование показало, что ни один из выдвинутых проектов резолюций по восстановлению мира на Ближнем Востоке не набирает необходимых двух третей голосов стран-членов. Одобрение получили только проект резолюции, касавшийся гуманитарных аспектов, – обращение с военнопленными и помощь гражданскому населению, а также резолюция, объявлявшая незаконными все меры, принятые Израилем в отношении Иерусалима, и требовавшая отказать от каких-либо действий по изменению его статуса⁶⁶.

Работа пятой чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи, таким образом, зашла в тупик. Были голоса, прежде всего с американской стороны, предлагавшие завершить ее. Советские представители, напротив, добивались продолжения сессии, поскольку сама ее работа имела большое пропагандистское значение, являя миру, с точки зрения СССР, суть американской политики поощрения агрессора. Советская делегация во главе с Громыко не теряла надежды добиться результатов, соответствующих интересам арабов. По настоянию СССР заседания Генеральной Ассамблеи были отложены.

Затем советская сторона развернула беспрецедентную по интенсивности закулисную дипломатическую деятельность, чтобы убедить, прежде всего, Насера смягчить свою позицию в отношении формулировок о прекращении состояния войны с Израилем. Помимо посланий, передававшихся египетскому президенту через посла в Каире, в ОАР был направлен со специальной миссией заместитель министра иностранных дел Я. Малик. Суть советских разъяснений сводилась к тому, что соответствующие формулировки не потребуют от арабских стран ни признания Израиля, ни ведения с ним переговоров, ни установления мира, но будут лишь

означать соблюдение общего принципа неприменения силы в отношении друг друга⁶⁷.

На втором этапе чрезвычайной сессии в разработке проекта резолюции по послевоенному урегулированию важную роль играли переговоры между американскими и советскими представителями. Причем с начала июля активное участие в них принимал советский посол в Вашингтоне А.Ф. Добрынин. Видимо, это было связано с тем, что он, базируясь в Вашингтоне, мог обеспечивать связь с высшим американским руководством более оперативно. Кроме того, Госдеп сообщил советским дипломатам о большом возмущении американской общественности содержанием и тоном выступлений в ООН советского представителя Н.Т. Федоренко⁶⁸, который позволял себе оскорбительно высказываться в адрес не только Израиля, но и США. Дипломатичный и сдержанный Добрынин был более приемлемым собеседником для госсекретаря Д. Раска и представителя США в ООН А. Голдберга.

Переговоры были непростые, и в конечном итоге советской делегации пришлось принять за основу латиноамериканский проект, в котором был заложен принцип уравновешенного подхода к сторонам конфликта: вывод израильских войск должен сопровождаться отказом всех стран региона от состояния войны. У советских дипломатов главные возражения вызывали как раз формулировки о прекращении состояния войны или состояния враждебности, которые были совершенно неприемлемы для арабских стран зоны конфликта. Громыко, стремясь найти компромиссные варианты, предлагал совместить требование вывода израильских войск с формулой мира на основе уважения суверенитета стран Ближнего Востока в широком смысле, как об этом говорится в Уставе ООН⁶⁹.

В новом проекте резолюции стран Латинской Америки, представленном 13 июля, были учтены многие требования Советского Союза. Во-первых, подтверждался принцип, согласно которому захват территории в результате войны является нарушением Устава ООН, т.е. фактически осуждалась израильская агрессия, чего не было в предыдущем латиноамериканском проекте. Во-вторых, конкретизировалось, что израильские войска должны быть выведены на их первоначальные (т.е. довоенные) позиции. В-третьих, в соответствии с предложениями Громыко была разработана до-

вольно замысловатая формулировка, указывавшая, что «политический суверенитет и территориальная целостность государств — членов ООН на Ближнем Востоке дают им право на свободу от угрозы войны и что, следовательно, ожидается прекращение состояния войны или отказ от претензий, связанных с таковым, всеми этими государствами»⁷⁰. Поддерживалась и советская позиция о приоритетной роли Совета Безопасности в дальнейшем урегулировании всех аспектов конфликта.

19 июля советская делегация получила от американской стороны некоторые поправки к этому тексту, и он был разослан арабским странам и странам социалистического лагеря. Причем в советской версии появилась формулировка, содержащая требование вывода войск с территорий, оккупированных после 4 июня 1967 г., т.е. со всех территорий, захваченных Израилем в ход военных действий⁷¹. Когда Добрынин показал этот вариант Голдбергу, тот заявил, что он совершенно неприемлем и что в Вашингтон был отправлен текст, не содержащий этого последнего дополнения⁷². В дальнейшем этот документ, который называли согласованным советско-американским проектом резолюции от 20 июля, стал предметом настоящей дуэли между советскими и американскими дипломатами, когда во время очередной сессии Генеральной Ассамблеи в октябре—ноябре вновь обсуждался вопрос о Ближнем Востоке⁷³.

Советским послам в ОАР, Алжире, Ираке и Сирии была разослана телеграмма, в которой МИД СССР требовал разъяснить арабским руководителям преимущества представленного проекта, делая упор на том, что вопрос о прекращении состояния войны поставлен в гибкой форме и не повлечет за собой каких-либо политических обязательств со стороны арабских государств в отношении Израиля. То есть из него исключены вопросы, на которых настаивали американцы и их союзники, и он более соответствует арабским требованиям. В обращении подчеркивалось, что в Совете Безопасности СССР всегда будет действовать в интересах арабских государств. Москва предлагала арабским союзникам поддержать этот проект, который позволил бы вести с более выгодных для арабов позиций дальнейшую борьбу за ликвидацию последствий израильской агрессии⁷⁴.

Однако из Каира, где в середине июля проходило совещание глав пяти арабских государств – ОАР, Алжира, Сирии, Ирака и Иордании – пришло сообщение, что они отклоняют этот проект, как и «все другие проекты резолюций, в которых содержится в какой-либо форме положение о прекращении состояния войны»⁷⁵. Насер заявил, что арабские страны и так пошли на большие уступки. Он считал, что принятие резолюции, содержащей в какой-либо форме положение о прекращении состояния войны, выгодно прежде всего США, т.к. это может привести к падению прогрессивных режимов в ОАР и Сирии, а также рассорить Советский Союз с его арабскими друзьями⁷⁶.

Несмотря на все титанические усилия советской дипломатии, предпринятые, чтобы убедить арабские страны зоны конфликта принять скорректированный проект резолюции, на арабской стороне возобладала точка зрения радикального меньшинства, не желавшего идти ни на какие компромиссы. Возможно, свою роль в этом сыграло и то, что арабы ощущали постоянно подчеркивавшуюся безусловную поддержку со стороны Советского Союза. Хотя советские руководители не раз говорили, что арабская позиция непризнания Израиля противоречит марксистско-ленинским принципам, среди аргументов в пользу принятия очередного проекта резолюции главным был тот, что этот документ не предполагает никаких обязательств со стороны арабских государств относительно юридического признания Израиля, или ведения с ним переговоров, или заключения мирного договора. Таким образом, фактически поощрялось сохранение устойчивой враждебности в отношении еврейского государства.

В свое время Е.М. Примаков, оценивая ситуацию на чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи, указывал, что в латиноамериканской резолюции более определенно ставился вопрос о выводе израильских войск со всех оккупированных территорий, чем это в конце концов было зафиксировано в резолюции 242 Совета Безопасности. Так, с его точки зрения, была упущена возможность уже на более ранних этапах добиться более выгодного для арабов решения⁷⁷. Однако совсем не обязательно этот проект, даже будучи поставлен на голосование, получил бы необходимую поддержку, тем более что США неизменно негативно относились

к какой-либо конкретизации вопроса о территориях. К тому же резолюция Генеральной Ассамблеи имела рекомендательный характер и вряд ли могла бы существенным образом повлиять на дальнейшее развитие событий в ближневосточном регионе.

Пятая чрезвычайная сессия Генеральной Ассамблеи завершила свою работу 21 июля, предварительно приняв еще одну резолюцию по Иерусалиму, в которой вновь от Израиля требовалось прекратить действия, направленные на изменение его статуса⁷⁸. В Заявлении советского правительства, опубликованном в советской прессе, выражалось негодование, что из-за позиции США и их грубого нажима на другие страны Генеральная Ассамблея не смогла принять «действенного решения о ликвидации последствий израильской агрессии, о выводе израильских войск с захваченных территорий»⁷⁹. То есть вновь давалась довольно упрощенная интерпретация той сложной дискуссии, которая велась на чрезвычайной сессии по поводу сбалансированности подхода к участникам конфликта.

Казалось бы, советская дипломатия потерпела неудачу, не сумев добиться поставленных целей: принятия документа, осуждавшего израильскую агрессию и требовавшего безусловного вывода израильских войск с оккупированных территорий. С другой стороны, возросшее советское участие в поисках решения проблем послевоенного урегулирования на Ближнем Востоке, признание американской стороной Советского Союза как основного партнера в совместной разработке принципов, которые должны быть положены в основу документа ООН по преодолению кризиса в регионе, свидетельствовали о его качественно новой роли на этом направлении международной политики. Впервые в истории Советский Союз был так глубоко вовлечен в решение судеб ближневосточного региона. Если в Суэцком кризисе в 1956 г. СССР, прибегнув к угрозе применения оружия массового поражения для прекращения военных действий, фактически не принимал участия в послекризисном урегулировании, то в 1967 г. советская дипломатия играла ведущую роль в поисках решений послевоенных проблем. Однако из-за несбалансированности советской позиции, слишком большого крена в сторону арабов при полном игнорировании интересов Израиля советские действия были малоэффек-

тивными. Джонсон по завершении Генеральной Ассамблеи с иронией писал британскому премьер-министру: «Мы тут находимся в процессе зачистки после атаки мистера Косыгина»⁸⁰, а Громыко обвинял американцев в том, что они мешали СССР оказывать влияние на экстремистские тенденции в арабском мире⁸¹. Но в целом Советскому Союзу удалось легитимировать свою роль как главного участника политического процесса, направленного на преодоление конфликта.

4.5. У Насера своя игра

В самом конце августа в суданской столице Хартум открылся саммит арабских государств, на котором была заявлена довольно противоречивая арабская позиция. На этой встрече, где присутствовали главы всех арабских государств, кроме Сирии, было принято решение о единстве арабских стран в политических действиях, направленных на возвращение арабских территорий и реализацию прав палестинцев. Но одновременно в итоговом документе конференции был зафиксирован принцип трех нет: нет признанию Израиля, нет переговорам с ним, нет заключению мирного договора или соглашения с ним. В нем также указывалось на необходимость принимать все меры для усиления военной готовности.

В зарубежной литературе было много споров о том, была ли конференция в Хартуме демонстрацией арабской умеренности или, наоборот, победой арабского радикализма. Иорданский король Хусейн утверждал, что конференция «заморозила» арабских экстремистов⁸². В трактовке министра иностранных дел ОАР Риада, Насер как самый влиятельный арабский лидер стремился к тому, чтобы принятые решения удовлетворили запросы общественного мнения, отвергая какие-либо отношения с Израилем, но в то же время, признавая возможность политического урегулирования⁸³.

Хартум послужил сигналом для усиления давления американцев на арабов. В Вашингтоне отмечали в качестве положительного фактора признание арабскими странами того, что вернуть свои территории они могут только политическим, а не военным путем. Но в то же время принятые решения заставляли сомневаться в

том, что они как группа стран изменили свое отношение к Израилю и пришли к каким-либо реалистичным заключениям относительно уступок, на которые придется пойти в целях урегулирования. Поэтому у американских дипломатов возникло предложение, чтобы арабские страны в официальном заявлении или специальном письме подтвердили свое согласие с обоими принципами, которые будут зафиксированы в резолюции ООН (отвод войск и признание права государства на самостоятельное национальное существование)⁸⁴. От Израиля, правда, подобных заявлений не требовали.

Хартумское заявление дало Израилю еще один повод утвердиться в мнении о бесполезности каких-либо резолюций ООН. Израильяне полагали, что арабы, только осознав со временем безальтернативность ситуации после нанесенного им поражения, вынуждены будут пойти на дальнейшие шаги в целях урегулирования. Летний советско-американский проект резолюции и так вызывал у них отторжение, поскольку он создавал возможность для Советского Союза и арабов требовать отвода войск к линиям, существовавшим на 4 июня. Это лишило бы Израиль перспективы договориться о «разумных и безопасных границах», то есть о территориальных приращениях в свою пользу. Хартум укрепил израильян в мнении, что при формировании своей позиции им следует исходить из соображений безопасности, то есть сохранять контроль над занятыми территориями. Эбан, правда, в контактах с американцами давал понять, что при достижении соглашения о мире с арабами переговорная позиция Израиля может стать более гибкой⁸⁵.

В советской оценке Хартума акцент все же был сделан на том, что конференция стала важной вехой на пути консолидации арабских стран и продемонстрировала их намерения решать проблему освобождения оккупированных Израилем территорий политическим и дипломатическим путем. В эти осенние месяцы не прекращались интенсивные советские контакты с высшим руководством арабских стран зоны конфликта. Причем советское руководство всячески поощряло более реалистичный подход, по крайней мере, ОАР и Иордании в отношении советско-американского проекта резолюции от 20 июля. В начале октября в Москве с официаль-

ным визитом побывал иорданский монарх, миссия которого состояла в том, чтобы подтолкнуть СССР к более активному лоббированию в ООН арабской интерпретации формулировок, содержащихся в этом документе.

Египетский президент также очень активно обсуждал с советскими представителями меры, направленные на быстрое урегулирование. Но содержание резолюции ООН, как представляется, было для него второстепенным вопросом. Важнее было, проявляя заинтересованность в продолжении политического процесса, постоянно напоминать, что Египту необходимо «создать сильную наступательную армию, которая была бы способна освободить свою страну от захватчиков»⁸⁶, и требовать от Советского Союза новых поставок оружия и направления дополнительных военных советников. Как утверждал Хейкал, Насер прекрасно осознавал, что выдвинутые арабами условия для урегулирования вряд ли могут привести к каким-то результатам. Но он рассчитывал, что неудача на политическом поле заставит СССР согласиться на расширение масштабов военной помощи⁸⁷.

В эти послевоенные месяцы Насер действовал как очень искусственный государственный деятель. В драме под названием «послевоенное урегулирование» он говорил с каждым из ее действующих лиц разным языком. Перед советским послом в Каире он всячески разоблачал американцев, которые, как он говорил, «презирают наш режим и особенно меня лично», подчеркивал свое недоверие к руководителям США и особенно ЦРУ, «которые спят и видят, как бы его убрать с поста президента ОАР»⁸⁸. Возможно, посол С.А. Виноградов в своих телеграммах в Москву несколько утрировал неприязнь египетского президента к американцам, но не приходится сомневаться, что Насер, делая акцент на антиамериканизме, усиленно стремился создавать доверительную атмосферу в отношениях с Советским Союзом.

В то же время он понимал, что только Соединенные Штаты имеют необходимые реальные рычаги для оказания помощи арабам в возвращении их территорий. После конференции в Хартуме во время конфиденциальной встречи с Хусейном он настойчиво рекомендовал ему немедленно обратиться к американцам и, игнорируя дух «трех нет», добиваться договоренностей с Израилем по поводу За-

падного берега. Насер был уверен, что рано или поздно Египет восстановит суверенитет над Синаем, но было понятно, что Израиль не упустит возможности освоить и заселить Западный берег и изменить статус Иерусалима. Обещанная Насером политическая и моральная поддержка сыграла важную роль в решении короля Хусейна провести при американском содействии уже в конце 1967 – начале 1968 г. ряд секретных встреч с представителями израильского правительства для обсуждения вопроса о территориях⁸⁹.

Советское руководство было осведомлено о контактах Насера с американцами. Когда в конце октября в Каир прибыл американский бизнесмен Р. Андерсон, не в первый раз исполнявший конфиденциальные поручения американской администрации на Ближнем Востоке, Насер немедленно отправил в советское посольство М. Хейкала, чтобы передать информацию о беседах с американским эмиссаром. Миссия Андерсона была представлена Хейкалом как очередная американская попытка оказать давление на арабов и заставить их пойти на прямые переговоры с Израилем, отказавшись от надежд на достижение результатов через структуры ООН. Хейкал также отметил высказанное американцем недовольство по поводу визитов в порты ОАР советских военных кораблей. Особый упор он сделал на том, что правительство ОАР намерено вновь призвать всех арабских лидеров к единым действиям в противостоянии империалистическим интригам⁹⁰. Насер через своего доверенного представителя явно транслировал мысль, что секретный визит американца совсем не означает предательства тех принципов, на которых строились советско-арабские отношения, что опора на СССР по-прежнему остается краеугольным камнем политики ОАР.

Однако Хейкал изложил далеко не все содержание бесед своего высокопоставленного босса с посланцем из США. Андерсону фактически была представлена процедура урегулирования с Израилем, как ее видел Насер. Он категорически отвергал любые прямые переговоры. Насер был убежден, что любой арабский лидер, который заключит напрямую договор с Израилем, обречет себя на гибель. Он объяснял американскому визави, что всякое соглашение, достигнутое в прямых переговорах, окажется ненадежным и будет нарушено любым его преемником. Со своей стороны,

он предлагал довольно громоздкую процедуру урегулирования, которая должна была бы начаться с принятия в Совете Безопасности резолюции на основе пяти пунктов Джонсона. Вслед за этим посредники ООН должны были провести консультации с Израилем и арабской стороной, на базе которых была бы составлена подробная декларация о выполнении каждого из ее пунктов. Документ должен был быть подписан участниками конфликта и одобрен Советом Безопасности⁹¹.

В дальнейшем в разговорах с советским послом Насер уличал американских представителей в искажении его слов, но кажется маловероятным, что его собеседники были заинтересованы в передаче в Вашингтон недостоверной информации. Другое дело, что египетский лидер вел свою игру, и трудно сказать, был ли он искренен, выдвигая свой план в качестве основы урегулирования, или это была просто уловка, чтобы затянуть на неопределенное время политический процесс, наращивая тем временем силы для военного удара по противнику. Наиболее вероятным мотивом его действий представляется желание за счет проявления готовности к политическому решению добиться более благосклонного отношения американской администрации в том, что касается политической, а главное, экономической поддержки ОАР.

В реакции советского МИДа на визит Андерсона ощущается нескрываемое раздражение по поводу вторжения неприятеля на территорию, рассматриваемую как собственная зона влияния. В телеграмме министра иностранных дел посольству в Каире Насера, как всегда, предупреждают, что основная цель политики США состоит в устранении независимого прогрессивного режима в ОАР, в том, чтобы лишить другие арабские страны лидера в лице ОАР. Андерсона называют адвокатом израильских интересов, а его «жюльническую тактику» спекуляции вокруг так называемых «принципов» урегулирования считают маневрами, за которыми «скрывается аппетит хищного американского империализма, пытающегося установить свое господство над Арабским Востоком». Вновь повторяется советская негативная оценка американских принципов урегулирования, которым противопоставляется предложенное советской стороной практическое решение, включающее, прежде всего, безотлагательный вывод израильских войск за

линию, существовавшую до 5 июня. Насеру указывают на предпринимаемые США усилия для того, чтобы подорвать роль ООН в политическом урегулировании на Ближнем Востоке и всецело поставить этот процесс под американский контроль⁹².

Чтобы умерить возмущение советских официальных лиц Насер демонстративно подчеркивал, что хорошо понимает нацеленность американских интриг на разрушение отношений сотрудничества между арабами и Советским Союзом. Сохранение общей атмосферы дружбы и солидарности с СССР было особенно важно в этот период, поэтому он с большим энтузиазмом приветствовал предполагавшееся прибытие эскадрильи советских самолетов в ОАР, присутствие советских военных кораблей в египетских портах и настоятельно приглашал Л.И. Брежнева посетить с официальным визитом ОАР⁹³.

4.6. Завершающий этап разработки резолюции ООН

Параллельно с интенсивными двусторонними контактами с арабскими странами советская дипломатия развивала активную деятельность в рамках ООН. В сентябре в Нью-Йорке открылась 22-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Главными выразителями арабской позиции в переговорном процессе по поискам формул мира стали ОАР и Иордания, тогда как сирийцы по-прежнему не признавали возможности политического урегулирования с Израилем. Эту точку зрения в той или иной степени разделяли Алжир и Ирак. ОАР и Иордания в эти осенние месяцы транслировали постепенное смягчение бескомпромиссной позиции, которую арабская сторона занимала сразу после войны. Рекомендации Громыко министру иностранных дел ОАР М. Риаду о необходимости признания Израиля для продвижения в решении вопроса о выводе его войск оказались несколько запоздалыми. Теперь вопрос, по которому было сломано так много копий на летней сессии, для арабов вообще не стоял. По утверждению Риада, сам факт заключения с Израилем соглашения о перемирии в 1948 г. означал фактическое признание его существования.

К тому же, вопреки всем жестким установкам Хартума, египетский президент и иорданский король в середине октября пришли

к договоренности о том, что они согласятся с включением в резолюцию ООН вопросов о прекращении враждебности в отношении Израиля и о свободе судоходства для судов всех стран, включая Израиль. Но условием для этого должен был быть вывод войск Израиля с оккупированных им территорий и его согласие сотрудничать в решении проблемы беженцев⁹⁴. Насер связывал открытие Суэцкого канала с возвращением беженцев на территории их проживания в Палестине или с выплатой им компенсаций Израилем⁹⁵. В любом случае арабская сторона подчеркивала, что только после вывода израильских войск могут вступить в силу другие пункты договоренностей – прекращение враждебности, уважение территориальной целостности – и начаться обсуждение остальных вопросов под эгидой ООН.

Эта позиция отличалась от формулировок, выработанных совместно СССР и США в ходе летней сессии Генеральной Ассамблеи. Тогда предусматривалась сбалансированность шагов сторон, то есть установление мира (прекращение враждебности) параллельно с выводом израильских войск. Советская дипломатия исходила из того, что именно этот документ, согласованный СССР и США в июле, будет взят за основу обсуждений. Однако американцы внесли новый элемент в свою трактовку пункта о прекращении враждебности между сторонами конфликта. Следствием этого, как они считали, должно стать признание арабской стороной права свободного прохода всех судов, включая израильские, через Суэцкий канал. Кроме того, американские представители категорически отрицали, что давали во время летних дебатов согласие на упоминание в пункте о выводе израильских войск даты 5 июня, то есть освобождение Израилем всех без исключения территорий, захваченных после этого числа. Советские дипломаты предъявляли весомые доказательства имевшихся договоренностей по этому вопросу⁹⁶, и есть косвенные свидетельства самих американцев, что летом они соглашались с такой формулировкой^{*,97}. Но теперь

* Советник президента по национальной безопасности У. Ростоу говорил, например, что цель израильтян состоит в том, чтобы «удержать нас от повторения “неожиданной” двусторонней договоренности с СССР в июле, которую они считают опасным размыванием нашей позиции».

американский представитель в ООН Голдберг ссылаясь на то, что эта дата будет символизировать возвращение к неустойчивому положению, существовавшему на Ближнем Востоке до недавнего конфликта, что повлечет новые военные столкновения⁹⁸.

Нет сомнений, что изменение американской позиции происходило вследствие интенсивного давления со стороны Израиля. Контакты с израильскими дипломатами на самом высоком уровне американской администрации происходили чуть ли не ежедневно. В ходе контактов, а также в письмах израильского правительства в Вашингтон настоятельно подчеркивалось, что Израиль не может вернуться к рубежам 5 июня ни в мирное, ни в военное время. Израильцы беззастенчиво сообщали, что пока не решили, какими должны быть новые линии, очерчивающие территорию Израиля. Во многом это будет зависеть от того, как говорил Эбан, какими будут договоренности по Западному берегу. Они рассчитывали, что удастся «устранить египетское влияние в Газе» и категорически заявляли, что не могут мириться с «разделенной юрисдикцией» в Иерусалиме. В Вашингтоне делали вывод, что израильцы «на этот раз надеялись нарисовать карту “окончательно”, и они должны быть уверены, что она нарисована для обеспечения “максимальной территориальной безопасности”»⁹⁹. То есть к территориальному экспансионизму Израиля относились с пониманием. К тому же Эбан предостерегал, что давление ООН на Израиль, чтобы заставить его вернуться к линиям 5 июня, укрепит в израильском правительстве позиции тех, кто выступает за полную аннексию арабских территорий¹⁰⁰. Такой оборот дел совсем не соответствовал интересам США и мог причинить большой ущерб отношениям с арабским миром.

В этой обстановке, когда американцы пересматривали свои позиции, советское правительство решило прибегнуть к тактике, испытанной в период военного обострения. 20 октября председатель Совета министров СССР А.Н. Косыгин направил личное послание президенту Л. Джонсону. Советская сторона рассматривала выдвигаемые новые дополнительные условия в духе агрессивных требований Израиля как попытку «направить переговоры по извилистому и топкому пути со многими остановками и отступлениями». Косыгин предупреждал, что затягивание политических реше-

ний приведет к сохранению взрывоопасной ситуации и внесет осложнения в международные отношения в целом. Во избежание этого предлагалось как можно скорее принять в Совете Безопасности резолюцию, обсуждавшуюся в конце чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, в которой предусматривался безотлагательный вывод войск с оккупированных территорий на позиции по состоянию на 5 июня 1967 г. и признавался принцип независимого национального существования всех государств в этом регионе и их право жить в условиях мира и безопасности¹⁰¹.

Первая реакция Джонсона после того, как посол Добрынин считал ему текст советского послания, не может не вызывать удивления: он явно не хотел (а, возможно, не был готов) обсуждать вопрос по существу и, прежде всего, его интересовало, будет ли опубликовано это письмо¹⁰². Видимо, американскому президенту не хотелось, чтобы очередные советские разоблачения произраильской позиции США стали достоянием общественности.

Хотя эта советско-американская переписка не была предана огласке, в американском ответе также содержалось немало обличений советской политики на Ближнем Востоке. В нем подчеркивалось, что именно Советский Союз, продолжая поставлять огромное количество оружия определенным государствам региона, создал ситуацию, которую очень трудно игнорировать другим странам. На первое место выдвигался вопрос о необходимости сотрудничества в принятии эффективной программы ограничения вооружений в ближневосточном регионе. Американская сторона отвергала обвинения в нарушении летних договоренностей с СССР и выражала удивление по поводу того, что советские представители распространяли среди делегаций на нынешней сессии Генеральной Ассамблеи проекты документов, тексты которых не соответствовали согласованным на чрезвычайной сессии. Джонсон вновь подчеркивал приверженность американской стороны пяти принципам урегулирования, предложенным им летом, и утверждал, что арабские представители выразили согласие с тем, чтобы непостоянные члены Совета Безопасности приступили к разработке резолюции на этой основе¹⁰³.

Эта пикировка на высшем уровне между СССР и США, препирательства между советскими и американскими дипломатами по

поводу формулы мира для арабо-израильского конфликта происходили на фоне очень тревожных событий на Ближнем Востоке. 20 октября египетской артиллерией был потоплен израильский эсминец «Эйлат», который, по утверждениям арабской стороны, вторгся в территориальные воды ОАР. Погибла четверть его команды. Израиль нанес сокрушительный удар возмездия по нефтяным перерабатывающим заводам в Суэце. Не прекращались sporadic боевые действия на Западном берегу реки Иордан. Противостояние сторон принимало форму затяжных военных действий, наносивших большой ущерб и арабам, и Израилю и было чревато возобновлением широкомасштабных военных действий. С советской стороны были опасения, что Израиль может предпринять форсирование Суэцкого канала.

Все более угрожающая ситуация на ближневосточных фронтах, неудачные попытки советской дипломатии возродить дискуссию на основе летнего проекта резолюции заставляли Москву принимать новые компромиссные варианты порядка разработки проекта резолюции. Поскольку вопрос о Ближнем Востоке был передан на рассмотрение Совета Безопасности, возникло предложение, как уже упоминалось, поручить его непостоянным членам подготовку этого документа. Эта работа велась при консультативном участии советских представителей. 7 ноября в Совет Безопасности был представлен проект резолюции от имени непостоянных членов – Индии, Мали и Нигерии, а также проект Соединенных Штатов¹⁰⁴. Вновь столкнулись две концепции урегулирования.

В проекте трех афро-азиатских стран отдельным пунктом выделялся вопрос о недопустимости завоеваний территорий силой и, соответственно, выдвигалось требование вывода вооруженных сил Израиля «со *всех* территорий, оккупированных в результате недавнего конфликта». В резолюции США была отражена американская позиция о выводе войск с оккупированных территорий без каких-либо уточнений, Израиль вообще не упоминался. При этом бóльший, чем в индийском проекте, акцент был сделан на прекращении враждебности и взаимном признании и уважении права каждого государства на независимое существование в безопасных и признанных границах. В остальных пунктах обоих про-

ектов в основном повторялись уже известные требования о свободе судоходства, урегулировании положения беженцев и о назначении специального представителя ООН для координации усилий сторон в поисках мирного решения.

Расклад голосов в Совете Безопасности говорил о том, что ни одна из этих резолюций не имеет шансов быть принятой. 11 ноября британский представитель в ООН лорд Карадон сообщил американскому представителю Голдбергу, что Великобритания готова представить свой проект резолюции. Он заявил, что Великобритания собирается самым решительным образом добиваться согласия на принятие этого текста, чтобы не допустить сбоя в работе Совета Безопасности. С этого момента фактически прекращается партнерство Советского Союза и Соединенных Штатов в разработке проекта резолюции по Ближнему Востоку. Американцы увидели в сбалансированных и кратких формулировках британского текста наилучшую перспективу для реализации их концепции резолюции как рамочного документа для дальнейших переговоров по конкретным проблемам урегулирования.

Голдберг сразу же указал Карадону на необходимость внести в текст поправки, без которых этот вариант будет неприемлем для Израиля. Так, израильтяне упорно сопротивлялись любым формулировкам по поводу границ, которые могли быть истолкованы как возвращение к линиям перемирия 1948 г., и требовали, чтобы в резолюции было отражено обеспечение безопасности границ путем заключения соглашений с арабскими странами. Поэтому предлагалось в этом пункте английского проекта, используя уже выработанную американцами формулировку, говорить не только о безопасных, но и о признанных границах. Американцы также предложили несколько изменить пункт, касающийся деятельности представителя ООН, чтобы он ни в коем случае не мог толковаться как навязывание урегулирования извне. Это также было одним из категорических требований Израиля¹⁰⁵.

15 ноября английский проект с внесенными поправками был представлен Карадоном в Совете Безопасности. Он охарактеризовал его как компромисс между проектами США и трех афро-азиатских стран. К английскому проекту в целом в Совете Безопасности складывалось положительное отношение. Советские предста-

вители, понимая, что никакие другие проекты резолюции не найдут поддержки, и ориентируясь на позицию ОАР, предприняли попытки внести в английский текст поправки, отражавшие интересы арабов. В первую очередь это касалось пункта о выводе войск Израиля. В английском варианте перед словами «оккупированные территории» был опущен определенный артикль *the*, что давало возможность произвольно толковать этот пункт в пользу Израиля. Советская сторона добивалась полной определенности в этом вопросе с указанием об освобождении *всех* территорий. Две другие советские поправки касались как раз тех самых пунктов, изменения которых потребовали от англичан американцы при первом знакомстве с текстом. Предлагалось исключить ссылку на «безопасные и признанные границы», а в пункте о деятельности специального представителя ООН вообще не упоминать о каких-либо соглашениях или «приемлемом урегулировании», так как такие формулировки могли толковаться как принуждение арабов к прямым переговорам с Израилем и заключению с ним соглашений¹⁰⁶. Однако лорд Карадон, отличавшийся довольно саркастическими высказываниями в адрес советских дипломатов в ООН, эти поправки отверг. Он заявил, что формулировки в его тексте достаточно ясны и не требуют уточнений.

Москва сделала еще одну попытку вернуть себе решающий голос в работе над резолюцией ООН. 19 ноября Косыгин вновь обратился с письмом к президенту Джонсону, которое по своему тону и лексическому построению предназначалось, видимо, и для передачи Израилю. В нем «израильские экстремисты, опьяненные военным шовинизмом», обвинялись в том, что они бросают вызов основным принципам Устава ООН, и «своими последними наглыми военными провокациями» стремятся усложнить путь к урегулированию. «Советский Союз исходит из того, что государства не могут жить по политическому календарю, составленному в угоду Израилю», — заявлял советский предсовмина. В ответ на американские рассуждения о желательности ограничения гонки вооружений на Ближнем Востоке советская сторона подчеркивала, что этот вопрос может рассматриваться только на основе ликвидации последствий израильской агрессии. Вновь транслировалась советская позиция, что агрессора нельзя вознаграждать территориями и

что израильские войска должны быть отведены со всех захваченных территорий¹⁰⁷.

В этом советском послании содержался проект резолюции, который 20 ноября советская делегация внесла на рассмотрение Совета Безопасности. Он в значительной степени был основан на документе, согласованном с американцами летом, и содержал как положение о безотлагательном выводе войск сторонами конфликта на позиции, существовавшие до 5 июня 1967 г., так и о безотлагательном признании ими права каждого государства на независимое национальное существование в мире и безопасности¹⁰⁸.

Незамедлительный ответ Джонсона на советское послание, составленный в умиротворяющем стиле, свидетельствовал о крайней заинтересованности Соединенных Штатов в принятии именно британского проекта резолюции. В нем содержался призыв к СССР поддержать британскую инициативу и выражалась надежда, что и СССР, и США будут использовать свое влияние в соответствующих столицах для поддержки усилий представителя ООН по поиску мирного решения на Ближнем Востоке. Американский президент завершал свое послание на примирительной ноте: «Меня вдохновляет мысль о том, что ваши и наши взгляды относительно общего характера этого мирного решения не сильно отличаются друг от друга», — писал он¹⁰⁹.

Агитируя за английский проект на этом последнем этапе, Госдепартамент не скупился на обещания Насеру, что американское правительство в обмен на согласие с этим проектом будет готово использовать свое влияние (в пользу арабской стороны. — *Т.Н.*) как в политической, так и в экономической сфере¹¹⁰. Голдберг заверял иорданских представителей, что Соединенные Штаты будут работать над тем, чтобы Западный берег был возвращен под власть Иордании¹¹¹. Одновременно Израилю указывалось на необходимость смягчить свои позиции, чтобы умеренные силы в арабском мире вместо подготовки к новому раунду боевых действий могли использовать шанс для достижения с ним соглашения¹¹².

Действия советских дипломатов в эти последние дни перед голосованием в Совете Безопасности были направлены на то, чтобы убедить как можно больше его членов выступить с заявлениями, интерпретирующими пункт английского проекта только как осво-

бождение *всех* без исключения арабских территорий. Задаче оказания нажима на США и «их марионетку Израиль» было подчинено и внесение советского проекта резолюции в Совет Безопасности, и третье письмо Косыгина Джонсону от 19 ноября с очередным подтверждением советского толкования британской резолюции как отвода израильских войск к линиям, существовавшим на 5 июня¹¹³.

От своих представителей в ООН Москва требовала неукоснительной координации всех шагов с арабской стороной и, прежде всего, с представителями ОАР. Уже 19 октября Громыко указывал в телеграмме из Москвы: «Мы исходим из того, что вопрос о голосовании “против” английского проекта сейчас не стоит, так как Насер заявил совпослу в Каире, что ОАР в принципе против этого проекта не возражает, а дело лишь в том, как он будет выполняться»¹¹⁴. Насеру давались заверения, что если его правительство считает, что нужно голосовать за английский проект, то советская делегация будет голосовать за него¹¹⁵.

22 ноября на заседании Совета Безопасности при участии представителей ОАР, Иордании, Сирии и Израйля (без права голоса) была единогласно принята резолюция № 242, касающаяся принципов установления справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке, представленная Великобританией. США, СССР и три афро-азиатских страны сняли свои проекты с голосования. Более половины членов Совета Безопасности выступили со специальными заявлениями, интерпретирующими текст резолюции в соответствии с требованиями освобождения Израилем всех захваченных территорий. Американские представители подтвердили в своих выступлениях позицию США, изложенную президентом Джонсоном 19 июня. Министры иностранных дел ОАР и Иордании вновь подчеркнули требование о выводе израильских войск со всех оккупированных арабских территорий. В остальном резолюция не вызывала у них протеста, несмотря на то, что пункт 1.ii, в котором говорилось о прекращении состояния войны и признании суверенитета каждого государства в регионе, противоречил двум из «трех нет» Хартумского совещания. К тому же, в отличие от Хартумской декларации, резолюция ООН даже не упоминала о правах палестинского народа, ограничившись лишь пунктом об урегулировании проблемы безымянных беженцев.

Принятие резолюции Советом безопасности ООН по Ближнему Востоку. Слева направо: первый заместитель министра иностранных дел СССР В.В. Кузнецов, министр иностранных дел Великобритании и постоянный представитель Великобритании при ООН барон Карадон (Lord Carradon), постоянный представитель США при ООН Артур Дж. Голдберг (Arthur J. Goldberg). Нью-Йорк, 22 ноября 1967 г.

Хотя египетское правительство направило на имя Генерального секретаря ООН специальное письмо, подтверждавшее его готовность выполнять все положения резолюции № 242, двойственное отношение Насера к этому документу не раз проявлялось в его речах перед египетской аудиторией. Так, например, выступая перед высшим военным командованием ОАР 25 ноября, через три дня после заседания Совета Безопасности, он заявлял: «Все, что мы говорим о резолюции ООН, не предназначено для вас. Если посмотреть на то, что делает Израиль на оккупированных территориях, очевидно, что они никогда не освободят эти земли, пока их не заставят это сделать... Не обращайтесь на то, что я говорю в своих публичных выступлениях о мирном решении». Очевидно, что президент не отказывался от нового военного раунда, тем более что как раз в это время советские военные заверяли его, что египетская оборона приведена в отличное состояние и теперь Египет может выдержать любой натиск Израиля¹¹⁶.

Самую непримиримую позицию в отношении резолюции № 242 заняла Сирия. Сирийский представитель, выступая в Совете Безопасности 22 ноября, заявил, что для Сирии немыслимо принятие этой резолюции, поскольку она игнорирует корни всей проблемы, все предыдущие решения, принимавшиеся ООН по палестинскому вопросу, и права палестинского народа на самоопределение. Упоминание в резолюции «безопасных и признанных» границ, с точки зрения сирийцев, являлось принятием результатов незаконной агрессии. В сирийской позиции, таким образом, требование ликвидации последствий израильской агрессии переросло в пересмотр всех исторических реалий, сложившихся после 1948 г.

Что касается позиции Израиля, трудно согласиться с теми, кто считает, что резолюция № 242 была принята им уже в ноябре 1967 г. Эбан заявил 22 ноября, что Израиль будет уважать и поддерживать соглашения о прекращении огня, пока им на смену не придут мирные договоры между Израилем и арабскими государствами, прекращающие войну, устанавливающие признанные и безопасные территориальные границы, гарантирующие свободу судоходства для всех стран, включая Израиль, обеспечивающие стабильную и взаимно гарантированную безопасность. Только та-

кое мирное урегулирование, прямые переговоры и договорные обязательства, как считала израильская сторона, могли бы создать условия для справедливого и эффективного решения проблем беженцев через сотрудничество на региональном и международном уровне¹¹⁷. Жесткий израильский настрой на достижение урегулирования через прямые переговоры с арабами и заключение мирных договоров с ними, исключавший какие-либо иные варианты, заставлял даже некоторых представителей американской администрации сомневаться в возможности поддержки такого курса¹¹⁸.

Советская сторона признавала ценность принятой резолюции как компромиссного документа, в котором представлен сбалансированный подход к установлению мира на Ближнем Востоке при условии, что пункт о выводе израильских войск будет трактоваться в соответствии с заявленной советской позицией. В советских комментариях в качестве положительного фактора отмечалось и то, что резолюция лишала Израиль оснований настаивать на прямых переговорах с арабской стороной, что всегда рассматривалось как серьезная угроза для арабов стать жертвами навязанных невыгодных им условий. Подчеркивалась важность заложенного в резолюции принципа «пакетности» урегулирования, то есть рассмотрения всех аспектов конфликта во взаимосвязи. В дальнейшем на основе всестороннего или всеобъемлющего решения ближневосточного конфликта будет разрабатываться и уточняться советский план-график выполнения резолюции № 242.

Даже беглый обзор трактовок резолюции № 242 сторонами конфликта, а также самими членами Совета Безопасности, казалось бы, подтверждает мнение скептиков, считавших ее малоэффективным инструментом для достижения мира на Ближнем Востоке, триумфом формы над содержанием. Как писал М. Хейкал, «она производила впечатление согласия, которого не было, создавала больше проблем, чем решала»¹¹⁹. Однако на протяжении десятилетий заложенная в резолюции увязка требования освобождения Израилем захваченных территорий с обеспечением его безопасности и легитимности оставалась здоровой основой для ведения переговоров по урегулированию. Ссылки на резолюцию содержатся и в египетско-израильском, и в иордано-израильском мирных договорах, признание Организацией освобождения Палести-

ны резолюции № 242 было одной из предпосылок для начала политических переговоров с Израилем в 1990-х гг. Однако в современном мире ситуация на земле все более отдаляется от тех реалий, на основе которых принималась резолюция. Для территориального конфликта между Израилем и Сирией она может сохранять актуальность. Но в палестино-израильском конфликте, который все более приобретает характер борьбы двух идентичностей за право проживания на одной и той же территории, призракной выглядит перспектива решения по принципу создания двух государств. Заложенная в резолюции № 242 формула «земля в обмен на мир» в этой ситуации лишается смысла, хотя международное сообщество продолжает придерживаться ее за неимением других способов решения конфликта.

* * *

Победа Израиля в Шестидневной войне причинила репутационный ущерб позициям Советского Союза в арабских странах. На повестке дня встал вопрос о восстановлении доверия арабских союзников, прежде всего Египта (ОАР) и Сирии, к СССР, о реабилитации престижа советского вооружения. По согласованию с руководством арабских стран советские военные разработали качественно новую программу помощи по реорганизации их армий и подготовке военных специалистов, которая наиболее эффективно была реализована в Египте. В вооруженных силах Египта и Сирии возник институт советских советников, и это стало важным фактором в укреплении вооруженных сил арабских стран в их противостоянии с Израилем.

Война открыла новые перспективы для расширения советского военно-морского присутствия в Средиземноморском регионе. Арабские руководители, полагая, что присутствие советского флота будет сдерживающим фактором для вмешательства США в арабо-израильский конфликт, дали, наконец, согласие на базирование советских военно-морских сил в портах Египта и Сирии. В военной сфере, таким образом, СССР получил ряд важных преимуществ.

Но, как показывал опыт только что закончившейся войны, Советский Союз все же не имел достаточного контроля над арабски-

ми союзниками, чтобы гарантированно предотвращать новые военные вспышки. Тем более что среди арабских радикалов, прежде всего в Сирии – непосредственном участнике конфликта – прева-лировал взгляд на Израиль как на инородное образование в регио-не и полностью исключалась возможность политического разре-шения конфликта с ним. Вероятность большой войны по-прежне-му нависала над Ближним Востоком, и это заставляло СССР ак-тивно включаться в процесс послевоенного урегулирования если не для достижения мирного решения, то хотя бы для установле-ния какого-то регионального равновесия.

За десятилетие, прошедшее после предыдущей военной вспышки на Ближнем Востоке в 1956 г., роль СССР как стороны, непосредственно вовлеченной в дела региона, значительно воз-росла. Весомые позиции СССР на международной арене и на Ближнем Востоке позволяли выступать наравне с США в процес-се поисков формулы мира для Ближнего Востока. В ООН, став-шей главной ареной этого политического процесса, столкнулись две концепции урегулирования. СССР требовал квалифицировать начатые Израилем военные действия как агрессию и исходил из того, что для установления мира первостепенной задачей являлась ликвидация последствий израильской агрессии против арабских стран. Это означало немедленный вывод вооруженных сил Израи-ля со всех оккупированных территорий и восстановление довоен-ного статус-кво, а также компенсацию Израилем ущерба, причи-ненного ОАР, Сирии и Иордании.

Соединенные Штаты видели проблему в том, что мир в арабо-израильском конфликте не может быть достигнут до тех пор, по-ка все государства в ближневосточном регионе не признают пра-во каждого народа на жизнь и на уважение этого права соседями. То есть в этой трактовке нападение Израиля на арабские страны рассматривалось как реакция на угрозы его существованию, ис-ходившие от арабских соседей, как акт обороны и защиты собст-венной безопасности. С самого начала американцы ориентирова-лись на разработку в ООН рамочного документа, в котором тре-бования арабов об освобождении их территорий уравнивались бы их признанием права Израиля на существование в мир-ных и безопасных условиях, а также содержались бы принципи-

альные вопросы, требовавшие решения при международном посредничестве.

Диаметрально противоположные оценки конфликта заводили в тупик все попытки согласовать совместный с США проект резолюции. Категоричная позиция СССР по отводу израильских войск и недопустимости вознаграждения агрессора территориальными уступками сталкивалась с американским подходом, не исключавшим возможность приращения территорий Израиля в целях укрепления его безопасности. Американцы настаивали на параллельности процесса вывода израильских войск и прекращения состояния враждебности в отношении еврейского государства согласно заявлениям арабов. Советская сторона хоть и настойчиво убеждала арабов смягчить свою позицию в отношении Израиля, но с сочувствием относилась к их историческому неприятию его существования.

Неудачный результат советских усилий по продвижению собственного проекта ликвидации последствий израильской агрессии был связан и с тем, что арабские партнеры, прежде всего Насер, вели собственную игру. Декларируя свою приверженность сотрудничеству с СССР и социалистическими странами, что действительно было необходимо для обеспечения их военных нужд и планов, арабы прекрасно осознавали, что только США имеют реальные рычаги давления на Израиль, чтобы добиться его ухода с захваченных земель. Здесь Советский Союз оказывался в проигрышном положении, потеряв контакты с Израилем после разрыва дипломатических отношений и не имея тех политических и экономических возможностей, которые предлагали американцы в качестве вознаграждения за поддержку их формулы урегулирования. Кроме того, у советской стороны был явный дефицит собственных идей относительно продвижения мирного процесса. С самого начала советская позиция была ориентирована на поддержку планов и требований, выдвигаемых арабской стороной. В результате итогом пяти месяцев советских дипломатических усилий в ООН стало полное следование арабской позиции при голосовании в Совете Безопасности в ноябре 1967 г.

В конечном итоге победу одержала американская концепция установления мира на Ближнем Востоке, преобразованная в анг-

лийский проект резолюции, единогласно принятый Советом Безопасности, хотя и с соответствующими разъяснениями ряда государств-членов по интерпретации ее пунктов. В следующий период все предложения СССР относительно решения арабо-израильского конфликта базировались на резолюции № 242 СБ как основополагающем международно-правовом документе.

¹ Попов М.П. Тридцать семь лет на Ближнем Востоке. Записки дипломата. М.: МГИМО(У), 2002. С. 106.

² Пырлин Е.Д. Трудный и долгий путь к миру. *Op. cit.* С. 74.

³ РГАНИ. Фонд 5, опись 56. Дело № 2/9-3882, лист 70–71, 73

⁴ См., например: *Heikal M. The Sphinx and the Commissar. Op. cit.* P. 189.

⁵ Доклад Л.И. Брежнева на Пленуме ЦК КПСС 20 июня 1967 г. *Op. cit.* P. 302.

⁶ *Ibidem.* P. 326.

⁷ *Ibid.* P. 330.

⁸ *Ibid.* P. 333.

⁹ *Ibid.* P. 334.

¹⁰ *Ibid.* P. 331.

¹¹ *Ibid.* P. 329.

¹² Из постановления Пленума ЦК КПСС о политике Советского Союза в связи с агрессией Израиля на Ближнем Востоке. 21 июня 1967 г. // СССР и ближневосточное урегулирование. 1967–1988. Документы и материалы. С. 41.

¹³ *Baev J. Eastern Europe and the Six Day War: the case of Bulgaria // The Soviet Union and the June 1967 Six Day War. Ed. Ro'i Y., Morozov B. P. 191.*

¹⁴ *Кирпиченко В.А.* Из архива разведчика. *Op. cit.* С. 94.

¹⁵ Выступление Л.И. Брежнева на Совещании руководителей коммунистических и рабочих партий и глав правительств НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, СССР, ЧССР и СФРЮ в Будапеште 11–12 июля 1967 г. // *Беляков В.В.* Брежнев и Насер 1965–1970. *Op. cit.* С. 47.

¹⁶ *Ibidem.*

¹⁷ Телеграмма первого заместителя министра иностранных дел СССР послан в Болгарии, Венгрии, ГДР, Польше, Чехословакии, ДРВ, Монголии, КНДР, Кубе 1 июля 1967 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 275. С. 599.

¹⁸ *Ibidem.* С. 600.

¹⁹ *Heikal M. The Sphinx and the Commissar. Op. cit.* P. 186.

²⁰ *Ibidem.* P. 187.

²¹ Телеграмма первого заместителя министра иностранных дел СССР послан в Болгарии, Венгрии, ГДР, Польше, Чехословакии, ДРВ, Монголии, КНДР, Кубе 1 июля 1967 г. *Op. cit.* С. 600.

²² Выступление Л.И. Брежнева на Совещании руководителей коммунистических и рабочих партий и глав правительств НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, СССР, ЧССР и СФРЮ в Будапеште 11–12 июля 1967 г. *Op. cit.* С. 54.

-
- ²³ *Heikal M.* The Road to Ramadan. Op. cit. P. 40.
- ²⁴ *Evgenii Primakov*, *Pravda* correspondent in the UAR, to Mikhail Zimianin, *Pravda* editor-in-chief, August 10, 1967 // The Soviet Union and the June 1967 Six Day War. P. 349.
- ²⁵ Выступление Л.И. Брежнева на Совещании руководителей коммунистических и рабочих партий и глав правительств НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, СССР, ЧССР и СФРЮ в Будапеште 11–12 июля 1967 г. Op. cit. С. 51.
- ²⁶ *Ro'i Y.* Soviet Policy toward the six-day war through the prism of Moscow's relations with Egypt and Syria. Op. cit. P. 30, fn. 88.
- ²⁷ Телеграмма первого заместителя министра иностранных дел СССР послам в Болгарии, Венгрии, ГДР, Польше, Чехословакии, ДРВ, Монголии, КНДР, Кубе 1 июля 1967 г. Op. cit. С. 598.
- ²⁸ Выступление Л.И. Брежнева на Совещании руководителей коммунистических и рабочих партий и глав правительств НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, СССР, ЧССР и СФРЮ в Будапеште 11–12 июля 1967 г. Op. cit. С. 49.
- ²⁹ *Heikal M.* The Road to Ramadan. Op. cit. P. 43.
- ³⁰ *Егорин А.З.* Записки корреспондента АПН. Op. cit. С. 44.
- ³¹ *Golan G.* Soviet Policies in the Middle East. From World War II to Gorbachev. Op. cit. P. 69.
- ³² *Заборский В.В.* Советская Средиземноморская эскадра // Ближний Восток: Командировка на войну. С. 62–64.
- ³³ *Heikal M.* The Road to Ramadan. Op. cit. P. 40.
- ³⁴ Из речи Г.А. Насера на Национальном конгрессе Арабского социалистического союза 23 июля 1968 г. // The Israel-Arab Reader. A Documentary History of the Middle East conflict. P. 114.
- ³⁵ Memorandum of Conversation. Washington, August 2, 1967 // Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XIX, Arab-Israeli Crisis and War, 1967. D. 404. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d404> (дата обращения: 20.03.2023).
- ³⁶ Запись беседы посла СССР в ОАР С.А. Виноградова с президентом ОАР Г.А. Насером 21 октября 1967 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 299. С. 643.
- ³⁷ Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XIX, Arab-Israeli Crisis and War, 1967. D.434, 450. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d434>; <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d450> (дата обращения: 20.03.2023).
- ³⁸ *Dagan A.* Moscow and Jerusalem. Twenty years of Relations between Israel and the Soviet Union. Op. cit. Pp. 237–238.
- ³⁹ *Ro'i Y.* From Encroachment to Involvement. Op. cit. P. 452.
- ⁴⁰ Ibidem. P. 458.
- ⁴¹ *Segev T.* 1967. Israel, the War and the Year that Transformed the Middle East. L.: Abacus, 2007. P. 603.
- ⁴² *Ro'i Y.* From Encroachment to Involvement. Op. cit. P. 455.
- ⁴³ СССР и ближневосточное урегулирование. Op. cit. С. 37.

⁴⁴ *Брежнев Л.И.* Речь на приеме в Кремле в честь выпускников военных академий // Брежнев Л.И. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 2. М.: Изд-во политической литературы. 1970. URL: <http://brezhnev.su/2/> (дата обращения: 30.04.2023).

⁴⁵ *Блищенко И.П., Кудрявцев В.Д.* Агрессия Израиля и международное право. М.: Международные отношения. 1970. С. 19.

⁴⁶ *Morris B.* Righteous Victims: A History of the Zionist-Arab Conflict, 1881–2001. Op. cit. Pp. 327–328.

⁴⁷ *Segev T.* 1967. Israel, the War and the Year that Transformed the Middle East. Op. cit. P. 532.

⁴⁸ *Ibidem.* P. 537.

⁴⁹ *Масюкова И.В.* Очерки по истории еврейской эмиграции в СССР/СНГ в Израиль (1960-е – 1990-е гг.). Москва: ИВ РАН, 2022. С. 37.

⁵⁰ *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. Ч. II. Op. cit. С. 102.

⁵¹ *Иванов Ю.* Осторожно: сионизм! М.: Изд-во политической литературы, 1970.

⁵² *Евсеев Е.* Фашизм под голубой звездой. М.: Изд-во Молодая гвардия. 1971.

⁵³ См. подробнее: *Костырченко Г.В.* Тайная политика: от Брежнева до Горбачева. Власть – Еврейский вопрос – Интеллигенция. Ч. I. С. 511–550.

⁵⁴ См., например: Письмо министра иностранных дел СССР А.А. Громыко Председателю Совета Безопасности ООН в связи с нарушением Израилем решений Совета Безопасности о прекращении огня 19 июля 1967 г.; Заявление ТАСС в связи с провокационными действиями Израиля против арабских государств 20 июля 1967 г. // СССР и ближневосточное урегулирование. 1967–1988. Документы и материалы. С. 46–47.

⁵⁵ Проект резолюции, внесенный СССР в Совете Безопасности ООН 13 июня 1967 г. // СССР и ближневосточное урегулирование. 1967–1988. С. 36.

⁵⁶ СССР и ближневосточное урегулирование. 1967–1988. Op. cit. С. 35.

⁵⁷ *Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XIX, Arab-Israeli Crisis and War, 1967.* D. 291. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d291> (дата обращения: 12.05.2023).

⁵⁸ *Пырлин Е.Д.* Трудный и долгий путь к миру. Op. cit. С. 74.

⁵⁹ Выступление Председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгина на пятой чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Советский проект резолюции // СССР и ближневосточное урегулирование. 1967–1988. С. 36–40.

⁶⁰ *Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XIX, Arab-Israeli Crisis and War, 1967.* D. 308. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d308> (дата обращения: 20.03.2023).

⁶¹ *Oren M.* Six Days of War. June 1967 and the Making of the Modern Middle East. Op. cit. P. 324.

⁶² Телеграмма министра иностранных дел СССР А.А. Громыко в ЦК КПСС 5 июля 1967 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 280. С. 606.

⁶³ Draft Resolution submitted by non-aligned countries. July 4, 1967 // International Documents on Palestine. 1967. P. 254.

⁶⁴ Draft Resolution submitted by twenty Latin American countries. July 4, 1967 // International Documents on Palestine. 1967. P. 255.

⁶⁵ Draft Resolution submitted by Albania. June 26, 1967 // International Documents on Palestine. 1967. P. 253.

⁶⁶ Resolution on Humanitarian Assistance; Resolution on measures taken to change the status of Jerusalem Adopted at the 154th Plenary Meeting. July 4, 1967 // International Documents on Palestine. 1967. Pp. 255, 256.

⁶⁷ Выступление Л.И. Брежнева на Совещании руководителей коммунистических и рабочих партий и глав правительств НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, СССР, ЧССР и СФРЮ в Будапеште 11-12 июля 1967 г. *Op. cit.* С. 57–59.

⁶⁸ Memorandum of Conversation. Washington, June 16, 1967 // Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XIX, Arab-Israeli Crisis and War, 1967. D. 301 // URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d301> (дата обращения: 20.04.2023).

⁶⁹ Telegram From the Mission to the United Nations to the Department of States. New York, July 20, 1967 // Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XIX, Arab-Israeli Crisis and War, 1967. D. 377. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d377> (дата обращения: 20.04.2023).

⁷⁰ Из телеграммы МИД СССР послам СССР в ОАР, Алжире, Ираке, Сирии 15 июля 1967 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 283. С. 613.

⁷¹ Телеграмма первого заместителя министра иностранных дел СССР послам СССР в ОАР, Алжире, Ираке, Сирии 20 июля 1967 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 286. С. 617.

⁷² Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XIX, Arab-Israeli Crisis and War, 1967. D. 384. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d384> (дата обращения: 15.05.2023).

⁷³ Телеграмма посла СССР А. Добрынина в МИД СССР 22 октября 1967 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 300. С. 644.

⁷⁴ Телеграмма МИД СССР послам СССР в ОАР, Алжире, Ираке, Сирии 15 июля 1967 г. *Op. cit.* С. 612–614.

⁷⁵ Телеграмма первого заместителя министра иностранных дел СССР В.В. Кузнецова министру иностранных дел СССР А.А. Громыко в Нью-Йорке 18 июля 1967 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 285. С. 615.

⁷⁶ *Ibidem.* С. 616.

⁷⁷ *Примаков Е.М.* Ближний Восток на сцене и за кулисами. *Op. cit.* С. 126.

⁷⁸ Resolution on measures taken by Israel to change the status of Jerusalem adopted at the 1554th Plenary meeting, July 14, 1967 // International Documents on Palestine. 1967. P. 260.

⁷⁹ СССР и ближневосточное урегулирование. 1967–1988. *Op. cit.* С. 50.

⁸⁰ *Oren M.* Six Days of War. June 1967 and the Making of the Modern Middle East. *Op. cit.* P. 325.

⁸¹ Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XIX, Arab-Israeli Crisis and War, 1967. D. 377. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d377> (дата обращения: 20.04.2023).

⁸² Oren M. Six Days of War. June 1967 and the Making of the Modern Middle East. Op. cit. P. 321.

⁸³ Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XIX, Arab-Israeli Crisis and War, 1967. D. 454. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d454> (дата обращения: 20.05.2023).

⁸⁴ Телеграмма посла СССР в США А.Ф. Добрынина в МИД СССР 10 октября 1967 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 291. С. 626.

⁸⁵ Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XIX, Arab-Israeli Crisis and War, 1967. D. 442. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d442> (дата обращения: 20.05.2023).

⁸⁶ Запись беседы посла СССР в ОАП С.А. Виноградова с президентом ОАП Г.А. Насером 21 октября 1967 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 299. С. 642.

⁸⁷ Heikal M. The Sphinx and the Commissar. Op. cit. P. 190.

⁸⁸ Запись беседы посла СССР в ОАП С.А. Виноградова с президентом ОАП Г.А. Насером 21 октября 1967 г. Op. cit. С. 642.

⁸⁹ Heikal M. Secret Channels. The inside story of Arab-Israeli Peace Negotiations. P. 133. Op. cit.; Segev T. 1967. Israel, the War and the Year that Transformed the Middle East. Op. cit. Pp. 682–684.

⁹⁰ Телеграмма посла СССР в ОАП В.С. Виноградова в МИД СССР 1 ноября 1967 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 302. С. 649.

⁹¹ Telegram to the White House. November 3, 1967 // Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XIX, Arab-Israeli Crisis and War, 1967. D. 500. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d500> (дата обращения: 15.05.2023).

⁹² Телеграмма министра иностранных дел СССР послу СССР в ОАП С.А. Виноградову 13 ноября 1967 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 303. С. 651–652.

⁹³ Запись беседы посла СССР в ОАП С.А. Виноградова с Президентом ОАП Г.А. Насером 14 ноября 1967 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 304. С. 656–659.

⁹⁴ Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XIX, Arab-Israeli Crisis and War, 1967. D. 501. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d501> (дата обращения: 20.05.2023).

⁹⁵ Telegram to the White House. November 3, 1967 // Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XIX, Arab-Israeli Crisis and War, 1967. D. 500. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d500> (дата обращения: 15.05.2023).

⁹⁶ Телеграмма посла СССР в США А.Ф. Добрынина в МИД СССР 19 октября 1967 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 295. С. 632–635.

⁹⁷ Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XIX, Arab-Israeli crisis and war, 1967. D. 498. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d498> (дата обращения: 23.05.2023).

⁹⁸ Телеграмма первого заместителя министра иностранных дел СССР В.В. Кузнецова и постоянного представителя СССР при ООН Н.Т. Федоренко в МИД СССР 21 октября 1967 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 297. С. 638.

⁹⁹ Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XIX, Arab-Israeli Crisis and War, 1967. D. 482. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d482> (дата обращения: 23.05.2023).

¹⁰⁰ Ibidem. D. 489. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d489> (дата обращения: 23.05.2023).

¹⁰¹ Letter from Premier Kosygin to President Johnson. Moscow, October 20, 1967 // Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XIX, Arab-Israeli Crisis and War, 1967. D. 480. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d480> (дата обращения: 20.05.2023).

¹⁰² Телеграмма посла СССР в США А.Ф. Добрынина в МИД СССР 21 октября 1967 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 298. С. 640.

¹⁰³ Letter from President Johnson to Premier Kosygin. Washington, October 23, 1967 // Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XIX, Arab-Israeli Crisis and War, 1967. D. 484. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d484> (дата обращения: 20.05.2023).

¹⁰⁴ International Documents on Palestine. 1967. Op. cit. Pp. 266–267.

¹⁰⁵ Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XIX, Arab-Israeli Crisis and War, 1967. D. 517. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d517> (дата обращения: 25.05.2023).

¹⁰⁶ Телеграмма первого заместителя министра иностранных дел СССР В.В. Кузнецова и постоянного представителя СССР при ООН Н.Т. Федоренко в МИД СССР 16 ноября 1967 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 305. С. 660.

¹⁰⁷ Letter from Premier Kosygin to President Johnson. Moscow // Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XIX, Arab-Israeli Crisis and War, 1967. D. 534. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d534> (дата обращения: 20.05.2023).

¹⁰⁸ Советский проект резолюции 20 ноября 1967 г. // СССР и ближневосточное урегулирование. 1967–1988. Документы и материалы. С. 55–56.

¹⁰⁹ Letter from President Johnson to Premier Kosygin. Washington, November 20, 1967 // Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XIX, Arab-Israeli Crisis and War, 1967. D. 535. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d535> (дата обращения: 23.05.2023).

¹¹⁰ Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XIX, Arab-Israeli Crisis and War, 1967. D. 531. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d531> (дата обращения: 23.05.2023).

¹¹¹ *Quandt W.B.* Decade of Decisions. American Policy Toward the Arab-Israeli Conflict, 1967-1976. Op. cit. P. 65, fn. 54.

¹¹² Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XIX, Arab-Israeli Crisis and War, 1967. D. 538. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d538> (дата обращения: 25.05.2023).

¹¹³ Телеграмма министра иностранных дел СССР послу СССР в ОАР С.А. Виноградову 21 ноября 1967 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 307. С. 663.

¹¹⁴ Телеграмма министра иностранных дел СССР первому заместителю министра иностранных дел В.В. Кузнецову и постоянному представителю СССР при ООН Н.Т. Федоренко 19 ноября 1967 г. // Ближневосточный конфликт. Т. 2. Док. 306. С. 662.

¹¹⁵ Телеграмма министра иностранных дел СССР послу СССР в ОАР С.А. Виноградову 21 ноября 1967 г. Op. cit. С. 664.

¹¹⁶ *Heikal M.* The Road to Ramadan. Op. cit. Pp. 44, 47.

¹¹⁷ Verbatim record of the 1382nd meeting of the Security Council. November 22, 1967 // International Documents on Palestine. 1967. P. 280.

¹¹⁸ Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. XIX, Arab-Israeli Crisis and War, 1967. D. 530. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v19/d530> (дата обращения: 20.05.2023).

¹¹⁹ *Heikal M.* Secret Channels. The inside story of Arab-Israeli Peace Negotiations. Op. cit. P. 134.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Период 1950-х – 1960-х гг. стал наиболее продуктивным в закреплении советских позиций в ближневосточном регионе. Причины повышенного интереса Советского Союза к ближневосточному региону, активизации его участия в региональных проблемах по сравнению с предыдущими историческими периодами связаны с глобальным конфронтационным климатом, который формировался в международных отношениях сразу же после войны. СССР, выдвигавшийся на лидирующие позиции в мире в послевоенный период, проявлял большую активность в глобальной конфронтации с Западом. Ближний Восток как важный стратегический регион и в тот период главная база топливно-энергетических ресурсов Запада стал одним из первых опытных полигонов в попытках противостояния коммунизму посредством создания региональных военно-политических союзов под англо-американской эгидой, размещения военных баз на территориях ближневосточных стран. В Москве считали эту политику враждебной Советскому Союзу и расценивали ее как непосредственную угрозу безопасности.

Доктрине «сдерживания коммунизма», выработанной уже в период президентства Г. Трумэна, советское руководство противопоставляло политику решительного отпора Западу, прежде всего, американскому империализму. Во внешнеполитическом курсе СССР отчетливо проявилось стремление нащупать слабые места в глобальных позициях своих бывших союзников по антигитлеровской коалиции, попытаться вклиниться и упрочить свое влияние в тех регионах, в которых, как казалось, пошатнулось положение западных держав. Развернувшееся антиколониальное движение арабских народов создавало объективную основу для противодействия планам Запада на Ближнем Востоке. Развивая сотрудничество с националистическими режимами в таких арабских странах, как Египет и Сирия, Советский Союз рассчитывал на расширение зоны своего политического и военного влияния в регионе, который становился критически важным для советских интересов. Предполагалось также, что антиимпериалистический, антиколониальный потенциал режимов в Египте и Сирии – непосредствен-

ных участниках ближневосточного конфликта – сделает их союзниками СССР на международной арене.

Перманентная конфликтная ситуация в регионе, примыкающем к советским южным рубежам, серьезно беспокоила Москву. На первых порах арабо-израильский конфликт рассматривался как препятствие для создания военно-политических блоков антисоветской направленности на Ближнем Востоке. Надо было предотвратить возможность его урегулирования на условиях западных противников во избежание формирования в ближневосточном регионе антисоветского форпоста. Это заставляло советскую дипломатию подключаться к обсуждению проблем конфликта, тем более что существенное повышение международного статуса СССР за годы войны, его положение признанной великой державы позволяло преодолевать традиционную монополию США и Великобритании в этой сфере.

Уже на ранних этапах, в 1957–1958 гг., советское правительство пыталось предпринимать шаги для снижения конфликтного потенциала на Ближнем Востоке, предлагая великим державам коллективно заявить о принципах установления мира и безопасности в регионе, о неприменении силы в решении спорных вопросов. Но в условиях холодной войны эти предложения не вызывали доверия ни со стороны западных держав, ни со стороны стран региона, участвовавших в ближневосточном конфликте.

У Советского Союза были потенциальные возможности для того, чтобы претендовать на посредничество в арабо-израильском конфликте. Серьезным преимуществом СССР перед западными странами было отсутствие колониального прошлого на Ближнем Востоке. В 1950-е – 1960-е гг. политика поддержки национально-освободительных движений в их борьбе за освобождение от колониального прошлого и за утверждение независимости молодых государств обеспечивала Советскому Союзу доверие к нему арабской стороны.

Определенный кредит доверия к СССР какое-то время сохранялся и у Израиля благодаря тому, что советская позиция в пользу создания еврейского государства в Палестине в 1947 г. и оказанная Израилю военная помощь на первом этапе его существования сохранялись в памяти тех, кто стоял у руля власти в стране.

Однако уже на ранней стадии, в 1950-е гг., советская внешне-политическая мысль работала не на поиски аргументов, сглаживающих конфликт, а видела в нем инструмент использования политических, идеологических, национальных противоречий на региональном уровне для нанесения ущерба глобальному противнику – Западу в целом и в первую очередь США. На первых порах арабо-израильский конфликт рассматривался Москвой во многом как результат западного вмешательства в дела Ближнего Востока. Решать его предлагалось путем прямых переговоров между арабскими странами и Израилем при максимальном отстранении внешних сил от участия в них. Возможность реализации такой схемы в 1950-е гг. не просматривалась.

По мере того как режимы в арабских странах зоны конфликта – сначала в Египте, а затем в Сирии – переориентировались на СССР, конфликтная ситуация на Ближнем Востоке, по советским оценкам, все более вписывалась в контекст глобального противостояния с Западом. В арабо-израильских военных столкновениях Москва усматривала израильскую агрессивность и стремление западных держав силами Израиля провести наступление на независимость и суверенитет арабских государств, воспрепятствовать их продвижению по «прогрессивному пути» развития и сломить их ориентацию на Советский Союз. Развитию такого взгляда на конфликт очень способствовало участие Израиля в совместной с Англией и Францией интервенции против Египта во время Суэцкого кризиса в 1956 г., а также различные вспомогательные услуги Израиля, оказывавшиеся Великобритании и США в кризисных ситуациях на Ближнем Востоке в 1957–1958 гг.

Это заостряло тему подчиненности, несамостоятельности израильской политики в конфликте с арабскими странами. Хотя в партийно-государственных кругах имелось понимание территориальных, этноконфессиональных и других противоречий, составляющих основу вражды арабов и израильтян, на первое место и на пропагандистском поле, и в практической дипломатической деятельности была выдвинута «классовая» сущность событий. В публичном пространстве, в официальных советских заявлениях и средствах массовой информации конфликт характеризовался как столкновение между силами империализма и теми, кто отстаивает

национальное освобождение, демократию и социальный прогресс. Если применительно к Суэцкому кризису в такой трактовке еще можно было найти долю истины, то оценка июньской войны 1967 г. как военной операции США по созданию военных плацдармов у южных границ СССР, по реализации империалистического плана противодействия национально-освободительным движениям посредством израильской агрессии выглядела весьма далекой от реального положения дел.

Какими бы странными ни казались эти выводы с позиций современного научного знания, они отражали важную роль доктринальных идеологических установок в формировании внешнеполитического курса. Поддерживая арабские страны в ближневосточном конфликте, советская сторона не только заботилась об усилении собственных региональных позиций, но и рассчитывала, что укрепление их «социалистической ориентации» и антиимпериалистического настроения будет служить задаче расширения мировой базы социализма. Марксистско-ленинская внешнеполитическая доктрина предписывала бороться за переустройство мира на принципах социализма в его советском варианте, за сокращение позиций капитализма как общественно-политической формации и экономической системы на международной арене. Марксизм-ленинизм составлял мировоззренческую базу действующей власти. Внешнеполитические решения принимались людьми, взгляды которых формировались в условиях строгого идеологического контроля партийно-советского аппарата. Их представления об устройстве мира укладывались в русло заданных марксистско-ленинских стереотипов, порожденных единственно правильной «научной» теорией о путях общественного развития человечества. На основе классово-формационного подхода ко всем явлениям международной жизни выстраивалась политика поддержки антиколониальных, антиимпериалистических движений как одного из потоков мирового революционного процесса, который должен подорвать капиталистическую систему и привести к торжеству идей и практики социализма в мировом масштабе.

Дискурсивное оформление внешнеполитических задач в марксистско-ленинской терминологии обеспечивало советской политике в ближневосточном регионе морально-нравственную основу

для продвижения и закрепления своих военно-политических позиций. В пропагандистском плане как внутри страны, так и на международной арене провозглашенная поддержка «справедливой борьбы арабских народов» против «сил империализма и неокOLONиализма» формировала имидж Советского Союза как главной опоры молодых государств, утверждавших свой суверенитет и независимость. В то же время демонстрация идеологической твердости была важным инструментом для послесталинского руководства, позволявшим приглушить голоса оппонентов, выражавших недовольство политикой мирного сосуществования и разрядкой, выступавших с позиций реставрации более жесткого курса в отношениях с Западом, с США.

При таком идеологизированном взгляде вся картина причинно-следственных связей в конфликте представляла в искаженном виде. Не арабская угроза существованию Израиля способствовала милитаризации его курса и подогревала агрессивные настроения в отношении арабских соседей, а подчиненность израильской политики задачам империалистического Запада заставляла арабов вооружаться и предпринимать шаги для обеспечения своей безопасности и утверждения своего суверенитета. Не поддержка египетским и сирийским режимами различного рода диверсионно-террористических акций на приграничных израильских территориях порождала израильскую концепцию «защищаемых границ», предполагавшую приращение территории, а якобы изначальный территориальный экспансионизм сионистского руководства лежал в основе конфликта с арабами. Советская политика строилась на утверждении, что израильская и произраильская пропаганда на Западе намеренно преувеличивала опасность, грозящую еврейскому государству, чтобы оправдывать милитаризацию страны и получать моральную поддержку извне.

Подводя итоги советской политики в отношении арабо-израильского конфликта за период чуть более десяти лет, следует отметить, что совпадение советского подхода по многим позициям с арабскими взглядами, а зачастую и его формирование под непосредственным влиянием радикального руководства Египта и Сирии способствовало укреплению доверительных отношений с арабскими режимами зоны конфликта. Но для Египта (ОАР) и Си-

рии главным и основным в сотрудничестве с СССР оставался вопрос обеспечения непрерывного потока советских вооружений и прямой советской военной помощи как в освоении новейших видов оружия, так и в подготовке национальных военных кадров. В периоды военной фазы конфликта арабы рассчитывали на прямое участие советских вооруженных сил в военных действиях на их стороне. Уклонение от этих требований наносило Советскому Союзу большой имиджевый ущерб, несмотря на огромные объемы экономической и военной помощи, предоставлявшейся арабским странам, и на все политические усилия по их поддержке в конфликте с Израилем. Согласие на базирование советских военно-морских сил на территории арабских стран было получено лишь тогда, когда их руководство после поражения в июньской войне 1967 г. сочло, что присутствие советского флота будет полезно для ограничения американского вмешательства в случае возобновления военных действий с Израилем.

Уровень взаимодействия арабских стран с СССР в том, что касается их планов и намерений в конфликте с Израилем, оставался невысоким. У Советского Союза не было возможности контролировать своих арабских союзников и предотвращать их особенно рискованные действия, как, например, в майском кризисе 1967 г., повышавшие угрозу военного столкновения с Израилем. Г.А. Насер, которого в Москве считали особенно ценным союзником, никогда не закрывал дверь для сотрудничества с США, несмотря на всю его антиамериканскую риторику в контактах с советскими представителями. Он отдавал себе отчет, что в конфликтной ситуации только американцы способны заставить Израиль пойти на компромиссы с арабами. В процессе поисков формулы установления мира на Ближнем Востоке после Шестидневной войны Насер в конечном итоге склонился к поддержке проекта, разработанного совместно американцами и англичанами, несмотря на то, что именно советские предложения полностью отвечали арабским интересам.

Исключительно проарабская позиция СССР порождала атмосферу крайнего недоверия в отношениях с Израилем, усугублявшуюся советско-израильским конфликтом на почве эмиграционных запретов для советских евреев. Политический капитал, кото-

рый принесла СССР поддержка создания еврейского государства в 1947 г., был практически исчерпан к 1967 г. Свою единственную опору в обеспечении безопасности, в сохранении и развитии своей государственности Израиль видел только в США. Прекращение дипломатических отношений с СССР не наносило большого ущерба Израилю, тогда как советские перспективы на участие в урегулировании конфликта сужались.

Оценивая советское проникновение на Ближний Восток, нельзя не сказать, что его результаты были неоднозначны как для ситуации в регионе, так и для советских внешнеполитических интересов. Советский Союз вступил в зону конфликта на Ближнем Востоке посредством так называемой «чехословацкой сделки» – соглашения о поставках в Египет больших партий оружия, заключенного через Чехословакию. В конфликтной ситуации вооружение арабских стран провоцировало Израиль на все большее повышение планки в своих запросах на поставки оружия сначала из европейских стран, а затем из США. В конечном итоге именно с вооружения сторон конфликта их покровителями началась гонка вооружений на Ближнем Востоке, отвлекавшая огромные ресурсы от нужд экономического и социального развития стран региона.

Во время военных фаз конфликта советское руководство прибегало к довольно жесткой демонстрации своих силовых возможностей в целях прекращения военных действий. Советские «ракетные ноты» оказали свое психологическое воздействие на страны-интервенты во время Суэцкого кризиса в 1956 г. Опасность советского военного вмешательства на стороне арабских стран была одной из важных причин, заставивших Израиль прекратить военные действия в 1967 г. Но при этом создавались очень высокие риски столкновения советских вооруженных сил с базировавшимися в Средиземноморье силами НАТО, прежде всего с американскими ВМС. А это несло в себе уже непосредственную угрозу безопасности СССР. Миссии по спасению арабов обходилась Советскому Союзу ценой принесения в жертву самых существенных собственных интересов.

Именно эта опасная ситуация заставила советское руководство включиться в поиски путей установления мира политическими средствами. За десятилетие, прошедшее после предыдущей воен-

ной вспышки на Ближнем Востоке в 1956 г., роль СССР как стороны, напрямую вовлеченной в дела региона, значительно возросла. Теперь СССР выступил в качестве непосредственного партнера США в совместных усилиях для достижения прекращения огня на Ближнем Востоке в июне 1967 г., что стало важной предпосылкой для дальнейшего советско-американского сотрудничества в разработке формулы мира в рамках ООН. Резолюция № 242, принятая Советом Безопасности ООН, хоть и не стала результатом этого сотрудничества, но в ней нашли отражение принципиальные советские позиции о недопустимости приобретения территорий силой, об обеспечении территориальной целостности и политической независимости государств региона, о приоритетной роли ООН в примирении сторон конфликта. Это был важный международно-правовой документ, практическая реализация которого столкнулась с большими трудностями. Дело было не только в упорстве сторон, рассчитывавших добиться своих целей силовым путем. Каждая из них опиралась на поддержку своих покровителей – СССР и США, для которых приоритетной задачей в арабо-израильском конфликте становилось не столько его прекращение, сколько его использование в интересах своей глобальной политики. В результате арабо-израильское военное противостояние затянулось на шесть лет, истощая ресурсы обеих сторон и порождая многочисленные жертвы среди военных и мирного населения. Оно не могло не привести к новой военной вспышке в октябре 1973 г.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Опубликованные документы

- Доклад Президиума ЦК КПСС на октябрьском пленуме 1964 г. // Вестник архива Президента Российской Федерации. № 2. 1998. С. 102–105. URL: <https://topliba.com/reader/704899>
- Беляков В.В. Брежнев и Насер 1965–1970. Из истории советско-египетских отношений. Документы и материалы. Алетейя. 2021.
- Ближневосточный конфликт. Из документов Архива внешней политики Российской Федерации. Т. 1 – 1947–1956 гг., т. 2 – 1957–1967 гг. Отв. ред. Наумкин В.В. М.: Международный фонд «Демократия», 2003.
- Брежнев Л.И. Лениным курсом. Речи и статьи. Т. 2. М.: Изд-во политической литературы, 1970.
- Внешняя политика Советского Союза. Сборник документов. 1966. М.: Международные отношения, 1967.
- XX съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. 1. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1956.
- Материалы XXII съезда КПСС. М.: Изд-во политической литературы, 1961.
- Морозов Б. Еврейская эмиграция в свете новых документов. Тель-Авив. 1998.
- Советско-израильские отношения. Сборник документов. 1941–1953. Т. 1–2. М.: Международные отношения, 2000.
- СССР и арабские страны. 1917–1960 гг. Документы и материалы. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1961.
- СССР и ближневосточное урегулирование. 1967–1988. Документы и материалы. М.: Изд-во политической литературы, 1989.
- Хрущев Н.С. Речь на Четвертой сессии Верховного Совета СССР четвертого созыва 29 декабря 1955 г. М.: Госполитиздат, 1956.
- International Documents on Palestine 1967. The Institute for Palestine Studies, Beirut. 1970.
- Ro'i Y. From Encroachment to Involvement. A Documentary Study of Soviet Policy in the Middle East 1945–1973. NY, Toronto: John Wiley & Sons; Jerusalem: Israel University Press, 1974.
- The Israel-Arab Reader. A Documentary History of the Middle East conflict. Ed. by Laqueur W. and Rubin B. L.: Penguin Books. 2008.

Архивные материалы

Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 087. Ф. 089. Ф. 029.
Российский государственный архив новейшей истории. Фонд 5.

CIA library electronic reading room. URL: <https://www.cia.gov/library/reading-room/home>

Dwight D. Eisenhower Administration (1953–1960); John Kennedy Administration (1961–1963); Lyndon B. Johnson Administration (1963–1968) // Foreign Relations of the United States. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments>

The Suez Crisis. A Brief Comint History. Special series crisis collection. Vol. 2. March 2018. P. 16. URL: <https://www.archives.gov/files/declassification/iscap/pdf/2013-117-doc01.pdf>

Мемуары

Ближний Восток. Командировка на войну. Советские военные в Египте. М.: ИВ РАН, ИСАА, 2009.

Брутенц К.Н. Тридцать лет на Старой площади. М.: Международные отношения, 1998.

Виноградов В. Египет: смутная пора. Записки посла СССР // Знамя. 1988. Декабрь. № 12.

Гринеvский О. Сценарий для третьей мировой войны. Как Израиль чуть не стал ее причиной. М.: Олма-Пресс, 2002.

Гринеvский О. Тайны советской дипломатии. М.: Изд-во «Вагриус», 2000.

Громыко А.А. Памятное. Т. 1–2. М.: Изд-во политической литературы, 1990.

Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М.: Автор, 1996.

Егорычев Н.Г. Интервью // Огонек. № 6. 1989.

Кирпиченко В.А. Из архива разведчика. М.: Международные отношения, 1993.

Командировка на войну. Советские военные в Египте. М.: Институт востоковедения РАН, ИСАА МГУ, 2009.

Колотуша В.И. Без грифа секретности или байки старого толмача. М.: Изд-во «Весь мир», 2020.

Микоян А.И. Так было. Размышления о минувшем. М.: Центрполиграф, 2014.

Наркисс У. Иерусалим – единственный. Иерусалим: Шамир, 1978.

Попов М.П. Тридцать семь лет на Ближнем Востоке. Записки дипломата. М.: МГИМО (У), 2002.

Сирийский плацдарм. Воспоминания советских военных советников в Сирии / Авт.-сост. Почтарев А.Н.. М.: Кучково поле, 2016.

Тогда в Египте... Книга о помощи СССР Египту в военном противостоянии с Израилем. Отв. ред. Мейер М.С., Пак В.М., Филоник А.О. М.: ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова. 2001.

Федоренко Н.Т. Дипломатические записи. М.: Советский писатель, 1972.

Чувахин Д. Израиль накануне разрыва дипломатических отношений с СССР в 1967 г. // *Международная жизнь*. 1994. № 9.

Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М.: Родина, 2019.

Dayan M. Story of My Life. An Autobiography. Warner Books. NY. 1976.

Eban A. Personal Witness: Israel Through My Eyes. New York: Putnam, 1992.

El-Sadat Anwar. In Search of Identity. An Autobiography. Glasgow. William Collins Sons&Co Ltd. 1978.

Heikal M. Nasser. The Cairo Documents. New English Library. 1973.

Heikal M. The Sphinx and the Commissar. NY: Harper & Row Publishers, 1978.

Heikal M. The Road to Ramadan. NY: Ballantine Books, 1975.

Heikal M. Secret Channels. The inside story of Arab-Israeli Peace Negotiations. L.: Harper Collins Publishers, 1996.

Israelyan V. Inside the Kremlin during the Yom Kippur War. University Park, PA: The Pennsylvania State University Press, 1995.

Khrushchev Remembers. NY: Bantam Books, 1971.

Kissinger H. Years of Upheaval. Boston-Toronto. 1982.

Lloyd S. Suez 1956. A Personal Account. L.: Corronet Books, 1980.

Meir G. My Life. L. Future Publications Ltd. 1979.

Peres S. Battling for Peace. Memoirs. L. Orion Books Ltd. 1995.

Rabin Y. The Rabin Memoirs. Boston: Little, Brown, 1979.

Shevchenko A.N. Breaking with Moscow. NY: Ballantine Books, 1985.

Монографические исследования

Арабо-израильские войны (1948–1982). Арабский взгляд. М.: Яуза, Эксмо Пабл., 2008.

Бар-Зохар М. Бен-Гурион. Биография. Кн. I, II. Библиотека Алия. 1989.

Бергман Р. Восстань и убей первым. М.: Колибри, 2020.

Ближневосточная политика великих держав и арабо-израильский конфликт. Коллектив авторов. Н. Новгород: Ин-т стратегических исследований ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2008.

Блищенко И.П., Кудрявцев В.Д. Агрессия Израиля и международное право. М.: Международные отношения, 1970.

Богатуров А.Д., Аверков В.В. История международных отношений 1945–2008. М.: Аспект-Пресс, 2010.

Васильев А.М. Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. М.: Наука, 1993.

Войтиков С.С. Центральный Комитет. Высшее партийное руководство от Ленина и Плеханова до Хрущева. М.: Центрполиграф, 2019.

Говрин Й. Израильско-советские отношения 1953–1967. М.: Прогресс, 1994.

Горбатов О.М., Черкасский Л.Я. Борьба СССР за обеспечение прочного и справедливого мира на Ближнем Востоке (1967–1980). М.: Главная редакция восточной литературы, 1980.

- Государство Израиль. Справочник. Главная редакция восточной литературы изд-ва М.: Наука, 1986.
- Дауров Р.Д.* Долгая шестидневная война: победы и поражения СССР на Ближнем Востоке. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2009.
- Егорин А.З.* Египет нашего времени. М.: ИВ РАН, 1998.
- Звягельская И.* Ближневосточный клинч. Россия в конфликтах на Ближнем Востоке. М.: Аспект Пресс, 2014.
- Звягельская И.* История Государства Израиль. М.: Аспект Пресс, 2012.
- Звягельская И.* Роль военной верхушки в партийно-политической системе Израйля. М.: Наука, 1982.
- Звягельская И.Д., Карасова Т.А., Федорченко А.В.* Государство Израиль. М.: ИВ РАН, 2005.
- Звягельская И.* Ближневосточный клинч. Россия в конфликтах на Ближнем Востоке. М.: Аспект Пресс, 2014.
- Иванов К., Шейнис Н.* Государство Израиль. Его положение и политика. М.: Госполитиздат, 1958.
- Исаев В.А.* Внешнеэкономические связи между арабскими странами (1951–1975 гг.). М.: Наука, 1978.
- Исаев Г.Г., Сотниченко А.А. (eds.).* Ближний Восток: война и политика. М.: Марджани, 2010.
- История внешней политики СССР / Под ред. Громыко А.А., Пономарева Б.Н. Т. 2. М.: Наука, 1981.
- Карасова Т.* Блок Маарах в партийно-политической системе Израйля. М.: Наука, 1988.
- Карасова Т.А.* Политическая история Израйля. Блок Ликуд: прошлое и настоящее. М.: Наталис. Ин-т востоковедения РАН, 2009.
- Карасова Т.А.* Израиль и США: Основные этапы становления стратегического партнерства (1948–2014). М.: Аспект Пресс, 2015.
- Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. Ч. I и II. М.: Международные отношения, 2003.
- Костырченко Г.В.* Тайная политика от Брежнева до Горбачева. Ч. I и II. М.: Международные отношения, 2019.
- Масюкова И.В.* Очерки по истории еврейской эмиграции в СССР/СНГ в Израиль (1960-е – 1990-е гг.). М.: ИВ РАН, 2022.
- Нежинский Л.Н., Чельшев И.А.* О доктринальных основах советской внешней политики в годы «холодной войны» // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985 гг.). Новое прочтение. Отв. ред. Нежинский Л.Н. М.: Международные отношения, 1995.
- Носенко Т.В., Семенченко Н.А.* Напрасная вражда. Очерки советско-израильских отношений 1948–1991 гг. М.: ИВ РАН, 2015.
- Примаков Е.* Анатомия ближневосточного конфликта. М.: Мысль, 1978.
- Примаков Е.М.* Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). М.: Российская газета, 2006, 2012.

- Примаков Е.М.* История одного сговора. М.: Политиздат, 1985.
- Пырлин Е.Д.* Сто лет противоборства. М.: РОССПЭН, 2001.
- Пырлин Е.Д.* Трудный и долгий путь к миру. Взгляд из Москвы на проблему ближневосточного урегулирования. М.: РОССПЭН, 2002.
- Рокотов С.М.* Сионизм – орудие агрессивных империалистических кругов. М.: Международные отношения, 1983.
- Российско-израильские отношения. История и современность / Отв. ред. Карасова Т.А. М., 2012.
- Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века. Под ред. Золотарева В.А. М.: Кучково поле. Полиграфресурсы, 2000.
- Румянцев В.П.* США, Великобритания, СССР и Суэцкий кризис 1956 г. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2018.
- Рыжов И.В.* СССР и Государство Израиль. Нижний Новгород: ИСИ ННГУ, Вектор ТиС, 2008.
- Хазанов А.М., Олимпиев А.Ю.* Войны на Большом Ближнем Востоке. 1960-е – 2016. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2016.
- Хазанов А.М., Олимпиев А.Ю.* Дипломатия великих держав на Ближнем Востоке в годы холодной войны. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2018.
- Хрусталева М.А.* Международные отношения на Ближнем Востоке. М.: МГИМО, 2002.
- Шайкин В.И.* История создания и пути развития Воздушно-десантных войск. Рязань: Типография РВВДКУ, 2013.
- Шаттенберг С.* Леонид Брежнев. Величие и трагедия человека и страны. М.: РОССПЭН, 2018.
- Юрченко В.П.* Сирия: проблемы национальной безопасности (Военная политика и военной строительство в период правления ПАСВ 1963–2004 гг.). М.: ИИИиБВ, 2004.
- Barrass G.S.* The Great Cold War. A Journey through the Hall of Mirrors. Stanford, California: Stanford University Press, 2009.
- Bialer U.* Between East and West: Israel's Foreign Policy Orientation, 1948–1956. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Bar Joseph U.* The Watchman Fell Asleep. NY: State University of New York, 2005.
- Bar-Siman-Tov Y.* Israel, the Superpowers and the War in the Middle East. NY: Praeger Publishers, 1987.
- El Hussini M.M.* Soviet-Egyptian Relations, 1945–1985. L.: Macmillan, 1987.
- Dagan A.* Moscow and Jerusalem. Twenty years of Relations between Israel and the Soviet Union. London, New York. Toronto: Abelard-Schuman, 1970.
- Daigle C.* The Limits of Détente. The United States, the Soviet Union and the Arab-Israeli Conflict, 1969–1973. New Haven and London: Yale University Press, 2012.

- From June to October. The Middle East between 1967 and 1973. Ed. by Rabinovich I. and Shaked H. New Brunswick: Transaction Books, 1978.
- Ginor I., Remez G.* Foxbats over Dimona: The Soviets' Nuclear Gamble in the Six-Day war. Yale University Press. 2007.
- Ginor I. and Remez G.* The Soviet-Israeli War, 1967-1973: The USSR's Intervention in the Egyptian-Israeli Conflict. Oxford University Press/Hurst, 2017.
- Golan G.* Soviet Policies in the Middle East. From World War II to Gorbachev. Cambridge; NY: Cambridge University Press, 1990.
- Golan G.* The Soviet Union and National Liberation Movements in the Third World. Boston: Unwin Hyman, 1988.
- Govrin J.* The Six-Day War in the Mirror of Soviet-Israeli Relations. April-June 1967. The Hebrew University of Jerusalem. Research Paper № 61. December 1985.
- Halliday F.* The Middle East in International Relations. Power, Politics and Ideology. Cambridge University Press, 2010.
- Kipnis Y.* 1973 The Road to War. Charlottesville Virginia: Just World Books, 2013.
- Kyle K.* Suez. Britain's End of Empire in the Middle East. L., NY: I.B.Tauris & Co Ltd, 2011.
- Laron G.* The Six-Day War. The Breaking of the Middle East. New Haven and London: Yale University Press, 2017.
- Mearsheimer J. and Walt S.* The Israel Lobby and U.S. Foreign Policy. NY: Farrar, Straus and Giroux, 2007.
- Morris B.* The Righteous Victims: A History of the Zionist-Arab Conflict, 1881-2001. NY: Vintage Books, 2001.
- Oren M.* Six Days of War. June 1967 and the Making of the Modern Middle East. L.: Penguin Books, 2003.
- Quandt W.B.* Decade of Decisions. American Policy Toward the Arab-Israeli Conflict, 1967-1976. Berkeley: University of California Press, 1977.
- Quigley J.* The Six Day War and Israeli Self-Defense: Questioning the Legal Basis for Preventive War. Cambridge University Press, 2012.
- Rasler K., Thompson W., Ganguli S.* How Rivalries End. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2013.
- Safran N.* From war to war. The Arab-Israeli confrontation 1948-1967. NY: Pegasus, 1969.
- Segev T.* 1967. Israel, the War and the Year that Transformed the Middle East. L.: Abacus, 2007.
- Shevchenko A.N.* Breaking with Moscow. New York: Ballantine Books. 1985.
- Tessler M.* A History of the Israeli-Palestinian conflict. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1994.
- The Soviet Union and the June 1967 Six Day War. Ed. Ro'i Y., Morozov B. Washington: Woodrow Wilson International Center, 2008.

- Von Tunzelman A.* Blood and Sand. Suez, Hungary and Eisenhower's Campaign for Peace. Sydney: NSW, 2000.
- Wilford H.* America's great game. The CIA's secrete arabists and the shaping of the modern Middle East. Basic Books, 2013.
- Zelikow Ph.* Suez Deconstructed. An Interactive Study in Crisis, War and Peacemaking. Washington: Brookings Institution Press, 2018.

Статьи

- Баранец В.* Почему нашим асам в 1967 г. запретили бомбить Израиль. URL: <https://www.kp.ru/daily/26687.7/3710261/>
- Брутенц К.* О революционной демократии // Мировая экономика и международные отношения. 1968. № 3.
- Вавилов В.* Проблемы экономического сотрудничества СССР с Сирией // Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР № 11(102). М.: Наука, 1969.
- Карасова Т.А.* «Шестидневная война» 1967 г. в свете новых данных // Восток/Oriens. 2018. № 3.
- Мирский Г.И.* Творческий марксизм и проблемы национально-освободительных революций // Мировая экономика и международные отношения. 1963. № 2.
- Наринский М.М.* Советский Союз и арабо-израильская война 1973 г. // Новая и новейшая история. 2006. № 4.
- Нежинский Л.Н., Челышев И.А.* О доктринальных основах советской внешней политики в годы холодной войны // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985 гг.). Новое прочтение. Отв. ред. Нежинский Л.Н. М.: Международные отношения, 1995.
- Никитина Г.С.* Арабо-израильские отношения в период подготовки Израилем агрессии против арабских государств // Специальный бюллетень Ин-та востоковедения АН СССР № 4 (86). М.: Наука, 1968.
- Пелипась М.Я.* Суэцкий кризис 1956 г. // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. М.: Олма-Пресс, 2003.
- Примаков Е.М.* Ближневосточный курс России: исторические этапы // Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сб. статей. Отв. ред. Наумкин В.В., Попов В.В., Кузнецов В.А. ИВ РАН; ф-т мировой политики и ИСАА МГУ. М.: ИВ РАН, 2012.
- Розин А.* Сотрудничество Сирии и СССР в военно-морской области. Часть 1. Сирийский кризис 1957 г. URL: <http://alerozin.narod.ru/Syria57.htm>
- Растянников В., Симония Н.* Историческое значение и основные цели экономического сотрудничества СССР с развивающимися странами // Специальный бюллетень Ин-та востоковедения АН СССР № 11(102). 1969. М.: Наука.

- Хрусталеv М.* Некоторые проблемы военной политики ОАР // Специальный бюллетень Ин-та востоковедения АН СССР № 2 (118). М.: Наука, 1971.
- Chanes J.* The Lessons of the “Lavon Affair” // Forward, May 16, 2014. URL: <https://forward.com/opinion/198375/the-lessons-of-the-lavon-affair/>
- Golan G.* The Soviet Union and the October War // The October 1973 War. Politics, Diplomacy, Legacy. Ed. Siniver A. Hurst and Company Macmillan/UK. 2013.
- Laron G.* Cutting the Gordian Knot: The Post-WWII Egyptian Quest for Arms and the 1955 Czechoslovak Arms Deal. Cold War International History Project. Working Paper #55. The Wilson Center for Scholars. Washington. 2007. P. 5. URL: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/documents/publication/WP55_WebFinal.pdf
- Laron G.* The Historians’ war over the six-day war. URL: <https://thenation.com/article/historians-war-six-day-war/>
- Popp R.* Stumbling decidedly into the Six-Day war // Middle East Journal. Vol. 60. № 2. Spring 2006.
- Robarge D.* CIA Analysis of the 1967 Arab-Israeli War. URL: https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/csi-studies/studies/vol49no1/html_files/arab_israeli_war_1.html#_ftn8
- Rucker L.* The Soviet Union and the Suez crisis // The 1956 War, Collusion and Rivalry in the Middle East. Frank Cass. 2001.
- Siskind Sh.* Israel and the Great Powers: The Unsung Cold War Role // Middle East Quarterly. Spring 2020. URL: <https://www.meforum.org/middle-east-quarterly/pdfs/60505.pdf>
- Walt S.M.* Everyone’s favorite historical analogy makes for disastrous foreign policy today // Foreign Policy. March 12, 2018.

Диссертационные исследования

- Пестич С.С.* СССР и проблемы ближневосточного урегулирования: вторая половина 1960-х – первая половина 1970-х гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2019.
- Скосырев А.В.* Стратегия и тактика Израиля в отношении палестинской проблемы на рубеже XX–XXI веков. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2015.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамов А.Н.** 132
Акабский залив 58, 88, 110, 111, 141, 143, 210, 211, 213, 214, 220, 222, 265, 279
Аллон И. 279
АМАН (военная разведка Израиля) 176, 177
Амер А.Х. 130, 160–162, 192, 208, 217, 219, 240, 276
Амит М. 224, 225
Андерсен Р. 224
Ареф А.Р. 270
Ассоциация пользователей Суэцким каналом 66
Асуанская плотина 63, 64, 129, 130
- БААС** (Партия арабского социалистического возрождения) 144, 168, 169, 171, 190
Багдадский пакт 30, 38, 39, 41, 48, 58, 61, 62, 132, 133
Бадран Шамс эд-Дин 216, 217
Бен Барка Мехди 176, 177
Бен-Гурион Д. 23, 25, 36, 37, 70, 72, 86, 88, 89, 112, 121, 133, 135–138, 179, 180, 230
Бергман Р. 239
Битар С. 143
Брежнев Л.И. 12, 160–162, 171, 172, 196, 205, 207, 210, 216, 217, 226, 228, 231, 242, 263–267, 270–272, 280, 287, 301
Брутенц К.Н. 13, 117, 166, 178, 204
Булганин Н.А. 45, 60, 84, 88
Бургиба Х. 183, 184
Бумедьен Х. 265, 267, 270
Васильев А.М. 6, 14, 118, 205, 243
Вейцман Э. 189
Вильсон Г. 219
Виноградов С.А. 298
Виноградов В.М. 13
- Вышинский А.Я.** 34, 35
- Газа сектор** 88, 110, 112
Голанские высоты 221, 232, 279
Голдберг А. 235, 292, 293, 303, 306, 308, 310
де Голль Ш. 219, 284
Горшков С.Г. 162, 163, 226
Гречко А.А. 168, 207, 216, 217, 226, 243
Громыко А.А. 13, 123–125, 137, 167, 168, 172, 175, 198, 199, 202, 210, 211, 223, 229, 243, 283, 289, 291, 292, 296, 301, 309
- Даллес А.** 73, 74
Даллес Дж.Ф. 29, 45, 54, 56, 64, 66, 73, 74, 120, 123, 124, 141
Даян М. 13, 86, 224, 232, 279
Джонсон Л. 161, 201, 202, 211, 213, 218–220, 225, 229, 233–235, 237, 239, 287, 288, 290, 296, 300, 303, 304, 307–309
Добрынин А.Ф. 13, 167, 183, 201, 202, 243, 292, 293, 304
Доктрина Эйзенхауэра 10, 28, 110, 113, 115, 117, 118, 121, 125, 133
- Егорин А.З.** 14, 239
Егорычев Н.Г. 242, 243
Ерофеев В.Я. 184
- Женевское совещание министров иностранных дел великих держав** (1955 г.) 46
Жуков Г.К. 79
- Захаров М.В.** 273, 274
- Ивашутин П.И.** 215
Иден Э. 45, 61, 64, 71, 72, 87

Иерусалим 16, 27, 31, 58, 187, 189, 221, 277, 279, 281, 290, 291, 295, 299, 303

Инцидент с судном «Бат Галим» 37

Иордан река 28, 33, 142, 144, 145, 174, 189, 278, 279, 281, 305

Иордания 76, 82, 109, 110, 117, 118, 122, 124, 126, 134, 141, 144, 148, 172–174, 176, 185, 193, 204, 221, 226, 278, 279, 283, 287, 294, 297, 301, 308, 309, 314

Ирак 7, 30, 51, 80, 117, 118, 122, 125–129, 132, 141, 177, 191, 221, 226, 228, 262, 271, 293, 294, 301

Израэлян В.Л. 13, 243

Йемен 176, 209

Йост Ч. 224

Карадон лорд 306, 307, 310

Кац К. 194, 199, 223, 236

Каганович Л.М. 117

Кеннеди Дж.Ф. 131, 139, 147

Кибия 27, 33

Кирпиченко В.А. 13, 39, 168, 269

Китай (КНР) 63, 77, 119, 130, 161, 175, 232, 267,

Константинопольская конвенция 1888 г. 66, 113, 147

Конференция в Бандунге 40

Косыгин А.Н. 161, 172, 192, 196, 198, 211, 216, 218, 219, 226, 227, 229, 233, 235, 237–239, 242, 243, 270, 277–279, 283–286, 288, 296, 303, 307, 309

Коэн Э. 177

Куватли Шукри 79

Кузнецов В.В. 137, 310

Ларон Г. 17, 175, 188, 189

Лашенко П.Н. 274

Ливан 7, 33, 62, 117, 118, 122, 124, 134, 141, 144, 149, 150, 172, 173, 189

Ллойд С. 76, 87

Лондонская конференция по Суэцкому вопросу 67, 68

Лотц В. 177

Макнамара Р. 225, 234

Маленков Г.М. 27, 117

МАПАЙ 23, 179

Меир Г. 13, 89, 137, 145

Микоян А.И. 134

Молотов В.М. 12, 26, 45, 48, 53, 55, 57, 59, 84, 117

Мохиэддина З. 224

Нагиб М. 39

Наркис У. 189

Насер Г.А. 10, 12, 13, 29–31, 37–44, 47, 49, 50, 54, 62–73, 81, 82, 87, 88, 90, 91, 94, 107, 109–111, 113, 118, 122, 126–130, 132, 138, 139, 142, 147, 150, 160, 161, 163–168, 172, 185, 188, 190–192, 194, 195, 199, 206–212, 214, 215, 217–219, 221, 223, 224, 229–231, 238, 240, 269–277, 288, 291, 294, 296, 298–302, 308, 309, 311, 315, 328

Немченко Л.Д. 41

Неру Дж. 70

Никитина Г.С. 178

ОАР (Объединенная Арабская Республика) 8, 118, 124, 126, 127, 130–132, 146, 147 150, 151, 160, 163, 168, 184, 194, 196, 207, 210, 212, 214, 216–219, 221, 223, 224, 226–229, 233, 263, 269, 270, 273, 274, 276, 277, 283, 286–291, 293, 294, 296–301, 305, 307, 309, 311, 313, 314, 327

Операция «Бриллиант» 177

Операция «Вихрь» 75, 77

Операция «Мушкетер» 76

Операция «Сусанна» 36, 37

Организации ООН по наблюдению за соблюдением перемирия в Палестине 34

Орен М. 17, 193, 219, 232, 237

План «Альфа» 31, 32, 45

План Джонстона 93, 114, 144, 145

Подгорный Н.В. 206, 226, 242, 269,
270, 273, 275, 277

Пожидаев Д.П. 218

Пономарев Б.Н. 178

Примаков Е.М. 14, 41, 42, 91, 121,
166, 169, 187, 192, 207, 216, 272,
294

Пырлин Е.Д. 14, 184, 223, 226, 243

Рабин И. 189, 204, 230

Раск Д. 202, 213, 219, 235, 292

Рафаэль Г. 200, 201

рейд в Газе 37, 38, 41, 56, 58

Решетников В.

Риад М. 296, 301

Садат А. 206

Саудовская Аравия 56, 110, 122, 176,
198

«северный ярус» обороны 28, 51

Семенов В.С. 200, 203, 206, 216

Семичастный В.Е. 242

Синайский полуостров (Синай) 88,
109, 111, 142, 189, 190, 206–210,
279

Сирия 6, 8–10, 12, 13, 23, 33, 34, 56,
58, 62, 76, 79, 92, 95, 107, 109, 122–
125, 127, 139, 140, 142–146, 148,
150, 151, 153, 168–174, 190–195,
197–201, 204–212, 219, 226, 228,
233–237, 241, 245, 246, 262, 271–
275, 279, 283, 286–288, 293, 294,
296, 309, 311, 313, 314, 323, 325,
327, 328

Сланский Р. 25

Солод Д.С. 22

Сталин И.В. 24, 26, 27

Стратегия «массированного возмез-
дия» 28

Суслов М.А. 128, 178, 242

Суэцкий канал 30, 34, 35, 37, 42, 44,
51, 58, 64–68, 70–73, 80, 83, 87, 91,
107, 109–113, 140, 142, 147, 186,
188, 228, 232, 265, 272, 273, 275,
276, 279, 283, 290, 302, 305

Тивериадское озеро (Кинерет) 144,
171

Тиранский пролив 111, 112, 190, 209,
211, 212, 214, 221, 223, 289, 290

Тито И.Б. 70, 163

Томпсон Л.И. 211, 234

Трехсторонняя декларация 21, 38, 47,
50, 146

Трумэн Г. 323

Турция 30, 40, 79, 123, 126, 234

Фавзи М. 206, 207, 289

ФАТХ (Движение за национальное
освобождение Палестины) 148, 171,
172, 175

Федоренко Н.Т. 199, 213, 228, 231,
232, 292

Фейсал (король Саудовской Аравии)
198

Хадж Амин аль-Хусейни 149

Хаммаршельд Д.– 59, 108

Хартум 296–298, 301

Хейкал М. 13, 41, 63, 79, 132, 192,
194, 221, 240, 272, 275, 298, 299,
312

Хелмс Р. 234

Хрушев Н.С. 9, 12, 42, 53, 60, 61, 65,
67, 75–79, 81, 84, 86, 89, 91, 116,
117, 119, 121, 126–130, 134, 149,
153, 160, 161, 163, 194, 245

Хусейн ибн Талал (король Иордании)
126, 173, 174, 190, 193, 197, 220,
221, 296, 298, 299, 301

«Чехословацкая сделка» 10, 39, 46, 92

Чувахин Д.С. 172, 179–182, 206, 218,
243, 244

Шаретт М. 23, 36, 48, 52, 53

Шарм эль-Шейх 88, 111

Шелепин А.Н. 160, 242

Шепилов Д.Т. 41, 42, 48, 59, 62–64,
66, 67, 73, 80, 83, 85

Шукейри А. 148

Эбан А. 199, 218, 279, 297, 303, 311

Эйзенхауэр Д. 10, 16, 28, 36, 38, 45,
73–75, 79, 84, 91, 110, 112, 116, 121,
141, 290

Эйлат 142, 185, 192, 211, 213, 221, 305

Эшкол Л. 179, 180, 184, 189, 197, 200,
209, 214, 218, 220, 222, 223, 225, 227

Югославия 70, 77, 126, 162, 241

Научное издание

Носенко Татьяна Всеволодовна

**АРАБО-ИЗРАИЛЬСКИЙ КОНФЛИКТ В РАКУРСЕ СОВЕТСКОЙ
ПОЛИТИКИ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПОТЕРИ (1950-е – 1967 гг.)**

Редактор *Л.Ю. Тенякова*

Технический редактор и верстальщик *Г.М. Абишева*

Дизайн обложки *П.А. Трошина*

Общероссийский классификатор продукции
ОК 034-2014 (КПЕС 2008):

58.11.12 – Книги печатные профессиональные, технические
и научные

Подписано в печать 17.10.2023. Формат 60×90/16

Усл. печ. л. 22. Тираж 500 экз. Зак. №

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН)
Научно-издательский центр, заведующий *А.О. Захаров*
107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН – на сайте <https://book.ivran.ru>

Сообщения об опечатках, ошибках и неточностях, обнаруженных в книгах,
изданных ФГБУН ИВ РАН, отправлять на адрес электронной почты izd@ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии ООО «Амирит»

410004, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88

Тел.: +7(800)700-86-33, +7(8452)24-86-33

E-mail: zakaz@amirit.ru. Вебсайт: <http://amirit.ru>

